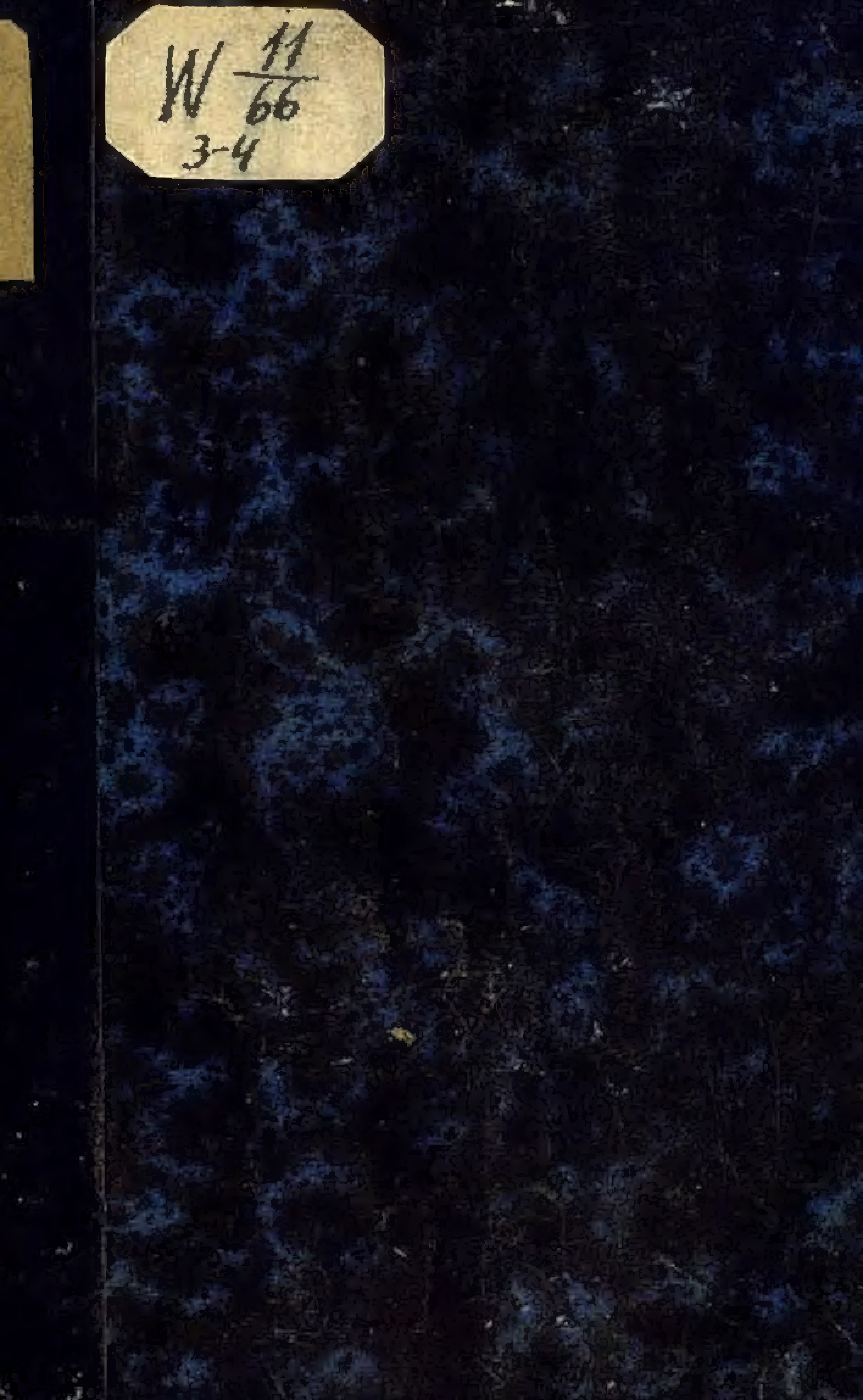

W 11/66
3-4

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III и IV.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1851.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ГЛАВА I.

Великій Князь Андрей.

г. 1169—1174.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отдавъ Смоленскому Князю. Сайгатъ или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки.

Андрей властвовалъ тогда въ четырехъ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской; *отчасти* въ Новогородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской (1); г. 1169. Области Андрея.

располагалъ областію Кіевскою; повелѣвалъ Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговскіе и Галицкій оставались независимы: Новгородъ также.

Мстиславъ Андреевичъ, утвердивъ дядю на престолѣ Кіевскомъ, спѣшилъ поздравить отца съ симъ важнымъ завоеваніемъ. Оставленный союзниками, Глѣбъ съ безпокойствомъ услышалъ о множествѣ Половцевъ, вступившихъ въ область Днѣпровскую (2). Изъявляя миролюбіе, Послы

Набѣгъ Половцевъ.

ихъ говорили: «Мы не хотимъ страшить «васъ; не хотимъ и васъ страшиться. При«сягнемъ же другъ другу въ любви и со«гласіи!» Но когда Глѣбъ осыпалъ дарами Половцевъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, чтобы скорѣе удалить опасность отъ двѣнадцатилѣтняго сына своего, Владиміра, княжившаго въ Переяславлѣ: въ то самое время другія толпы сихъ варваровъ, бывшія у Корсуня, жгли и грабили церковныя села, приписанныя къ Десятинному храму Богоматери. Глѣбъ, не имѣя готоваго войска, хотѣлъ съ малымъ числомъ гнаться за разбойниками, которые уже бѣжали къ степямъ своимъ; но Берендѣи не пустили его. «Государь Кіевскій (сказали они) не «выходитъ въ поле безъ сильной рати и «безъ союзниковъ. У тебя есть меньшій «братъ и мы, вѣрные слуги.» Князь Ми-

хаилъ Георгіевичь, взявъ 100 Переяславцевъ и 1500 Берендѣевъ, настигъ Половцевъ; умертвилъ ихъ стражу, и началъ битву. Берендѣи и тутъ оказали усердіе: схватили за узду коня Михаилова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идутъ впередъ, оставляя его за собою какъ твердую опору. «Враги (по словамъ Лѣтописца) превосходствовали числомъ, а наши мужествомъ: на всякое копіе Русское было десять Половецкихъ.» Знаменоносецъ Михаиловъ палъ въ рядахъ, и непріятели сорвали его хоругвь съ древка. Воевода Княжескій, наткнувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменоносца непріятельскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а третьимъ въ руку: Князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ 1500 плѣнныхъ, освободивъ великое число Русскихъ невольниковъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжить спокойно. Изгнанный изъ Кіева Мстиславъ Изяславичь, гордый, воинственный подобно родителю, считалъ свое изгнаніе минутнымъ безвремяньемъ и думалъ такъ же управиться съ сыновьями Долгорукаго, какъ Изяславъ II управлялся съ ихъ отцемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея Князя, Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ.

Владиміра Андреевича, ему измѣнившаго [3]. Владиміръ лежалъ на смертномъ одрѣ: города пылали, жителей тысячами отводили въ плѣнъ; въ числѣ ихъ попался въ руки непріятелю и знаменитый пѣстунъ Княжескій, Бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ обѣщаннаго вспоможенія отъ Глѣба, несчастный Владиміръ умеръ, и разоренная область его досталась Владиміру Мстиславичу, столь извѣстному вѣроломствомъ. Сей недостойный внукъ Мономаховъ, ознаменованный стыдомъ и презрѣніемъ, отверженный Князьями и народомъ, долго странствовалъ изъ земли въ землю, былъ въ Галичѣ, въ Венгріи, въ Рязани, въ степяхъ Половецкихъ; наконецъ прибѣгнулъ къ великодушію своего гонителя, Мстислава; вымолилъ прощеніе, и съ его согласія въѣхалъ въ
г. 1170. Дорогобужъ, давъ обѣтъ вдовствующей Княгинѣ и тамошнимъ Боярамъ не касаться ихъ имѣнія. На другой же день онъ преступилъ клятву, отнялъ у нихъ все, что могъ, и выгналъ горестную невѣстку, которая, взявъ тѣло супруга, повезла оное въ Кіевъ. Туда шелъ и Мстиславъ, усиленный дружинами Князей Городненскихъ, Туровскою и Владиміра Мстиславича; а нерадивый Глѣбъ, въ одно время свѣдавъ о кончинѣ Владиміра Андреевича и приближеніи Мстислава, отправилъ Игумена Поликарпа встрѣтить гробъ перваго и спѣ-

шилъ уѣхать въ Переяславль, ибо сомнѣвался въ вѣрности Кіевлянъ. Но Давидъ бодрствовалъ въ Вышегородѣ. Къ нему привезли тѣло Дорогобужскаго Князя, оставленное Боярами, которые не смѣли явиться въ Кіевѣ, гдѣ они не давно злодѣйствовали вмѣстѣ съ Суздальцами. Игуменъ Лавры, Поликарпъ, требовалъ воиновъ у Давида, чтобы вести за гробомъ коней Княжескихъ и держать знамя надъ онымъ. «Мертвымъ «нѣтъ нужды ни въ чести, ни въ знаменахъ,» отвѣтствовалъ Князь: «непріятель идетъ; моя «дружина готовится къ битвѣ: даю тебѣ только «Игуменовъ и Священниковъ.» Зная, что Мстиславъ уже близко, и что народъ волнуется въ Кіевѣ, Давидъ не пустилъ туда горестной супруги Владиміровой, для ея безопасности; самъ выжегъ окрестности своего города, и ждалъ непріятеля.

Мстиславъ безъ сопротивленія вошелъ въ Кіевъ. Граждане столицы и Берендѣи встрѣтили его какъ друга: первые искренно, вторые лицемѣрно, доброхотствуя Глѣбу. Не теряя времени, Мстиславъ приступилъ къ Вышегороду; сталъ предъ Златыми вратами, въ садахъ; бился съ утра до вечера, не жалѣя крови; хотѣлъ непремѣнно взять крѣпость. Но союзники измѣнили ему. Воевода Галицкій объявилъ мнимое повелѣніе своего Князя щадить людей и не стоять долго подъ Вышегородомъ. Другіе также охладѣли въ усердіи; а Берендѣи и Торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшеніе

войска, силу непріятеля, и слыша, что Глѣбъ идетъ съ Половцами къ Кіеву, Мстиславъ снялъ осаду; удалился въ Волынию съ горестію, однакожь не безъ надежды быть впредь счастливѣе. Онъ дѣйствительно не замедлилъ снова ополчиться, узнавъ, что его племянникъ, Василько Ярополковичь, разбитый Половцами, тѣснимый въ Михайловѣ (близъ Кіева), и принужденный искать мира, выѣхалъ въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матери); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія городокъ Михайловъ, истребляя всѣ памятники Мстиславова княженія въ странахъ Днѣпровскихъ. Но внезапная болѣзнь обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, онъ поручилъ сыновей брату Ярославу, взялъ съ него клятву не касаться ихъ Удѣловъ, и преставился въ Владимірѣ съ именемъ Властителя умнаго, бодраго. Лѣтописцы Польскіе, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустаго.

Кончина Мстислава.

Россія сѣверная въ тоже время была театромъ важнаго происшествія. Могущественный Андрей, покоривъ древнюю южную столицу Государства, думалъ смирить Новогородцевъ и тревожилъ ихъ чиновниковъ, которые ѣздили собирать подати за Онегою. Первыя непріятельскія дѣйствія

Война Андреева съ Новымгородомъ.

еще болѣе возгордили сихъ надменныхъ друзей вольности: они съ малымъ числомъ разбили на Бѣлѣозерѣ сильный отрядъ Суздальскій, и взяли дань съ Андреевой области ([4]). Тогда Великій Князь рѣшился однимъ ударомъ сразить ихъ гордыню. Князья Смоленскій, Рязанскій, Муромскій, Полоцкій, вторично соединили свои дружины съ его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная лѣтами, уже не пылала воинскимъ славолюбіемъ: онъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ратію, и въ надеждѣ на счастіе или мужество сына своего, Мстислава, снова ввѣрилъ ему начальство. Вся Россія съ любопытствомъ ожидала слѣдствій предпріятія грознаго, справедливаго по мнѣнію современниковъ безпристрастныхъ. «Правда» (говорили они), «что Ярославъ Великій, желая изъявить «Новогородцамъ вѣчную благодарность за ихъ «усердіе, даровалъ имъ свободу *избирать* себѣ «Князей изъ его достойнѣйшихъ потомковъ; но «сей Князь безсмертный предвидѣлъ ли всѣ зло«употребленія свободы? предвидѣлъ ли, что «народъ, упоенный самовластіемъ, будетъ ру«гаться надъ священнымъ саномъ Государей, «внуковъ и правнуковъ своего незабвеннаго бла«готворителя; будетъ давать клятву съ намѣре«ніемъ преступить оную; будетъ заключать Кня«зей въ темницу, изгонять ихъ съ безчестіемъ? «Злоупотребленіе уничтожаетъ право, и Великій «Князь Андрей былъ избранъ Небомъ для нака«занія вѣроломныхъ» ([5]). Читая въ лѣтописяхъ

такія разсужденія, можемъ заключить, что современники желали успѣха Андрею: одни по уваженію и любви къ достоинству Князей Россійскихъ, уничижаемыхъ тогда Новогородцами; другіе, можетъ быть, отъ зависти къ избытку и благосостоянію сего народа торговаго. Паденіе Кіева предвѣщало гибель и Новогородской независимости: шло тоже войско; тотъ же Мстиславъ велъ оное. Но Кіевляне, пріученные мѣнять Государей и жертвовать побѣдителю побѣжденнымъ, сражались только за честь Князя; а Новогородцы за права собственныя, за уставы отцевъ, которые бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вмѣсто того, чтобы грозить казнію однимъ главнымъ виновникамъ послѣдняго мятежа (ибо цѣлый народъ никогда самъ собою не дѣйствуетъ) или врагамъ изгнаннаго Святослава, за коего Великій Князь вступался: Мстиславъ Андреевичь въ области Новогородской жегъ села, убивалъ земледѣльцевъ, бралъ женъ и дѣтей въ рабство. Слухъ о такихъ злодѣйствахъ, вопль, отчаяніе невинныхъ жертвъ воспламенили кровь Новогородцевъ. Юный Князь ихъ, Романъ Мстиславичь, и Посадникъ Якунъ взяли всѣ нужныя мѣры для защиты (6): укрѣпили городъ тыномъ; вооружили множество людей. Непріятели, на трехъ стахъ верстахъ оставивъ за собою одинъ пепелъ и трупы, обступили Новгородъ, требуя, чтобы мятежники сдалися. Нѣсколько разъ съ обѣихъ сторонъ съѣзжались чиновники для пере-

говоровъ и не могли согласиться; въ четвертый день началася битва, кровопролитная, ужасная. Новогородцы напоминали другъ другу о судьбѣ Кіева, опустошеннаго союзнымъ войскомъ: о церквахъ разграбленныхъ, о святыняхъ и древностяхъ похищенныхъ; клялися умереть за вольность, за храмъ Софіи, и бялись съ остервенѣніемъ. Архіепископъ Іоаннъ, провождаемый всѣмъ Клиросомъ, вынесъ икону Богоматери и поставилъ на внѣшнемъ деревянномъ укрѣпленіи или острогѣ: Игумены, Іереи пѣли святыя пѣсни; народъ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй!* Стрѣлы сыпались градомъ: разсказываютъ, что одна изъ нихъ, пущенная воиномъ Суздальскимъ, ударилась въ икону; что сія икона въ то же мгновеніе обратилась лицемъ къ городу; что слезы капали съ образа на фелонъ Архіепископа, и что гнѣвъ Небесный навелъ внезапный ужасъ на полки осаждающихъ. Новогородцы одержали блестящую, совершенную побѣду, и приписавъ оную чудесному заступленію Маріи, уставили ежегодно торжествовать ей 27 Ноября праздникъ благодарности (7). Чувство живой Вѣры, возбужденное общимъ умиленіемъ, святыми церковными обрядами и ревностнымъ содѣйствіемъ Духовенства, могло весьма естественнымъ образомъ произвести сіе чудо, то есть,

Февраля 25.

вселить въ сердца мужество, которое, изумляя врага, одолѣваетъ его силу. Новогородцы видѣли въ Андреевыхъ воинахъ не только своихъ злодѣевъ, но и святотатцевъ богопротивныхъ: мысль, что за насъ Небо, дѣлаетъ храбраго еще храбрѣе. Побѣдители, умертвивъ множество непріятелей, взяли столько плѣнныхъ, что *за гривну отдавали десять Суздальцевъ* (какъ сказано въ Новогородской лѣтописи), болѣе въ знакъ презрѣнія, нежели отъ нужды въ деньгахъ. — Бѣгущій Мстиславъ былъ наказанъ за свою лютость: воины его на возвратномъ пути не находили хлѣба въ мѣстахъ опустошенныхъ ими, умирали съ голода, отъ болѣзней, и древній Лѣтописецъ говоритъ съ ужасомъ, что они тогда, въ *Великій постъ*, ѣли *мясо* коней своихъ.

Казалось, что Новогородцы, столь озлобленные Боголюбскимъ, долженствовали навѣки остаться его врагами; но (къ удивленію современниковъ), чрезъ нѣсколько
Мартъ. мѣсяцевъ изгнавъ Князя своего, Романа, они вошли въ дружелюбное сношеніе съ Андреемъ: ибо терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и другихъ вещахъ необходимыхъ, получаемыхъ ими изъ сосѣдственныхъ областей Россійскихъ. Четверть ржи стоила тогда въ Новѣгородѣ около рубля сорока-трехъ копеекъ нынѣшними серебряными деньгами (8). Довольные славою одержанной

побѣды, не желая новыхъ бѣдствій войны и щадя народъ, чиновники, Архіепископъ, люди нарочитые предложили миръ Боголюбскому, но тогдашнему выраженію, *на всей волѣ своей*, то есть, не уступая правъ Новогородскихъ: Великій Князь принялъ оный, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, вмѣсто умершаго Святослава, княжилъ въ Новѣгородѣ братъ его, Рюрикъ Ростиславичь, который господствовалъ въ Овручѣ, не хотѣлъ перемѣны, и единственно въ угодность Андрею выѣхавъ оттуда, приказалъ сей Удѣлъ Волынскій брату Давиду. Августа 8.

Сѣверныя области успокоились: въ южныхъ снова свирѣпствовали Половцы, которые на сей разъ пришли изъ за-рѣки Буга, отъ береговъ Чернаго моря. Глѣбъ Кіевскій, отягченный болѣзнію, не могъ защитить бѣдныхъ земледѣльцевъ; но храбрый Михаилъ и юный братъ его, Всеволодъ Георгіевичь, съ Торками и Берендѣями разбили хищниковъ. Воевода Михаиловъ, Володиславъ, далъ Князю совѣтъ умертвить плѣнныхъ: ибо другія толпы непріятелей были еще впереди. Сія жестокость казалась тогда спасительною мѣрою безопасности. Освободивъ 400 Россіянъ, сыновья Георгіевы возвратились оплакать кончину Глѣба, благоправнаго (по сказанію Лѣтописцевъ), вѣрнаго въ словѣ и милосердаго (9).

Набѣгъ Половцевъ.

Кончина Глѣба.

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить преемника Глѣбова, когда Ростиславичи, Давидъ и Мстиславъ, послали въ Волынію за дядею своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чтобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ нихъ, господствуя только именемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Луцкаго и сыновей его брата, Владиміръ, не сказавъ имъ
г. 1171, 15 Февраля. ни слова, уѣхалъ изъ Дорогобужа, и былъ возведенъ племянниками на Кіевскій престолъ, къ неудовольствію гражданъ и Боголюбскаго, который хотя унизилъ сію столицу, однакожь думалъ, что Князь, славный только вѣроломствомъ, не достоинъ именоваться наслѣдникомъ ея древнихъ Самодержцевъ (10). Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавшихъ
10 Мая. Смерть вѣроломнаго Владиміра. дядю, Андрей велѣлъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева; но Владиміръ, княживъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный криводушіемъ и всѣми презираемый: ибо не имѣлъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и мужества, коими другіе Князья, столь часто ему подобные въ вѣроломствѣ, закрашивали свои преступленія. Тогда Андрей, соединяя честолюбіе съ благороднымъ безкорыстіемъ, и какъ бы желая великодушіемъ устыдить Ростиславичей, объявилъ имъ, что они, давъ слово быть ему

послушными какъ второму отцу, имѣютъ право ждать отъ него милости, и что онъ уступаетъ Кіевъ брату ихъ, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностію Великаго Князя, Романъ поручилъ Смоленскъ сыну Ярополку и въѣхалъ въ столицу Кіевскую при изъявленіяхъ всеобщей радости жителей, любившихъ въ немъ добродѣтели отца его: справедливость и незлобіе. Онъ торжествовалъ вмѣстѣ и свое восшествіе на престолъ и побѣду, одержанную Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ (близъ урочища Олтавы и рѣки Ворсклы) надъ Кобякомъ и Кончакомъ, Ханами Половецкими. Юный Игорь самъ вручилъ ему *сайгатъ* или трофеи, въ знакъ уваженія; былъ одаренъ Ростиславичами и весело праздновалъ съ ними въ Вышегородѣ день Святыхъ Бориса и Глѣба [41].

Кіевъ отданъ Смоленскому Князю.

Іюль.

Сайгатъ или трофеи Половецкіе.

Не уважая Кіева, Андрей старался подчинить себѣ Новгородъ, уже не силою, но дружбою и справедливостію. Рюрикъ не долго былъ тамъ Княземъ: выгнавъ Посадника Жирослава (ушедшаго къ Боголюбскому), онъ не могъ жить съ гражданами въ мирѣ, и скоро уѣхалъ къ братьямъ. На его мѣсто Андрей съ удовольствіемъ далъ Новогородцамъ юнаго сына своего, Георгія, и самъ рѣшилъ ихъ важнѣйшія дѣла гражданскія, по коимъ Архіепископъ Іоаннъ

Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ.

ѣздилъ на совѣтъ къ нему въ Владиміръ. Народъ, въ угодность Великому Князю, снова призналъ Жирослава главнымъ своимъ чиновникомъ; а Великій Князь, въ угодность народу, согласился чрезъ годъ на избраніе другаго Посадника (12).

Война съ Болгарами. Въ то время Андрей имѣлъ опять войну съ Болгарами, желая ли отмстить имъ за какія обиды, или обогатиться добычею въ странѣ торговой. Рязанцы и Муромцы соединились съ его сыномъ, Мстиславомъ, на устьѣ Оки, и зимою пришли къ берегамъ Камы, но въ маломъ числѣ: ибо люди отбывали отъ зимняго похода, труднаго въ мѣстахъ большею частію ненаселенныхъ, гдѣ лежатъ глубокіе снѣга и часто свирѣпствуютъ мятели (13). Главный Воевода Андреевъ, Борисъ Жидиславичь, взявъ шесть Болгарскихъ деревень и седьмый городокъ, умертвивъ жителей, плѣнивъ женъ и дѣтей, совѣтовалъ Князьямъ итти назадъ. 6000 Болгаровъ гнались за ними и едва не настигли Мстислава близъ границы, верстахъ въ 20 отъ устья Оки. Сей Князь, возвратясь въ столицу, кончилъ жизнь въ юности. Пользуясь довѣренностію отца въ дѣлахъ ратныхъ, онъ безъ сомнѣнія отличался мужествомъ.

Ссора Андрея съ Ро- Горестный Андрей, оплакивая смерть достойнаго сына, не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, ни властолюбія.

Вѣроятно, что Рюрикъ, принужденный отказаться отъ Новагорода, винилъ въ томъ не одну строптивость его жителей, но и хитрость Великаго Князя, столь охотно взявшаго на себя быть ихъ Главою. Вѣроятно, что и Великій Князь, извѣдавъ гордость Ростиславичей, въ особенности Давида и Мстислава, искалъ случая унизить оную безъ явнаго нарушенія справедливости. По крайней мѣрѣ счастливое согласіе между ими не продолжилось. Вѣря, искренно или притворно, какому-то ложному внушенію, Андрей далъ знать Ростиславичамъ, что Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ не естественною смертію, и что тайнымъ убійцею его былъ Вельможа Григорій Хотовичь, коего они, вмѣстѣ съ другими участниками сего злодѣянія, должны прислать къ нему въ Владиміръ для казни (14). Романъ не сдѣлалъ того изъ жалости къ людямъ невиннымъ, безсовѣстно оклеветаннымъ; а гнѣвный Андрей, велѣвъ Ростиславичамъ выѣхать изъ областей южныхъ, отдалъ Кіевъ храброму Михаилу, княжившему въ Торческѣ. Тихій Романъ не спорилъ и возвратился въ Смоленскъ; но его братья, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ, жаловались на сію несправедливость, и видя, что Великій Князь презираетъ ихъ жалобы, вступили ночью въ Кіевъ, захватили тамъ Всеволода Георгіевича вмѣстѣ съ племянникомъ Андрее-

Ссора съ Ростиславичами.

г. 1173.

вымъ, Ярополкомъ ([15]); осадили Михаила въ Торческѣ, и заключили съ нимъ особенный миръ, уступивъ ему Переяславль, а себѣ взявъ столицу Кіевскую, гдѣ Рюрикъ, возведенный братьями на ея престолъ, хотѣлъ господствовать независимо отъ Андрея. Въ сіе время жилъ у Михаила юный Князь Галицкій, Владиміръ Ярославичь, сынъ его сестры, Ольги Георгіевны. Ярославъ, имѣя слабость къ одной злонравной женщинѣ, именемъ Анастасіи, не любилъ супруги, и такъ грубо обходился съ нею, что она рѣшилась бѣжать съ сыномъ въ Польшу. Многіе Бояре Галицкіе, доброхотствуя ей, дерзнули на явный бунтъ: вооружили народъ, умертвили нѣкоторыхъ любимцевъ Княжескихъ, сожгли Анастасію, заточили ея сына и невольно примирили Ярослава съ супругою. Миръ, вынужденный угрозами и злодѣйствомъ, не могъ быть искреннимъ: усмиривъ или обуздавъ мятежныхъ Бояръ, Ярославъ новыми знаками ненависти къ Княгинѣ Ольгѣ и къ Владиміру заставилъ ихъ вторично уйти изъ Галича. Владиміръ искалъ покровительства Ярослава Изяславича Луцкаго и его племянниковъ, обѣщавъ имъ со временемъ возвратить Волынскіе города, Бужскъ и другіе; но Князь Галицкій требовалъ, чтобы они выдали ему сего несчастнаго, и грозился опустошить пламенемъ всю об-

Происшествія въ Галичѣ.

ласть Луцкую (16). Тогда Владимiръ прибѣгнулъ къ своему дядѣ Михаилу; а Михаилъ, не пустивъ его ни къ Святославу Черниговскому (тестю Владимiрову), ни къ Андрею, велѣлъ ему, въ угодность Ростиславичамъ, друзьямъ Князя Галицкаго, возвратиться къ отцу, готовому простить сына. За то Рюрикъ освободилъ Всеволода Георгiевича, удержавъ одного Ярополка плѣнникомъ въ Кiевѣ: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну съ Андреемъ, хотѣли имѣть важнаго аманата въ рукахъ своихъ. Братъ Ярополковъ, высланный ими изъ Триполя, долженъ былъ уѣхать въ Черниговъ (17).

Святославъ Черниговскiй и всѣ Олеговы внуки радовались междоусобiю Мономахова потомства. «Не уже ли не вступиться за «честь свою!» говорили ихъ Послы Великому Князю: «враги твои суть наши; мы «всѣ готовы къ войнѣ.» Андрей, еще болѣе подвигнутый ими на злобу, отправилъ Княжескаго Мечника, именемъ Михна, сказать Ростиславичамъ: «Вы мятежники. Область «Кiевская есть мое достоянiе. Да удалится «Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату, а Давидъ «въ Берладъ: не хочу терпѣть его въ землѣ «Русской, ни Мстислава, главнаго виновника злу.» Сей послѣднiй, какъ пишутъ современники, навыкъ отъ юности не бояться никого, кромѣ Бога единаго (18).

Свойство Мстислава Храбраго.

Въ пылкой досадѣ онъ велѣлъ остричь голову и бороду Послу Андрееву. «Теперь иди къ своему «Князю,» сказалъ Мстиславъ: «повтори ему «слова мои: доселѣ мы уважали тебя какъ отца; «но когда ты не устыдился говорить съ нами «какъ съ твоими *подручниками* и людьми про-«стыми, забывъ нашъ Княжескій санъ, то не «страшимся угрозъ; исполни оныя: идемъ на «судъ Божій.» Свѣдавъ безчестіе своего Посла и сей гордый отвѣтъ, Андрей, по выраженію Лѣтописца, омрачился гнѣвомъ, и собравъ 50,000 воиновъ Суздальскихъ, Бѣлозерскихъ, Новогородскихъ, Муромскихъ, Рязанскихъ, вручилъ предводительство юному Георгію Новогородскому, тогда уже единственному его сыну, и Вельможѣ Борису Жидиславичу. Онъ велѣлъ имъ изгнать Рюрика съ Давидомъ, а дерзкаго Мстислава привести въ Владиміръ. Рать, столь многочисленная, была еще усилена дружинами всѣхъ иныхъ Князей, подчиненныхъ Андрею: Кривскихъ или Полоцкихъ, Туровскаго, Городненскаго, Пинскаго, даже и Смоленскаго: ибо Романъ не смѣлъ ослушаться Великаго Князя, сколь ни любилъ братьевъ. Всѣ полки соединились въ Черниговской области, и старшій изъ Князей, Святославъ, внукъ Олеговъ, принялъ главное начальство. Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи, вмѣстѣ съ тремя племянниками, встрѣтили ихъ на берегу Днѣпра. Они вступили въ Кіевъ безъ сопротивленія: ибо Рюрикъ удалился оттуда въ Бѣлгородъ, а Мстиславъ съ Давидо-

вымъ полкомъ заключился въ Вышегородѣ: самъ же Давидъ уѣхалъ въ Галичь требовать вспоможенія отъ Ярослава Владимірковича. Взявъ съ собою еще множество Кіевлянъ, Берендѣевъ, Торковъ, Святославъ Черниговскій и болѣе двадцати Князей осадили Вышегородъ. Шумный, необозримый станъ ихъ былъ предметомъ удивленія для жителей Днѣпровскихъ. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстію людей, казалась цѣлію недостойною такого великаго ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но въ сей ничтожной крѣпости бодрствовалъ Герой, а въ станѣ осаждающихъ не доставало ни усердія, ни согласія. Одни Князья не любили самовластія Андреева, другіе коварства Святославова; нѣкоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичамъ. Стояли девять недѣль, отъ 8 Сентября до самой глубокой осени; бились ежедневно, съ обѣихъ сторонъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мстиславъ ожидалъ Галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславичь Луцкій, также союзникъ Андреевъ. Сей Князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ хотѣлъ столицы Кіевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, которые охотно

Осада Вышегорода.

согласились на все его требованія. Когда же Ярославъ явно взялъ ихъ сторону и съ полками своими двинулся къ Бѣлугороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ, станъ осаждающихъ представилъ зрѣлище удивительной тревоги и наконецъ всеобщаго бѣгства. Не слушая ни Воеводъ, ни Князей, малодушные вопили: «мы гибнемъ! «Ярославъ измѣнилъ, Берендѣи измѣнятъ, Галичане идутъ; будемъ окружены, побиты на голову!» и ночью бросались толпами въ рѣку. Герой Мстиславъ стоялъ на стѣнѣ: при свѣтѣ утренней зари видя сіе непонятное бѣгство войска многочисленнаго, какъ бы сверхъестественною силою гонимаго, низвергаемаго во глубину Днѣпра, онъ едва вѣрилъ глазамъ — поднялъ руки къ небу; восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышегорода, Бориса и Глѣба; сѣлъ на коня и спѣшилъ довершить ударъ; топилъ, плѣнялъ людей; взялъ станъ непріятельскій, обозы — и съ того времени считался храбрѣйшимъ изъ Князей Россійскихъ. Лѣтописцы, осуждая надменность Андрея и союзъ его съ Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносятъ хвалами Мстислава, ознаменованнаго чудеснымъ покровительствомъ Неба въ ратоборствѣ съ сильными.

Ярославъ Луцкій въѣхалъ въ Кіевъ, а сынъ Андреевъ возвратился въ Суздальскій Владиміръ съ неописаннымъ стыдомъ, безъ сомнѣнія весьма чувствительнымъ для отца; но умѣя повелѣвать движеніями своей души, Андрей не изъявилъ

ни горести, ни досады, и снесъ уничиженіе съ кротостію Христіанина, приписывая оное, можетъ быть — равно какъ и бѣдственную осаду Новагорода — гнѣву Божію на Суздальцевъ за опустошеніе святыхъ церквей Кіевскихъ въ 1169 году. Сія мысль смирила, кажется, его гордость. Онъ не хотѣлъ упорствовать въ злобѣ на Ростиславичей, не думалъ мстить Ярославу за измѣну и не мѣшалъ ему спокойно властвовать въ Кіевѣ, къ прискорбію Святослава Черниговскаго, коего искусство государственное состояло въ томъ, чтобы ссорить Мономаховыхъ потомковъ. Сей Князь, не имѣя надежды вооружить Андрея, началъ требовать Удѣла отъ Ярослава, говоря: «Ты обѣщалъ подъ Вышегородомъ дать «мнѣ область, когда сядешь на престолѣ «Святаго Владиміра; нынѣ, сидя на ономъ — «право ли, *криво* ли, не знаю, — исполни «обѣщаніе. У насъ одни предки: я не Ляхъ, «не Угринъ.» Ярославъ сухо отвѣтствовалъ, что онъ господствуетъ въ Кіевѣ не по милости Ольговичей, и что родъ ихъ долженъ искать Удѣловъ только на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князь Черниговскій замолчалъ; но въ тишинѣ собралъ войско, внезапно изгналъ Ярослава, плѣнилъ его жену, сына, Бояръ, и ограбивъ дворецъ, ушелъ назадъ. Кіевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя, въ ожиданіи, кто

г. 1174. Коварство Черниговскаго Князя.

захочетъ быть ихъ Княземъ. Ярославъ возвратился; и думая, что они сами тайно призвали Святослава, обложилъ данію всѣхъ гражданъ, даже Поповъ, Монаховъ, иноземныхъ купцевъ, Католиковъ (19). «Мнѣ надобно серебро, чтобы выкупить жену и сына,» говорилъ озлобленный Князь, и наказавъ Кіевлянъ, виновныхъ единственно своею къ нему холодностію, заключилъ миръ съ Святославомъ, который жегъ тогда область брата, Олега Сѣверскаго.

Сей миръ казался Ростиславичамъ малодушіемъ, а тягостная дань, возложенная на Кіевъ, несправедливостію. Огорченные Андреемъ, но внутренно уважая въ немъ старѣйшаго изъ Князей, достойнаго быть ихъ Главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшее и взаимнымъ искреннимъ согласіемъ успокоить южную Россію: для того хотѣли, чтобы Великій Князь, какъ ея законный покровитель, снова уступилъ Кіевъ Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, не любимаго народомъ и неспособнаго блюсти древнюю столицу Государства. Андрей, довольный ихъ уваженіемъ, обѣщалъ посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеволодомъ; писалъ къ нимъ въ Торческъ, и не дождался отвѣта, кончивъ жизнь отъ руки своихъ любимцевъ.

Великій Князь, женатый — по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ ([20]) — на дочери убіеннаго Боярина Кучка, осыпалъ милостями ея братьевъ. Одинъ изъ нихъ приличился въ какомъ-то злодѣйствѣ, и заслужилъ казнь. Другой, именемъ Іоакимъ, возненавидѣлъ Государя и благотворителя за сіе похвальное дѣйствіе правосудія; внушалъ друзьямъ своимъ, что имъ будетъ со временемъ такая же участь; что надобно умереть или умертвить Князя, ожесточеннаго старостію; что безопасность есть законъ каждаго, а мщеніе должность ([21]). Двадцать человѣкъ вступили въ заговоръ. Никто изъ нихъ не былъ лично оскорбленъ Княземъ; многіе пользовались его довѣренностію: зять Іоакимовъ, Вельможа Петръ (у коего въ домѣ собирались заговорщики), Ключникъ Анбалъ Ясинъ, чиновникъ Ефремъ Моизовичь. Въ глубокую полночь они пришли ко дворцу въ Боголюбовѣ (нынѣ селѣ въ 11 верстахъ отъ Владиміра), ободрили себя виномъ и крѣпкимъ медомъ въ Княжескомъ погребѣ, зарѣзали стражей, вломились въ сѣни, въ горницы, и кликали Андрея. Съ нимъ находился одинъ изъ его Отроковъ. Услышавъ голосъ Великаго Князя, злодѣи отбили дверь *ложницы* или спальни. Андрей напрасно искалъ меча своего, тайно унесеннаго Ключникомъ Анбаломъ: сей мечь

Убіеніе Андрея.

29 Іюня.

принадлежалъ нѣкогда Святому Борису (22). Два человѣка бросились на Государя: сильнымъ ударомъ онъ сшибъ перваго съ ногъ, и товарищи въ темнотѣ умертвили его вмѣсто Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорилъ извергамъ: «зачто проливаете кровь «мою? рука Всевышняго казнитъ убійцъ и неблаго«дарныхъ!» . . . . наконецъ упалъ на землю. Въ страхѣ, въ замѣшательствѣ, они схватили тѣло своего товарища и спѣшили удалиться. Андрей въ безпамятствѣ вскочилъ, бѣжалъ за ними, громко стеная. Убійцы возвратились; зажгли свѣчу, и слѣдомъ крови Андреевой дошли въ сѣняхъ до столпа лѣстницы, за коимъ сидѣлъ несчастный Князь. Петръ отрубилъ ему правую руку; другіе вонзили мечи въ сердце: Андрей успѣлъ сказать: «Господи! въ руцѣ Твои предаю «духъ мой!» и скончался.

Умертвивъ еще перваго любимца Княжескаго, Прокопія, заговорщики овладѣли казною государственною, золотомъ, драгоцѣнными каменьями; вооружили многихъ Дворянъ (23), пріятелей, слугъ, и послали объявить Владимірской дружинѣ или тамошнимъ Боярамъ о смерти Великаго Князя, называя ихъ своими единомышленниками. «Нѣтъ,» отвѣтствовали Владимірцы: «мы не были и не будемъ участниками вашего «дѣла.» Но граждане Боголюбскіе взяли сторону убійцъ; расхитили дворецъ, серебро, богатыя одежды, ткани. — Тѣло Андреево лежало въ огородѣ: Кіевлянинъ, именемъ Козма, усердный

слуга несчастнаго Государя, стоялъ надъ онымъ и плакалъ. Видя Ключника Анбала, онъ требовалъ ковра, чтобы прикрыть обнаженный трупъ. Анбалъ отвѣчалъ: «мы «готовимъ его на снѣденіе псамъ.» *Извергъ!* сказалъ сей добродушный слуга: *Государь взялъ тебя въ рубищѣ, а нынѣ ты ходишь въ бархатѣ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова.* Ключникъ бросилъ ему коверъ и мантію. Козма отнесъ тѣло въ церковь, гдѣ крилошане долго не хотѣли отпереть дверей: на третій день отпѣли его и вложили въ каменный гробъ. Черезъ шесть дней Владимірскій Игуменъ Ѳеодулъ привезъ оное въ Владиміръ и погребъ въ Златоверхомъ храмѣ Богоматери (21).

Неустройство, смятеніе господствовали въ областяхъ Суздальскихъ. Народъ, какъ бы обрадованный убіеніемъ Государя, вездѣ грабилъ домы Посадниковъ и Тіуновъ, Отроковъ и Мечниковъ Княжескихъ; умертвилъ множество чиновниковъ, предавался всякаго рода неистовству, такъ, что Духовенство, желая возстановить тишину, прибѣгнуло наконецъ къ священнымъ обрядамъ: Игумены, Іереи, облаченные въ ризы, ходили съ образами по улицамъ, моля Всевышняго, чтобы Онъ укротилъ мятежъ. Владимірцы оплакивали Андрея, но не думали о наказаніи злодѣйства, и гнусные убійцы торжествовали.

Мятежъ въ землѣ Суздальской.

Однимъ словомъ, казалось, что Государство освободилось отъ тирана: Андрей же, нѣкогда вообще любимый, по сказанію Лѣтописцевъ, былъ не только набоженъ, но и благотворителенъ; щедръ не только для Духовныхъ, но и для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ: слуги его обыкновенно развозили по улицамъ и темницамъ медъ и брашна стола Княжескаго. Но въ самыхъ упрекахъ, дѣлаемыхъ Лѣтописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находимъ объясненіе на сію странность: *вы не разсудили* (говорятъ они современникамъ), *что Царь, самый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; что гдѣ законъ, тамъ и многія обиды* (25). Слѣдственно общее неудовольствіе происходило отъ худаго исполненія законовъ или отъ несправедливости судей: столь нужно вѣдать Государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ Царя, самаго добродушнаго и милосердаго! Убійцы Андреевы знали сію ненависть, и дерзнули на злодѣяніе.

Ненависть къ Андрею.

Впрочемъ Боголюбскій, мужественный, трезвый и прозванный за его умъ *вторымъ Соломономъ* (26), былъ конечно однимъ изъ мудрѣйшихъ Князей Россійскихъ въ разсужденіи Политики, или той науки, которая утверждаетъ могущество государственное.

Свойства его.

Онъ явно стремился къ спасительному Единовластію, и могъ бы скорѣе достигнуть своей цѣли, если бы жилъ въ Кіевѣ, унялъ Донскихъ хищниковъ, и водворилъ спокойствіе въ мѣстахъ облагодѣтельствованныхъ Природою, издавна обогащаемыхъ торговлею и способнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствуя на берегахъ Днѣпра, Андрей тѣмъ удобнѣе подчинилъ бы себѣ знаменитые сосѣдственные Удѣлы: Черниговъ, Волынію, Галичь; но ослѣпленный пристрастіемъ къ сѣверо-восточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать тамъ *новое* сильное Государство, нежели возстановить могущество *древняго* на Югѣ.

Лѣтописцы всего болѣе хвалятъ Андрея за обращеніе многихъ Болгаровъ и Евреевъ въ Христіанскую Вѣру, за его усердіе къ церквамъ и монастырямъ, за уваженіе и любовь къ сану Духовныхъ. Подражая Святому Князю, крестившему Россію, онъ надѣлилъ въ Владимірѣ новую *Епископскую* Соборную церковь Богоматери (имъ въ 1158 году заложенную) помѣстьями и купленными слободами (27); отдалъ ей также десятую часть изъ торговыхъ доходовъ своихъ и Княжескихъ стадъ; призвалъ художниковъ изъ разныхъ земель, чтобы украсить оную великолѣпно; и драгоцѣнные сосуды ея, златыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богатые оклады иконъ, осыпанныхъ жемчугомъ, были тогда предметомъ удивленія для Россіянъ и купцевъ иностранныхъ. Въ семъ новомъ Де-

сятинномъ храмѣ стоялъ Палладіумъ Великаго Княженія Суздальскаго: образъ Богоматери, съ коимъ Андрей прибылъ изъ Вышегорода на берега Клязьмы и побѣдилъ въ 1164 году Болгаровъ. Не менѣе славилась великолѣпіемъ церковь Боголюбская, украшенная золотомъ и финифтью. Такую же хотѣлъ Андрей соорудить и въ Кіевѣ, на *Дворѣ Ярослава* — въ память, какъ говорилъ онъ, древнему отечеству его предковъ; уже отправилъ туда зодчихъ, строившихъ Владимірскія Златыя врата, но не успѣлъ исполнить своего набожнаго обѣта. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что сей Великій Князь думалъ учредить Митрополію въ Владимірѣ ([28]), но что Патріархъ Цареградскій отказалъ ему въ томъ, желая оставить Кіевскаго Митрополита единственнымъ въ Россіи.

Первая ересь.

Со временъ Владиміра Святаго до Георгія Долгорукаго миръ и тишина царствовали въ нѣдрахъ Россійской благословенной Церкви. При Изяславѣ II сей миръ былъ нарушенъ несогласіемъ Епископовъ о посвященіи Митрополита Климента: при Великомъ же Князѣ Боголюбскомъ открылась первая ересь въ нашемъ отечествѣ, важная по мнѣнію тогдашнихъ Христіанъ. Ростовскій Епископъ Леонъ, изгнанный народомъ за его корыстолюбіе и грабежъ, утверждалъ, что ни въ какіе Господскіе

праздники, буде они случатся въ Среду или въ Пятницу, не должно ѣсть мяса (29). Новый Епископъ Суздальскій, Ѳеодоръ, въ присутствіи Великаго Князя опровергалъ Леона, который рѣшился искать суда въ Греціи. Послы Кіевскій, Андреевъ, Переяславскій и Черниговскій отправились въ слѣдъ за нимъ, и въ ставкѣ Императора Мануила, бывшаго тогда на Дунаѣ, съ великимъ благоговѣніемъ слушали, какъ Святитель Болгарскій, Адріанъ, уличалъ Леона въ заблужденіи. Императоръ думалъ согласно съ Адріаномъ; но Леонъ противорѣчилъ, и столь дерзко, что Вельможи Греческіе схватили нескромнаго еретика и хотѣли утопить въ рѣкѣ. Митрополитъ Россійскій и Черниговскій Епископъ Антоній держались мнѣнія Леонова: за что Князь Святославъ Всеволодовичь изгналъ Антонія изъ Чернигова. Сіе странное преніе нѣсколько лѣтъ волновало умы и совѣсть людей простодушныхъ.

Гораздо удивительнѣе и важнѣе то, что Лѣтописцы разсказываютъ намъ о другомъ Ростовскомъ Епископѣ. Великій Князь, признавъ Монаха Ѳеодора достойнымъ Святительскаго сана, посылалъ его ставиться въ Кіевъ (30); но Ѳеодоръ, уже принявъ на себя званіе Епископа, не хотѣлъ ѣхать къ Митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбивъ и злобенъ, онъ мучилъ

Злодѣй Епископъ.

людей въ подвластныхъ Епископу селахъ, Иноковъ, Игуменовъ, Священниковъ; брилъ имъ головы и бороды; даже распиналъ нѣкоторыхъ, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, единственно для того, чтобы присвоить себѣ ихъ достояніе. Князь терпѣлъ изверга, довольствуясь, можетъ быть, однѣми угрозами. Еще болѣе тѣмъ озлобленный, лжепастырь вздумалъ наконецъ запереть всѣ церкви въ Владимірѣ, и взялъ отъ нихъ ключи. Народъ взволновался. Великій Князь, низвергнувъ Ѳеодора, предалъ его на судъ Митрополиту, который велѣлъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку и выколоть глаза: «ибо сей еретикъ» (прибавляютъ Лѣтописцы) «злословилъ Богоматерь!» Такія происшествія могутъ быть изъяснены однимъ тогдашнимъ невѣжествомъ и грубостію нравовъ.

Населеніе Вятки. Къ послѣднему году княженія Андреева относится любопытное извѣстіе *Хлыновскаго Лѣтописца* о первомъ населеніи Вятки Россіянами (31). Въ 1174 году нѣкоторые жители области Новогородской, отчасти наскучивъ внутренними раздорами, отчасти тѣснимые возрастающимъ многолюдствомъ въ ихъ предѣлахъ, рѣшились выѣхать изъ отечества, и Волгою доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, что далѣе къ Сѣверу обитаютъ народы дикіе въ странѣ лѣсной, изобильной дарами При-

роды, многіе изъ сихъ выходцевъ отправились вверхъ до устья Осы; обратились къ Западу; дошли до Чепцы, и плывя сію внизъ, покорили бѣдныя жилища Вотяковъ; наконецъ вошли въ рѣку Вятку, и на правомъ берегу ея, на горѣ высокой, увидѣли красивый городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣсто полюбилось Россіянамъ: они захотѣли овладѣть имъ и навсегда тамъ остаться; нѣсколько дней говѣли, молились, и призвавъ въ помощь Святыхъ защитниковъ своего отечества, Бориса и Глѣба, на память ихъ, Іюля 24, взяли городъ (32). Жители скрылись въ лѣсахъ. Сіе укрѣпленное селеніе называлось *Болванскимъ* (вѣроятно, отъ капища, тамъ бывшаго): завоеватели дали ему имя Никулицына и построили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между тѣмъ оставленные на Камѣ товарищи — можетъ быть, опасаясь сосѣдственныхъ Болгаровъ — рѣшились также искать другаго жилища; пришли на судахъ къ устью Вятки, плыли сею рѣкою вверхъ до *Черемисскаго* города *Кокшарова* (нынѣ Котельнича), и завладѣли онымъ. Утвердясь въ странѣ Вятской, Россіяне основали новый городъ близъ устья рѣчки Хлыновицы, назвали его *Хлыновымъ*, и съ удовольствіемъ принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, составили маленькую Республику, особенную, независимую въ теченіе двухъ сотъ семидесяти-осми лѣтъ, наблюдая обычаи Новогородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и Духовенству. Первобыт-

ные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набѣгами безпокоили ихъ, но были всегда отражаемы съ великимъ урономъ, и память сихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ Св. Георгія носили въ Вятку *желѣзныя стрѣлы*, кои были оружіемъ Чуди или Вотяковъ, и напоминали побѣду Россіянъ (33). Новогородцы также отъ времени до времени старались дѣлать зло Хлыновскимъ поселенцамъ, именовали ихъ своими бѣглецами, рабами и не могли простить имъ того, что они хотѣли жить независимо.

ГЛАВА II.

Великій Князь Михаилъ II.

Г. 1174—1176.

Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи.

Скоро по кончинѣ Великаго Князя съѣхались Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и всѣ люди воинскіе въ городъ Владиміръ на Вѣче, слѣдуя примѣру Новогородцевъ, Кіевлянъ и другихъ Россійскихъ знаменитыхъ гражданъ, которые, по словамъ Лѣтописцевъ, издревле обыкли рѣшить дѣла государственныя въ собраніяхъ народныхъ, и давали законы жителямъ городовъ уѣздныхъ (34). «Всѣмъ извѣстно, какимъ «образомъ мы лишились Князя,» говорили Бояре на Вѣчѣ: «онъ не оставилъ дѣтей «кромѣ сына, княжащаго въ Новѣгородѣ. «Братья Андреевы въ южной Россіи. Кого «же изберемъ въ Государи? Кто защититъ «насъ отъ сосѣдственныхъ Князей, Рязан- «скаго и Муромскаго, да не будемъ жерт- «вою ихъ коварства или силы? Обратимся «къ зятю Ростислава Георгіевича, Глѣбу «Рязанскому; скажемъ ему: *Богъ взялъ на-*

Г. 1174. Вѣче въ Владимірѣ.

«шего Князя: зовемъ шурьевъ твоихъ на престолъ «Андреевъ; отецъ ихъ жилъ съ нами и пользо- «вался любовію народною.» Сія мысль была внушена Боярамъ Послами Рязанскими [35]: граждане одобрили оную; утвердили выборъ крестнымъ цѣлованіемъ, и согласясь съ Глѣбомъ, отправили посольство въ Черниговъ, гдѣ находились тогда Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, племянники Андреевы. Обрадованные честію такого избранія, но желая быть великодушными, сіи два Князя предложили дядямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду Георгіевичамъ, господствовать вмѣстѣ съ ними: признали Михаила старшимъ, увѣрили другъ друга клятвою въ искренности союза и цѣловали крестъ изъ рукъ Епископа Черниговскаго. Обрядъ безполезный! Ярополкъ, по совѣту Ростовцевъ, недовольныхъ прибытіемъ Михаила, оставивъ его въ Москвѣ, тайно уѣхалъ въ Переяславль Залѣсскій, собралъ Бояръ, воиновъ, и взялъ съ нихъ клятву вѣрности. Ростовцы призвали туда и 1150 Владимірцевъ; но сограждане сихъ послѣднихъ, которые оставались дома, отворили ворота Михаилу и съ радостію назвали его Княземъ своимъ, помня, что Георгій Долгорукій хотѣлъ отдать Суздальское Княженіе ему и Всеволоду. Началось междоусобіе. Ярополкъ осадилъ Владиміръ; союзники его, Муромцы, Рязанцы, жгли села въ окрестностяхъ. Семь недѣль граждане крѣпко стояли за Михаила и мужественно оборонялись; наконецъ, изнуренные голодомъ, объявили Кня-

зю, чтобы онъ далъ имъ миръ или самъ удалился. Храбрый, добродушный Михаилъ не думалъ укорять ихъ. «Вы правы,» сказалъ онъ: «могу ли желать вашей поги-«бели?» и немедленно выѣхалъ. Граждане, проводивъ сего достойнаго Князя съ искренними слезами, вступили въ переговоры съ Ярополкомъ и Мстиславомъ; увѣряли ихъ въ своей покорности, но боялись злобы Ростовцевъ, которые, завидуя новой знаменитости Владиміра, желали его унизить (36). Города считались тогда между собою въ лѣтахъ, какъ роды дворянскіе въ поколѣніяхъ: Ростовцы славились древностію; именовали Владиміръ *пригородомъ*, его жителей своими *каменьщиками*, слугами, недостойными имѣть Князя, и хотѣли дать имъ Посадника. Владимірцы напротивъ того утверждали, что ихъ городъ, основанный Владиміромъ Великимъ, имѣетъ право на знаменитость (37). Обнадеженные Ярополкомъ и братомъ его въ справедливой защитѣ, они встрѣтили ихъ со крестами и ввели торжественно въ храмъ Богоматери, гдѣ Ярополкъ былъ объявленъ Княземъ Владимірскимъ, а Мстиславъ Ростовскимъ и Суздальскимъ. Народъ успокоился, однакожъ не надолго.

Добродушіе Михаила.

Гордость Ростовцевъ.

Мстиславъ и Ярополкъ, неопытные въ дѣлѣ государственнаго правленія, скоро утратили любовь народную. Отроки, при-

Корыстолюбіе Бояръ. шедшіе съ ними изъ южной Россіи, сдѣлались Посадниками; отягощали гражданъ судебными налогами; думали о корысти гораздо болѣе, нежели о расправѣ. Князья зависѣли отъ Бояръ и во всемъ исполняли ихъ волю; а Бояре, наживаясь сами, совѣтовали и Князьямъ обогащаться. Ярополкъ отнялъ у Соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреемъ; въ самый первый день княженія своего взявъ ключи отъ сего богатаго храма, присвоилъ себѣ казну онаго, серебро, золото, и дерзнулъ наконецъ самую побѣдоносную Вышегородскую икону Маріи отдать зятю, Глѣбу Рязанскому (38). Общее негодованіе обнаружилось. «Мы не рабы» (говорили Владимірцы) «и приняли Князей добровольно; они «же грабятъ насъ какъ иноплеменныхъ, «опустошая не только домы, но и святые «храмы. И такъ *промышляйте*, братья!» Слово важное: оно значило, что надобно Князей унять или сбыть съ рукъ. Видя же, что всѣ Бояре держатъ сторону слабыхъ

г. 1175. Государей — видя, что Ростовцы и Суздальцы нечувствительны къ народнымъ обидамъ или терпѣливы до излишества — граждане Владимірскіе тайно призвали Михаила изъ Чернигова. «Ты внукъ Мономаховъ и старшій изъ Князей его рода,» говорили ему Послы: «иди на престолъ Боголюбскаго; а ежели Ростовъ и Суздаль не

«захотятъ тебя, мы на все готовы, и съ «Божіею помощію никому не уступимъ.» Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и сыномъ Князя Черниговскаго ([39]) былъ уже въ Москвѣ, гдѣ ожидали ихъ усердные Владимірцы и сынъ Андрея Боголюбскаго (скоро по смерти отца принужденный выѣхать изъ Новагорода); тогда Ярополкъ свѣдалъ о грозящей ему опасности; хотѣлъ встрѣтить Георгіевичей, но разошелся съ ними въ дремучихъ лѣсахъ, и написалъ къ брату, Мстиславу Суздальскому: «Михалко «боленъ; его несутъ на носилкахъ: спѣши «отразить малочисленныхъ непріятелей отъ «Владиміра; я плѣню ихъ задній отрядъ.» Михаилъ, будучи дѣйствительно весьма нездоровъ, приближался къ Владиміру, когда полкъ Суздальскій, выступивъ изъ-за горы въ блестящихъ латахъ и распустивъ знамя, съ воплемъ устремился на его дружину. Устроенная Михаиломъ, она изготовилась къ сраженію; стрѣлки съ обѣихъ сторонъ начали битву; но Суздальцы — изумленные стройнымъ ополченіемъ непріятелей — вдругъ обратили тылъ, бросивъ хоругвь Княжескую. Лѣтописцы говорятъ, что ни тѣ, ни другіе воины не отличались никакимъ особеннымъ знакомъ, и что сіе обстоятельство спасло многихъ Суздальцевъ; ибо побѣдители не могли распознавать своихъ и непріятелей. Михаилъ

Іюня 15. Торжество Михаила. съ торжествомъ въѣхалъ въ городъ Владиміръ: предъ нимъ вели плѣнниковъ. Духовенство и всѣ жители встрѣтили его съ живѣйшею радостію. Ярополкъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ (гдѣ княжилъ юный сынъ его, Святославъ, послѣ Георгія Андреевича); но мать и жены ихъ остались плѣнницами въ Владимірѣ (40).

Скоро Послы отъ Суздаля и Ростова явились во дворцѣ Михаиловомъ и сказали именемъ всѣхъ гражданъ: «Государь! мы «твои душею и сердцемъ. Одни Бояре, пре«данные Мстиславу, были тебѣ врагами. «Повелѣвай нами какъ отецъ добродуш«ный!» Такимъ образомъ Михаилъ наслѣдовалъ Великое Княженіе Андреево: объѣхалъ разныя области; вездѣ учредилъ порядокъ; вездѣ пекся о народномъ спокойствіи. Осыпанный дарами Суздальцевъ и Ростовцевъ, награжденный за свой трудъ благословеніями довольныхъ гражданъ, онъ возвратился въ Владиміръ, оставивъ Всеволода княжить въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

Народъ требовалъ мести: Глѣбъ Рязанскій пользовался слабостію шурьевъ, обиралъ ихъ, обогатился драгоцѣнностями и святынею храмовъ Владимірскихъ. Михаилъ шелъ наказать его: но Глѣбъ, не дерзая оправдываться, требовалъ милосердія: прислалъ Вышегородскую икону Бого-

матери, всѣ драгоцѣнности, даже книги, имъ похищенныя, и тѣмъ обезоружилъ Великаго Князя ([41]). Народъ, съ восхищеніемъ встрѣтивъ образъ Маріи, снова поставилъ его въ соборной церкви Владимірской: Михаилъ возвратилъ сей помѣстья, оброки и десятину.

Торжество Владимірцевъ было совершенно: городъ ихъ сдѣлался опять столичнымъ, и Князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцемъ Неба, ибо счастіе ему благопріятствовало. Они хвалились своимъ выборомъ, и говорили, что Богъ, унизивъ гордость *древняго* Ростова, прославилъ *новый* Владиміръ, ознаменовавъ его жителей мудростію въ совѣтѣ и мужествомъ въ дѣлѣ; что они, вопреки Боярамъ, даже вопреки народу Суздальскому и Ростовскому, единственно въ надеждѣ на свою правду, дерзнули изгнать злыхъ Князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской ([42]). Къ несчастію, сей Государь властвовалъ только одинъ годъ, и скончался, оставивъ въ лѣтописяхъ память своей храбрости и добродѣтели. Живъ въ вѣкѣ суровомъ, мятежномъ, онъ не запятналъ себя ни жестокостію, ни вѣроломствомъ, и любилъ спокойствіе народа болѣе власти. Новѣйшіе Лѣтописцы увѣряютъ, что Михаилъ казнилъ многихъ убійцъ Андреевыхъ ([43]); но совре-

г. 1176, Іюня 20. Кончина и свойства Михаила.

менные не говорятъ о томъ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще питать въ сердцѣ своемъ непріятное воспоминаніе сей обиды; и тѣмъ болѣе достоинъ хвалы, ежели дѣйствительно наказалъ злодѣевъ.

Междоусобіе въ южной Россіи.

Михаилъ, занимаясь единственно благомъ Суздальскаго или Владимірскаго Княженія, не хотѣлъ или не имѣлъ времени думать о Россіи южной, гдѣ господствовало междоусобіе. Олегъ Сѣверскій, зять и союзникъ Ростиславичей, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черниговскую, осаждалъ Стародубъ, и самъ осажденный Святославомъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о мирѣ. Кіевъ болѣе и болѣе унижался. Видя нечаянное прибытіе Романа Смоленскаго, и догадываясь, что братья намѣрены возвести его на Кіевскій престолъ, слабый Ярославъ Изяславичь не захотѣлъ подвергнуть себя стыду изгнанія и добровольно уѣхалъ въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ, отъ зависти и козней Святослава. Имѣя тайныя сношенія съ Кіевлянами и съ Черными Клобуками, волнуя умы лестію, злословіемъ, и скоро обрадованный несчастною битвою сыновей Романовыхъ съ Половцами, въ коей легло на мѣстѣ множество лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ торжественно жаловаться на Да-

вида. «Я ничего не требую кромѣ справедливо-«сти,» говорилъ онъ Роману: «Братъ твой, по-«могая Олегу, жегъ города мои. Согласно съ «древнимъ уставомъ Бояринъ въ винѣ отвѣт-«ствуетъ головою, а Князь Удѣломъ. Изгони же «безпокойнаго Давида изъ областей Днѣпров-«скихъ.» Не получивъ удовлетворенія, Святославъ прибѣгнулъ къ оружію и къ измѣнникамъ. Зять его, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Мономахова, именемъ Мстиславъ, жилъ въ Триполѣ съ Ярополкомъ Романовичемъ, и предалъ сей городъ тестю. Узнавъ еще измѣну Берендѣевъ, Романъ удалился въ крѣпкій Бѣлгородъ и ждалъ братьевъ. Хотя Князь Черниговскій, болѣе властолюбивый, нежели храбрый, занявъ Кіевъ, малодушно бѣжалъ отъ нихъ и перетопилъ часть своего войска въ Днѣпрѣ; однакожь Ростиславичи, свѣдавъ о впаденіи Половцевъ, призванныхъ Святославомъ, добровольно уступили ему древнюю столицу, уже незавидную. «Господствуй въ ней» — сказали они — «но съ «согласія нашего: не насиліемъ и не обманомъ; «мы не хотимъ тѣшить иноплеменныхъ варва-«ровъ междоусобіемъ.» Романъ возвратился въ Смоленскъ (44).

ГЛАВА III.

Великій Князь Всеволодъ III Георгіевичь.

Г. 1176—1212.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Кіевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и великодушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе Кіева. Постриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романовъ. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на пре-

столѣ. Происшествія въ Галичѣ. Константинъ въ Новѣгородѣ. Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смѣлость Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Константина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Постриги. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новѣгородѣ.

Владимірцы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ Государя любимаго, собралися предъ Златыми вратами и присягнули его брату, Всеволоду Георгіевичу, исполняя тѣмъ волю Долгорукаго, который назначалъ область Суздальскую въ Удѣлъ меньшимъ сыновьямъ (45). Но Бояре и Ростовцы не хотѣли Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали къ себѣ Мстислава, его племянника, изъ Новагорода, и сей Князь, оставивъ тамъ сына своего, уже находился въ Ростовѣ; собралъ многочисленную дружину, Бояръ, Гридней, такъ называемыхъ *Пасынковъ* или Отроковъ Боярскихъ, и шелъ съ ними ко Владиміру (46). Жители сего города пылали ревностію сразиться; но Всеволодъ, умѣренный, благоразумный, предлагалъ миръ. «За тебя Ростовцы и Бояре,» говорилъ онъ

г. 1176.

Вѣроломство Ростовцевъ.

Мстиславу: «за меня Богъ и Владимірцы. «Будь Княземъ первыхъ; а Суздальцы да «повинуются изъ насъ, кому хотятъ.» Но Вельможи Ростовскіе, надменные гордостію, сказали Мстиславу: «Мирися одинъ, «если тебѣ угодно; мы оружіемъ управимся «съ чернію Владимірскою.» Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину Переславскую, Всеволодъ объявилъ воинамъ о непримиримой злобѣ ихъ врага общаго. Всѣ единодушно отвѣтствовали: «Государь! ты же«лалъ добра Мстиславу, а Мстиславъ ищетъ «головы твоей, и не давъ еще исполниться «девяти днямъ по кончинѣ Михаиловой, «жаждетъ кровопролитія. Иди же на него «съ Богомъ! Если будемъ побѣждены, то «пусть возьмутъ Ростовцы женъ и дѣтей «вашихъ!» Всеволодъ, оставивъ за собою рѣку Кзу, среди Юрьевскаго поля ударилъ
Іюня 27. на непріятеля (47), разсѣялъ его и съ торжествомъ возвратился въ столицу. Дружина Княжеская и Владимірцы вели связанныхъ Вельможъ Ростовскихъ, виновниковъ междоусобія; за ними гнали множество коней и скота, взятаго въ селахъ Боярскихъ. Суздаль, Ростовъ, покорились Всеволоду.

Мстиславъ напрасно желалъ быть вторично Княземъ Новогородскимъ. «Нѣтъ!» сказали ему жители: «ты *ударилъ пятою* «Новгородъ: иди же отъ насъ вмѣстѣ съ «сыномъ!» Они искали дружбы побѣдителя,

и требовали себѣ Князя отъ Всеволода, который отправилъ къ нимъ племянника своего, Ярослава [48]. Мстиславъ, уѣхавъ къ зятю, Глѣбу Рязанскому, склонилъ его къ несчастной войнѣ, бѣдственной для нихъ обоихъ. Сія война началась въ концѣ лѣта пожарами: Глѣбъ обратилъ въ пепелъ Москву и всѣ окрестныя слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянникъ его, Владиміръ Глѣбовичь, Князь южнаго Переяславля, и сыновья Святослава Черниговскаго [49]. Новогородцы обѣщали ему также дружину вспомогательную, называя его своимъ отцемъ и Властителемъ; однакожь не сдержали слова. Будучи въ Коломнѣ, Великій Князь свѣдалъ, что Глѣбъ Рязанскій, нанявъ Половцевъ, съ другой стороны вступилъ въ область Суздальскую, взялъ Боголюбовъ, ограбилъ тамъ церковь, богато украшенную Андреемъ, жжетъ селенія Боярскія, плаваетъ въ крови беззащитныхъ, отдаетъ женъ и дѣтей въ плѣнъ варварамъ. Такимъ образомъ междоусобіе Князей открыло путь симъ иноплеменнымъ хищникамъ и въ сѣверныя земли Россіи . . . Всеволодъ сошелся съ непріятелями; но тѣ и другіе стояли праздно цѣлый мѣсяцъ, въ ожиданіи мороза: рѣка Колокша находилась между ими г. 1177.
и не перепускала ихъ; ледъ ея былъ слишкомъ тонокъ. Раздраженный злодѣйствами

Война съ Княземъ Рязанскимъ.

Глѣба, Великій Князь отказался отъ мирныхъ его предложеній, и наконецъ — видя, что рѣка замерзла — отправилъ на другую сторону обозъ свой съ частію войска. Мстиславъ первый напалъ на сей отрядъ, и первый обратился въ бѣгство: Глѣбъ также, смятый полкомъ Всеволода (50). Дружина Великаго Князя гналась за малодушными, и плѣнивъ самого Глѣба, сына его Романа, Мстислава, множество Бояръ, истребила Половцевъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился старый Воевода Андрея Боголюбскаго, Борисъ Жидиславичь, который держалъ сторону Мстислава. Всѣ они были предметомъ народной ненависти, и граждане Владимірскіе, посвятивъ два дни на общую радость, хотѣли ознаменовать третій злобною местію: обступили дворецъ Княжескій и говорили Всеволоду: «Государь! мы «рады положить за тебя свои головы; но казни «злодѣевъ, или ослѣпи, или выдай намъ въ «руки.» Изъявляя человѣколюбіе, Всеволодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣлъ заключить ихъ въ темницу, чтобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заступниковъ. Будучи ему зятемъ, храбрый Мстиславъ, братъ Романа Смоленскаго, вмѣстѣ съ горестною своею тещею убѣждалъ Святослава Черниговскаго, какъ Всеволодова союзника, освободить плѣнниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій, Черниговскій Епископъ, ѣздилъ для того въ Владиміръ. Глѣбу предложили свободу, съ условіемъ отказаться навсегда отъ княженія и ѣхать въ южную Рос-

сію. Онъ гордо отвѣтствовалъ: «лучше «умру въ неволѣ» — и дѣйствительно умеръ чрезъ нѣсколько дней (51). Когда же Рязанцы, устрашенные бѣдствіемъ ихъ Князя, въ угодность Всеволоду взяли подъ стражу Ярополка Ростиславича въ Воронежѣ и привезли въ городъ Владиміръ, тогда мятежъ возобновился. Бояре, купцы пришли съ оружіемъ на дворъ Княжескій, разметали темницу, и, къ горести Великаго Князя, ослѣпили его племянниковъ, Ростиславичей. Онъ только уступилъ народному остервенѣнію, по словамъ Лѣтописца Владимірскаго, не имѣвъ никакого участія въ семъ злодѣйствѣ (которое древніе Россіяне заимствовали отъ просвѣщенныхъ Грековъ); другіе же Лѣтописцы обвиняютъ въ томъ Всеволода, можетъ быть несправедливо (52); но Великій Князь, не наказавъ злодѣевъ, заслужилъ подозрѣніе, безславное для его памяти. Чтобы оправдать себя великодушіемъ въ глазахъ всей Россіи, онъ выпустилъ изъ темницы Глѣбова сына, Романа. Несчастные слѣпцы были также освобождены, и на пути въ южную Россію, къ общему удивленію, прозрѣли въ Смоленскѣ, съ усердіемъ молясь въ Смядынской церкви Св. Глѣба, по извѣстію Лѣтописцевъ.

Ослѣпленіе двухъ Князей.

Сентября 15.

Чудо разгласилось и благопріятствовало властолюбію сихъ Князей: Новогородцы призвали ихъ какъ мужей богоугодныхъ;

оставили Мстислава начальствовать въ столицѣ, Ярополку дали Торжекъ, а бывшаго Князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волокомъ
г. 1178, Ламскимъ. Мстиславъ чрезъ нѣсколько мѣ-
Апрѣля 20. сяцевъ умеръ: Ярополкъ заступилъ его мѣсто, но скоро былъ изгнанъ народомъ, въ угодность Великому Князю, который захватилъ многихъ купцевъ Новогородскихъ, съ неудовольствіемъ видя злодѣя своего Главою сей области. Всеволодъ еще не былъ обезоруженъ: приступилъ къ Торжку и требовалъ дани. Граждане обѣщались заплатить оную; но воины сказали Великому Князю: «мы пришли сюда не за «тѣмъ, чтобы цѣловать ихъ и слушать пу-«стыя клятвы;» сѣли на коней и взяли го-
Декабря 8. родъ; зажгли его, плѣнили жителей. Всеволодъ съ отборною дружиною спѣшилъ къ Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами; нашелъ тамъ одного племянника своего, Ярослава ([53]); истребилъ огнемъ пустые домы, самый хлѣбъ въ окрестностяхъ, и сею безразсудною жестокостію такъ озлобилъ Новогородцевъ, что они рѣшились не имѣть съ нимъ никакого дру-
г. 1179. желюбнаго сношенія, призвавъ къ себѣ Романа Смоленскаго. Потомки Св. Владиміра все еще вѣрили ихъ ненадежнымъ обѣтамъ, и прельщались знаменитостію древнѣйшаго въ Государствѣ Княженія.

Романъ властвовалъ тамъ не долѣе многихъ своихъ предмѣстниковъ; по крайней мѣрѣ выѣхалъ добровольно и съ честію. Тогда Новогородцы, желая имѣть Князя извѣстнаго воинскою доблестію, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитаго мужествомъ, что ему въ цѣлой Россіи не было имени кромѣ *Храбраго*. Онъ колебался, отвѣтствуя ихъ Посламъ, что не можетъ разстаться ни съ вѣрными братьями, ни съ южною своею отчизною; но братья и дружина сказали Мстиславу: «Новгородъ есть также твое «отечество» — и сей бодрый Князь поѣхалъ искать славы на иномъ ѳеатрѣ: ибо душа его, какъ пишутъ современники, занималась одними великими дѣлами [34]. Весь Новгородъ, чиновники, Бояре, Духовенство съ крестами вышли къ нему на встрѣчу. Возведенный на престолъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово ревностно блюсти честь, пользу Новагорода, и сдержалъ оное. Узнавъ, что Эстонцы (въ 1176 году) дерзнули осаждать Псковъ и не престаютъ безпокоить границъ, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20,000 воиновъ, и веселяся предводительствомъ рати столь многочисленной, нетерпѣливо хотѣлъ битвы; но Эстонцы, думая только о спасеніи жизни, скрывались. Опустошивъ ихъ землю до самаго моря, взявъ въ добычу мно-

Славолюбіе Мстислава. Ноября 1.

г. 1180.

жество скота, плѣнниковъ, Мстиславъ на возвратномъ пути усмирилъ во Псковѣ мятежныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году прадѣдъ Всеслава Полоцкаго ограбилъ Софійскую церковь въ Новѣгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ: Мстиславъ, какъ ревностный витязь Новогородской чести, вздумавъ отметить за то Всеславу, своему зятю, уже шелъ къ Полоцку. Едва Романъ Смоленскій могъ обезоружить брата, представляя ему, что сей Князь, супругъ ихъ сестры, не долженъ отвѣтствовать за прадѣда, давно истлѣвшаго во гробѣ; что воспоминаніе обидъ древнихъ не достойно ни Христіанина, ни Князя благоразумнаго. Мстиславъ уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ Великихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ и дружинѣ новымъ походомъ навсегда смирить Ливонію. Но среди блестящихъ надеждъ пылкаго славолюбія и въ силѣ мужества сраженный внезапною болѣзнію, онъ увидѣлъ суету гордости человѣческой, и живъ Героемъ, хотѣлъ умереть Христіаниномъ: велѣлъ нести себя въ церковь, причастился Святыхъ Таинъ послѣ Литургіи,
Кончина его. Іюня 14. и закрылъ глаза навѣки въ объятіяхъ неутѣшной супруги и дружины, поручивъ дѣтей, въ особенности юнаго Владиміра,

своимъ братьямъ. Такимъ образомъ Новогородцы въ два года погребли у себя двухъ Князей: чего уже давно не бывало: ибо непрестанно мѣняя Властителей, они не давали имъ умирать на тронѣ. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храбраго, всѣми любимаго, величая его красоту мужественную, побѣды, великодушныя намѣренія для славы ихъ отечества, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкою гордостію сердца благороднаго. Сей Князь, по свидѣтельству современниковъ, былъ украшеніемъ вѣка и Россіи. Другіе воевали для корысти: онъ только для славы, и презирая опасности, еще болѣе презиралъ золото, отдавая всю добычу Церкви или воинамъ, коихъ всегда ободрялъ въ битвахъ словами: *за насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра; умремъ же съ честію.* — «Не было такой земли въ Россіи (говоритъ Лѣтописецъ), которая не хотѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы объ немъ не плакали.» Народная любовь къ сему Князю была столь велика, что граждане Смоленскіе въ 1175 году единогласно объявили его, въ отсутствіе Романа, своимъ Государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича ([55]); но Мстиславъ согласился властвовать надъ ними единственно для того, чтобы усмирить ихъ и возвратить престолъ старшему брату. Новогородцы погребли Мстислава въ гробницѣ Владиміра Ярославича, строителя Софійской церкви. Надлежало избрать

Августа 17. преемника: въ досаду Всеволоду Георгіевичу они призвали къ себѣ княжить Владиміра, сына Святославова, изъ Чернигова.

Сей юноша не за-долго до того времени гостилъ у Всеволода и женился на его племянницѣ, дочери Михаиловой (56). Святославъ имѣлъ случай оказывать услуги Великому Князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи, не имѣя Удѣла, и не дерзая требовать онаго отъ брата, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонителя. Между тѣмъ, какъ Михаилъ и Всеволодъ съ помощію Святослава искали престола Владимірскаго, супруги ихъ оставались въ Черниговѣ. Сія дружба, основанная на одолженіяхъ, благодарности и свойствѣ, не устояла противъ обоюднаго властолюбія. Святославъ, охотно пославшій сына господствовать въ Новѣгородѣ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ тѣмъ оскорбится, считая сію область законнымъ достояніемъ Мономахова рода.

Раздоръ Великаго Князя съ Черниговскимъ.

Новыя неудовольствія ускорили явное начало вражды. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на старшаго брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что онъ, слѣдуя внушенію тестя, отнимаетъ ихъ Удѣлы и презираетъ Великаго Князя. Всеволодъ, уже не доброхотствуя Князю Черниговскому, вступился за нихъ; встрѣченный ими въ Коломнѣ, плѣнилъ тамъ Святославова сына, Глѣба (57);

разбилъ передовый отрядъ Романовъ на берегахъ Оки, взялъ городъ Борисовъ, осадилъ Рязань и заключилъ миръ. Романъ и братья его признали Всеволода общимъ ихъ покровителемъ, довольные Удѣлами, которые онъ назначилъ для каждаго изъ нихъ по верховной волѣ своей.

Князь Черниговскій, раздраженный плѣненіемъ сына, хотѣлъ не только отмстить за то, но и присвоить себѣ, счастливымъ успѣхомъ оружія, лестное первенство между Князьями Россійскими. Еще Всеволодъ не имѣлъ правъ Андреевыхъ, утвержденныхъ долговременною славою; не имѣлъ и силы Боголюбскаго: ибо Смоленскъ, область Кривская и Новгородъ не помогали ему. Святославъ надѣялся смирить его, но желалъ прежде вытѣснить Рюрика и Давида изъ области Кіевской, чтобы господствовать въ ней единовластно. Смерть Мстислава Храбраго и Олега Сѣверскаго, ихъ зятя, казалась ему случаемъ благопріятнымъ (58): увѣренный въ дружелюбіи Олеговыхъ братьевъ, Игоря и Всеволода; выдавъ племянницу за Князя Переяславскаго, Владиміра Глѣбовича, и называясь покровителемъ сего юноши, онъ дерзнулъ на гнусное коварство, разсуждая, что всѣ способы вредить Мономаховымъ потомкамъ согласны съ уставомъ праведной мести, и что ближайшіе изъ нихъ должны быть ея первымъ предметомъ. Не имѣя въ самомъ дѣлѣ никакихъ причинъ жаловаться на Ростиславичей—которые жили съ нимъ мир-

но и вмѣстѣ отразили набѣгъ Хана Половецкаго, Кончака — Святославъ вздумалъ схватить Давида на звѣриной ловлѣ въ окрестностяхъ Днѣпра; сказалъ о томъ единственно женѣ и главному изъ любимцевъ, именемъ Кочкарю; тайно собралъ воиновъ и нечаянно ударилъ на станъ Давидовъ. Сей Князь, изумленный злодѣйствомъ, бросился въ лодку съ супругою, и едва могъ спастися, осыпаемый съ берега стрѣлами. Онъ ушелъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику; а Святославъ, неудачно обнаруживъ свой умыселъ, призвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣтъ въ Черниговъ. «Вижу *теперь* горестную необходимость «войны,» сказалъ ему Игорь Сѣверскій: «но ты могъ бы *прежде* сохранить миръ. «Впрочемъ мы готовы повиноваться тебѣ, «какъ нашему отцу, желая усердно твоего «блага.» Между тѣмъ Рюрикъ, слыша, что Святослава нѣтъ въ Кіевѣ, занялъ сію столицу, требовалъ помощи отъ Князей Волынскихъ, и велѣлъ Давиду ѣхать въ Смоленскъ къ Роману, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять нужныя мѣры для безопасности сего Княженія. Но Давидъ уже не засталъ брата живаго: Романъ скончался, извѣстный болѣе мирными, кроткими свойствами, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтописцы сказываютъ, что онъ имѣлъ наружность величественную и рѣдкое милосердіе; терпѣлъ

Вѣроломство Святослава.

отъ гражданъ Смоленскихъ многія досады и мстилъ имъ только благодѣяніями; не обманывалъ Князей, нѣжно любилъ братьевъ, славился набожностію: соорудилъ великолѣпную церковь Св. Іоанна, украсилъ оную золотомъ и финифтью. Давидъ наслѣдовалъ престолъ Смоленскій.

Въ надеждѣ управиться и съ Ростиславичами и съ Великимъ Княземъ, Святославъ, нанявъ множество Половцевъ, оставилъ г. 1181. часть войска съ братомъ своимъ Ярославомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать противъ Рюрика и Давида; а самъ съ главною силою вступилъ въ область Суздальскую, соединился съ Новогородцами на устьѣ Тверцы, опустошилъ берега Волги и шелъ къ Переславлю (59). За 40 верстъ отъ сего города стоялъ Всеволодъ съ полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими, въ станѣ укрѣпленномъ Природою: между крутобере гою Вленою, ущельями и горами. Непріятели видѣли другъ друга и пускали черезъ рѣку стрѣлы. Воины Святославовы желали битвы, Суздальскіе также: послѣдніе были удерживаемы Великимъ Княземъ, а первые неприступностію мѣста. Прошло болѣе двухъ недѣль. Чтобы сдѣлать тревогу въ станѣ Черниговцевъ, Всеволодъ послалъ Князей Рязанскихъ ударить на нихъ съ боку. Внезапность нападенія имѣла успѣхъ только мгновенный: братъ Игоря Сѣвер-

скаго принудилъ Рязанцевъ бѣжать, и взялъ у нихъ не малое число плѣнниковъ. Напрасно ожидавъ новаго нападенія, Святославъ отправилъ къ Великому Князю своего Духовника съ такими словами:

Упреки Всеволоду. «Братъ и сынъ мой! имѣвъ искреннее удовольствіе служить тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, могъ ли я ожидать столь жестокой «неблагодарности? Въ возмездіе за сіи услуги ты не устыдился злодѣйствовать мнѣ и «схватилъ моего сына. Для чего же медлишь? я близъ тебя: рѣшимъ дѣло судомъ «Божіимъ. Выступи въ поле, и сразимся, «на той или другой сторонѣ рѣки.» Всеволодъ не отвѣтствовалъ, задержалъ Пословъ и велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, желая, чтобы Князь Черниговскій въ досадѣ своей отважился на битву, для себя невыгодную, и перешелъ за рѣку. Святославъ не трогался съ мѣста. Весна наступила: боясь распутья, онъ рѣшился оставить часть обоза и станъ въ добычу непріятелю, впрочемъ не хотѣвшему за нимъ гнаться; сжегъ Дмитровъ, мѣсто Всеволодова рожденія, и прибылъ весновать въ Новгородъ, гдѣ жители встрѣтили его какъ побѣдителя, называя именемъ *Великаго*. Ярополкъ, прежде изгнанный ими въ удовольствіе Всеволоду, находился съ Черниговскимъ Княземъ: они вторично приняли его къ себѣ и дали ему въ Удѣлъ Тор-

жекъ, чтобы охранять ихъ восточныя области.

Святославъ, извѣдавъ воинскую осторожность Всеволода, уже не хотѣлъ возобновить непріятельскихъ дѣйствій въ Великомъ Княженіи Суздальскомъ: онъ велѣлъ брату, Ярославу, выступить изъ Чернигова, и соединился съ нимъ въ областяхъ Кривскихъ, гдѣ Васильковичи, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій, вмѣстѣ съ другими Князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава (69); каждый привелъ къ нему свою дружину, а Всеславъ Литву и Ливонцевъ. Ростиславичи и Кіевъ были предметомъ сего ополченія. Одинъ Князь Друцкій, Глѣбъ, сынъ умершаго Рогволода, не измѣнилъ Давиду Смоленскому, который думалъ защитить его, но видя превосходную силу враговъ, удалился отъ битвы. Святославъ обратилъ въ пепелъ внѣшнія укрѣпленія Друцка и, не теряя времени, шелъ къ Кіеву, сопровождаемый толпами Половцевъ. Сіе-то гибельное обыкновеніе, въ войнахъ междоусобныхъ дружиться съ иноплеменными хищниками и призывать ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра Государства, всего болѣе обезславило Князей Черниговскихъ въ нашей древней Исторіи, и было одною изъ причинъ народной любви къ Мономаховымъ потомкамъ, которые *дотолѣ* гнушались оныиъ Великодушіе

Мономахова потомства. (если исключимъ Георгія Долгорукаго), и слѣдуя наслѣдственнымъ правиламъ, отличались великодушіемъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защитить Кіевъ, онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ, умѣлъ внезапно разбить Половцевъ, предводимыхъ Игоремъ Сѣверскимъ, и воспользовался робостію Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣйшимъ; отказался отъ Кіева, удержавъ за собою всѣ другіе города Днѣпровскіе, и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ Черниговскихъ Князей, съ условіемъ, чтобы они, подобно ему, служили щитомъ для южной Россіи и не давали варварамъ плѣнять Христіанъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ старался примирить Святослава съ Великимъ Княземъ: Новгородъ, бывъ основаніемъ ихъ вражды, подалъ имъ и способъ прекратить оную. Ярополкъ, ненавидя Всеволода, не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и безпрестанно

Осада Торжка. тревожилъ границы Суздальскія. Всеволодъ осадилъ его. Предвидя свою участь, граждане оборонялись мужественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба, питались кониною ([61]): наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Ярополкъ, раненый стрѣлою во время осады, былъ заключенъ въ цѣпи, а городъ сожженъ вторично; жителей отвели плѣнниками въ Владиміръ. Войско Новогородское находилось тогда съ Святославомъ въ

земле Кривской: оно спешило назадъ, защитить собственную. Но чиновники и граждане, переменивъ мысли, уже хотели искать милости Всеволодовой. Разсуждая, что дружба Государя соседственнаго, юнаго, могущественнаго, твердаго душею, выгоднее дружбы Черниговскаго Князя, слабодушнаго, легкомысленнаго и притомъ удаленнаго отъ пределовъ Новогородскихъ, они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всеволодъ, оставивъ вражду, далъ имъ Правителя. Онъ немедленно возвратилъ свободу пленнымъ жителямъ Торжка, и своякъ его, Ярославъ Владиміровичь, внукъ Мстислава Великаго, пріехалъ изъ Суздаля княжить въ Новгородъ (62). Достигнувъ такимъ образомъ цели своей — то есть, присоединивъ область Новогородскую ко владеніямъ Мономахова Дому — Всеволодъ съ честію отпустилъ Глеба Святославича къ отцу, не мешалъ последнему господствовать въ Кіеве, и возобновивъ старую съ нимъ дружбу, выдалъ свояченицу, Княжну Ясскую, за его меньшаго сына; а Глебъ Святославичь женился на дочери Рюриковой.

Политика Новогородцевъ.

г. 1182. Браки.

Внутреннее междоусобіе прекратилось: начались войны внешнія. Подобно Андрею смотря съ завистію на цветущую художествами и торговлею Болгарію, Всеволодъ желалъ овладеть ею, и звалъ другихъ Кня-

г. 1183. Война съ Болгарами.

зей къ содѣйствію. Война съ невѣрными казалась тогда во всякомъ случаѣ справедливою (63): Святославъ прислалъ сына своего, Владиміра, къ Великому Князю, радуясь, что онъ замыслилъ дѣло столь благопріятное для чести Россійскаго оружія. Князья Рязанскіе, Муромскій и сынъ Давида Смоленскаго также участвовали въ семъ походѣ. Рать союзниковъ плыла Волгою до Казанской Губерніи, оставила ладіи близъ устья Цывили, подъ стражею Бѣлозерскихъ воиновъ, и шла далѣе сухимъ путемъ. Передовый отрядъ, увидѣвъ вдали конницу, готовился къ битвѣ; но мнимые непріятели оказались Половцами, которые также воевали Болгарію, и хотѣли служить Всеволоду. Вмѣстѣ съ ними Россіяне осадили такъ называемый Великій городъ въ землѣ *Серебряныхъ* Болгаровъ, какъ сказано въ лѣтописи. Юный племянникъ Всеволодовъ, Изяславъ Глѣбовичь, братъ Князя Переяславскаго (64), не хотѣлъ ждать общаго приступа, и между тѣмъ, какъ Бояре совѣтовались въ шатрѣ у Великаго Князя, одинъ съ своею дружиною ударилъ на Болгарскую пѣхоту, стоявшую въ укрѣпленіи предъ городомъ; пробился до воротъ, но уязвленный стрѣлою въ сердце, палъ на землю. Воины принесли его въ станъ едва живаго. Сей случай спасъ городъ: ибо Великій Князь, видя страданіе любимаго, муже-

ственнаго племянника, не могъ ревностно заниматься осадою, и въ десятый день, заключивъ миръ съ жителями, отступилъ къ ладіямъ, гдѣ Бѣлозерцы до его прибытія одержали побѣду надъ соединенными жителями трехъ городовъ Болгарскихъ, хотѣвшихъ истребить суда Россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался, и Всеволодъ съ горестію возвратился въ столицу, отправивъ конницу въ Владиміръ чрезъ землю Мордвы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую Губерніи).

Въ сіе время Россія западная узнала новыхъ враговъ, опасныхъ и жестокихъ. Народъ Литовскій, въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ подвластный ея Князьямъ, дикій, бѣдный, платилъ имъ дань шкурами, даже лыками и вѣниками ([65]). Непрестанныя наши междоусобія, раздѣленіе земли Кривской и слабость каждаго Удѣла въ особенности, дали способъ Литовцамъ не только освободиться отъ зависимости, но и тревожить набѣгами области Россійскія. Трубя въ длинныя свои трубы, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней и какъ лютые звѣри стремились на добычу: жгли селенія, плѣняли жителей, и настигаемые отрядами воинскими, не хотѣли биться стѣною: разсыпаясь во всѣ стороны, пускали стрѣлы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Такъ сіи граби- Народъ Литовскій.

тели, не смотря на зимній холодъ, ужасно опустошили Псковскую область. Новогородцы, не успѣвъ защитить ее, винили въ томъ своего Князя, Ярослава Владиміровича, и на его мѣсто — кажется, съ согласія Всеволодова — призвали къ себѣ изъ
Г. 1184. Смоленска Давидова сына, Мстислава (66).

Въ Россіи южной Князья соединили силы, чтобы смирить Половцевъ: Святославъ Кіевскій, Рюрикъ съ двумя племянниками (67), Владиміръ Переяславскій (внукъ
Война съ Половцами. Долгорукаго), Глѣбъ Юрьевичь Туровскій (правнукъ Святополка-Михаила) съ братомъ Ярославомъ Пинскимъ, Всеволодъ и Мстиславъ, сыновья Ярослава Луцкаго, Мстиславъ Всеволодковичь Городненскій и дружина Галицкаго. Они пять дней искали варваровъ за Днѣпромъ. Князь Владиміръ, начальникъ передоваго отряда, вступилъ въ битву съ Половцами. «Мнѣ должно наказать ихъ за разореніе моей Переяслав«ской области,» сказалъ онъ старѣйшему изъ Князей, Святославу Кіевскому, и смѣло устремился на многочисленныя толпы непріятелей, которые заранѣе объявили его и всѣхъ нашихъ Воеводъ своими плѣнниками; но устрашенные однимъ грознымъ видомъ полку Владимірова, бѣжали въ степи. Россіяне на берегахъ Угла или Орели
30 Іюля. взяли 7000 плѣнныхъ (и въ томъ числѣ 417 Князьковъ), множество коней Азіат-

скихъ и всякаго оружія. Славный свирѣпостію Ханъ Половецкій, Кончакъ, былъ также разбитъ ими близъ Хороля, не смотря на его самострѣльные, необыкновенной величины луки, (едва натягиваемые пятидесятью воинами) и на искусство бывшаго съ нимъ *Бесерменина* или Харазскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, какъ сказано въ лѣтописи (68): вѣроятно *Греческимъ*, а можетъ быть и порохомъ. Кіевляне догнали сего хитреца въ бѣгствѣ и представили Святославу со всѣми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными. Огнестрѣльное оружіе.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ торжество Россіянъ обратилось въ горесть. Князья Сѣверскіе, Игорь Новогородскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, и племянникъ ихъ (69), не имѣвъ участія въ побѣдахъ Святослава, завидовали имъ, и хотѣли еще важнѣйшихъ; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ называемыхъ *Ковуевъ* — единоплеменныхъ, какъ вѣроятно, съ Черными Клобуками — и пошли къ Дону. Случившееся тогда затмѣніе солнца казалось ихъ Боярамъ предзнаменованіемъ несчастнымъ. «Друзья и братья!» сказалъ Игорь: «тайны Божественныя никому не «свѣдомы, а намъ не миновать своего «рока.» Онъ переправился за Донецъ. Всеволодъ, братъ Игоревъ, шелъ изъ Курска инымъ путемъ; соединясь на берегахъ Бѣдствіе Игоря. Апрѣля 13. 1185 г. Маія 1.

Оскола, войско обратилось къ Югу, къ рѣкамъ Дону и Салу, ѳеатру блестящихъ побѣдъ Мономаховыхъ (70). Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о сей новой грозѣ, представляя имъ, что Россіяне, дерзнувъ зайти столь далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись, и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ Князьямъ. Люди благоразумные говорили Игорю: «Князь! непріятели многочислен«ны; удалимся: теперь не наше время.» Игорь отвѣтствовалъ: «Мы будемъ осмѣяны, когда, не «обнаживъ меча, возвратимся; а стыдъ ужаснѣе «смерти.» Въ первой битвѣ Россіяне остались побѣдителями, взяли станъ непріятелей, ихъ семейства; ликовали въ завоеванныхъ вежахъ и говорили другъ другу: «Что скажутъ теперь «наши братья и Святославъ Кіевскій? Они сра«жались съ Половцами еще *смотря на Перея«славль*, и не смѣли итти въ ихъ землю; а мы «уже въ ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе «въ странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бы«вали отцы наши; истребимъ варваровъ и пріобрѣтемъ славу вѣчную.» Сія гордость витязей мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя слѣдствія. Разбитые Половцы соединились съ новыми толпами, отрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще большей помощи, не хотѣли сразиться *копьями*, три дни дѣйствуя одними *стрѣ-*

лами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ войско нашихъ Князей открыло себѣ путь къ водѣ: тамъ Половцы со всѣхъ сторонъ окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненный Игорь ѣздилъ на конѣ, ободряя ихъ, и снявъ съ себя шлемъ, чтобы они видѣли его лице и тѣмъ великодушнѣе умирали. Всеволодъ, братъ Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, изломивъ свое копіе и мечь. Почти никто не могъ спастися: всѣ легли на мѣстѣ или съ Князьями были отведены въ неволю. Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившемся на берегахъ Каялы (нынѣ Кагальника), отъ нѣкоторыхъ купцевъ, тамъ бывшихъ. «Скажите въ Кіевѣ (говорили имъ Половцы), «что мы теперь можемъ обмѣняться плѣнни-«ками.» Князья, Вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ ([71]): на возвратномъ пути услышавъ печальную вѣсть, залился слезами и сказалъ: «я жаловался на легкомысліе «Игоря: теперь еще болѣе жалуюсь на его зло-«счастіе.» Онъ собралъ Князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не хотѣвъ итти по слѣдамъ Владѣтелей Сѣверскихъ, чтобы не имѣть той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій: ибо варвары, успо-

коенные его робостію, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичь встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами и бился какъ Герой; кровь текла изъ ранъ его; дружина ослабѣвала. Видя опасность Князя любимаго, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, уязвленнаго тремя копьями (72). Половцы, взявъ городъ *Римъ* или нынѣшній Роменъ, опустошивъ множество селъ близъ Путивля и напомнивъ Россіянамъ бѣдственныя времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ утѣшенію Сѣверянъ, Игорь Святославичь возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подъ надзираніемъ благосклоннаго къ нему Хана Кончака; имѣлъ при себѣ слугъ, Священника, и могъ забавляться ястребиною охотою. Одинъ изъ Половцевъ, именемъ Лаверъ, вызвался бѣжать съ нимъ въ Россію. Князь Игорь отвѣтствовалъ: «я могъ уйти во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.» Однакожь, убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего Конюшаго, Игорь воспользовался темнотою ночи и сномъ варваровъ, упоенныхъ крѣпкимъ кумысомъ; сѣлъ на коня, и въ 11 дней пріѣхалъ благополучно въ городъ Донецъ (73). Сынъ его Владиміръ, оставленный имъ въ плѣну,

Мужество Владиміра.

женился тамъ на дочери Хана Кончака и возвратился къ отцу черезъ два года, вмѣстѣ съ дядею Всеволодомъ (коего называютъ Лѣтописцы Героемъ, или, по ихъ словамъ, *удалѣйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей, величественнымъ наружностію, любезнымъ душею). Сія гибель дружины Сѣверской, плѣнъ Князей и спасеніе Игоря описаны со многими обстоятельствами въ особенной древней, исторической повѣсти, украшенной цвѣтами воображенія и языкомъ Стихотворства. Герой Всеволодъ.

Въ теченіе слѣдующихъ осьми лѣтъ Половцы то мирились, то воевали съ Россіянами, имѣя успѣхъ и неудачи (74). Сіи маловажныя ошибки не представляютъ ничего достопамятнаго для Исторіи. Одинъ сынъ Рюриковъ, юный Ростиславъ, отличался въ оныхъ мужествомъ и былъ грозою варваровъ, предводительствуя Торками и Берендѣями, иногда вѣрными стражами областей Кіевскихъ, иногда измѣнниками: такъ ихъ знаменитый чиновникъ или Князекъ, именемъ Кунтувдѣй, оскорбленный Святославомъ, ушелъ къ Половцамъ, и долго грабилъ съ ними села Днѣпровскія. Чтобы обезоружить сего храбраго наѣздника, Рюрикъ далъ ему городокъ Дверепъ на берегахъ Роси. Народъ благословлялъ согласіе Рюрика съ Святославомъ, которые единодушно дѣйствовали для его внѣшней без- Торки и Берендѣи.

опасности. Первый, женатый на сестрѣ Князей Пинскихъ или Туровскихъ, правнукъ Святополка-Михаила, старался быть защитникомъ и сего края: онъ ходилъ съ войскомъ на Литву, какъ бы предвидя, что она будетъ для нашего отечества еще опаснѣе Половцевъ.

Междоусобіе Князей Рязанскихъ нарушило внутренній миръ и спокойствіе въ

г. 1186-1187. Междоусобіе въ Рязани.

Россіи восточной. Глѣбовичи Романъ, Игорь, Владиміръ, умышляли на жизнь меньшихъ братьевъ, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконецъ осадили ихъ въ Пронскѣ (75). Великій Князь былъ занятъ тогда новымъ походомъ рати своей на Болгаровъ; когда же Воеводы его возвратились оттуда съ добычею и съ плѣнниками, онъ рѣшился прекратить вражду злобныхъ братьевъ. Напрасно Послы его благоразумно представляли имъ, что добрые Россіяне и единокровные должны извлекать мечь только на враговъ иноплеменныхъ. Романъ, Игорь, Владиміръ, отвѣтствовали гордо, что они не имѣютъ нужды въ совѣтахъ и хотятъ быть независимы. Обольщенный ими, Святославъ измѣнилъ меньшему брату, Всеволоду, бывшему у Великаго Князя, и сдалъ имъ Пронскъ, гдѣ находилось 300 человѣкъ дружины Владимірской. Романъ взялъ ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми, Боярами Всеволода

Глѣбовича. Сіи безразсудные мятежники скоро увидѣли опасность, и старались умилостивить Великаго Князя. Они склонили Черниговскаго Епископа Порфирія (коего Епархія заключала въ себѣ и Рязанскую область), быть ихъ ходатаемъ; Послы Святослава Кіевскаго и брата его также находились въ Владимірѣ для сего дѣла. Но Порфирій худо исполнилъ священную обязанность миротворца; дѣйствовалъ какъ перевѣтникъ, раздражилъ Всеволода Георгіевича коварствомъ своимъ и тѣмъ умножилъ зло: ибо Великій Князь огнемъ и мечемъ опустошилъ землю Рязанскую, держась правила, какъ говорятъ Лѣтописцы, что «война *славная* лучше мира постыднаго (76).» г. 1187.

Сей годъ достопамятенъ кончиною Ярослава Владиміорковича Галицкаго и важными ея слѣдствіями. Подобно отцу господствуя отъ горъ Карпатскихъ до устья Серета и Прута, онъ имѣлъ истинныя государственныя добродѣтели, рѣдкія въ тогдашнія времена: не искалъ завоеваній, но, довольствуясь своею немалою областію, пекся о благоденствіи народа, о цвѣтущемъ состояніи городовъ, земледѣлія; для того любилъ тишину, вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ Боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для Государя; нанималъ

Добродѣтели Ярослава Галицкаго.

полки иноплеменниковъ, и спасая тѣмъ подданныхъ отъ кровопролитія, не жалѣлъ казны. Въ 1173 году онъ нанялъ у Поляковъ войско за 3000 гривенъ серебра ([77]): успѣхи торговли и мирной промышлености доставляли ему способъ быть щедрымъ въ такихъ случаяхъ. Союзникъ Греческаго Императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему Россіяне прозвали его *Осьмомысломъ*. Сей миролюбивый Князь не находилъ мира только въ нѣдрахъ семейства и не могъ жить въ согласіи ни съ супругою, ни съ сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ разстаться и (въ 1181 году) скончалась Монахинею въ Владимірѣ Суздальскомъ у Всеволода, ея брата ([78]); а сынъ Ярославовъ, въ третій разъ изгнанный отцемъ, напрасно искавъ пристанища у Князей Волынскихъ, Смоленскаго, даже у Великаго Князя, жилъ два года въ Путивлѣ у своего зятя, Игоря Сѣверскаго, и хотя наконецъ, посредствомъ Игорева старанія, примирился съ отцемъ, но имѣя склонности развратныя, непрестанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ меньшаго, побочнаго сына, именемъ Олега, прижитаго имъ съ несчастною Анастасіею. Готовясь къ смерти, онъ три дни прощался со всѣми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищіе тѣснились во дворцѣ къ одру умирающаго. Изъ-

явивъ чувства набожныя и Христіанскія, смиреніе предъ Богомъ и людьми; назначивъ богатые вклады въ церкви, въ монастыри, и велѣвъ раздать часть казны бѣднымъ, Ярославъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Олега: Владиміра же наградилъ только Перемышлемъ, взявъ съ него и съ Бояръ клятву исполнить сіе завѣщаніе. Но Бояре, едва предавъ землѣ тѣло Государя, изгнали Олега (ушедшаго къ Рюрику въ Овручь), и возвели Владиміра на престолъ.

Г. 1188. Слабости и бѣдствіе Князя Владиміра.

Они раскаялись: ибо новый Государь, имѣя отвращеніе отъ дѣлъ, пилъ день и ночь, презиралъ уставы Церкви и нравственности, женился вторымъ бракомъ на Попадьѣ; сверхъ того, удовлетворяя гнусному любострастію, безчестилъ дѣвицъ и супругъ Боярскихъ. Негодованіе сдѣлалось общимъ; въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ народъ жаловался громогласно. Въ сосѣдственной области Владимірской господствовалъ тогда Князь извѣстный мужествомъ, умомъ, дѣятельностію, Романъ Мстиславичь, который еще въ лѣтахъ нѣжной юности, подъ стѣнами Новагорода, смиривъ гордость Андрея Боголюбскаго, заслужилъ тѣмъ вниманіе Россіянъ. Многими блестящими свойствами достойный своего предка, Мономаха, онъ, къ несчастію, жертвовалъ властолюбію правилами добродѣтели, и будучи сватомъ Владиміру,

веселился его распутствомъ и народнымъ озлобленіемъ, ибо думалъ воспользоваться Властолюбіе Романа. слѣдствіями онаго. Имѣя тайную связь съ Галицкими Вельможами, Романъ хотѣлъ открыть себѣ путь къ тамошнему престолу и совѣтовалъ имъ свергнуть Князя столь порочнаго. Сіи внушенія не остались безъ дѣйствія. Волненіе и шумъ въ столицѣ пробудили усыпленнаго нѣгою Владиміра. Дворъ Княжескій наполнился людьми; но заговорщики, не увѣренные въ согласіи добрыхъ, терпѣливыхъ гражданъ, опасались возложить руку на Государя, и зная его малодушіе, послали сказать ему, чтобы онъ избралъ супругу достойнѣйшую, выдалъ имъ Попадью для казни, правительствовалъ какъ должно или готовился къ слѣдствіямъ весьма несчастнымъ. Ихъ желаніе исполнилось: то есть, устрашенный Владиміръ бѣжалъ въ Венгрію съ женою, двумя сыновьями и наслѣдственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить въ Галичѣ.

Плоды льстивыхъ внушеній и коварства оказались непрочными для сего властолюбиваго Князя. Бела, Король Венгерскій, не уступая ему въ коварствѣ, осыпалъ Владиміра ласками, дружескими увѣреніями, и немедленно выступилъ къ Галичу со всѣми силами, чтобы смирить мятежныхъ подданныхъ, какъ говорилъ онъ, и возвратить

престолъ изгнаннику. Давно Короли Венгерскіе, бывъ и друзьями и непріятелями мужественныхъ, умныхъ Князей Галицкихъ, отъ Василька до Ярослава, завидовали ихъ странѣ плодоносной, богатой также минералами и въ особенности солью, которая издревле шла въ южную Россію и въ сосѣдственныя земли. Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область къ Венгріи. Еще Романъ не утвердился на новомъ престолѣ; многіе граждане и Вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крутаго нрава и гордаго самовластія. Свѣдавъ, что Венгры сходятъ съ горъ Карпатскихъ, онъ успѣлъ только захватить казну и выѣхалъ изъ Галича съ Боярами, ему преданными. Король безъ сопротивленія вошелъ въ столицу. Уже Владиміръ, изъявляя благодарность добрымъ союзникамъ, думалъ, что они могутъ итти обратно; но вѣроломный Бела вдругъ объявилъ своего сына, Андрея, *Королемъ Галицкимъ*, съ согласія легкомысленныхъ Бояръ, обольщенныхъ его увѣреніями, что Андрей будетъ царствовать по ихъ уставамъ и волѣ. Сего не довольно: Бела, отнявъ у Владиміра и сокровища и свободу, возвратился съ нимъ въ Венгрію какъ съ плѣнникомъ. Вѣроломство Короля Венгерскаго.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей Князь, отправляясь господствовать въ Галичѣ, уступилъ

всю область Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотѣлъ впустить его въ городъ Владиміръ: затворилъ ворота и сказалъ: «я здѣсь Князь, «а не ты!» Изумленный Романъ — лишась такимъ образомъ и пріобрѣтенной и наслѣдственной области — искалъ защиты у Рюрика и Ляховъ. Первый былъ ему тестемъ, а Государь Польскій, Казимиръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казимировъ, Мечиславъ Старый, безъ успѣха приступалъ къ Владиміру, желая возвратить сей городъ любимому ими племяннику. Безъ успѣха также ходилъ Романъ съ дружиною тестя въ землю Галицкую: жители и Венгры отразили его. Наконецъ Рюрикъ угрозами принудилъ Всеволода Мстиславича отдать Владимірское Княженіе старшему брату.

Князья наши не думали вступиться за несчастнаго Владиміра Галицкаго — посаженнаго Королемъ Белою въ каменную башню, — но съ прискорбіемъ видѣли иноплеменниковъ господами прекраснѣйшей изъ областей Россійскихъ. Между тѣмъ хитрый Бела, имѣя дружелюбныя сношенія съ Святославомъ Кіевскимъ, старался увѣрить его въ своемъ безкорыстіи, и даже
г. 1189. обѣщалъ со временемъ отдать ему Галичь; а Святославъ, вопреки условіямъ тѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ,

тайно послалъ одного изъ сыновей къ Королю для переговоровъ. Рюрикъ свѣдалъ и досадовалъ. Принявъ совѣтъ Митрополита, они согласились–было изгнать Венгровъ изъ Галича; но Святославъ, уступая Рюрику сіе Княженіе, требовалъ Овруча, Бѣлагорода и всѣхъ другихъ областей Днѣпровскихъ. Рюрикъ не хотѣлъ того, и Галичь остался за Венграми, впрочемъ не на-долго.

Сынъ Князя Іоанна Берладника, умершаго въ Ѳессалоникѣ, двоюродный племянникъ Ярослава Галицкаго, именемъ Ростиславъ, подобно отцу скитался изъ земли въ землю и нашелъ пристанище въ Смоленскѣ. Онъ имѣлъ друзей въ отечествѣ, гдѣ народъ, неохотно повинуясь иноземнымъ властителямъ, и нѣкоторые Бояре желали видѣть его на престолѣ. По согласію съ ними Ростиславъ, уѣхавъ отъ Давида Смоленскаго, съ малымъ числомъ воиновъ явился предъ стѣнами Галича, въ надеждѣ, что всѣ граждане къ нему присоединятся. Но Андрей оградилъ себя полками Венгерскими, взялъ съ жителей, волею и неволею, присягу въ вѣрности и вообще такія мѣры, что сынъ Берладниковъ, вмѣсто друзей, встрѣтилъ тамъ однихъ враговъ многочисленныхъ. Видя неудачу, измѣну или робость Галичанъ, Ростиславъ не думалъ спасаться бѣгствомъ; сказалъ дружинѣ: Благородство сына Берладникова.

«лучше умереть въ своемъ отечествѣ, нежели скитаться по чужимъ землямъ; предаю «суду Божію тѣхъ, которые меня обмануcли» — и бросился въ средину непріятелей. Тяжело раненный, онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною судьбою, хотѣлъ возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятежъ, Венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили *смертное зеліе* къ язвѣ Ростислава, и сей несчастный Князь, достойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удостовѣриться въ народной къ нему любви; а граждане, изъявивъ оную, раздражили своего Короля. Правленіе Андреево, дотолѣ благоразумное, снисходительное, обратилось въ насиліе. Венгры мстили Галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неистово: отнимали женъ у супруговъ, ставили коней въ домы Боярскіе, въ самыя церкви; позволяли себѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ вопилъ, съ нетерпѣніемъ ожидая случая избавиться отъ ига: онъ представился.

Владиміръ Галицкій, заключенный съ женою и съ дѣтьми у Короля Венгерскаго, нашелъ способъ уйти: изрѣзалъ шатеръ, поставленный для него въ башнѣ, свилъ изъ холста веревки, спустился по онымъ внизъ и бѣжалъ къ Нѣмецкому Императору, Фри-
К. Вла- дерику Барбарусѣ. Такъ сынъ Ярослава

Великаго искалъ нѣкогда покровительства Императора Генрика IV; но привезъ сокровища въ Германію, а Владиміръ могъ только обѣщать, и дѣйствительно вызвался ежегодно платить Фридерику 2000 гривенъ серебра, буде его содѣйствіемъ отниметъ Галичь у Венгровъ. Императоръ — неизвѣстно, какимъ образомъ — зналъ Великаго Князя Суздальскаго и весьма ласково принялъ Владиміра, слыша, что онъ сынъ Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важнымъ намѣреніемъ ратоборствовать въ Палестинѣ съ Героемъ Востока, Саладиномъ, Фридерикъ не могъ послать войска къ берегамъ Днѣстра, однакожь далъ Владиміру письмо къ Казиміру Справедливому, которое имѣло счастливое для изгнанника дѣйствіе: ибо сей Монархъ Польскій, завидуя Венграмъ въ пріобрѣтеніи земли Галицкой, и вѣдая, сколь ихъ господство противно ея жителямъ, не отказался отъ предлагаемой ему чести быть покровителемъ несчастнаго Князя, вѣроломно обманутаго Белою; надѣялся на Галичанъ, и не обманулся. Бывъ недовольны правленіемъ Владиміровымъ, они еще гораздо болѣе ненавидѣли Венгровъ; и когда услышали, что сей Князь съ Воеводою Краковскимъ, знаменитымъ Николаемъ, идетъ къ ихъ границамъ: то всѣ единодушно возстали, изгнали Андрея и встрѣтили Владиміра съ

Владиміръ въ Имперіи.

Г. 1190. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича.

радостію; а Белѣ остался стыдъ и титулъ *Короля Галицкаго*, съ 1190 года употребляемый въ его грамотахъ (79). Еще не миновались опасности для Владиміра: худо вѣря безкорыстію Поляковъ, боясь Венгровъ, Романа Волынскаго и собственнаго народа, онъ прибѣгнулъ къ дядѣ, Великому Князю, не хотѣвъ дотолѣ искать въ немъ милости; смиренно винился, обѣщалъ исправиться, и писалъ къ нему: «Будь «моимъ отцемъ и Государемъ: я Божій и «твой со всѣмъ Галичемъ; желаю тебѣ по«виноваться, но только тебѣ одному.» Сіе покровительство, согласное съ долгомъ родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взявъ оное на себя, извѣстилъ о томъ всѣхъ Князей Россійскихъ и Казимира: послѣ чего Владиміръ могъ безопасно господствовать до самой смерти.

Чтимый внутри и внѣ Россіи, Всеволодъ хотѣлъ искренняго взаимнаго дружелюбія Князей, и старался утвердить оное новымъ свойствомъ, выдавъ дочь свою за племянника Святославова, — другую, именемъ

Г. 1187-1195. Браки.

Верхуславу, за Рюриковича, мужественнаго Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилѣтняго, женивъ на внукѣ умершаго Романа Смоленскаго (80). Юность лѣтъ не препятствовала брачнымъ союзамъ, коихъ требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила въ

возрастъ отроковицы, когда родители послали ее къ жениху въ Бѣлгородъ. Сія свадьба была одною изъ великолѣпнѣйшихъ, о коихъ упоминается въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. За невѣстою пріѣзжали въ Владиміръ шуринъ Рюриковъ, Глѣбъ Туровскій, и знатнѣйшіе Бояре съ супругами, щедро одаренные Всеволодомъ. Отмѣнно любя Верхуславу, отецъ и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилѣтнюю дочь до третьяго стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который долженъ былъ, вмѣстѣ съ первыми Боярами Суздальскими, везти невѣсту. Въ Бѣлѣгородѣ Епископъ Максимъ совершалъ обрядъ вѣнчанія, и болѣе двадцати Князей пировали на свадьбѣ. Рюрикъ, слѣдуя древнему обычаю, въ знакъ любви отдалъ снохѣ городъ Брагинъ. Сей Князь, тесть Игорева сына, жилъ въ мирѣ со всѣми Ольговичами, и въ случаѣ споровъ о границахъ или Удѣлахъ прибѣгалъ къ посредству Всеволодову. Такъ Святославъ (въ 1190 году) желалъ присвоить себѣ часть Смоленскихъ владѣній; но Рюрикъ и Давидъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ обезоружили его, представляя, что онъ взялъ Кіевъ съ условіемъ не требовать ничего болѣе и забыть споры, бывшіе при Великомъ Князѣ Ростиславѣ; что ему остается или исполнить договоръ или начать войну. Святославъ далъ имъ слово впредь не нарушать мира, и сдержалъ оное, довольный честію первенства между Князьями южной Россіи. Уступивъ Чер-

пиговъ брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть Кіевской области, не имѣя ни Переяславля, ни Волыніи, онъ не могъ равняться силою съ древними Великими Князьями, но подобно имъ именовался Великимъ и возстановилъ независимость Кіева. Всеволодъ Георгіевичь уважалъ въ Святославѣ опытнаго старца (власы сѣдые были тогда правомъ на почтеніе людей); предвидя его близкую кончину, удерживалъ до времени свое властолюбіе и терпѣлъ нѣкоторую зависимость могущественной области Суздальской отъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Вмѣстѣ съ народомъ или знаменитыми гражданами избирая Епископовъ для Ростова, Суздаля, Владиміра, но посылая ихъ ставиться къ Митрополиту Никифору, преемнику Константинову, онъ всегда отправлялъ Пословъ и къ Святославу, требуя на то его Княжескаго соизволенія (81): ибо власть духовная была тѣсно связана съ гражданскою, и Митрополитъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ Государя. Никифоръ хотѣлъ нарушить сей уставъ въ Россіи, самовластно посвятивъ въ Епископы Суздалю одного Грека; но Всеволодъ не принялъ его, и Митрополитъ поставилъ инаго, назначеннаго Великимъ Княземъ и одобреннаго Святославомъ. — Между тѣмъ, желая приблизиться къ древней столицѣ, Всеволодъ возобновилъ го-

Временная независимость Кіева.

родъ Остеръ, разрушенный Изяславомъ Мстиславичемъ (82): Тіунъ Суздальскій пріѣхалъ туда властвовать именемъ Князя. Южный Переяславль также зависѣлъ отъ Всеволода, который отдалъ его, по смерти Владиміра Глѣбовича, другому племяннику, Ярославу Мстиславичу. Вся *Украйна*, по словамъ Лѣтописца, оплакала сего мужественнаго Владиміра, ужаснаго для Половцевъ, добраго, безкорыстнаго, любившаго дружину и любимаго ею.

Добродѣтели Владиміра Глѣбовича.

Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ.

Когда почти вся Россія наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляютъ намъ ужасы мятежа и картину воинской дѣятельности. Давидъ Ростиславичь, господствуя въ Смоленскѣ, не былъ любимъ народомъ. Не имѣя твердыхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на опытѣ вѣковъ, Князья и подданные въ нашемъ древнемъ отечествѣ часто дѣйствовали по внушенію страстей; сила казалась справедливостію: иногда Государь, могущественный усердіемъ и мечами дружины, угнеталъ народъ; иногда народъ презиралъ волю Государя слабаго. Неясность взаимныхъ правъ служила поводомъ къ мятежамъ, и Смоляне, однажды изгнавъ Князя (83), хотѣли и вторично утвердить народную власть такимъ же дѣломъ. Но Давидъ былъ смѣлъ, рѣшителенъ; не уступилъ гражданамъ и не жалѣлъ ихъ

крови; казнилъ многихъ и возстановилъ порядокъ.

Сынъ Давидовъ, Мстиславъ, года два княжилъ спокойно въ Новѣгородѣ; вмѣстѣ съ отцемъ ходилъ воевать Полоцкую область и заключилъ миръ съ ея жителями, которые встрѣтили ихъ на границѣ съ дарами (84). При семъ же Князѣ Новогородцы, опустошивъ часть Финляндіи, привели оттуда многихъ плѣнниковъ. Но духъ раздора не замедлилъ обнаружиться въ Республикѣ: народъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ знатныхъ гражданъ, осудилъ на смерть, бросилъ съ моста въ Волховъ. Юный Мстиславъ не предупредилъ зла, и казался слабымъ. Въ вину ему поставили, можетъ быть, и гибель чиновниковъ, ѣздившихъ тогда для собранія дани въ Заволочье, въ страну Печорскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ господствовалъ и давалъ законы народамъ полудикимъ, богатымъ драгоцѣнными звѣриными кожами: сіи чиновники и товарищи ихъ были убиты жителями, хотѣвшими освободиться отъ ига Россіянъ. Въ слѣдствіе того и другаго происшествія Новогородцы изгнали Мстислава, прибѣгнули опять ко Всеволоду, и желали вторично имѣть Княземъ свояка его, Ярослава Владиміровича. Тѣснѣйшая связь съ могущественнымъ Государемъ Суздальскимъ обѣщала имъ столь важныя выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава, и цѣлые девять лѣтъ терпѣли его какъ въ счастливыхъ, такъ и въ небла-

господріятныхъ обстоятельствахъ. Первый годъ Ярославова княженія, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлѣбною дороговизною (четверть ржи стоила болѣе двухъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и важною ссорою съ Варягами, Готландцами и другими народами Скандинавскими. Новогородцы задержали ихъ купцевъ, разослали по темницамъ; не пустили своихъ за море; отправили назадъ Пословъ Варяжскихъ и не хотѣли съ ними договариваться о мирѣ. Шведскіе Лѣтописцы сказываютъ, что въ сей годъ Россіяне, соединясь съ жителями Эстоніи и Корелами, приходили на судахъ въ окрестности Стокгольма, убили Архіепископа Упсальскаго, взяли 14 Іюля древній торговый городъ Шведскій Сигтуну, опустошили его такъ, что онъ уже навѣки утратилъ свое прежнее цвѣтущее состояніе, и вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями похитили серебряныя церковныя врата, которыми украсилась Соборная церковь Новогородская ([85]). Недовольные тогда Варягами, Новогородцы могли возбудить Эстонцевъ къ опустошенію приморской Швеціи; могли дать имъ и нѣкоторыхъ воиновъ: но участіе Россіянъ въ семъ предпріятіи безъ сомнѣнія было не важно, когда современные Лѣтописцы наши о томъ не упоминаютъ, описывая обстоятельно малѣйшія военныя дѣйствія ихъ времени; напримѣръ,

Ссора съ Варягами.

Воинскіе подвиги. какъ Псковитяне (въ 1190 году) разбили сихъ самыхъ Эстонцевъ, которые на семи *шнекахъ* или судахъ приходили грабить въ окрестностяхъ тамошняго озера; какъ Новогородцы съ Корелами (въ 1191 году) воевали бѣдную землю Финновъ, жгли тамъ селенія, истребляли скотъ. Тогда же Ярославъ Владиміровичь, имѣвъ на границѣ свиданіе съ Князьями Кривскими или Полоцкими, согласился вмѣстѣ съ ними итти зимою на Литву или Чудь; богато одаренный союзниками, возвратился въ Новгородъ, и по условію вступивъ въ Ливонскую землю, взялъ Дерптъ, множество плѣнниковъ и всякаго роду добычи. Въ слѣдующій годъ, лѣтомъ, сей Князь самъ остался во Псковѣ, а Дворъ его, или дружина, съ отрядомъ Псковитянъ завоевали *Медвѣжью Голову* или Оденпе, распространивъ огнемъ и мечемъ ужасъ въ окрестностяхъ (86).

Бѣдствія Чуди. Тогдашнее состояніе Чудскаго народа было самое несчастное: Россіяне, ссылаясь на древнія права свои, требовали отъ него дани, а Шведы перемѣны Закона. Папа Александръ III торжественно обѣщалъ сѣвернымъ Католикамъ вѣчное блаженство, ежели язычники Эстонскіе признаютъ въ немъ Апостольскаго Намѣстника: съ Латинскою Библіею и съ мечемъ Шведы выходили на восточные берега моря Бальтійскаго и наказывали идолопоклонниковъ за

ихъ упорство въ заблужденіяхъ язычества. Россіяне — Новогородцы, Кривичи — изъявляли менѣе ревности къ обращенію невѣрныхъ и не хотѣли *насиліемъ* просвѣщать людей; но считали жителей Эстоніи и Ливоніи своими подданными, наказывая ихъ какъ мятежниковъ, когда они желали независимости. Въ сіе время, по сказанію древнѣйшаго Лѣтописца Ливонскаго, славился могуществомъ *Князь Полоцкій Владиміръ:* онъ господствовалъ до самаго устья Двины, и власть его надъ южною Чудскою землею была вообще столь извѣстна, что благочестивый старецъ Менигардъ, усердный Нѣмецкій Католикъ, пріѣхавъ около 1186 года съ купцами Нѣмецкими въ Ливонію, просилъ у него дозволенія мирно обращать тамошнихъ язычниковъ въ Христіанство (87): на что Владиміръ охотно согласился, и даже отпустилъ Менигарда съ дарами изъ Полоцка, не предвидя вредныхъ слѣдствій, которымъ скоро надлежало открыться для Россіянъ отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго. Менигардъ имѣлъ успѣхъ въ важномъ дѣлѣ своемъ: основалъ первую Христіанскую церковь въ Икскулѣ вмѣстѣ съ маленькою крѣпостію (не далеко отъ нынѣшней Риги), училъ язычниковъ Закону и военному искуству для ихъ безопасности; крестилъ волею и

Нѣмцы въ Ливоніи.

неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ Вѣру Латинскую.

Новогородцы, желая отмстить народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали туда Воеводу съ дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирѣпые обычаемъ и дикіе нравами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, пять недѣль стоялъ подъ другимъ, терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Осажденные увѣряли его въ своей покорности, называли себя Новогородскими слугами, и нѣсколько разъ обѣщали вынести обыкновенную дань (88): *соболей*, *серебро* (что, какъ надобно думать, получали они мѣною отъ дальнѣйшихъ народовъ Сибирскихъ). Неосторожный Воевода, приглашенный ими, въѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски; такую же участь имѣли и другіе 80 Россіянъ, вошедшіе за ними. На третій день, Декабря 6, жители сдѣлали вылазку и почти совсѣмъ истребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося менѣе ста человѣкъ, которые, долгое время скитаясь по снѣжнымъ пустынямъ, не могли дать о себѣ никакой вѣсти Новогородцамъ, безпокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже чрезъ 8 мѣсяцевъ. Вмѣсто того, чтобы итти въ храмъ и благодарить Небо, спасшее ихъ отъ погибели, сіи

Серебро Сибирское.

несчастные вздумали судиться предъ народомъ, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, въ тайномъ сношеніи со врагами во время осады города Югорскаго. Дѣло, весьма неясное, кончилось убіеніемъ трехъ гражданъ и взысканіемъ пени съ иныхъ, мнимыхъ преступниковъ.

Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій держали равновѣсіе Государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области Волынскія и Днѣпровскія, подвластныя Рюрику, признавали Всеволода своимъ Главою: Ольговичи и владѣтели Кривскіе повиновались Святославу, который, не смотря на то, чувствовалъ превосходство силъ на сторонѣ Великаго Князя, и слѣдуя внушеніямъ благоразумія, свойственнаго опытной старости, не дерзалъ явно ему противоборствовать. Такъ, имѣя ссору о границахъ съ Князьями г. 1194-1195. Рязанскими, и готовый вмѣстѣ съ другими Ольговичами объявить имъ войну, онъ не могъ начать ее безъ дозволенія Всеволодова (89): требовалъ онаго, не получилъ, и долженъ былъ мирно возвратиться изъ Карачева. На семъ пути Святославъ занемогъ: чувствуя сильную боль въ ногѣ, лѣтомъ ѣхалъ въ саняхъ до рѣки Десны, гдѣ сѣлъ въ лодку; изъ Кіева немедленно отправился въ Вышегородъ: облилъ слезами раку Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба; хотѣлъ

поклониться тамъ гробу отца своего, но видя дверь сего придѣла запертую, спѣшилъ возвратиться къ супругѣ. Онъ жилъ только недѣлю; могъ еще однажды выѣхать изъ дворца къ обѣднѣ; слабѣлъ, едва говорилъ и лежалъ наконецъ въ усыпленіи; за нѣсколько же часовъ до смерти вдругъ поднялся на одрѣ и спросилъ у супруги: когда будутъ Маккавеи? день, въ который умеръ отецъ его. Въ Понедѣльникъ, отвѣтствовала Княгиня. «И такъ мнѣ не дожить!» сказалъ онъ. Княгиня думала, что ему привидѣлся сонъ, и хотѣла знать оный. Святославъ не отвѣтствовалъ ей, громко читая: *вѣрую во единаго;* отправилъ гонца за Рюрикомъ, велѣлъ постричь себя въ Монахи и преставился. . . . Непостоянный отъ юности, нѣкогда другъ и предатель Мстиславичей, Мономаховыхъ внуковъ; то врагъ, то союзникъ Долгорукаго и дядей своихъ, Черниговскихъ Владѣтелей; жертвуя истинными государственными добродѣтелями, справедливостію, честію, выгодамъ Политики личной; безсовѣстный въ отношеніи не только къ Мономахову потомству, но и къ своимъ единокровнымъ, сей Князь имѣлъ однакожь достоинства: умъ необыкновенный, цѣломудріе, трезвость, всю наружность усерднаго Христіанина и щедрость къ бѣднымъ. Имя Государя Кіевскаго, напоминая знаменитость древнихъ Князей

Кончина и характеръ Святослава.

Великихъ, доставляло ему уваженіе отъ Монарховъ сосѣдственныхъ. Бела Венгерскій искалъ его дружбы: сильный Казиміръ также. Женивъ сына, именемъ Всеволода Чермнаго, на дочери Казиміровой (90), Маріи (скоро умершей Инокинею въ Кіевскомъ, ею основанномъ монастырѣ Св. Кирилла), Святославъ помолвилъ внуку, Евфимію, дочь Глѣбову, за Греческаго Царевича (можетъ быть, Исаакіева сына, Алексія IV), и не дожилъ до ея брака, успѣвъ единственно выслать Бояръ на встрѣчу къ Императорскимъ сановникамъ, ѣхавшимъ за невѣстою. Княжна Евфимія за Греч. Царевичемъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ уступилъ Святославу Кіевъ единственно по его смерть, и что Всеволодъ утвердилъ сей договоръ, извѣстный Князьямъ, Вельможамъ и гражданамъ. Любимый вообще за свою привѣтливость, Рюрикъ былъ встрѣченъ народомъ и Митрополитомъ со крестами; а Великій Князь прислалъ Бояръ возвести его на тронъ Кіевскій, желая тѣмъ ознаменовать зависимость онаго отъ Государей Суздальскихъ, хотя Рюрикъ, подобно Святославу, также назывался *Великимъ Княземъ* и самовластно располагалъ городами Днѣпровскими. Онъ звалъ къ себѣ брата, Давида г. 1195. Смоленскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ назначить Удѣлы своимъ сыновьямъ и Владиміровичамъ, внукамъ Мстислава Великаго.

Давидъ провелъ для того нѣсколько дней въ Кіевѣ, посвященныхъ дѣламъ государственнымъ и весельямъ. Рюрикъ, сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій и Кіевляне давали ему пиры. Давидъ также угостилъ ихъ. Берендѣи, Торки, самые Монахи пировали у сего Князя; и между тѣмъ, какъ роскошь изливала свой тукъ на Княжескихъ трапезахъ, благотворительность не забывала и нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ безъ милостыни для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государственнымъ, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; Вельможи, Тіуны, Воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія; духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и къ Вѣнценосцамъ.

Пиры въ Кіевѣ.

Признавъ Всеволода *старшимъ* и Главою Князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя; однакожь искалъ еще другой опоры, и будучи тестемъ Романа Мстиславича Волынскаго, отдалъ ему пять городовъ Кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Три-

поль, Корсунь и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. «Я старшій въ Мономаховомъ «родѣ,» велѣлъ онъ сказать Рюрику: «кому «обязанъ ты Кіевомъ? но забывая меня, от«даешь города инымъ младшимъ Князьямъ. «Не оспориваю власти твоей: господствуй «и дѣлись оною съ друзьями! Увидимъ, мо«гутъ ли они защитить тебя!» Желая умилостивить Всеволода, сватъ его предлагалъ ему особенный Удѣлъ въ Кіевской области; но Великій Князь требовалъ для себя городовъ отданныхъ Мстиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимости Рюрикъ призвалъ на совѣтъ Никифора Митрополита; съ одной стороны не хотѣлъ нарушить слова своего въ разсужденіи зятя, а съ другой боялся Всеволода. «Мы поставлены отъ Бога ми«рить Государей въ землѣ Русской,» отвѣтствовалъ Митрополитъ: «всего ужаснѣе «кровопролитіе. Исполни волю старѣйшаго «Князя. Если Мстиславичь назоветъ тебя «клятвопреступникомъ, то я беру грѣхъ на «себя; а ты можешь удовольствовать зятя «иными городами.» Самъ Романъ изъявилъ согласіе взять другую область или деньги въ замѣну Удѣла, и распря прекратилась; но когда Всеволодъ, отправивъ Намѣстниковъ въ города Днѣпровскіе, подарилъ Торческъ зятю своему, Рюрикову сыну: Волынскій Князь вознегодовалъ на тестя, считая себя обманутымъ (91); не хотѣлъ

Миролюбіе Духовенства.

Гнѣвъ Романа.

жить съ его дочерью; принуждалъ бѣдную супругу удалиться въ монастырь, и вступилъ въ дружбу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣтуя ему завоевать Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обличивъ зятя въ умыслахъ непріятельскихъ и велѣвъ *повергнуть предъ нимъ грамоты крестныя*, обратился къ Всеволоду Георгіевичу. «Государь и братъ!» сказали Послы его: «*Романко* измѣнилъ «намъ и дружится со врагами Мономахова «племени. Вооружимся и сядемъ на коней!» Предвидя, что Великій Князь вступится за Рюрика, Мстиславичь искалъ союзниковъ въ Польшѣ, гдѣ юные сыновья Казимировы готовились отразить дядю, властолюбиваго Мечислава. Они сами имѣли нужду въ помощи (92), и мужественный Романъ за нихъ ополчился, говоря дружинѣ своей, что услуга даетъ право на взаимную услугу, и что побѣдивъ дядю, онъ будетъ располагать силами благодарныхъ племянниковъ. Уже войска стояли другъ противъ

Битва въ Польшѣ.

друга. Мечиславъ требовалъ мира, предлагая нашему Князю быть посредникомъ. Бояре Россійскіе также не хотѣли кровопролитія; но пылкій Князь, вопреки ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Польскіе Историки пишутъ, что онъ повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а Воевода Краковскій, Николай, другимъ и срединою. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ,

жестоко уязвленный, велѣлъ *нести* себя къ предѣламъ Волыніи. Знаменитый Епископъ Краковскій, Фулько, ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь, чтобы непріятель не взялъ столицы. «Не имѣя ни «силы въ рукахъ, ни воиновъ, отчасти убиктыхъ, отчасти разсѣянныхъ, могу ли быть «вамъ полезенъ?» сказалъ ему Мстиславичъ; а на вопросъ Епископа: *что жь дѣлать?* отвѣтствовалъ: «защищать столицу, «пока соберемся съ силами ([93]).» Романъ отправилъ изъ Владиміра Пословъ въ Кіевъ; обезоружилъ тестя смиреннымъ признаніемъ вины своей, и чрезъ ходатайство Митрополита получилъ отъ Рюрика два города въ награжденіе.

Великій Князь, Рюрикъ и братъ его, Давидъ Смоленскій, требовали отъ Черниговскаго и всѣхъ Князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за дѣтей своихъ никогда не искать ни Кіева, ни Смоленска, и довольствовались лѣвымъ берегомъ Днѣпра, отданнымъ ихъ прадѣду, Святославу ([94]). Ольговичи не хотѣли того. «Мы го- Мятежный духъ Ольговичей.
«товы» — говорили они чрезъ Пословъ Всеволоду Георгіевичу — «*блюсти* Кіевъ за «тобою или за Рюрикомъ; но если желаешь «навсегда удалить насъ отъ престола Кіев«скаго, то знай, что мы не Венгры, не «Ляхи, а потомки Государя единаго. Вла«ствуйте, пока вы живы; когда жь васъ

«не будетъ, древняя столица да принад-«лежитъ достойнѣйшему, по волѣ Бо-«жіей!» Всеволодъ грозилъ имъ: они на все согласились; а Рюрикъ отпустилъ наемныхъ Половцевъ, и въ доказательство своего миролюбія обѣщалъ Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебскъ, гдѣ княжилъ Василько Брячиславичь, зять Давидовъ, племянникъ Всеслава Полоцкаго.

Но Ольговичи нарушили клятвенный
г. 1196. обѣтъ мира: не дождавшись Пословъ ни Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими надлежало имъ во всемъ условиться, въ концѣ зимы выступили съ войскомъ къ Витебску и начали грабить Смоленскую область (96). Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичь, сватъ Великаго Князя, хотѣлъ отразить ихъ. Ольговичи имѣли время изготовиться къ битвѣ, соединились съ Князьями Полоцкими, Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто, и *притоптали снѣгъ* вокругъ себя, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую, надъ коею начальствовалъ Олегъ Святославичь; но Воевода Смоленскій, Михалко, въ тоже время бѣжалъ, не дерзнувъ сразиться съ Полочанами, которые, видя Олега разбитаго, уда-

рили съ тылу на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнавъ Черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей, и долженъ былъ сдаться. Зять Давидовъ, юный Князь Рязанскій, и Ростиславъ Владиміровичь, внукъ Мстислава Великаго, едва могли спастися. Они принесли Смоленскому Князю вѣсть о семъ несчастіи; а Ярославъ Черниговскій, обрадованный блестящимъ успѣхомъ своего племянника, и слыша, что жители Смоленска не любятъ Давида, хотѣлъ съ новыми полками итти прямо къ сему городу. Рюрикъ остановилъ его. «Ты не «имѣешь совѣсти,» писалъ онъ къ нему изъ Овруча: «и такъ возвращаю тебѣ грамоты крест-«ныя, тобою нарушенныя. Иди къ Смоленску: я «пойду къ Чернигову. Увидимъ, кто будетъ «счастливѣе.» Ярославъ оправдывался, жалуясь на Давида и Князя Витебскаго; обѣщалъ безъ выкупа освободить плѣннаго Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрикъ отступилъ отъ союза съ Великимъ Княземъ. «У «насъ дѣла общія,» отвѣтствовалъ Рюрикъ: «буде искренно желаешь мира, то дай свободный «путь моимъ Посламъ чрезъ твою область ко «Всеволоду и Давиду; мы всѣ готовы примирить-«ся.» Но Ярославъ, будучи коварнымъ, считалъ и другихъ таковыми; не вѣрилъ ему; занялъ всѣ дороги; препятствовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ Днѣпровскихъ. Отверг-

нувъ великодушныя правила Мономахова Дому, Рюрикъ не устыдился нанять дикихъ Половцевъ для опустошенія Черниговскихъ владѣній и *полнилъ руки* варварамъ, какъ сказано въ лѣтописи.

Ольговичи имѣли союзниковъ въ Князьяхъ Полоцкихъ: тѣ и другіе считали себя угнетенными и старѣйшими Мономаховыхъ наслѣдниковъ. Они нашли друга и между послѣдними: мужественнаго Романа Волынскаго, который искалъ всѣхъ способовъ возвыситься; слѣдуя одному правилу *быть сильнымъ*, не уважалъ никакихъ иныхъ, ни родства, ни признательности. Обязанный благодѣяніями тестя, онъ забылъ ихъ: помнилъ только, что Рюрикъ взялъ у него назадъ города Днѣпровскіе. Отдохнувъ послѣ несчастной битвы съ Мечиславомъ Старымъ, Романъ снова предложилъ союзъ Ольговичамъ и послалъ рать свою воевать область Смоленскую и Кіевскую. Сіе нечаянное нападеніе уменьшило на время затрудненіе Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бѣдствіямъ опустошенія: съ одной стороны Ростиславъ, сынъ Рюриковъ, а съ другой племянникъ его, Мстиславъ, сынъ Мстислава *Храбраго*, вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ плѣнили множество людей въ окрестностяхъ Каменца и Перемиля. Самъ Рюрикъ остался въ Кіевѣ: ибо узналъ,

Неблагодарность Романова.

что Всеволодъ наконецъ рѣшительно дѣйствуетъ противъ Ольговичей, соединился съ Давидомъ, съ Князьями Рязанскими, Муромскими, съ Половцами, — завоевалъ область Вятичей и думаетъ вступить въ Черниговскую. Ярославъ видѣлъ себя въ крайней опасности; но, скрывая боязнь, изготовился къ сильному отпору: укрѣпилъ города, нанялъ степныхъ Половцевъ, оставилъ въ Черниговѣ двухъ Святославичей, и расположился станомъ близъ темныхъ лѣсовъ, сдѣлавъ вокругъ засѣки, подрубивъ всѣ мосты. Впрочемъ ему легче было поссорить враговъ своихъ хитростію, нежели силою одолѣть ихъ: такъ онъ и дѣйствовалъ.

Изъявляя вмѣстѣ и миролюбіе и неустрашимость, Ярославъ послалъ сказать Всеволоду: «Любезный братъ! ты взялъ нашу отчину и «достояніе. Желаешь ли загладить насиліе друж-«бою? Мы любви не убѣгаемъ и готовы заклю-«чить миръ согласно съ твоею верховною во-«лею. Желаешь ли битвы? не убѣгаемъ и того. «Богъ и Святый Спасъ разсудятъ насъ въ полѣ.» Всеволодъ хотѣлъ знать мнѣніе Князей Смоленскаго, Рязанскихъ и Бояръ. Давидъ противился миру, говоря: «Ты далъ слово моему брату сое-«диниться съ нимъ подъ Черниговымъ, и тамъ «или разрушить власть коварныхъ Ольговичей «или заключить миръ общій; а теперь думаешь «одинъ вступить въ переговоры? Рюрикъ не бу-«детъ доволенъ тобою. Ты велѣлъ ему начать «войну; для тебя онъ предалъ огню и мечу свою

«область. Можешь ли безъ него мириться?» То же говорили и Князья Рязанскіе; но Всеволодъ, недовольный ихъ смѣлыми представленіями, велѣлъ сказать Ольговичамъ, что соглашается забыть ихъ вину, если они возвратятъ свободу Мстиславу Романовичу, откажутся отъ союза съ Романомъ Волынскимъ, и выгонятъ мятежнаго *Ярополка*, сего славнаго чудеснымъ прозрѣніемъ слѣпца, который, будучи взятъ въ плѣнъ Великимъ Княземъ (96), ушелъ изъ неволи и жилъ въ Черниговѣ. Ярославъ не принялъ только одного условія, касательно Романа Волынскаго, желая быть и впредь его другомъ. Согласились во всемъ прочемъ, и съ обыкновенными священными обрядами утвердили миръ, къ великому огорченію Рюрика. Хотя Всеволодъ далъ ему знать, что Ольговичи клялись никогда не тревожить ни Кіевскихъ, ни Смоленскихъ областей; но Рюрикъ осыпалъ его укоризнами. «Такъ поступаютъ «одни вѣроломные,» отвѣтствовалъ сей Князь Всеволоду: «для тебя я озлобилъ зятя, отдавъ «тебѣ города его; ты же заставилъ меня воевать «съ Ярославомъ, который лично не сдѣлалъ мнѣ «зла и не искалъ Кіева. Въ ожиданіи твоего со- «дѣйствія прошли лѣто и зима; наконецъ высту- «паешь въ поле и миришься самъ собою, оста- «вивъ главнаго врага, Романа, въ связи съ Оль- «говичами и господиномъ области, имъ отъ меня «полученной.» Слѣдуя внушенію досады, Рюрикъ отнялъ у Всеволода города Кіевскіе, и тѣмъ оскорбивъ его, приготовилъ для себя важныя

несчастія, лишенный Великокняжескаго покровительства. Всеволодъ безъ сомнѣнія поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо. Имѣя тайныя намѣренія, онъ не хотѣлъ совершеннаго паденія Черниговскихъ Князей, чтобы не усилить тѣмъ Кіевскаго и Смоленскаго, равно противныхъ замышляемому имъ Единовластію. Равновѣсіе ихъ силъ казалось ему до времени согласнѣе съ его пользою. Политика Всеволодова.

Смиривъ Ольговичей и по видимому защитивъ союзниковъ, Великій Князь съ торжествомъ возвратился въ столицу, какъ Государь любимый народомъ и побѣдитель. Въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ сдѣлались важныя перемѣны, благопріятныя для его властолюбія (97). Давидъ, благородный, мужественный, предчувствуя свой конецъ, уступилъ тронъ племяннику, Мстиславу Романовичу, постригся вмѣстѣ съ супругою, отправилъ юнаго сына, именемъ Константина, на воспитаніе къ брату Рюрику, и велѣлъ нести себя, уже больнаго, изъ дворца въ Обитель Смядынскую, гдѣ и преставился въ молитвахъ (пятидесяти-семи лѣтъ отъ рожденія), оплакиваемый дружиною, иноками, мирными гражданами (ибо строптивые не любили его). Лѣтописцы, уважая дѣла набожности болѣе государственныхъ, сказываютъ, что никто изъ Князей Смоленскихъ не превзошелъ Давида

Октября 6.

Г. 1197.

Апрѣля 23.

въ украшенія храмовъ; что церковь Св. Михаила, имъ созданная, была великолѣпнѣйшею *въ странахъ полунощныхъ*, и что онъ ежедневно посѣщалъ ее. Но сей Князь, Христіанинъ усердный, слылъ грозою мятежниковъ и злыхъ: набожность не ослабляла въ немъ строгости правосудія, ни великодушной гордости Княжеской, противной Андрею Боголюбскому, непріятной и Всеволоду, который тѣмъ болѣе любилъ Давидова наслѣдника, своего добродушнаго свата, ему преданнаго. — Въ Черниговѣ умеръ Ярославъ, вѣрный послѣдователь братней, коварной системы, и Великій Князь съ удовольствіемъ свѣдалъ, что Игорь Сѣверскій, старѣйшій въ родѣ, сѣлъ на тамошнемъ знаменитомъ престолѣ: ибо сей внукъ Олеговъ менѣе другихъ славился козподѣйствомъ.

Строгость и великодушіе Давида.

г. 1198.

Не имѣя опасныхъ совмѣстниковъ внутри Россіи, Всеволодъ старался утвердить безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ тоже время, кочуя отъ нынѣшней Слободской Украинской до Саратовской Губерніи, безпокоили его южныя владѣнія, особенно же предѣлы Рязанскіе: онъ сильнымъ ополченіемъ устрашилъ варваровъ, ходилъ съ юнымъ сыномъ, Константиномъ, во глубину степей, вездѣ жегъ зимовья Половецкія, и Ханы, снявъ свои многочисленныя вежи,

Война съ Половцами.

отъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю (98).

Чего Андрей желалъ напрасно, то сдѣлалъ хитрый Всеволодъ: онъ на нѣсколько лѣтъ совершенно подчинилъ себѣ мятежную первобытную столицу нашихъ Князей. Во время раздора его съ Ольговичами, повинуясь ему, лучшіе Новогородцы, не только военные люди, но и самые купцы, ходили съ Ярославомъ въ Великія Луки, чтобы удерживать Кривскихъ Владѣтелей и препятствовать ихъ соединенію съ Черниговцами (99). Ярославъ Владиміровичь уже имѣлъ тогда многихъ непріятелей въ Новѣгородѣ: Посадникъ, чиновники ѣздили ко Всеволоду, прося его, чтобы онъ вывелъ отъ нихъ свояка и далъ имъ сына. Великій Князь задержалъ сихъ Пословъ, а Новогородцы, тѣмъ оскорбленные, изгнали Ярослава, къ сожалѣнію добрыхъ, миролюбивыхъ людей, которыхъ сторона рѣдко бываетъ сильнѣйшею. Народъ, обольщенный безразсудными, хотѣлъ доказать свою независимость, и сынъ Князя Черниговскаго (100), избранный большинствомъ голосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господствовать, но быть игралищемъ своевольныхъ. Между тѣмъ Ярославъ, съ согласія жителей, остался въ Торжкѣ; бралъ дань въ окрестностяхъ Мсты и за Волокомъ. Новогородцевъ вездѣ ловили какъ непрія-

Г. 1196-1201. — Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ.

телей, толпами приводили въ Владиміръ. Дѣйствуя осторожнѣе Андрея, Всеволодъ не думалъ осаждать ихъ столицы: мѣшалъ имъ только купечествовать въ Россіи и собирать налоги въ Двинской землѣ, зная, что любостяжаніе скоро одержитъ верхъ надъ упрямствомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ Князя Черниговскаго долженъ былъ ѣхать назадъ къ отцу: Сотники Новогородскіе явились во дворцѣ у Всеволода, извинялись, молили, обѣщали, и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ согражданъ. Народъ торжествовалъ прибытіе сего Князя какъ отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: Князь властвовалъ благоразумно, судилъ справедливо, взялъ нужныя мѣры для защиты границъ и смирилъ Полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ Литвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ ([101]). Но Всеволодъ, недовольный свойкомъ, призвалъ его къ себѣ, и чего прежде не хотѣлъ сдѣлать въ угодность народу, то народъ сдѣлалъ въ угодность Великому Князю: Архіепископъ Мартирій и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повелѣніе Государя, ѣхать въ Владиміръ и требовать Всеволодова сына на престолъ Новогородскій. Послы сказали: «*Господинъ* Князь Великій! область «наша есть твоя *отчина* ([102]): молимъ, да повелѣваетъ нами родный внукъ Долгорукаго, правнукъ Мономаховъ!» Всеволодъ изъявилъ при-

творную нерѣшимость; хотѣлъ еще совѣтоваться съ дружиною, и какъ бы изъ снисхожденія далъ Новогородцамъ сына, именемъ Святослава-Гавріила, еще младенца, предписавъ имъ условія, согласныя съ честію Княжескою. Сей Государь, обласкавъ, угостивъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія не могъ увѣрить ихъ, что славная *воля Новогородская* остается въ древней силѣ своей; однакожь хотя наружнымъ образомъ почтивъ уставъ ся, скрылъ дѣйствіе самовластія отъ простыхъ гражданъ. Они думали, что Святославъ ими *избранъ*, и встрѣтили его съ радостію. Другіе видѣли повелителя, но молчали, ибо надѣялись жить спокойнѣе, или боялись сильнаго Всеволода. Согласясь съ Посадникомъ, онъ далъ Новугороду и Архіепископа на мѣсто Мартирія, который, не доѣхавъ до Владиміра, умеръ близъ Осташкова. — Вѣроятно, что Великій Князь окружилъ юнаго Святослава опытными Боярами, и чрезъ нихъ управлялъ областію Новогородскою, такъ же, какъ и южнымъ Переяславлемъ, гдѣ другій, десятилѣтній сынъ Всеволодовъ, Ярославъ-Ѳеодоръ, властвовалъ по кончинѣ своего двоюроднаго брата, Ярослава Мстиславича ([103]).

Слава и тиранство Романа.

Въ сіе время Романъ Волынскій обратилъ на себя общее вниманіе пріобрѣтеніемъ сильной области и тиранствомъ удивитель-

нымъ, если сказаніе Польскихъ Историковъ справедливо. Знаменитый родъ Володаря Галицкаго пресѣкся: сынъ Ярославовъ, Владиміръ, освободивъ наслѣдственную область свою отъ ига Венгровъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и не оставилъ дѣтей. Вся южная Россія пришла въ движеніе: каждый Князь хотѣлъ овладѣть землею богатою, торговою, многолюдною ([104]). Но Романъ Мстиславичь предупредилъ совмѣстниковъ: воспитанный при Дворѣ Казимира *Справедливаго*, связанный ближнимъ родствомъ съ его юными сыновьями и вдовствующею супругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бельзскаго, которая участвовала въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, онъ прибѣгнулъ къ Ляхамъ, и съ ихъ помощію вступилъ въ страну Галицкую. Народъ уже зналъ и не любилъ сего Князя, жестокаго нравомъ. Вельможи, Бояре, явились въ станѣ Польскомъ, моля Казимирова сына, Герцога Лешка, «чтобы онъ самъ управ«лялъ ими или чрезъ своего Намѣстника, и та«кимъ образомъ избавилъ бы ихъ отъ бѣдствен«наго участія въ междоусобіи Князей Россій«скихъ ([105]).» Бояре предлагали дары, серебро, золото, ткани драгоцѣнныя; а граждане вооружались. Однакожь Поляки силою возвели Романа на престолъ Галицкій. Тогда сей Князь, озлобленный общею къ нему ненавистію Вельможъ, началъ свирѣпствовать какъ вторый Бузирисъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Такъ пишетъ современный Историкъ, Епископъ Кадлубекъ,

повѣствуя, что Романъ умертвилъ лучшихъ Бояръ Галицкихъ, зарывалъ ихъ живыхъ въ землю, четверилъ, разстрѣливалъ, изобрѣталъ неслыханныя муки. Многіе спаслися бѣгствомъ въ другія земли: онъ старался возвратить ихъ, обѣщая имъ всякія милости, и не обманывалъ; но чрезъ нѣсколько времени вымышлялъ клевету, обвинялъ сихъ легковѣрныхъ во мнимомъ злоумышленіи, казнилъ и присвоивалъ себѣ ихъ достояніе, говоря въ пословицу: «чтобы спокойнѣе ѣсть медовый сотъ, на«добно задавить пчелъ» (106).

Можетъ быть, злословіе, легковѣріе или пристрастіе излишно очернили свойство Государя ужаснаго для строптивыхъ, мятежныхъ Галичанъ; когда же онъ дѣйствительно, играя жизнію людей, слѣдовалъ въ своемъ правленіи сей гнусной пословицѣ, сохраненной и въ нашихъ лѣтописяхъ: то Князья Россійскіе могли сверженіемъ тирана услужить человѣчеству. Рюрикъ, Ольговичи, бывъ дотолѣ въ дружбѣ съ Романомъ, хотѣли отнять у него Державу Галицкую, снискавную имъ помощію иноплеменниковъ, и соединились въ Кіевѣ, чтобы итти къ Днѣстру. Но дѣятельный Мстиславичь не терялъ времени: они еще не вышли въ поле, когда знамена Романовы уже развѣвались на берегахъ Днѣпра. Сей хитрый Князь, имѣвъ время снестися съ могуще- г. 1202.

ственнымъ Всеволодомъ, съ Черными Клобуками, съ Намѣстниками многихъ южныхъ городовъ, удостовѣрился въ ихъ доброжелательствѣ. Берендѣи, Торки пріѣхали къ нему въ станъ (107); города не оборонялись; жители прежде битвы встрѣчали его какъ побѣдителя, и самые Кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія отворили Копыревскія ворота Подола. Рюрикъ, Ольговичи трепетали за каменною стѣною въ верхней части города; съ радостію приняли миръ, и выѣхали изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручь, Черниговскіе въ ихъ наслѣдственную область. — По условію, сдѣланному съ Великимъ Княземъ, отдавъ Кіевъ двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому, Романъ спѣшилъ, ко славѣ нашего древняго оружія, защитить Греческую Имперію. Половцы опустошали Ѳракію: Алексій Комнинъ III и Митрополитъ Россійскій молили его быть спасителемъ Христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ землю Половецкую, завоевалъ многія вежи, освободилъ тамъ плѣнныхъ Россіянъ, отвлекъ варваровъ отъ Константинополя, и принудивъ ихъ оставить Ѳракію, съ торжествомъ возвратился въ Галичь (108).

Страшный Князь Галицкій ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрикъ не дерзнутъ нарушить мира. Не жалѣя казны своей, не
г. 1204. жалѣя отечества, они наняли множество

Генварь 1. Опустошеніе Кіева.

Половцевъ и взяли приступомъ Кіевъ (109). Варвары опустошили домы, храмъ Десятинный, Софійскій, монастыри; умертвили старцевъ и недужныхъ; оковали цѣпями молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни знаменитыхъ людей, ни юныхъ женъ, ни Священниковъ, ни Монахинь. Одни купцы иноземные оборонялись въ каменныхъ церквахъ, столь мужественно, что Половцы вступили съ ними въ переговоры: удовольствовались частію ихъ товаровъ, и не сдѣлали имъ болѣе ни какого зла. Городъ пылалъ; вездѣ стенали умирающіе; невольниковъ гнали толпами. Кіевъ никогда еще не видалъ подобныхъ ужасовъ въ стѣнахъ своихъ: былъ взятъ, ограбленъ сыномъ Андрея Боголюбскаго; но жители, лишенные имѣнія, остались тогда по крайней мѣрѣ свободными. Всѣ добрые Россіяне, самые отдаленные, оплакивали несчастіе древней столицы и жаловались на его виновниковъ. Мало по малу она снова наполнилась жителями, которые укрылись отъ меча Половцевъ и спаслись отъ неволи; но сей городъ, дважды разоренный, лишился своего блеска. Въ церквахъ не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ. Варвары похитили и драгоцѣнныя одежды древнихъ Князей Россійскихъ, Св. Владиміра, Ярослава Великаго и другихъ,

которые на память себѣ вѣшали оныя въ храмахъ.

Рюрикъ и Черниговскіе Владѣтели, довольные злодѣяніемъ, вышли изъ Кіева:
Февраля 16. судьба наказала перваго. Романъ пришелъ съ войскомъ къ Овручу, и сверхъ чаянія предложилъ тестю миръ, убѣждая его отказаться отъ союза Ольговичей; склонилъ даже и Всеволода Георгіевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Кіевъ, какъ бы въ награду за разореніе онаго (110). Такое удивительное великодушіе было одною хитростію: Князь Галицкій желалъ только отвлечь легковѣрнаго тестя отъ Черниговскихъ Владѣтелей (которые тогда счастливо воевали съ Литвою); примирилъ ихъ со Всеволодомъ, и въ доказательство своей мнимой дружбы къ Рюрику ходилъ съ нимъ, въ жестокую зиму, на Половцевъ; взялъ не мало плѣнниковъ, скота — и вдругъ, будучи въ Триполѣ, безъ всякой извѣстной причины велѣлъ дружинѣ схватить сего несчастнаго Князя, отвезти въ Кіевъ, заключить въ монастырь. Рюрикъ,
Пострижение Рюрика. жена его и дочь, супруга Романова, въ одно время были пострижены; а сынъ его, зять Всеволодовъ, отведенъ плѣнникомъ въ Галичь, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Наказавъ тестя, Романъ возвратился въ свою область, и хотя, въ угодность Великому Князю, отпустилъ Рюриковыхъ сы-

новей, но бѣдный отецъ остался Монахомъ. Довольный освобожденіемъ зятя, Всеволодъ посадилъ его на престолъ Кіевскій.

Тогда пылкій, неутомимый Романъ, уступивъ Великому Князю честь располагать судьбою Кіева, обратилъ свое вниманіе на Польшу, гдѣ коварный Герцогъ Мечиславъ, обманувъ юнаго Лешка, присвоилъ себѣ единовластіе. Князь Галицкій весною вступилъ въ область Сендомирскую, взялъ два города, и прекратилъ военныя дѣйствія, услышавъ о смерти стараго Герцога, врага своего и побѣдителя; но возобновилъ ихъ, свѣдавъ, что сынъ Мечиславовъ объявилъ себя Государемъ въ Краковѣ. Беззащитныя села были жертвою пламени вокругъ Сендомира, и Послы Лешковы молили Романа оставить ихъ землю въ покоѣ. Соглашаясь на миръ, онъ требовалъ денегъ за убытки, имъ понесенные, и за кровь Россіянъ, убитыхъ въ сраженіи съ Мечиславомъ; отсрочилъ платежъ, но хотѣлъ, чтобы ему отдали въ залогъ область Люблинскую. — Въ тоже самое время прибылъ къ Галицкому Князю Посолъ Иннокентія III, властолюбиваго Папы Римскаго ([111]). Уже давно ревностные проповѣдники Латинской Вѣры желали отвратить нашихъ предковъ отъ Восточной Церкви: знаменитый Епископъ Краковскій, Матѳей, около половины XII вѣка торжественно возлагалъ на Аббата

Посольство Папы къ Роману.

Клервоскаго, Миссіонарія, именемъ Бернарда, обязанность вывести ихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря въ письмѣ къ нему, что «Россіяне живутъ какъ бы въ «особенномъ мірѣ, безчисленны подобно «звѣздамъ небеснымъ, и въ хладныхъ, «мрачныхъ странахъ своихъ вѣдая Спаси«теля единственно по имени, ожидаютъ «теплотворнаго свѣта истинной Вѣры отъ «Намѣстника Апостольскаго; что Бернардъ, «смягчивъ ихъ грубыя сердца, будетъ но«вымъ Орфеемъ, Амфіономъ» (112), и проч. Сіи усердныя домогательства Римскихъ Фанатиковъ не имѣли успѣха, и Папа, слыша о силѣ Мстиславича, грознаго для Венгровъ и Ляховъ, надѣялся обольстить его честолюбіе. Велерѣчивый Посолъ Иннокентія доказывалъ нашему Князю превосходство Закона Латинскаго; но опровергаемый Романомъ, искуснымъ въ преніяхъ Богословскихъ, сказалъ ему наконецъ, что Папа можетъ его надѣлить городами и сдѣлать великимъ Королемъ посредствомъ меча Петрова. Романъ, обнаживъ собственный мечь

Отвѣтъ Романовъ. свой, съ гордостію отвѣтствовалъ: «Такой «ли у Папы? Доколѣ ношу его при бедрѣ, «не имѣю нужды въ иномъ, и кровію поку«паю города, слѣдуя примѣру нашихъ дѣ«довъ, возвеличившихъ землю Русскую.» — Сей Князь умный скоро погибъ отъ неосто-

г. 1205 рожности (113): снова объявивъ войну Ля-

хамъ, стоялъ на Вислѣ; съ малою дружиною отъѣхалъ отъ войска, встрѣтилъ непріятелей и палъ въ неравной битвѣ. Галичане нашли его уже мертваго. — Романъ, называемый въ Волынской Лѣтописи *Великимъ* и *Самодержцемъ всея Руси*, надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ своихъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима. Жестокій для Галичанъ, онъ былъ любимъ, по крайней мѣрѣ отлично уважаемъ, въ наслѣдственномъ Удѣлѣ Владимірскомъ, гдѣ народъ славилъ въ немъ *умъ мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную* и *ревность Мономахову* въ усмиреніи варваровъ, подъ щитомъ Героя не боясь ни хищныхъ Ятвяговъ, дикихъ обитателей Подляшья, ни свирѣпыхъ Литовцевъ, коихъ Историкъ пишетъ, что сей Князь, одерживая надъ ними побѣды, впрягалъ несчастныхъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли, и что въ отечествѣ ихъ до самаго XVI вѣка говорили въ пословицу: *Романе! худымъ живеши, Литвою ореши* (114). Лѣтописцы Византійскіе упоминаютъ объ немъ съ похвалою, именуя его *мужемъ крѣпкимъ, дѣятельнымъ*. Однимъ словомъ, ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними Князьями. — Даніилъ и Василько, сыновья Романовы, *втораго брака*, остались еще младенцами подъ надзираніемъ матери: Галичане волно-

Характеръ сего Князя.

вались, однакожь присягнули въ вѣрности Даніилу, имѣвшему не болѣе четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Рюрикъ снова на престолѣ.

Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти зятя и врага, ободрился: скинулъ одежду инока и сѣлъ на престолѣ въ Кіевѣ; хотѣлъ разстричь и жену свою, которая, вмѣсто того, немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомысліе. Онъ возобновилъ союзъ съ Князьями Черниговскими и спѣшилъ къ Галичу, въ надеждѣ, что младенецъ Даніилъ не въ состояніи ему противиться, и что тамошніе Бояре не захотятъ лить крови своей за сына, терпѣвъ много отъ жестокости отца. Но мать Даніилова взяла мѣры. Андрей, Государь Венгерскій, все еще именовался *Королемъ Галиціи*; не спорилъ объ ней съ мужественнымъ Романомъ и даже былъ его названымъ братомъ: однакожь не переставалъ жалѣть о семъ утраченномъ Королевствѣ и бралъ живѣйшее участіе въ происшествіяхъ онаго.

Происшествія въ Галичѣ.

Вдовствующая Княгиня видѣлась съ Андреемъ въ Санокѣ; напомнила ему дружбу Романову, представила Даніила, говорила съ чувствительностію матери, и сдѣлала въ немъ по видимому столь глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово быть ея сыну вторымъ нѣжнымъ отцемъ. Дѣйствія соотвѣтствовали обѣщаніямъ. Сильная дружина Венгерская окружила дворецъ

Княжескій, заняла крѣпости; повелѣвая именемъ малолѣтнаго Даніила, грозила казнію внутреннимъ измѣнникамъ, и распорядила защиту отъ непріятелей внѣшнихъ, такъ, что Рюрикъ, вступивъ съ Ольговичами въ Галицкую землю, встрѣтилъ войско благоустроенное, сражался безъ успѣха, не могъ взять ни одного укрѣпленнаго мѣста и возвратился съ великимъ стыдомъ. Сынъ Рюриковъ, зять Великаго Князя, выгналъ только Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, изъ Вышегорода, и союзники распустили войско. Рюрикъ уступилъ Бѣлгородъ своимъ друзьямъ Черниговскимъ, которые отдали его Глѣбу Святославичу (115).

Между тѣмъ Всеволодъ Георгіевичь спокойно господствовалъ на Сѣверѣ: отряды его войска тревожили Болгаровъ, Князья Рязанскіе отражали Донскихъ хищниковъ, а Новогородцы Литву. Жители Великихъ Лукъ съ Воеводою, именемъ Нездилою, ходили въ Летгалію, или въ южную часть нынѣшней Лифляндской Губерніи, и привели оттуда плѣнниковъ. Новая ссора Россіянъ съ Варягами — вѣроятно по торговлѣ — не имѣла никакого слѣдствія: послѣдніе должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ (116). Но Всеволодъ, будто бы желая защитить Новгородъ отъ внѣш- ков-

стантинъ въ Новѣгородѣ.

нихъ опасныхъ непріятелей, велѣлъ объявить тамошнимъ чиновникамъ, что онъ даетъ имъ старшаго сына своего, Константина, ибо отрокъ Святославъ еще не въ силахъ быть ихъ покровителемъ. Надобно думать, что Бояре Владимірскіе, пѣстуны юнаго Святослава, не могли обуздывать народнаго своевольства, и что Великій Князь хотѣлъ сею перемѣною еще болѣе утвердить власть свою надъ Новымгородомъ (117). Двадцати-лѣтній Константинъ уже славился мудростію, великодушіемъ, Христіанскими добродѣтелями: граждане Владимірскіе съ печалію услышали, что сей любимый юноша, благотворитель бѣдныхъ, долженъ ихъ оставить. Отецъ вручилъ ему *крестъ и мечь*. «Иди управлять народомъ,» сказалъ Всеволодъ: «будь его судіею и за«щитникомъ. Новгородъ *Великій* есть древ«нѣйшее Княженіе въ нашемъ отечествѣ: «Богъ, Государь и родитель твой даютъ «тебѣ старѣйшинство между всѣми Князья«ми Русскими. Гряди съ миромъ; помни «славное имя свое, и заслужи оное дѣлами.» Братья, Вельможи, купцы, провожали Константина: толпы народныя громогласно осыпали его благословеніями. Новогород-
г. 1206. цы также встрѣтили сего Князя съ изъяв-
Марта 20. леніемъ усердія: Архіепископъ, чиновники ввели въ Церковь Софійскую, и народъ присягнулъ ему въ вѣрности. Угостивъ

Бояръ въ домѣ своемъ, Константинъ ревностно началъ заниматься правосудіемъ; охраняя народъ, охранялъ и власть Княжескую: хотѣлъ дѣйствительно господствовать въ своей области. Мирные граждане засыпали покойно: властолюбивые и мятежные могли быть недовольны.

Всеволодъ не имѣлъ войны съ Черниговскими Князьями, однакожь не дозволялъ друзьямъ своимъ искать ихъ союза. Не смотря на то, сватъ его, Мстиславъ Смоленскій, въ угожденіе Рюрику вступилъ съ ними въ тѣсную связь, и хотя, боясь утратить пріязнь Великаго Князя, посылалъ къ нему Епископа Смоленскаго, Игнатія, съ дружескими увѣреніями (118), но не хотѣлъ отстать отъ Князей Черниговскихъ. Главою ихъ, по смерти Игоря и старшаго брата, Олега, былъ тогда Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, подобный отцу въ козняхъ, гордый, властолюбивый: наявъ толпы Половцевъ, соединясь съ Рюрикомъ, Мстиславомъ Смоленскимъ и съ Берендѣями, онъ вторично предпринялъ завоевать Галицкую область, и для вѣрнѣйшаго успѣха призвалъ Ляховъ. Увѣдомленный о томъ Король Венгерскій, Андрей, спѣшилъ защитить юныхъ сыновей Романовыхъ. Уже полки его спустились съ горъ Карпатскихъ; но Даніилъ и Василько не дождались прибытія Андреева. Слыша, что съ одной стороны идутъ Россіяне, съ другой Ляхи; видя также страшное волненіе въ землѣ Галицкой, вдовствующая Княгиня бѣжала съ дѣтьми въ наслѣдственный Удѣлъ ея супруга, Владиміръ

Волынскій. Андрей не далъ соединиться Полякамъ съ Ольговичами: сталъ между ими, близъ Владиміра, и вступилъ съ первыми въ мирные переговоры, коихъ слѣдствіемъ было то, что Венгры, Ляхи, Россіяне вышли изъ Галича (119); а жители, съ согласія Андреева, послали въ Переяславль за сыномъ Великаго Князя, юнымъ Ярославомъ, желая, чтобы онъ въ ихъ землѣ господствовалъ. Можетъ быть, сама вдовствующая супруга Романова убѣдила Короля Венгерскаго согласиться на сіе избраніе, въ надеждѣ, что отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Георгіевичь, вообще уважаемый, обуздаетъ тамъ народъ мятежный и со временемъ возвратитъ Даніилу достояніе его родителя. Но Черниговскіе Князья имѣли въ Галичѣ доброхотовъ, въ особенности Владислава, знатнаго Вельможу, бывшаго изгнанникомъ въ Романово время. Онъ вмѣстѣ съ другими единомышлениками представлялъ согражданамъ, что Ярославъ слишкомъ молодъ, а Великій Князь слишкомъ удаленъ отъ ихъ земли; что имъ нуженъ защитникъ ближайшій; что Ольговичи безъ сомнѣнія не оставятъ Галицкой области въ покоѣ, и что лучше добровольно поддаться одному изъ нихъ. Галичане, тайно отправивъ Пословъ въ станъ Россійскій, предложили Владиміру Игоревичу Сѣверскому быть ихъ Государемъ. Обрадованный Владиміръ ночью укрался отъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискакалъ въ Галичь тремя днями ранѣе Ярослава;

который долженъ былъ съ досадою ѣхать назадъ въ Переяславль.

Еще гоненіе на семейство Романово тѣмъ не кончилось. Владиміръ Игоревичь, исполняя совѣтъ злопамятныхъ Галицкихъ Бояръ, велѣлъ объявить гражданамъ Владимірскимъ, чтобы они выдали ему младенцевъ, Даніила и Василька, приняли къ себѣ княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видѣть разрушеніе ихъ столицы. Усердный народъ хотѣлъ убить сего Посла, спасеннаго только заступленіемъ нѣкоторыхъ Бояръ; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичанъ, измѣны собственныхъ Вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Даніилова, рѣшилась удалиться, и представила трогательное зрѣлище непостоянной судьбы въ мірѣ. Любимая супруга Князя сильнаго, союзника Императоровъ Греческихъ, уважаемаго Папою, Монархами сосѣдственными, въ темную ночь бѣжала изъ дворца какъ преступница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою одинхъ милыхъ сыновей. Мирославъ велъ Даніила, Священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролѣзли сквозь отверстіе стѣны, шли во мракѣ, не зная куда; наконецъ достигли границъ Польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего

Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ.

Бѣгство Романова семейства.

знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ; осыпалъ ласками Княгиню, и пославъ Даніила въ Венгрію съ Вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ къ Андрею: «Ты былъ другомъ его отца: я забылъ вра-«жду Романову. Вступимся за изгнанни-«ковъ; введемъ ихъ съ честію въ области «наслѣдственныя.» Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви, но болѣе ничего не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть, въ своемъ великодушномъ покровительствѣ дарами Владиміра Игоревича, коего Послы, не жалѣя ни золота, ни льстивыхъ обѣщаній, усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ [120]. Сей бывшій Князь Удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтельствованный счастіемъ, едва вѣрилъ своему величію, опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю область Владимірскую, онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу, а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману.

Коварство Всеволода Чермнаго.

Хитрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ надежду самъ господствовать на плодоносныхъ берегахъ Днѣстра и Сана, безъ сомнѣнія завидовалъ Игоревичамъ; однакожь скрылъ неудовольствіе, остался имъ другомъ, и хотѣлъ иначе удовлетворить своему властолюбію. Всѣ способы казались ему позволенными: бывъ союзникомъ Рюрика и Мстислава, онъ сталъ ихъ врагомъ; во-

оруженною рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ Намѣстниковъ по всей области Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручь; сынъ его, зять Великаго Князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣлѣгородѣ. Они уже не имѣли права требовать защиты отъ Великаго Князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. «Иди къ отцу,» велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу: «Переяславль да будетъ Княженіемъ «моего сына! Если не исполнишь сего по-«велѣнія, или будешь домогаться Галича, «гдѣ властвуетъ теперь родъ нашего слав-«наго предка, Олега: то я накажу дерзкаго, «слабаго юношу.» Ярославъ выѣхалъ изъ Переяславля ([121]); а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ, предъ стѣнами онаго, знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ нанялъ Половцевъ: Рюрикъ сперва отразилъ его; но Чермный призвалъ союзниковъ, Владиміра Игоревича Галицкаго и Князей Туров- г. 1207.
скихъ, потомковъ Святополка-Михаила, неблагодарно измѣнившихъ своему зятю. Ничто не могло имъ противиться. Рюрикъ вторично удалился въ Овручь; Мстиславъ, осажденный въ Бѣлѣгородѣ, просилъ только свободы возвратиться въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдалися, и Святославичь сѣлъ опять на престолѣ Кіевскомъ. Полов-

цы торжествовали счастливый успѣхъ союзника своего грабежемъ и злодѣйствами въ окрестностяхъ Днѣпра: бѣдный народъ, стеная, простиралъ руки къ Великому Князю.

Всеволодъ Георгіевичь наконецъ вооружился. «Южная Россія есть также мое отечество,» сказалъ онъ, и выступилъ къ Москвѣ, гдѣ ожидалъ его Константинъ съ войскомъ Новогородскимъ ([122]). На берегу Оки соединились съ нимъ Князья Муромскій и Рязанскіе. Всѣ думали, что цѣлію его ополченія будетъ Кіевъ: случилось, чего никто не ожидалъ. Великому Князю донесли, что Рязанскіе Владѣтели суть измѣнники и тайно держатъ сторону Черниговскихъ: онъ повѣрилъ, и сказалъ словами Давида: *ядый хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя запинаніе*, рѣшился наказать ихъ строго. Не предвидя своего бѣдствія, они собралисъ въ ставкѣ у Всеволода, чтобы веселиться за Княжескимъ столомъ его ([123]). Всеволодъ, въ знакъ дружбы обнявъ несчастныхъ, удалился: тогда Бояринъ его и Давидъ Муромскій явились уличать дѣйствительныхъ или мнимыхъ измѣнниковъ, которые тщетно именемъ Бога клялися въ своей невинности: двое изъ Князей же Рязанскихъ, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, пристали къ обвинителямъ или *клеветникамъ*, по выраженію Новогородскаго Лѣто-

Бѣдствіе Рязанскихъ Князей.

Сентября 22.

писца, и Всеволодъ осудилъ Романа Глѣбовича, Святослава (брата его) съ двумя сыновьями и племянниками (дѣтьми Игоря), также нѣкоторыхъ Бояръ; велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, окованныхъ тяжкими цѣпями, и вступилъ съ войскомъ въ область Рязанскую. Жители Пронска, усердные къ своимъ Государямъ, отвергнули мирныя его предложенія. Юный Князь ихъ, Михаилъ, бѣжалъ къ тестю, Всеволоду Чермному (124); но граждане, призвавъ къ себѣ другаго Князя Рязанскаго, Изяслава Владиміровича, брата Олегова и Глѣбова, оборонялись мужественно. Непріятель стоялъ на берегу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая отъ жажды, они ночью выходили изъ города и въ тишинѣ наполняли сосуды водою: узнавъ о томъ, Великій Князь поставилъ стражу предъ городскими воротами. Кровь лилася ежедневно въ теченіе трехъ недѣль (125). Остервененіе гражданъ уступило наконецъ крайности, ибо многіе люди умирали отъ жажды. Пронскъ сдался: Всеволодъ наградилъ имъ Олега Владиміровича, можетъ быть за гнусную клевету его; взялъ множество добычи, и плѣнилъ жену Михаилову. Во время сей осады Рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившія Окою съѣстные припасы войску; но бывъ отражены, изъявили покорность. Епископъ ихъ, Арсеній, встрѣтилъ Великаго Князя съ моленіемъ. «Государь!» сказалъ онъ: «удержи руку «мести; пощади храмы Всевышняго, гдѣ народъ «приноситъ жертву Небу, и гдѣ мы за тебя мо-

«лимся. Верховная воля твоя будетъ намъ «закономъ.» Не имѣя надежды съ успѣхомъ противиться Всеволоду, народъ Рязанскій прислалъ къ нему остальныхъ Князей своихъ, съ ихъ дѣтьми и женами, въ Владиміръ, куда сей Государь возвратился, свѣдавъ, что Рюрикъ опять выгналъ Чермнаго изъ Кіева ([126]).

Всеволодъ Георгіевичь уже не хотѣлъ разстаться съ Константиномъ; довольный
Хитрость Всеволода.
Новогородцами, милостиво одарилъ ихъ въ Коломнѣ, и велѣлъ имъ итти съ миромъ въ свою отчизну, сказавъ торжественно: «Исполняю желаніе народа добраго; воз-«вращаю вамъ всѣ права людей свобод-«ныхъ, всѣ уставы Князей древнихъ. От-«нынѣ управляйте сами собою: любите сво-«ихъ благодѣтелей и казните злодѣевъ ([127])!» Сія удивительная рѣчь Князя властолюбиваго была хитростію: онъ зналъ неудовольствіе гражданъ, которые жаловались на отяготительныя подати и разныя дѣйствія Княжескаго самовластія. Современный Лѣтописецъ сказываетъ одно изъ оныхъ: Всеволодъ, обманутый ложнымъ доносомъ, за нѣсколько времени до Рязанскаго похода прислалъ въ Новгородъ Боярина своего и велѣлъ, безъ всякаго изслѣдованія, умертвить знатнаго гражданина, Алексѣя Сбыславича, торжественно, на Вѣчѣ Двора Ярославова. Сіе насиліе произвело всеобщее

негодованіе: сожалѣли о невинной жертвѣ; видѣли, что Константинъ есть только орудіе самовластнаго отца, и что истинный Государь Новагорода живетъ въ Владимірѣ. Опасаясь слѣдствій такого впечатлѣнія, Великій Князь хотѣлъ польстить народу мнимымъ возстановленіемъ прежней свободы; хотѣлъ казаться единственно великодушнымъ его покровителемъ, а въ самомъ дѣлѣ остаться Государемъ Новогородцевъ; отпустилъ ихъ войско, но удержалъ въ Владимірѣ Посадника Димитрія (раненнаго въ битвѣ) и семь знаменитѣйшихъ гражданъ въ залогъ вѣрности. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею вольностію, ему объявленною, и на шумномъ Вѣчѣ осудилъ Димитрія, доказывая, что онъ и братья его были виновниками многихъ беззаконныхъ налоговъ. Судьи обратились въ мятежниковъ: разграбили, сожгли домы обвиняемыхъ; продали ихъ рабовъ, села; раздѣлили деньги: каждому гражданину пришлось по нѣскольку гривенъ (128); а Князю оставили право взыскивать платежъ съ должниковъ Димитрія по счетамъ и письменнымъ обязательствамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще волненіе не утихло, когда привезли изъ Владиміра въ Новгородъ тѣло умершаго Димитрія Посадника: озлобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но Архіепископъ Митрофанъ удержалъ неистовыхъ, и велѣлъ предать оное землѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ, подлѣ могилы отца

Димитріева. Сынъ Великаго Князя, Святославъ, вторично пріѣхалъ управлять Ново-
г. 1208. городскою областію; взялъ оставленную ему часть изъ имѣнія осужденныхъ, и согласился довершить народную месть ссылкою ихъ дѣтей и родственниковъ въ Суздаль (129). Не достигнувъ еще и юношескаго возраста, онъ повелѣвалъ только именемъ, и не могъ предводительствовать войскомъ, которое сражалось тогда съ Литвою подъ начальствомъ Владиміра Мстиславича: сей юный Князь, сынъ Мстислава *Храбраго*, господствовалъ во Псковѣ съ согласія Новогородцевъ или Князя ихъ.

Поручивъ область Рязанскую Намѣстникамъ и Тіунамъ, Всеволодъ скоро отправилъ туда княжить сына своего, Ярослава-Феодора. Народъ повиновался ему неохотно, жалѣя о собственныхъ Князьяхъ, заключенныхъ въ Владимірѣ. Лѣтописецъ Суздальскій обвиняетъ Рязанцевъ даже въ явномъ бунтѣ, сказывая, что они уморили въ темницѣ многихъ Бояръ Владимірскихъ: сею ли дерзостію или чѣмъ другимъ оскорбленный, Всеволодъ пришелъ съ войскомъ къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ Послами, которые именемъ народа предложили свои оправданія или требованія, но столь нескромно, что Великій Князь, еще болѣе разгнѣванный, явилъ примѣръ излишней строгости: ве-

лѣлъ жителямъ выйти съ дѣтьми изъ города и зажечь его. Напрасно хотѣли они моленіемъ смягчить грознаго судію: сія столица Удѣла знаменитаго обратилась въ кучу пепла, и бѣдные граждане, лишенные отечества, были разселены по отдаленнымъ мѣстамъ Суздальскаго Княженія. Ту же участь имѣлъ и Бѣлгородъ Рязанскій (130). Самый Епископъ Арсеній какъ плѣнникъ былъ привезенъ въ Владиміръ. — Князь Изяславъ Владиміровичь, который спасся отъ неволи, и Михаилъ, зять Чермнаго, мстили Всеволоду опустошеніемъ Московскихъ окрестностей; но сынъ Великаго Князя, Георгій, разбилъ ихъ на голову.

Жестокость Великаго Князя.

г. 1209.

Въ сіе время дерзнулъ Владѣтель ничтожнаго Удѣла объявить себя врагомъ Государя страшнаго для иныхъ, сильнѣйшихъ Князей. Мстиславъ, старшій сынъ Мстислава *Храбраго*, племянникъ Рюрика, служилъ ему усердно, прославилъ себя мужественною, упорною защитою Торческа, и принужденный выѣхать оттуда, получилъ отъ Смоленскаго Князя Удѣлъ Торопецкій (131). Зная, сколь память отца его любезна Новугороду; зная, что многіе чиновники и самый народъ не любятъ тамъ опеки Всеволодовой, онъ смѣло предпринялъ воспользоваться ихъ тайнымъ расположеніемъ; вступилъ съ дружиною въ Торжекъ, плѣнилъ Дворянъ Святославовыхъ, око-

Смѣлость Мстислава.

валъ цѣпями Намѣстника его, взялъ ихъ имѣніе. Посолъ Мстиславовъ явился въ Новѣгородѣ, и сказалъ народу слѣдующія слова отъ имени Князя: «Кланяюся Святой «Софіи, гробу отца моего и всѣмъ добрымъ «гражданамъ. Я свѣдалъ, что Князья угне«таютъ васъ, и что насиліе ихъ заступило «мѣсто прежней вольности. Новгородъ есть «моя отчина: я пришелъ возстановить «древнія права любезнаго мнѣ народа.» Сія рѣчь плѣнила Новогородцевъ: они прославили великодушіе Мстислава, единогласно объявили его своимъ Княземъ и заключили Святослава съ Боярами Владимірскими въ домѣ Архіерейскомъ. Мстиславъ, встрѣченный съ громкими восклицаніями радости, немедленно собралъ войско, желая предупредить Великаго Князя; но сей Государь, или опасаясь, чтобы Новогородцы въ озлобленіи не умертвили Святослава, или зная ихъ легкомысліе и надѣясь управиться съ ними безъ кровопролитія, не хотѣлъ битвы; предложилъ миръ, назвался отцемъ Мстислава, и довольный освобожденіемъ сына, отпустилъ всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, задержанныхъ въ Суздальской области. Обѣ рати возвратились, не обнаживъ меча, и Константинъ, начальникъ полковъ Владимірскихъ, привезъ Святослава къ родителю (132).

Великій Князь, завоевавъ берега Пры,

гдѣ еще держались Изяславъ и Михаилъ Рязанскіе, доказалъ любовь свою къ общему спокойствію миромъ съ Ольговичами [133]. Глава Духовенства, Митрополитъ Матѳей, былъ посредникомъ, и самъ пріѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію народа; угощенный, обласканный всѣмъ Княжескимъ Домомъ, склонилъ Всеволода предать забвенію наглое, обидное изгнаніе сына его изъ Переяславля. Новыя клятвы утвердили союзъ. Всеволодъ Чермный столь любилъ Кіевъ, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наслѣдственной области: Рюрикъ взялъ Черниговъ, а южный Переяславль, гдѣ злодѣйствовали тогда Половцы, остался Удѣломъ Великаго Княженія. Митрополитъ исходатайствовалъ свободу Княгинямъ Рязанскимъ, но не могъ избавить Князей отъ неволи. Всѣ были довольны, и Чермный въ залогъ вѣрности прислалъ въ Владиміръ дочь свою, которая совокупилась бракомъ съ Георгіемъ, вторымъ сыномъ Великаго Князя.

Г. 1210. Миръ съ Ольговичами.

Г. 1211, Апрѣля 10.

Въ сіи дни общаго мира земля Галицкая была позорищемъ неустройства, жертвою коварныхъ иноплеменниковъ и собственныхъ враговъ спокойствія. Не смотря на внѣшнія и внутреннія опасности, на угрозы Венгровъ и Ляховъ, на строптивость народа и мятежный духъ Бояръ, безразсудные Игоревичи искали непріятелей другъ въ

Мятежи въ Галичѣ.

другѣ. Романъ Звенигородскій, озлобленный старшимъ братомъ, ушелъ въ Венгрію, и съ помощію Короля Андрея изгнавъ Владиміра Игоревича, сѣлъ на престолѣ Галицкомъ, къ изумленію Даніиловой матери, которая надѣялась, что Андрей отдастъ сіе Княженіе сыну ея. Другой покровитель Даніиловъ также измѣнилъ своему обѣту. Видя междоусобіе Игоревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Александромъ Бельзскимъ, сыномъ умершаго Всеволода Мстиславича, и приступилъ къ городу Владиміру. Жители не хотѣли обороняться, отворили ворота и сказали Полякамъ: «вы друзья наши; съ вами племянникъ Великаго Романа.» Сіи мнимые друзья ограбили домы, церкви; плѣнили Святослава Игоревича; отдали Владиміръ Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславѣ; и чтобы не оставить сыновей Романовыхъ совершенно безъ Удѣла, отпустилъ малолѣтнаго Василька княжить въ Брестъ, исполняя требованіе тамошнихъ гражданъ: Александръ уступилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось намѣреніе Венгровъ и Ляховъ: они имѣли случай и не хотѣли возстановить сильнаго Дому Романова, опасаясь его могущества; раздѣленіе областей Галицкой и Владимірской (въ самое сіе время опустошаемой Ятвягами и Литвою) казалось благопріятнымъ для Политики Андрея и Лешка. Вѣроятно также, что слабый Романъ Игоревичь и не менѣе слабый Александръ, обязанные ми-

лостію сихъ Монарховъ, долженствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или *подручниковъ*. Первый не сдержалъ, кажется, слова: для того Андрей прислалъ войско въ Галичь съ Вельможею Бенедиктомъ, который, схвативъ Романа (безпечно мывшагося въ банѣ), отправилъ въ Венгрію, а самъ началъ свирѣпствовать какъ *Антихристъ*, по выраженію Лѣтописца, удовлетворяя гнуснѣйшимъ вожделѣніямъ своего развратнаго сердца, тѣсня чиновниковъ и гражданъ. Кто имѣлъ богатство или прекрасную жену, не могъ быть спокоенъ; кто обличалъ тиранство, подвергался казни или заточенію. Въ числѣ смѣлыхъ Бояръ находился Тимоѳей Книжникъ, родомъ Кіевлянинъ: онъ дерзнулъ укорять злаго Властелина и едва могъ спастися бѣгствомъ. Такъ и во время Андреева правленія въ Галичѣ насильствовали Венгры: по крайней мѣрѣ Андрей имѣлъ право Государя; сей же Бенедиктъ не имѣлъ никакого законнаго. Народъ и Вельможи искали способа избавиться отъ иноплеменнаго злодѣя. Первый опытъ былъ неудаченъ. Мстиславъ, прозваніемъ *Нѣмый*, сынъ Ярослава Луцкаго, господствуя въ Пересопницѣ, взялъ на себя изгнать Бенедикта: онъ пріѣхалъ съ дружиною къ Галичу; но Венгры остереглися: стражи ихъ стояли у воротъ; тишина царствовала въ городѣ, и Мстиславъ, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здѣсь Лѣтописецъ прибавляетъ, что близъ Днѣстра находилась древняя могила, именуемая *Галичиною*, отъ коей произошло имя

Галиціи; что одинъ Бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвелъ его на сію могилу, и сказалъ: «Князь! «теперь безъ стыда можешь ѣхать назадъ: ты «былъ на *Галичинѣ!»*

Въ сіе время Романъ Игоревичь бѣжалъ изъ Венгріи и примирился съ братомъ Владиміромъ: къ нимъ обратился несчастный народъ Галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословеннаго ихъ княженія. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти въ Карпатскія горы. Спокойствіе возстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святославъ Игоревичь, освобожденный Поляками, взялъ себѣ Перемышль; Владиміръ, какъ старшій, остался княжить въ столицѣ, отдавъ сыну Теребовль, а другаго сына пославъ съ дарами къ Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорятъ, что бѣдствіе есть учитель: оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами, и впадаютъ въ новыя заблужденія. Желая утвердиться на шаткомъ тронѣ Галицкомъ; обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствѣ тамошнихъ Вельможъ, и приписывая блестящее государствованіе Романа Мстиславича одной его строгости, Игоревичи вздумали казнію первостепенныхъ Бояръ обуздать народъ, и погубили себя невозвратно: безъ явной, особенной вины, безъ улики, безъ суда, неполип-

тели Княжеской воли хватали знатнѣйшихъ людей, убивали, и произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ обреченныхъ на смерть имѣли время спастися, и въ томъ числѣ Бояринъ Владиславъ, которому Игоревичи обязаны были престоломъ Галицкимъ. Сей Вельможа, вмѣстѣ съ другими бѣжавъ въ Венгрію, молилъ Андрея, чтобы онъ далъ имъ отрока Даніила и войско для изгнанія жестокихъ Игоревичей, неблагодарныхъ, забывшихъ милость Королевскую. Непрестанно лаская Даніила — обѣщая то усыновить, то женить его на своей дочери — Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ ему одними словами. Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо надежнѣе управлять Галиціею именемъ ея законнаго Князя, нежели собственнымъ, чрезъ Венгерскихъ Бароновъ, ненавистныхъ Россіянамъ; думая, что юный Даніилъ, отчасти имъ воспитанный, охотнѣе Игоревичей можетъ быть его подручникомъ: Андрей исполнилъ требованіе Галицкихъ Бояръ, и Владиславъ, окруженный полками Венгровъ, вступилъ съ Княземъ отрокомъ въ предѣлы отечества. Города сдавались. «За кого вамъ сражаться?» говорилъ одушевленный местію Владиславъ: «за убійцъ ли, которые злодѣйски «умертвили вашихъ отцевъ и братьевъ, похитили ихъ имѣніе, женили рабовъ на дочеряхъ «Боярскихъ?» Граждане Перемышля выдали ему Святослава Игоревича ([134]). Романъ въ Звенигородѣ оборонился, призвавъ Половцевъ. Но всѣ

сосѣдственные Князья возстали на Игоревичей: Александръ Владимірскій, Ярославичи, Ингварь Луцкій и Мстиславъ Нѣмый; малолѣтный Василько прислалъ изъ Бельза къ брату Даніилу свою дружину; самые Ляхи соединились съ Венграми, чтобы участвовать въ выгодахъ сего ополченія. Романа Звенигородскаго плѣнили въ бѣгствѣ: Владиміръ ушелъ. Юному Даніилу вручили державу Княжескую. Родительница спѣшила обнять его: онъ не узналъ матери, бывъ долго въ разлукѣ съ нею: но тѣмъ болѣе изъявилъ чувствительности, услышавъ отъ нее имя сына, и видя ея радостныя слезы. Среди Вельможъ и народа сей величественный отрокъ уже казался повелителемъ, благородною наружностію предвѣщая свою будущую знаменитость.

Но еще не могъ онъ властвовать дѣйствительнѣ: Венгры, Ляхи, Князья сосѣдственные и гордые Бояре надѣялись пользоваться его малолѣтствомъ. Ему отдали Галичь, но Владиміръ остался за Александромъ, Червенъ за Всеволодомъ, Александровымъ братомъ. Въ самомъ Галичѣ Даніилъ находился подъ опекою своевольныхъ, недостойныхъ Вельможъ, и не могъ спасти Русскаго имени отъ поношенія, будучи свидѣтелемъ гнуснѣйшаго злодѣянія. Воеводы Андреевы, Великій Дворецкій, именемъ Потъ, и другіе, плѣнивъ Игоревичей, хотѣли отвезти ихъ къ Королю; но Бояре Галицкіе, движимые злобою, требовали сихъ несчастныхъ для торжественной казни. Венгры колебались: наконецъ, убѣжден-

ные дарами, выдали имъ жертвы, и Галичане рѣдкимъ неистовствомъ заслужили въ древней Россіи имя *безбожныхъ*, данное имъ въ современной лѣтописи: били, терзали и повѣсили своихъ бывшихъ Князей (138). Сіе государственное преступленіе долженствовало бы вооружить всѣхъ потомковъ Св. Владиміра: къ сожалѣнію, кончина Великаго Князя и новыя междоусобія отвлекли ихъ вниманіе отъ мятежной земли Галицкой.

Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Новагорода, назначилъ ему въ Удѣлъ Ростовъ съ пятью городами; за нѣсколько же времени до смерти назвалъ его преемникомъ Великокняжескаго достоинства, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ Ростовскую область брату Георгію. Константинъ не хотѣлъ выѣхать изъ своего Удѣла, желая наслѣдовать цѣлое Великое Княженіе Суздальское (136). Раздраженный столь явнымъ неповиновеніемъ, отецъ созвалъ Бояръ изъ всѣхъ городовъ, Епископа Іоанна, Игуменовъ, Священниковъ, купцевъ, Дворянъ, и въ ихъ многочисленномъ собраніи объявилъ, что наслѣдникомъ его долженъ быть вторый сынъ Георгій; что онъ ему поручаетъ и Великую Княгиню и меньшихъ братьевъ. Константина любили, уважали; но безмолвствовали предъ священною властію отца: сынъ ослушный ка-

Г. 1212.

Неповиновеніе Константина.

зался преступникомъ, и всѣ, исполняя волю Великаго Князя, присягнули избранному наслѣднику. Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ Лѣтописцы, со *гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгія* (137). Добрые сыны отечества съ горестію угадывали слѣдствія.

Апрѣля 15. Кончина и характеръ Всеволода Великаго.

Всеволодъ Георгіевичь, княживъ 37 лѣтъ, спокойно и тихо преставился на пятьдесятъ-осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только супругою, дѣтьми, Боярами, но и всѣмъ народомъ (138): ибо сей Государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ*, княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудіе. Не бѣдные, не слабые трепетали его, а Вельможи корыстолюбивые. Не *обинулся лица сильныхъ*, по словамъ Лѣтописца, *и не туне нося мечь, ему Богомъ данный*, онъ казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ. Воспитанный въ Греціи, Всеволодъ могъ научиться тамъ хитрости, а не человѣколюбію: иногда мстилъ жестоко, но хотѣлъ всегда казаться справедливымъ, уважая древнія обыкновенія; требовалъ покорности отъ Князей, но безъ вины не отнималъ у нихъ престоловъ, и желалъ властвовать безъ насилія; повелѣвая Новогородцами, льстилъ ихъ любви къ свободѣ; мужественный въ битвахъ, и въ каждой побѣдитель, не любилъ кровопролитія безполез-

наго. Однимъ словомъ, онъ былъ рожденъ царствовать (хвала не всегда заслуживаемая Царями!), и хотя не могъ назваться Самодержавнымъ Государемъ Россіи, однакожь, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни Единовластія. Новѣйшіе Лѣтописцы, славя добродѣтели сего Князя, говорятъ, что онъ довершилъ месть, начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ коробъ и бросить въ воду. Сіе извѣстіе согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Пловучимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ въ коробѣ (139)!

Доказавъ свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооруженіемъ храмовъ, Всеволодъ оставилъ и другіе памятники своего княженія: кромѣ города Остера, имъ возобновленнаго, онъ построилъ крѣпости въ Владимірѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и Суздалѣ (140).

Всеволодъ въ 1209 году сочетался вторымъ бракомъ съ дочерью Витебскаго Князя, Василька Брячиславича (141). Первою его супругою была Марія, родомъ Ясыня, славная благочестіемъ и мудростію. Въ послѣднія семь лѣтъ жизни страдая тяжкимъ недугомъ, она изъявляла удивительное терпѣніе, часто сравнивала себя съ Іовомъ (142), и за 18 дней до кончины постриг-

Мудрость Великой Княгини.

лась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала ихъ жить въ любви, напомнивъ имъ мудрыя слова Великаго Ярослава, что междоусобіе губитъ Князей и отечество, возвеличенное трудами предковъ; совѣтовала дѣтямъ быть набожными, трезвыми, вообще привѣтливыми и въ особенности уважать старцевъ, по изрѣченію Библіи: *во мнозѣмъ времени премудрость, во мнозѣ житіи вѣдѣніе.* Лѣтописцы хвалятъ ее также за украшеніе церквей серебряными и *золотыми* сосудами; называютъ Россійскою Еленою, Θеодорою, второю Ольгою. Она была матерію осьми сыновей, изъ коихъ двое умерли во младенчествѣ. Лѣтописецъ Суздальскій, упоминая о рожденіи каждаго, сказываетъ, что ихъ на четвертомъ или пятомъ году жизни торже-

Постриги.

ственно *постригали и сажали на коней* въ присутствіи Епископа, Бояръ, гражданъ [143]; что Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошные, угощалъ Князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а Бояръ тканями и мѣхами. Сей достопамятный обрядъ такъ называемыхъ *Постригъ,* или перваго обрѣзанія волосовъ у дѣтей мужескаго полу, кажется остаткомъ язычества: знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ ([144]), и соблюдался не только въ Россіи, но и въ

другихъ земляхъ Славянскихъ: напримѣръ, у Ляховъ, коихъ древнѣйшій Историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Піастомъ, *остригли волосы* его сыну-младенцу и *дали имя* Семовита (145).

Въ Исторію сего времени входитъ слѣдующее любопытное извѣстіе, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ достовѣрное. Послѣ 1175 года не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о сынѣ Андрея Боголюбскаго, Георгія; но онъ является важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ Исторіи Грузинской. «Въ 1171 году юная Тамарь, дочь Царя, «Георгія III, наслѣдовала престолъ родителя. Духовенство и Бояре искали ей жениха: тогда одинъ Вельможа Тифлисскій, «именемъ Абуласанъ, предложилъ собранію, что сынъ Великаго Князя Россійскаго, «Андрея, дядею Всеволодомъ изгнанный и «заточенный въ *Савалту*, ушелъ оттуда въ «*Свинчь* къ Хану Кипчакскому (или Половецкому), и что сей юноша, знаменитый «родомъ, умомъ, храбростію, достоинъ «быть супругомъ ихъ Царицы. Одобрили «мысль Абуласанову; послали за Княземъ, «и Тамарь сочеталась съ нимъ бракомъ. «Нѣсколько времени бывъ счастіемъ супруги и славою Государства, онъ перемѣнился въ дѣлахъ и нравѣ: Тамарь, исполняя волю Совѣта, долженствовала изгнать «его, но щедро наградила богатствомъ.

Князь Россійскій въ Грузіи.

«Князь удалился въ Черноморскія области, «въ Грецію; велъ жизнь странника, ску-«чалъ, возвратился опять въ Грузію, пре-«клонилъ къ себѣ многихъ жителей и хо-«тѣлъ взять Тифлисъ; но, побѣжденный «Тамарію, съ ея дозволенія, безопасно и съ «честію выѣхалъ, неизвѣстно куда.» Сія Тамарь славилась побѣдами, одержанными ею надъ Персіянами и Турками; завоевала разные города и земли; любила Науки, Исторію, Стихотворство, и время ея считалось златымъ вѣкомъ Грузинской Словесности. Сынъ Тамаринъ, Георгій Лашъ, по кончинѣ матери царствовалъ отъ 1198 до 1211 года (146).

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственные случаи долговременнаго княженія Всеволодова. Два раза горѣлъ при немъ Владиміръ: въ 1185 году огонь разрушилъ тамъ 32 церкви каменныя и Соборную, богато украшенную Андреемъ; ея серебряныя паникадила, златые сосуды, одежды служебныя, вышитыя жемчугомъ, драгоцѣнныя иконы, парчи, куны или деньги, хранимыя въ теремѣ, и всѣ книги были жертвою пламени. Чрезъ пять лѣтъ случилось такое же несчастіе для цѣлой половины Владиміра: едва могли отстоять дворецъ Княжескій; а въ Новѣгородѣ многіе люди, устрашенные безпрестанными пожарами, оставили домы и жили въ полѣ: въ одинъ день сгорѣло тамъ 4300 домовъ.

Разныя бѣдствія.

Многіе другіе города: Руса, Ладога, Ростовъ, обратились въ пепелъ. Въ 1187 году свирѣпствовала какая-то общая болѣзнь въ городахъ и селахъ: Лѣтописцы говорятъ, что ни одинъ домъ не избѣжалъ заразы, и во многихъ не кому было принести воды. Въ 1196 году вся область Кіевская чувствовала землетрясеніе: домы, церкви колебались, и жители, не пріученные къ сему обыкновенному въ жаркихъ климатахъ явленію, *трепетали и падали ницъ отъ страха* (147).

Въ княженіе Всеволода былъ завоеванъ Крестоносцами Царьградъ: происшествіе важное и горестное для тогдашнихъ Россіянъ, тѣсно связанныхъ съ Греками по Вѣрѣ и торговлѣ! Взятіе Царяграда и Кіева случилось въ одинъ годъ (1204): суевѣрные Лѣтописцы наши говорятъ, что многія страшныя явленія въ ту зиму предвѣщали бѣдствіе; что небо казалось въ огнѣ, метеоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ цвѣтъ крови (148). Французы, Венеціане, ограбивъ богатые храмы, похитивъ драгоцѣнности искусства и мощи Святыхъ, избрали не только собственнаго Императора, но и Патріарха Латинскаго: Греческій, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Ѳракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ

Взятіе Царяграда.

Духовенству нашему, что Вѣра истинная торжествуетъ; что вся Греческая Имперія уже ему повинуется; что одни ли Россіяне захотятъ быть отверженными отъ паствы Христовой; что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и что внѣ онаго все должно погибнуть; что Кардиналъ Г., мужъ ученый, благородный, Посолъ Намѣстника Апостольскаго, уполномоченъ отъ него быть просвѣтителемъ Россіи, истребителемъ ея заблужденій, и проч. (140). Сіе Пастырское увѣщаніе не имѣло никакого слѣдствія, и Митрополиты наши были оттолѣ поставляемы въ Никеѣ, новой столицѣ Греческихъ Константинопольскихъ Патріарховъ, до самаго изгнанія Крестоносцевъ изъ Царяграда.

Нѣмцы въ Ливоніи. Тогда же другіе *Крестоносцы* сдѣлались опасны для сѣверо-западной Россіи. Мы упоминали о Менигардѣ, проповѣдникѣ Латинской Вѣры въ Ливоніи: преемники его, утверждаемые Главою Бременской Церкви въ санѣ Епископовъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ прибѣгнули къ оружію, и Папа отпускалъ грѣхи всякому, кто подъ знаменіемъ креста лилъ кровь упрямыхъ язычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Нѣмецкой земли толпами отправлялись туда странствующіе богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечемъ, искать спасенія души въ убійствѣ людей.

Третій Епископъ Ливонскій, Альбертъ, избравъ мѣсто удобное для пристани, въ 1200 году основалъ городъ Ригу, а въ 1201 *Орденъ Христовыхъ воиновъ* или *Меченосцевъ*, которымъ Папа, Иннокентій III, далъ уставъ славныхъ *Рыцарей Храма*, подчинивъ ихъ Епископу Рижскому: *крестъ* и *мечь* были символомъ сего новаго братства. Россіяне назывались господами Ливоніи, имѣли даже крѣпость на Двинѣ, Кокенойсъ (нынѣ Кокенхузенъ); однакожь, собирая дань съ жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонниковъ. Сей хитрый Епископъ отъ времени до времени дарилъ Князя Полоцкаго, Владиміра, увѣряя его, что Нѣмцы думаютъ единственно о распространеніи истинной Вѣры. Но Альбертъ говорилъ какъ Христіанинъ, а дѣйствовалъ какъ Политикъ: умножалъ число воиновъ, строилъ крѣпости, хотѣлъ и духовнаго и мірскаго господства. Бѣдные жители не знали, кому повиноваться, Россіянамъ или Нѣмцамъ: единоплеменники Финновъ, Ливь, желали, чтобы первые освободили ихъ отъ тиранства Рыцарей, а Латыши изъявляли усердіе къ послѣднимъ. Наконецъ Князь Владиміръ объявилъ войну опаснымъ пришельцамъ: осаждалъ Икскуль, и не могъ въ 1206 году взять Кирхгольма, ибо Россіяне, искусные стрѣлки, по сказанію Ливонскаго

Основаніе Риги.

Орденъ Меченосцевъ.

древняго Лѣтописца, не умѣли дѣйствовать пращею; хотя и переняли сіе орудіе у Нѣмцевъ, но худо бросая камни, били ими своихъ. Владиміръ снялъ осаду — услышавъ, что многіе чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливоніи — и Двиною возвратился въ Полоцкъ. Флотъ, испугавшій Россіянъ, былъ Датскій: Король Вольдемаръ въ угодность Папѣ шелъ оборонить новую Церковь Ливонскую; присталъ къ Эзелю, хотѣлъ основать тамъ крѣпость, но вдругъ, перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу Лунденскаго Архіепископа, знаменитаго ученостію Андрея, который въ санѣ Римскаго Посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ Католической Вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъ ничтожные идолы, разрушаемые сѣкирами Христіанъ, не могли защитить себя. Современный Лѣтописецъ разсказываетъ случай любопытный: Латыши бросили жеребей, какую Вѣру принять имъ, Нѣмецкую или Русскую, и согласно съ волею Судьбы избрали первую. Впрочемъ они долго еще съ нѣкоторою благодарностію хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земинника или дарователя земныхъ плодовъ, Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливь и Чудь назвали самаго Творца вселенныя именемъ главнаго ихъ идола, Юммала: были уже Христіанами, но ходили еще молиться въ лѣса священные, приносили жертвы древамъ, ежегодно торжествовали праздникъ усопшихъ

съ обрядами язычества, и клали въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мертвому: «иди, несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ Нѣмцы уже «не могутъ господствовать надъ тобою, а будутъ «твоими рабами (150)!» Сей бѣдный народъ въ теченіе вѣковъ не забывалъ насилія своихъ жестокихъ просвѣтителей! — Довольный услугами Рыцарей, Епископъ Альбертъ уступилъ имъ третію часть покоренной Ливоніи; старался болѣе и болѣе утверждать тамъ свое владычество; выгналъ Россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Кукенойса, принудивъ Удѣльнаго Князя Двинскаго, именемъ Всеволода, быть данникомъ Рижской Церкви. Сей Князь, женатый на дочери одного знатнаго Литовца, господствовалъ въ Герсикѣ (нынѣшнемъ Крейцбургѣ): онъ дѣлалъ много зла не только Нѣмцамъ, но и Россіянамъ, свободно пропуская Литовскихъ грабителей чрезъ Двину и доставляя имъ съѣстные припасы. Епископъ Альбертъ сжегъ столицу Всеволода, плѣнилъ его Княгиню, многихъ жителей, и съ тѣмъ условіемъ возвратилъ имъ свободу, чтобы сей Князь отказался отъ союза съ Литовцами и навсегда подарилъ свою область Богородицѣ, то есть, Епископу. Всеволодъ подъ тремя знаменами клялся вѣрно служить Матери Божіей; торжественно назвалъ Альберта отцемъ; призналъ себя его Намѣстникомъ въ Герсикѣ (151)! Но сѣверная часть Ливоніи оставалась еще независимою отъ Нѣмцевъ: тамъ хотѣлъ господствовать храбрый Мстиславъ Новогородскій. Взявъ мѣры для без-

опасности границъ своихъ, укрѣпивъ южныя новыми городами и поручивъ охранять Великія Луки брату, Князю Владиміру Псковскому, онъ ходилъ съ войскомъ (въ 1212 году) на западные берега Чудскаго озера, собирать дань и смирять непокорныхъ; осаждалъ крѣпость *Медвѣжью Голову* или Одеппе, и взялъ съ жителей 400 гривенъ *ногатами* или *кунами* ([152]). Нѣмецкій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Князь Новогородскій, крестивъ тогда нѣкоторыхъ язычниковъ, обѣщалъ прислать къ нимъ своихъ Поповъ, но что Альбертовы Миссіонаріи предупредили Россіянъ, и скоро ввели тамъ Вѣру Латинскую.

Заключая описаніе достопамятныхъ временъ Всеволода III, упомянемъ о случаѣ принадлежащемъ вмѣстѣ и къ церковной и къ свѣтской Исторіи нашего отечества. Въ 1212 году Новогородцы, недовольные Святителемъ Митрофаномъ, безъ всякаго сношенія съ Главою Духовенства, Митрополитомъ Кіевскимъ, изгнали своего Архіепископа и выбрали на его мѣсто бывшаго знаменитаго гражданина, Добрыню Ядренковича, который не задолго до того времени ѣздилъ въ Царьградъ и постригся въ монастырѣ Хутынскомъ, основанномъ въ концѣ XII вѣка Св. Варлаамомъ, близъ Волхова ([153]). Такъ Новогородцы судили и Князей и Святителей, думая, что власть

Духовная власть въ Новѣгородѣ.

мірская и духовная происходитъ отъ народа.

ГЛАВА IV.

Георгій Князь Владимірскій, Константинъ Ростовскій.

Г. 1212—1216.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ.

Совершивъ погребеніе отца, Георгій, съ одобренія Вельможъ, возвратилъ свободу Князьямъ Рязанскимъ, всѣмъ ихъ подданнымъ и Епископу Арсенію. Великое Княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ области: Георгій господствовалъ въ Владимірѣ и Суздалѣ, Константинъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ; оба желали единовластія и считали другъ друга хищниками. Братья ихъ также раздѣлились: Ярославъ-Ѳеодоръ, начальствуя въ Переславлѣ Залѣсскомъ, взялъ сторону Георгія, равно какъ и Святославъ, получивъ въ Удѣлъ

Г. 1212-1215. Междоусобіе.

Юрьевъ Польскій; Димитрій - Владиміръ остался вѣрнымъ Константину. Ростовскій Князь обратилъ въ пепелъ Кострому, плѣнилъ жителей (184); Георгій два раза приступалъ къ Ростову, и заключивъ весьма неискренній миръ съ Константиномъ, выслалъ Димитрія изъ Москвы. «Даю тебѣ» (сказалъ онъ) «южный Переяславль, нашу «отчину; господствуй въ немъ и блюди зем«лю Русскую.» Димитрій, какъ бы предчувствуя бѣдствіе, неохотно поѣхалъ въ сей Удѣлъ, нѣкогда знаменитый и столь любезный для его дѣда; женился тамъ на племянницѣ Всеволода Чермнаго, и едва отпраздновавъ свадьбу, долженствовалъ сразиться съ Половцами; не могъ одолѣть варваровъ, и плѣненный ими, былъ отведенъ въ вежи. Онъ года чрезъ три освободился и княжилъ послѣ въ Стародубѣ на Клязмѣ.

Рюрикъ скончался (185): Князь трезвый, набожный, усердный строитель церквей, впрочемъ не имѣвшій доброй славы братьевъ своихъ: ни кротости Романовой, ни твердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храбраго. Всеволодъ Чермный, желая одинъ начальствовать въ южной Россіи и не боясь уже никого по смерти Великаго Князя, изгналъ сыновей и племянниковъ Рюриковыхъ изъ Удѣловъ Кіевской области. Къ сему насилію онъ прибавилъ клевету: «Вы» (говорилъ Всеволодъ) «хо-

Изгнаніе Мономахова

«тѣли овладѣть Галичемъ, возмутили тамъ «народъ, повѣсили моихъ братьевъ какъ «разбойниковъ; вы гнуснымъ злодѣяніемъ «посрамили имя отечества!» Изгнанники, удалясь въ область Смоленскую, требовали защиты отъ Мстислава Новогородскаго. Сей мужественный Князь былъ тогда стражемъ сѣверо-западной Россіи: съ одной стороны тревожили оную Литовцы, съ другой властолюбіе Нѣмцевъ угрожало ей великими опасностями. Первые дерзнули ворваться въ самый Псковъ, котораго жители — изгнавъ Князя своего, Владиміра Мстиславича, за его дружескую связь съ Рижскимъ Епископомъ — ходили тогда въ Чудскую землю для собранія дани ([156]). Литовцы не могли завладѣть городомъ, но выжгли его и разорили окрестности. Мстиславъ Новогородскій далъ Псковитянамъ инаго Князя, своего племянника двоюроднаго, Всеволода Борисовича, а Владиміръ удалился въ Ригу, будучи вѣрнымъ союзникомъ Ордена и тестемъ Епископова брата, Дитриха. Принятый имъ какъ другъ и свойственникъ, онъ имѣлъ случай оказать Нѣмцамъ важную услугу. Современный Лѣтописецъ Ливонскій разсказываетъ, что Князь Полоцкій, Владиміръ, желая объясниться съ Епископомъ Альбертомъ, назначилъ ему свиданіе на берегу Двины, близъ нынѣшняго Крейцбурга. Альбертъ пріѣхалъ

Дому изъ южной Россіи.

гуда съ Рыцарями, старѣйшинами Ливонскими, купцами Нѣмецкими и съ Владиміромъ Мстиславичемъ. Князь Полоцкій говорилъ Альберту, чтобы онъ не тревожилъ язычниковъ и не принуждалъ ихъ креститься; что Нѣмцы должны слѣдовать примѣру Россіянъ, которые довольствуются подданствомъ народовъ, оставляя имъ на волю вѣрить Спасителю или не вѣрить. «Нѣтъ!» отвѣтствовалъ съ жаромъ Епископъ: «совѣсть обязываетъ меня крестить «идолопоклонниковъ: такъ угодно Богу и «Папѣ!» Князь грозился обратить въ пепелъ Ригу, и въ гнѣвѣ обнажилъ мечь: Рыцари также изготовились къ битвѣ; но Владиміръ Мстиславичь сталъ между ими, молилъ, убѣждалъ, и сдѣлалъ наконецъ то, что Князь Полоцкій, отдавая справедливость неустрашимости Рыцарей, совершенно уступилъ имъ всю южную Ливонію. Сей Князь чрезъ нѣсколько лѣтъ думалъ поправить свою ошибку и выгнать Нѣмцевъ; но упалъ мертвый въ самую ту минуту, какъ хотѣлъ сѣсть на ладію и плыть къ устью Двины, чтобы осадить Ригу ([157]). Господствуя въ южной Ливоніи, Рыцари желали покорить и сѣверную, вмѣстѣ съ Эстоніею: узнавъ, что отряды ихъ грабятъ тамошнихъ жителей, Мстиславъ Новогородскій собралъ 15,000 воиновъ; вмѣстѣ съ Княземъ Псковскимъ и Давыдомъ Торопецкимъ, братомъ

Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры

Подвиги Мстислава.

своимъ, выступилъ въ поле: доходилъ до самаго моря. Не встрѣтивъ нигдѣ Нѣмцевъ, которые заблаговременно ушли назадъ въ Ригу, онъ требовалъ дани съ Чуди, осаждалъ Воробьинъ или Верпель, взялъ съ гражданъ 700 гривенъ *ногатами* и разорилъ многія окрестныя селенія (158). Сія западная часть нынѣшней Эстляндской Губерніи находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи; земледѣльцы жили въ изобиліи, и деревни были хорошо выстроены: къ несчастію, Альбертовы Рыцари скоро огнемъ и мечемъ опустошили всю Эстонію.

Мстиславъ, отдавъ двѣ части взятой дани Новогородцамъ, а третью своимъ Дворянамъ или дружинѣ, спѣшилъ отъ береговъ Балтійскаго моря къ Днѣпру; прибывъ въ Новгородъ, собралъ Вѣче на *Дворъ Ярославль* и предложилъ народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава, ибо онъ старался всѣхъ угождать, и единодушно отвѣтствовали: «Князь! куда обра- «тишь свои очи, тамъ будутъ наши головы» (159)! Сіе усердіе вдругъ охладѣло на пути. Новогородскіе воины поссорились съ Смоленскими, убили одного человѣка въ дракѣ и торжественно объявили, что не хотятъ итти далѣе. Напрасно Князь звалъ ихъ на Вѣче; напрасно думалъ усовѣстить неблагодарныхъ: никто не слушалъ его повелѣнія. «И такъ мы должны разстаться,» сказалъ Мстиславъ безъ всякой укоризны; дружески простился съ ними, и вышелъ съ братьями

изъ Смоленска. Новогородцы изумились: тогда Посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ, что предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ Князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго, и служили примѣромъ для другихъ Россіянъ. Сія рѣчь тронула Новогородцевъ, легкомысленныхъ, однакожь чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великодушныхъ подвиговъ. Они догнали Князя, и пылая ревностію, нетерпѣливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два Князя отдалися въ плѣнъ (160). Всеволодъ Святославичь бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговѣ и съ горести умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностію и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его Князю Смоленскому.

г. 1215. Храбрый Мстиславъ, учредивъ порядокъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, что дѣла отзываютъ его въ южную Россію; что онъ будетъ всегда защитникомъ Новогородцевъ, однакожь даетъ имъ волю избрать себѣ иного Князя. Народъ сожалѣлъ объ немъ; долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить Князя столь великодушнаго; наконецъ отправилъ Посадника, Тысячскаго и десять старѣйшихъ купцевъ

звать Θеодора Всеволодовича, Мстиславова зятя [161]. Ярославъ-Θеодоръ началъ свое правленіе строгостію и наказаніями, сославъ въ Тверь нѣкоторыхъ окованныхъ цѣпями чиновниковъ, велѣвъ разграбить дворъ Тысячскаго, оклеветаннаго врагами, взявъ подъ стражу сына и жену его. Возбужденный самимъ Княземъ къ дѣйствіямъ своевольнымъ, народъ искалъ жертвъ, новыхъ преступниковъ: умертвилъ самъ собою двухъ знаменитыхъ гражданъ; а Князь съ досады на сихъ мятежниковъ уѣхалъ въ Торжекъ. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Новагорода сдѣлался неурожай: Ярославъ, ослѣпленный злобою, захватилъ весь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣстахъ и не пустилъ ни воза въ столицу. Тщетно Послы убѣждали Князя возвратиться: онъ задерживалъ ихъ въ Торжкѣ, призвавъ къ себѣ жену изъ Новагорода, гдѣ уже свирѣпствовалъ голодъ. Четверть ржи стоила около трехъ рублей шестидесяти копеекъ нынѣшними серебряными деньгами, овса рубль 7 копеекъ, возъ рѣпы два рубля 86 копеекъ. Бѣдные ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ; отдавали дѣтей всякому, кто хотѣлъ ихъ взять, — томились, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оставленные на съѣденіе псамъ, и люди толпами бѣжали въ сосѣдственныя земли, чтобы избавиться отъ ужасной смерти. Въ послѣд-

Строгость Ярослава.

Голодъ въ Новѣгородѣ.

ній разъ Новогородцы молили Ярослава утѣшить ихъ своимъ присутствіемъ. «Иди «къ Св. Софіи,» говорили они: «или скажи, «что не хочешь быть нашимъ Княземъ.» Онъ задержалъ и сихъ Пословъ, вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли отчаяніе; а Намѣстникъ Ярославовъ и Дворяне его были равнодушными зрителями народнаго бѣдствія. Въ то время явился
г. 1216, Февр. 11. утѣшитель: Мстиславъ великодушный. Новогородцы съ восторгомъ увидѣли его на *Дворѣ Ярослава.* Сей Князь говорилъ, что онъ помнитъ свое обѣщаніе быть всегда ихъ другомъ; что освободитъ невинныхъ гражданъ, заключенныхъ въ Торжкѣ, возстановитъ благоденствіе Новагорода, или положитъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ стражу Бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго Священника объявилъ зятю, чтобы онъ, если желаетъ остаться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно возвратилъ свободу всѣмъ Боярамъ и купцамъ Новогородскимъ ([162]). Съ гордостію отвергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изготовился къ войнѣ; сдѣлалъ на пути засѣки, укрѣпленія, и прислалъ сто знаменитыхъ Новогородцевъ въ отчизну ихъ, съ приказаніемъ выпроводить оттуда его тестя. Но сіи люди,

видя единодушіе согражданъ, пристали къ нимъ съ радостію. Тогда озлобленный Ярославъ собралъ на полѣ всѣхъ бывшихъ у него Новогородцевъ, числомъ болѣе двухъ тысячь; оковалъ цѣпями и послалъ въ свой городъ, Переславль Залѣсскій, отнявъ у нихъ коней, деньги, все имѣніе. Въ надеждѣ на могущество брата, Георгія Владимірскаго, онъ грозился наказать тестя, и смѣло поднялъ руку на кровопролитіе междоусобное. Состояніе Новагорода было достойно жалости: голодъ, болѣзни истребили не малую часть его жителей; другіе скитались по землямъ чуждымъ; знатнѣйшіе люди стенали въ темницахъ Суздальской области; домы и цѣлыя улицы опустѣли. Мстиславъ, собравъ Вѣче, ободрялъ гражданъ своимъ мужествомъ. «Оставимъ ли «братьевъ въ заключеніи и постыдной не-«волѣ?» говорилъ онъ народу: «Да воскрес-«нетъ величіе столицы! да не будетъ она «презрительнымъ Торжкомъ, ни Торжекъ «сею (163)! Новгородъ тамъ, гдѣ Святая Со-«фія. Рать наша малочисленна; но Богъ «заступникъ правыхъ, и сильнаго и сла-«баго!» Всѣ казались единодушными; однакожь нѣкоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бѣжали къ нему въ Торжекъ. Мстиславъ выступилъ съ остальными и съ братомъ, Княземъ Владиміромъ Псковскимъ Марта 1.
(который, бывъ нѣсколько времени началь-

никомъ маленькой области въ Нѣмецкой Ливоніи, снова господствовалъ тогда во Псковѣ).

Сія война имѣла важное слѣдствіе: Князь Новогородскій, хотѣвъ прежде дружелюбно раздѣлаться съ Ярославомъ, но принужденный искать управы мечемъ, взялъ свои мѣры какъ искусный Военачальникъ и Политикъ. Предвидя, что Георгій Всеволодовичь будетъ всѣми силами помогать меньшему брату, Мстиславъ заключилъ тайный союзъ съ Константиномъ и далъ ему слово возвести его на престолъ Владимірскій. Непріятельскія дѣйствія начались въ Торопецкой области. Святославъ Всеволодовичь, присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десятью тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ находилось только 100 воиновъ, но Князь Новогородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться, и взялъ укрѣпленный Зубцовъ ([164]). Дружина Мстиславова хотѣла прямо итти къ Торжку; но Князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переславлю Залѣсскому, чтобы удалить ѳеатръ войны отъ Новогородской области. Наконецъ обѣ рати сошлися близъ Юрьева. Константинъ съ полками своими находился въ станѣ Новогородскомъ: Георгій, Ярославъ и Князья Муромскіе, дѣйствуя за-одно, вооружили самыхъ поселянъ, и въ необозримыхъ рядахъ стали на берегу Кзы. Лѣтописцы сказываютъ, что Князь Владимірскій и меньшій братъ его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ ([165]). Благоразумный Мстиславъ

еще надѣялся отвратить кровопролитіе. Послы Новогородскіе говорили Георгію, что они не признаютъ его врагомъ своимъ, будучи готовы заключить миръ и съ Ярославомъ, если онъ добровольно отпуститъ къ нимъ всѣхъ ихъ согражданъ и возвратитъ Торжекъ съ Волокомъ Ламскимъ. Но Георгій отвѣтствовалъ, что враги его брата суть его собственные; а Ярославъ, надменный и мстительный, не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. «Не время думать о мирѣ,» говорилъ онъ Посламъ: «вы теперь какъ рыба «на пескѣ; зашли далеко и видите бѣду неминуе-«мую.» Мстиславъ вторично представлялъ Георгію и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для Государства; что онъ желаетъ примирить ихъ съ большимъ братомъ, который уступитъ имъ всю область Суздальскую, буде Георгій отдастъ ему, какъ старшему, городъ Владиміръ. «Ежели самъ отецъ нашъ (сказалъ «Георгій) не могъ разсудить меня съ Константи-«номъ, то Мстиславу ли быть нашимъ судіею? «Пусть Константинъ одолѣетъ въ битвѣ: тогда «все его.» Послы съ горестію удалились, и Князь Владимірскій, пируя въ шатрѣ съ Вельможами, желалъ знать ихъ мнѣніе. Одинъ Бояринъ совѣтовалъ не отвергать мира и признать Константина старѣйшимъ Государемъ земли Суздальской, представляя, что Князья Ростиславова племени мудры и храбры, а воины Новогородскіе и Смоленскіе *дерски* въ битвахъ; что Мстиславъ въ дѣлѣ ратномъ не имѣетъ совмѣстника, и что

превосходныя силы уступаютъ иногда превосходному искусству (166). Князья слушали Боярина съ неудовольствіемъ. Другіе Вельможи, льстя ихъ самолюбію, говорили, что никогда еще враги не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздальской; что жители ея могли бы съ успѣхомъ противоборствовать соединенному войску всѣхъ Россіянъ, и *сѣдлами закидаютъ* Новогородцевъ. Одобривъ сію безразсудную надменность и собравъ Военачальниковъ, Князья дали имъ приказъ не щадить никого въ битвѣ: убивать даже и тѣхъ, на коихъ увидятъ шитое золотомъ оплечье (167). «Вамъ брони, одежда и кони мерт-«выхъ,» сказали они: «въ плѣнъ возмемъ однихъ «Князей, и рѣшимъ послѣ судьбу ихъ.» Отпустивъ Воеводъ, Георгій съ меньшими братьями заперся въ шатрѣ и вздумалъ уже дѣлить всю Россію; назначилъ Ростовъ для себя, Новгородъ для Ярослава, Смоленскъ для третьяго брата (168), а Кіевъ для Ольговичей, оставляя Галичь на свое дальнѣйшее распоряженіе. Написавъ договорную грамоту и взаимною клятвою утвердивъ оную, сіи Князья послали сказать непріятелямъ, что желаютъ биться съ ними на обширномъ Липецкомъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ: долго совѣтовался съ Константиномъ, обязалъ его торжественными обѣтами вѣрности, и ночью выступилъ изъ стана къ назначенному для битвы мѣсту, съ трубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ. Встревоженные полки Георгіевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть,

вооруженные и въ боевомъ порядкѣ, ожидая нападенія, и едва было не обратились въ бѣгство. На разсвѣтѣ Мстиславъ и Константинъ приближились къ непріятелю, который зашелъ за дебрь и расположился на горѣ, окруженной плетнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ или битву на равнинѣ. Сей Князь отвѣтствовалъ: «не хочу ни того, ни другаго; и «когда вы уже не боялись дальняго пути, «то можете перейти и за дебрь, гдѣ мы «васъ ожидаемъ.» Мстиславъ сталъ на другой горѣ, велѣвъ отборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера, слабо, не охотно: ибо время было весьма холодно и ненастливо. На другой день Мстиславъ думалъ итти прямо ко Владиміру, но Константинъ не совѣтовалъ оставлять непріятеля назади, и боялся, чтобы миролюбивые Ростовцы, пользуясь случаемъ, не разбѣжались по городамъ. Между тѣмъ Георгіевы полки, видя движеніе въ станѣ Новогородцевъ и Смолянъ, вообразили, что Мстиславъ хочетъ отступить, и бросились съ горы, въ намѣреніи гнаться за нимъ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда Князь Новогородскій, сказавъ: «гора не защититъ и «не побѣдитъ насъ; пойдемъ съ Богомъ и «съ чистою совѣстію,» велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ. На одномъ крылѣ

Славная битва Липецкая.

стоялъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, на другомъ Константинъ, въ срединѣ Мстиславъ съ Новогородцами и Князь Псковскій. Учредивъ строй, обозрѣвъ всѣ ряды, Мстиславъ ободрялъ воиновъ краткою рѣчью. «Друзья и братья!» говорилъ онъ: «мы вошли въ землю сильную: станемъ «крѣпко, призвавъ Бога помощника. Да «никто не озирается вспять: бѣгство не «спасеніе. Кому не умереть, тотъ будетъ «живъ. Забудемъ на время женъ и дѣтей «своихъ. Сражайтесь, какъ хотите: пѣшіе «или на коняхъ.» Новогородцы отвѣтствовали: «сразимся пѣшіе, какъ отцы наши «подъ Суздалемъ.» Оставивъ коней, они сбросили съ себя одежду, даже сняли сапоги, и съ громкимъ кликомъ устремились впередъ; за ними Мстиславъ и дружина конная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать ихъ стремленія. Смоляне также пѣшіе вступили въ бой, не хотѣвъ ждать Воеводы своего, который упалъ съ коня въ дебри. Князь Новогородскій, видя кровопролитіе, сказалъ Владиміру Псковскому: «не выдадимъ добрыхъ людей!» и мгновенно опередилъ всѣхъ; имѣя въ рукѣ топоръ, три раза съ дружиною проѣхалъ сквозь полки непріятельскіе, сѣкъ головы, оставлялъ за собою кучи труповъ. Лѣтописцы живо представляютъ ужасъ сей битвы, говоря, что сынъ шелъ на отца, братъ

Апрѣля 21.

на брата, слуга на господина: ибо многіе Новогородцы сражались за Ярослава; многіе единокровные стояли другъ противъ друга подъ знаменами Георгія и Константина. Побѣда не была сомнительною. Новогородцы, Смоляне дружнымъ усиліемъ разстроили, смяли враговъ, и торжествуя показывали въ рукахъ своихъ хоругви Ярославовы. Еще Георгій стоялъ противъ Константина; но скоро обратился въ бѣгство за Ярославомъ. «Друзья!» сказалъ Князь Новогородскій своимъ храбрымъ воинамъ: «не время «думать о корысти; надобно довершить побѣ«ду» — и Новогородцы, ему послушные, не хотѣли прикоснуться къ добычѣ, съ жаромъ гнали Суздальцевъ, топили ихъ въ рѣкахъ, осуждая Смолянъ, которые обдирали мертвыхъ и грабили обозы непріятеля.

Уронъ былъ великъ только со стороны побѣжденныхъ: ихъ легло на мѣстѣ 9233 человѣка. Въ остервененіи своемъ не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ; а Смоляне нашли въ Георгіевомъ станѣ и договорную грамоту сего Князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переславль, и пылая гнѣвомъ, задушилъ тамъ многихъ Новогородскихъ купцевъ въ темницѣ (169); а Георгій, утомивъ трехъ коней подъ собою, на четвертомъ прискакалъ въ Владиміръ, гдѣ оставались большею частію одни старцы и дѣти, жены и люди духовнаго сана. Видя вдали

скачущаго всадника, они думали, что Князь ихъ одержалъ побѣду и шлетъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ съ себя одежду Княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вратами столицы; ѣздилъ вокругъ стѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ. Жители ужаснулись. Ночью пришли въ Владиміръ многіе раненые; а на другой день Георгій, созвавъ гражданъ, молилъ ихъ доказать ему свое усердіе мужественною защитою столицы. «Государь! усердіемъ не спасемся,» отвѣтствовали граждане: «братья наши «легли на мѣстѣ битвы; другіе пришли, но «безъ оружія: съ кѣмъ отразить врага?» Князь упросилъ ихъ не сдаваться хотя нѣсколько дней, чтобы онъ могъ вступить въ переговоры.

Великодушіе Мстислава. Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнаться за Георгіемъ и Ярославомъ, долго стоялъ на мѣстѣ битвы, и шелъ медленно ко Владиміру ([170]). Чрезъ два дни окруживъ городъ, сей Князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ: воины хотѣли итти на приступъ, чтобы воспользоваться симъ случаемъ; но человѣколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ. Георгій уже не думалъ обороняться, и на третій день пріѣхавъ въ станъ къ Новогородскому Князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Влади-

міру Смоленскому: «Вы побѣдители: располагайте моею жизнію и достояніемъ. «Братъ мой Константинъ въ вашей волѣ.» Мстиславъ и Владиміръ, взявъ отъ него дары, были посредниками между имъ и Константиномъ. Принужденный выѣхать изъ столицы, Георгій омочилъ слезами гробъ родителя, въ душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастной войны; сѣлъ въ ладію съ женою, и поѣхалъ въ Городецъ Волжскій или Радиловъ. Въ числѣ немногихъ друзей отправился съ нимъ Епископъ Симонъ, знаменитый не только описаніемъ жизни святыхъ Иноковъ Кіевскихъ, но и собственными добродѣтелями; обязанный Георгію саномъ Святителя, онъ не измѣнилъ благотворителю своему въ злополучіи. Сей Князь въ 1215 году учредилъ особенную Епархію для Владимірской и Суздальской области, не хотѣвъ, чтобы онѣ зависѣли отъ Ростова (171). Епископъ Симонъ.

ГЛАВА V.

Константинъ, Великій Князь Владимірскій и Суздальскій.

г. 1216—1219.

Добросердечіе Константина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость юнаго Даніила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убійства въ Рязани. Смерть Константина.

Мстиславъ возвелъ Константина на престолъ Великаго Княженія Владимірскаго, и шелъ смирить своего зятя, который, оставивъ гордость, прибѣгнулъ къ великодушію старшаго брата. «Будь моимъ отцемъ,» говорилъ онъ Константину: «я въ твоихъ «рукахъ, и прошу у тебя хлѣба: не уже ли «выдашь меня Князьямъ Новогородскому и «Смоленскому?» Мстиславъ въ угодность Константину согласился на миръ и принялъ дары отъ Ярослава; но не хотѣлъ, чтобы дочь его жила съ Княземъ столь жестокосердымъ: взялъ ее къ себѣ и возвратился съ честію въ Новгородъ, освободивъ всѣхъ жителей онаго, бывшихъ въ Переславлѣ (172).

г. 1217. Добросерде- Достигнувъ цѣли своей, Константинъ захотѣлъ утѣшить изгнаннаго Георгія, при-

звалъ его къ себѣ, объявилъ наслѣдникомъ Великаго Княженія и далъ ему Суздаль (173). Съ искреннею дружбою обнявъ брата, Георгій клялся забыть прошедшее. Константинъ чувствовалъ слабость здоровья своего и желалъ въ случаѣ смерти оставить юнымъ сыновьямъ втораго отца въ ихъ старшемъ дядѣ.

чіе Константина.

Мстиславъ, Герой сего времени, совершивъ одно дѣло, и ревнуя ознаменовать свое мужество новымъ, еще важнѣйшимъ подвигомъ, удалился въ южную Россію. Пользуясь его отсутствіемъ, Литовцы разорили нѣсколько селеній въ области Шелонской; а Рыцари Нѣмецкіе, занявъ Оденпе, старались укрѣпить сіе мѣсто. Владиміръ Псковскій находился тогда въ Новѣгородѣ, и принявъ начальство надъ войскомъ, осадилъ прежнихъ друзей своихъ, Нѣмцевъ, въ Оденискомъ замкѣ. Въ то время, какъ жители города коварно предлагали миръ Россіянамъ, отшедшимъ далеко отъ стана, Нѣмцы напали на обозы Новогородцевъ: однакожь, потерявъ многихъ людей и въ томъ числѣ двухъ Воеводъ, должны были спасаться бѣгствомъ въ замокъ (174). Самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, едва ушелъ съ Дитрихомъ, братомъ Епископа Рижскаго, Альберта, и зятемъ Владиміра Псковскаго. Тѣснимые осаждающими, терпя голодъ, не

г. 1217-1218.

Дѣла Ливонскія.

смѣя вторично вступить въ бой, они требовали міра. Дитрихъ, въ залогъ вѣрности, остался въ рукахъ у Новогородцевъ, которые дали Рыцарямъ свободный пропускъ, взявъ въ добычу 700 коней Нѣмецкихъ. — Мстиславъ, возвратясь изъ Кіева, объѣхалъ Новогородскую область, наказалъ нѣкоторыхъ ослушныхъ или нерадивыхъ чиновниковъ, созвалъ гражданъ столицы на *Дворѣ Ярослава* и сказалъ имъ (175): «Кла-

Важное предпріятіе Мстислава.

«няюся Святой Софіи, гробу отца моего и «вамъ, добрые Новогородцы. Иноплеменники господствуютъ въ знаменитомъ Княженіи Галицкомъ: я намѣренъ изгнать «ихъ. Но васъ не забуду, и желаю, чтобы «кости мои лежали у Святой Софіи, тамъ «же, гдѣ покоится мой родитель.» Тщетно граждане, искренно огорченные, молили Князя великодушнаго, любимаго, не оставлять ихъ. Онъ дружески простился съ народомъ и спѣшилъ въ Кіевъ къ своимъ братьямъ, пылая нетерпѣніемъ собрать войско въ южной Россіи и вести оное къ берегамъ Днѣстра.

Честь и Вѣра предписывали Мстиславу сей подвигъ. Мы оставили юнаго Даніила на престолѣ Галицкомъ съ однимъ именемъ Князя: Бояре всѣмъ управляли, и находя вдовствующую супругу Романову опасною для ихъ своевольства, принудили

Н и л.

ее выѣхать въ Бельзъ. Даніилъ проливалъ

слезы, не хотѣлъ разлучиться съ нею и въ гнѣвѣ ударилъ мечемъ одного изъ Вельможъ, взявшаго за узду коня его; однакожь Княгиня умолила сына остаться. Оскорбленный сею дерзостію Бояръ, Андрей, Король Венгерскій, пришелъ самъ съ войскомъ, смирилъ мятежниковъ, и виновнѣйшаго изъ нихъ, Владислава, оковалъ цѣпями. Но скоро бѣдствія Романова семейства возобновились. Тайно призванный Галичанами, Мстиславъ Нѣмый заставилъ Даніила бѣжать въ Венгрію; а Лешко Бѣлый отнялъ у Василька Бельзъ для своего тестя, Александра Владимірскаго (Василько, провождаемый многими Боярами, удалился въ Каменецъ). Уже Андрей вторично шелъ защитить Даніила; уже Мстиславъ Нѣмый, слабый, хотя и властолюбивый, бѣжалъ отъ страха, когда ужасный бунтъ открылся въ самой Венгріи. Свирѣпые Бароны, враги Королевы Гертруды, умертвили ее, готовивъ такую же участь и Королю. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ могъ думать единственно о собственной безопасности: чѣмъ Бояринъ Галицкій, Владиславъ (тогда освобожденный), умѣлъ воспользоваться, представляя ему, какъ вѣроятно, что отрокъ Даніилъ, сынъ отца ненавистнаго народу, не въ состояніи мирно управлять Княженіемъ, или, возмужавъ, не захочетъ быть данникомъ Венгріи; что Андрей по-

Кость юнаго Даніила.

ступитъ весьма благоразумно, ежели дастъ Намѣстника Галицiи, не природнаго Князя и не иноплеменника, но достойнѣйшаго изъ тамошнихъ Бояръ, обязавъ его въ вѣрности клятвою и еще важнѣйшими узами столь великаго благодѣянiя. Желанiе Владислава исполнилось: предпочтенный другимъ Боярамъ, онъ съ дружиною Венгерскою прiѣхалъ господствовать въ свое отечество, назвался Княземъ и думалъ равняться саномъ съ потомками Св. Владимiра; а Даніилъ и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлому. Видя съ завистiю, что богатая Галицiя сдѣлалась почти областiю Венгрiи, сей Государь усердно взялъ Даніилову сторону, одержалъ верхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хотя не могъ завоевать Галича, однакожь услужилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего тестя, Александра, уступить имъ Тихомль и Перемиль. Тамъ могли они нѣсколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ родительницею, печально смотря на башни Владимiрскiя, наслѣдственную столицу Романову. Туда съѣхались всѣ вѣрные Бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, готовые усердно служить и сыновьямъ, которые въ нѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россiяне и чужеземцы съ удивленiемъ видѣли въ ничтожномъ городкѣ Дворъ блестящiй, составленный изъ витязей и Бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ Государемъ Поль-

скимъ. Воевода Сендомирскій, именемъ Пакославъ, доброжелательствуя Романову семейству, хотѣлъ согласить выгоды онаго съ выгодами Венгровъ и Ляховъ, бывшихъ тогда явными врагами за Галичь; ѣздилъ къ Андрею, и безъ труда склонилъ его къ миру. Положили, чтобы малолѣтный сынъ Андреевъ, Коломанъ, женился на малолѣтной дочери Герцога Лешка, Саломеѣ, и княжилъ въ Галичѣ; чтобы Король уступилъ Перемышль Ляхамъ, и чтобы Владиміръ отдать Даніилу съ братомъ, а Любачевъ миротворцу Пакославу. Условія были исполнены: Александра выслали изъ Владимірской области, а Владислава, какъ хищника, заточили. Такимъ образомъ (говоритъ Лѣтописецъ) сей гордый Бояринъ безразсуднымъ честолюбіемъ погубилъ себя и дѣтей, коихъ никто изъ Князей Россійскихъ, оскорбленныхъ его дерзкимъ самозванствомъ, не хотѣлъ призрѣть [176]. Можетъ быть, утомленные смятеніями и перемѣнами Галичане удовольствовались бы тогдашнимъ своимъ жребіемъ, если бы новое Правительство Венгерское наблюдало умѣренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумалъ утѣснять нашу Церковь. Уже въ первый годъ Коломанова властвованія, въ 1214, онъ писалъ къ Папѣ, Иннокентію III, что народъ и Князья Галицкіе, *подданные Венгріи*, испро-

Тиранство Венгровъ въ Галичѣ.

сивъ себѣ сына его въ Государи, желаютъ присоединиться къ Римской Церкви, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Папа не отмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и дозволилъ имъ отправлять Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ. Когда же Архіепископъ Гранскій именемъ преемника Иннокентіева, Гонорія III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ Королевскій на сына Андреева и Саломею, сей новый Государь, исполняя волю отца и Папы, изгналъ Епископа Россійскаго, Священниковъ нашихъ и хотѣлъ обратить всѣхъ жителей въ Вѣру Латинскую ([177]). Народъ, уничиженный мятежами, преступленіями, и козиями Бояръ запутанный въ противорѣчіяхъ своей системы политической, не смѣлъ возстать на тирановъ совѣсти, довольствуясь безполезными жалобами. Къ несчастію Венгровъ, Андрей поссорился съ Герцогомъ Лешкомъ, отнялъ у него Перемышль съ Любачевымъ, и возбудилъ въ немъ столь великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей зятю. Таковымъ представился ему Мстиславъ Новогородскій. «Ты мнѣ братъ,» писалъ Лешко къ сему храброму Князю: «иди прославиться знаменитымъ «подвигомъ мужества: Галичь, достояніе твоихъ «предковъ, стенаетъ подъ игомъ утѣснителей.» Мстиславъ, подобно отцу *готовый всегда на дѣла великія*, не отказался отъ предложенія, столь лестнаго для его славолюбія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней

южной столицѣ воинскими приготовленіями, тишина царствовала въ предѣлахъ Великаго Княженія Владимірскаго. Константинъ наслаждался спокойствіемъ подданныхъ и любовію братьевъ; не слѣдовалъ примѣру дяди и родителя: не требовалъ повиновенія отъ слабѣйшихъ Князей сосѣдственныхъ, и думалъ, что каждый изъ нихъ обязанъ давать отчетъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостію, двое изъ Владѣтелей Рязанскихъ дерзнули на гнусное злодѣяніе.

Коварный Глѣбъ, при Великомъ Князѣ Всеволодѣ хотѣвшій погубить своихъ родственниковъ доносомъ, условился съ братомъ, Константиномъ Владиміровичемъ, явно лишить ихъ жизни, чтобы господствовать надъ всею областію Рязанскою. Они съѣхались въ полѣ для общаго совѣта, и Глѣбъ далъ имъ роскошный пиръ въ шатрѣ своемъ. Князья, Бояре пили и веселились, не имѣвъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Хозяинъ ласкалъ, привѣтствовалъ безпечныхъ гостей; лице и голосъ злодѣя не измѣняли адской тайнѣ его сердца. Въ одно мгновеніе Глѣбъ и Константинъ Владиміровичь извлекаютъ мечи: вооруженные слуги и Половцы стремятся въ шатеръ. Начинается кровопролитіе. Ни одинъ изъ шести несчастныхъ Князей, ни одинъ изъ вѣрныхъ Бояръ ихъ не могъ спастися.

Убійства въ Рязани.

Утомленные смертоубійствомъ, изверги выходятъ изъ шатра и спокойно влагаютъ въ ножны мечи свои, дымящіеся кровію [178]. Въ числѣ убіенныхъ находился и родный братъ Глѣбовъ, добродушный Изяславъ.

Злодѣйство было ужасно: еще ужаснѣе то, что виновники остались безъ наказанія. Великій Князь Константинъ — изнуренный, можетъ быть, недугами — до-
г. 1218. вольствовался сожалѣніемъ о несчастныхъ; строилъ церкви, раздавалъ милостыню и съ восторгомъ лобызалъ святыя мощи, привозимыя къ нему изъ Грецін. Не за-долго до кончины своей онъ послалъ старшаго сына, именемъ Василька, княжить въ Ростовъ, а другаго, Всеволода, въ Ярославль, приказавъ имъ жить согласно, быть во нравахъ подобными ему,
Смерть Константина. Г. 1219, Февр. 2. благотворить сиротамъ, вдовицамъ, Духовенству, и чтить Георгія какъ втораго отца. Константинъ преставился на 33 году отъ рожденія, оплакиваемый Боярами, слугами, нищими, Монахами [179]. Хваля его мудрость и добродѣтель, Лѣтописецъ Суздальскій говоритъ, что сей Князь не только читалъ многія душеспасительныя книги, но и жилъ по ихъ правиламъ; былъ исполненъ Апостольской Вѣры и столь кротокъ, что старался не опечалить ни одного человѣка, любя дѣломъ и словомъ

утѣшать всякаго. — Супруга Константинова немедленно постриглась надъ его гробомъ, и названная Агаѳіею, чрезъ два года кончила дни свои въ уединеніи монастырскомъ.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Георгій II Всеволодовичь.

Г. 1219—1224.

Безпокойства въ Новѣгородѣ. Великодушіе Посадника. Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстислава. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы. Слухъ о Татарахъ.

По отбытіи Мстислава Новогородцы призвали къ себѣ его двоюроднаго племянника, Святослава Мстиславича, изъ Смоленска. Сей Князь не могъ обуздать своевольства чиновниковъ и народа. Посадникъ Твердиславъ, мужъ отличный достоинствами, взявъ подъ стражу какого-то мятежнаго Боярина, вооружилъ противъ себя многихъ его друзей и единомышленни-

Г. 1219. Безпокойства въ Новѣгородѣ.

ковъ (180). Началось междоусобіе: одни стояли за Твердислава, другіе за Боярина; прочіе оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась въ явную войну. Цѣлую недѣлю были шумныя Вѣча при звукѣ колоколовъ; граждане, надѣвъ брони и шлемы, въ изступленіи своемъ обнажили мечи. Напрасно увѣщевали старцы, напрасно плакали жены и дѣти: казалось, что Новогородцы не имѣли ни законовъ, ни Князя, ни человѣчества. Чтобы еще болѣе воспалить усердіе своихъ друзей, Твердиславъ, устремивъ глаза на храмъ Софійскій, громогласно обрекъ себя въ жертву смерти, если совѣсть его не чиста предъ Богомъ и согражданами. «Да паду въ «битвѣ первый» (говорилъ онъ) «или Небо да «оправдаетъ меня побѣдою моихъ братьевъ!» Наконецъ злоба утолилась кровію десяти убитыхъ гражданъ; народъ образумился, требовалъ мира, и цѣлуя крестъ, клялся быть единодушнымъ. Тишина возстановилась; но Князь, недовольный Твердиславомъ, прислалъ своего Тысячскаго объявить на Вѣчѣ, что сей Посадникъ властію Княжескою смѣняется. Граждане хотѣли знать вину его. Святославъ гордо отвѣтствовалъ: *безъ вины!* «Я доволенъ,» сказалъ Твердиславъ: «честь моя остается безъ пятна: а вы, братья «сограждане, вольны избирать и Посадниковъ и «Князей.» Народъ вступился за него. «Вспомни «условіе,» говорили Святославу Послы Вѣча: «ты далъ намъ клятву не смѣнять чиновниковъ «безвинно. Когда же забываешь оную, то мы

«готовы съ поклономъ указать тебѣ путь; «а Твердиславъ будетъ нашимъ Посадни-«комъ.» Святославъ, видя упрямство народа, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ въ Кіевъ по волѣ отца своего, Мстислава Романовича, уступивъ престолъ Новогородскій меньшему брату, Всеволоду ([181]). Правленіе сего Князя ознаменовалось так- г. 1219-1221.
же внутренними безпокойствами. Люди, посланные Новогородцами въ Двинскую землю для собранія дани, къ удивленію народа возвратились съ дороги, сказывая, что Великій Князь Георгій и Ярославъ Всеволодовичь не хотѣли пропустить ихъ чрезъ область Бѣлозерскую, имѣя будто бы тайное сношеніе съ Новогородскимъ Посадникомъ и Тысячскимъ ([182]). Народъ взволновался и смѣнилъ главныхъ чиновниковъ; однакожь чрезъ нѣкоторое время снова возвелъ Твердислава на степень Посадника. Всеволодъ безъ всякой основательной причины возненавидѣлъ и хотѣлъ убить сего знаменитаго человѣка, вооруживъ своихъ Дворянъ и многихъ гражданъ на *Дворѣ Ярослава*. Твердиславъ былъ тогда боленъ: усердные друзья вывезли его на саняхъ изъ дому и поручили великодушной защитѣ народа, который стекался къ нему толпами, готовый умереть за своего любимаго чиновника. Жители трехъ Концевъ стали въ ряды, и ждали Князя какъ

непріятеля. Но Всеволодъ не дерзнулъ на кровопролитіе. Архіепископъ примирилъ враговъ; а Твердиславъ, желая спокойствія отечеству, добровольно сложилъ съ себя чинъ Посадника, тайно ушелъ въ монастырь Аркадьевскій, и навсегда отказался отъ свѣта.

Великодушіе Посадника.

Дѣла церковныя.

Самыя церковныя дѣла Всеволодова времени изъявляютъ легкомысліе Новогородцевъ: выгнавъ прежде Архіепископа Митрофана, народъ раскаялся и хотѣлъ загладить сію несправедливость; дозволилъ ему возвратиться и послалъ сказать его преемнику, Антонію, осматривавшему тогда свою Епархію, чтобы онъ ѣхалъ, куда хочетъ, и что Новгородъ имѣетъ уже инаго Святителя. Однакожь Антоній не послушался и признавалъ себя единственнымъ законнымъ Пастыремъ (183). Граждане были въ крайнемъ затрудненіи, и не зная, что дѣлать съ двумя Архіепископами, отправили ихъ въ Кіевъ на судъ къ Митрополиту, который, рѣшивъ тяжбу въ пользу Митрофана, послалъ Антонія Епископомъ въ Перемышль Галицкій.

Войны.

Воинскіе подвиги Новогородцевъ были удачны: хотя Всеволодъ не могъ взять Пертуева или нынѣшняго Пернау, однакожь разбилъ Нѣмцевъ за рѣкою Эмбахомъ. Древній Лѣтописецъ Ливонскій повѣствуетъ, что Рыцари въ битвѣ съ нашимъ

передовымъ отрядомъ имѣли усп отняли знамя Князя Новогородскаг ки ихъ, Латыши, видя многочисл сіянъ, обратились въ бѣгство. Сей къ чести единоземцевъ своихъ при ихъ было только 200, а нашихъ 10,000, что Нѣмцы, отдѣленные отъ Новогородцевъ глубокимъ ручьемъ, сражались отъ 9 часовъ утра до захожденія солнечнаго, убили около пятидесяти непріятелей, въ цѣлости отступили и шли назадъ съ веселыми пѣснями (181).

Въ Россіи восточной были также воинскія дѣйствія. Глѣбъ Владиміровичь, убійца Князей Рязанскихъ, хотѣлъ еще довершить свое гнусное злодѣяніе. Провидѣніе спасло одного изъ сихъ Князей, Ингваря, сына Игорева, который господствовалъ въ Старой Рязани, и могъ рано или поздно отмстить смерть братьевъ: нанявъ Половцевъ, Глѣбъ шелъ осадить его столицу; но Ингварь побѣдилъ варваровъ. Ненавидимый всѣми добрыми Россіянами и самому себѣ ненавистный, (обыкновенная мука злодѣевъ!) Глѣбъ бѣжалъ въ степи, подобно древнему братоубійцѣ Святополку гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, и тамъ въ безуміи скончалъ гнусную жизнь свою (183). — Ингварь наслѣдовалъ всю область Рязанскую, и съ дружиною Великаго Князя вторично разбилъ Половцевъ.

Вѣроятно, что Камскіе Болгары издревле торговали съ Чудскимъ народомъ, обитавшимъ въ Вологодской и Архангельской Губерніи: съ не-

удовольствіемъ видя новое господство Россіянъ въ сихъ мирныхъ странахъ, они хотѣли также быть завоевателями, и — болѣе обманомъ, нежели силою — взяли Устюгъ (186), неизвѣстно когда и кѣмъ основанный. Онъ имѣлъ прежде собственныхъ Князей; стоялъ, какъ сказываютъ, на высокой горѣ, верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго, и назывался, по имени ея, *Гледеномъ;* а названіе Устюжанъ произошло отъ устья рѣки Юга, сливающаго тамъ воды свои съ рѣкою Сухоною. Жители — вѣроятно, смѣсь Россіянъ съ Чудью — зависѣли отъ Великаго Князя Георгія и въ особенности отъ Ростовскаго. Чтобы утвердиться въ семъ городѣ, Болгары въ тоже время старались овладѣть берегами Унжи (187); но были отражены, и скоро увидѣли войско Россіянъ въ собственной землѣ своей. Братъ Георгіевъ, Святославъ, съ сыновьями Муромскихъ Князей и съ сильнымъ ополченіемъ приплылъ туда Волгою, вышелъ на берегъ ниже устья Камы, и для безопасности судовъ оставивъ стражу, приблизился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ тыномъ съ двумя оплотами, между коими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и топорами; за ними стрѣлки и копейщики. Одни подсѣкли тынъ, другіе зажгли оплоты; но сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице:

Устюгъ.

задыхаясь отъ густаго дыма, воины Святославовы, ободренные рѣчью Князя, приступили съ другой стороны и зажгли городъ по вѣтру. Зрѣлище было ужасно: цѣлыя улицы пылали; огонь, раздуваемый бурею, лился быстрою рѣкою; отчаянные жители съ воплемъ бѣжали изъ города и не могли уйти отъ меча Россіянъ; только Князь Болгарскій и нѣкоторые его всадники спаслися бѣгствомъ. Другіе, не требуя пощады, убивали женъ, дѣтей своихъ и самихъ себя, или сдѣлались жертвою пламени, вмѣстѣ со многими Россіянами, искавшими добычи въ городѣ. Святославъ, видя тамъ наконецъ однѣ кучи дымящагося пепла, удалился, провождаемый толпами плѣнниковъ, большею частію женъ и младенцевъ. Напрасно Болгары хотѣли отмстить ему, стекаясь отовсюду къ берегамъ Волги: Россіяне, готовые къ битвѣ, сѣли на ладіи, распустили знамена, и при звукѣ бубновъ, трубъ, свирѣлей, плыли медленно вверхъ по Волгѣ въ стройномъ ополченіи. Болгары только смотрѣли на нихъ съ берега. Святославъ близъ устья Камы сошелся съ Ростовцами, Устюжанами и съ Воеводою Георгіевымъ, который ходилъ опустошать ея берега, и взялъ нѣсколько городковъ Болгарскихъ. Сей успѣхъ казался столь важнымъ Великому Князю, что онъ встрѣтилъ брата за нѣсколько верстъ отъ столицы, благодарилъ его, осыпалъ дарами; три дни угощалъ всѣхъ воиновъ. Зимою явились во Владимірѣ Послы Болгарскіе, требуя мира; но Георгій отвергнулъ ихъ предложеніе и

готовился къ новому походу. Испытавъ многократно превосходную силу Россіянъ, Болгары всячески старались отвратить бѣдствіе войны; наконецъ, посредствомъ богатыхъ даровъ, обезоружили Великаго Князя. Послы наши ѣздили къ нимъ въ землю, гдѣ народъ утвердилъ сей миръ клятвою по закону Магометанскому. Георгій, будучи тогда самъ на берегахъ Волги, имѣлъ случай снова осмотрѣть ихъ, выбралъ мѣсто и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ

Новгородъ Нижній. заложилъ Нижній Новгородъ, тамъ, гдѣ сливаются двѣ знаменитыя рѣки нашего отечества, и гдѣ скоро поселилось множество людей, привлеченныхъ выгодами торговли и судоходства ([183]).

Въ сіе время Князь Черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго, разбилъ Литовцевъ, которые искали добычи въ его области. —

Освобожденіе Галича. Но важнѣйшимъ успѣхомъ Россійскаго оружія было тогда освобожденіе Галича отъ ига чужеземцевъ. Кажется, что бывшій Князь Новогородскій, Мстиславъ, занимаясь въ Кіевѣ ратными приготовленіями, умѣлъ скрыть цѣль оныхъ: по крайней мѣрѣ Вельможи Андреевы, именемъ Коломана господствовавшіе на берегахъ Днѣстра, не взяли ни какихъ мѣръ для обороны, и бѣжали въ Венгрію, какъ скоро Мстиславъ приближился ([189]). Столь легкій успѣхъ не могъ ослѣпить сего Князя: онъ

зналъ, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступитъ ему сыновняго Королевства мирно, и что побѣда должна рѣшить судьбу онаго. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Даніилу: вопреки имъ, Мстиславъ сѣлъ на тронѣ Галицкомъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣлъ быть ему отцемъ; старался также сохранить любовь Герцога Польскаго, и не мѣшалъ ему владѣть частію западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владиміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брестъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Даніилъ жаловался тестю на хищность Герцога (190). Мстиславъ отвѣтствовалъ: «Лешко «мой другъ.» Но когда неуступчивый Даніилъ осмѣлился искать управы силою; когда, выѣхавъ въ поле съ собственною дружиною, отнялъ у Ляховъ всѣ области Россійскія: тогда оскорбленный Герцогъ, считая Мстислава тайнымъ наставникомъ юнаго зятя, обвиняя того и другаго въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. «Отказываюсь отъ всякаго участія въ Галиціи,» велѣлъ онъ сказать Королю: «пусть властвуетъ «въ оной сынъ твой. Изгонимъ только Рос«сіянъ.» Андрей не могъ желать инаго. Венгры и Ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Димитріемъ, Воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими, и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ Бояръ,

повергаемыя къ его ногамъ вмѣстѣ съ ихъ золотыми цѣпями. Оставивъ зятя въ Галичѣ, Мстиславъ удалился къ предѣламъ Кіевскимъ. Непріятели осадили Даніила: хотя сей юноша смѣлыми, счастливыми вылазками дѣлалъ имъ много вреда, однакожъ, исполняя повелѣніе тестя, долженъ былъ наконецъ выйти изъ города, очистилъ себѣ путь мечемъ, и за Днѣстромъ соединился съ Мстиславомъ, который, обнявъ его какъ витязя достойнаго, въ знакъ особенной дружбы подарилъ ему любимаго своего коня, и сказалъ: «Храбрый Князь! теперь иди въ Владиміръ: я пойду за Половцами. Мы отмстимъ «врагамъ, и стыдъ падетъ на нихъ.» Онъ сдержалъ слово.

Союзники, Венгры, Ляхи, завоевавъ Галичь, не дремали; первые усилились новыми полками своими и Богемскими, присланными Андреемъ къ Коломану съ знаменитымъ Воеводою Филиніемъ. Сей надменный Баронъ изъявлялъ величайшее презрѣніе къ Россіянамъ, и часто говорилъ въ пословицу: «Одинъ камень избиваетъ «множество глиняныхъ сосудовъ. Острый мечь, «борзый конь, и Русь у ногъ моихъ.» Ляхи непрестанными впаденіями тревожили область Владимірскую. Къ счастію, Даніилъ успѣлъ заключить миръ съ Князьями Литовскими, Жмутскими, Латышскими, и могъ наемнымъ ихъ войскомъ устрашить собственныя владѣнія Лешковы. — Между тѣмъ дѣятельный Мстиславъ изготовился и двинулъ рать свою, усиленную Полов-

цами, къ берегамъ Днѣстра. Воевода Андреевъ, гордый Фильній, не хотѣвъ подвергнуть юнаго Коломана опасностямъ битвы, оставилъ его въ укрѣпленномъ Галичѣ и ждалъ Россіянъ въ полѣ. Ляхи стояли на правомъ крылѣ; Венгры и Галичане на лѣвомъ; легкое войско ихъ находилось впереди. Россіяне показались: шли медленно и стройно: за ними Половцы. Владиміръ Рюриковичь предводительствовалъ одною частію войска, другою Мстиславъ, который, вдругъ отдѣлясь отъ полковъ, сталъ на высокомъ холмѣ и долго смотрѣлъ на движенія непріятелей, такъ, что Владиміръ, встревоженный его отсутствіемъ, велѣлъ съ неудовольствіемъ напомнить ему, сколь время дорого, и сколь нужно дѣйствовать, не теряя онаго. «Не забывай» (говорилъ онъ), «что ты Военачальникъ, а не зритель. Твое без-«дѣйствіе можетъ погубить насъ.» Мстиславъ съѣхалъ съ холма и спѣшилъ оживить храбрость воиновъ, именемъ Св. Креста обѣщая имъ побѣду. Уже битва началася. Владиміръ не устоялъ противъ Ляховъ: они гнали Россіянъ, брали плѣнниковъ, добычу, и древними пѣснями отцевъ своихъ торжествовали побѣду (191). Венгры, Галичане также имѣли успѣхъ, и бѣгство нашихъ казалось совершеннымъ. Но Мстиславъ въ самое то время съ отборною дружиною и съ Половцами ударилъ въ тылъ непріятелю: изумленные, разстроенные Венгры падали мертвые цѣлыми рядами; самъ предводитель ихъ отдался въ плѣнъ, и скоро Ляхи къ отчаянію своему

увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные Россіянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и всѣ легли на мѣстѣ. Одни Половцы брали плѣнниковъ, ловили коней, обнажали мертвыхъ: Россіяне, исполняя волю Князя, старались только о совершенномъ истребленіи неиріятеля. Еще многіе Ляхи оставались назади, не вѣдали о гибели своихъ, и видя издали государственное знамя Польское, толпами стремились къ оному; но сіе знамя, съ изображеніемъ Бѣлаго орла, развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили тамъ смерть (192). Кровопролитіе было ужасно; вопль, стонъ несчастныхъ жертвъ достигалъ до Галича; трупы лежали кучами на пространствѣ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносили хвалами Мстислава храбраго, называя его, по тогдашнему обыкновенію, *краснымъ солнцемъ* отечества.

Сей Князь осадилъ Галичь. Боясь измѣны гражданъ (ибо жители всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ радостію принимали Мстислава), Венгры и Ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости, чтобы обороняться до послѣдней возможности; но Россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключился въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери, и еще съ гордостію отвергнулъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Чрезъ нѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждою, Венгры сдалися. Князь Россійскій уже не хотѣлъ слышать о милосердіи. Ему представили несчаст-

наго Коломана и юную супругу его, въ слезахъ, въ глубокой горести: онъ велѣлъ за крѣпкою стражею отвезти ихъ въ Торческъ ([193]), а Бароновъ Венгерскихъ съ женами и дѣтьми отдалъ, какъ плѣнниковъ, своей дружинѣ и Половцамъ, въ награду за оказанное ими мужество. Только славный Архіепископъ Краковскій, Лѣтописецъ Кадлубко, и Канцлеръ Польскій Ивонъ, бывшіе въ Галичѣ, успѣли заблаговременно спастися отъ неволи бѣгствомъ ([194]). Герцогъ Лешко воспрепятствовалъ Даніилу соединиться съ тестемъ до битвы: сей юноша славолюбивый успѣлъ только видѣть свѣжіе трофеи Россіянъ на ея мѣстѣ. Новѣйшіе Историки пишутъ, что гордый, счастливый Мстиславъ, торжествуя оную, принялъ на себя имя *Царя Галицкаго*, и что Россійскіе Епископы вѣнчали его златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки ([195]).

Андрей, Король Венгерскій, былъ въ отчаяніи, и немедленно отправилъ Вельможу своего, именемъ Яроша, сказать Мстиславу, чтобы онъ прислалъ къ нему сына и всѣхъ плѣнниковъ, или скоро увидитъ въ Россіи многочисленное побѣдоносное войско Венгровъ. Мстиславъ не испугался угрозы, но хладнокровно отвѣтствовалъ, что побѣда зависитъ отъ Неба; что онъ ждетъ Короля, надѣясь съ Божіею помощію смирить гордость его. Андрей, изнуренный тогда въ силахъ походомъ Іерусалимскимъ, не имѣлъ желанія воевать, и прибѣгнулъ къ доброхотствующимъ ему Боярамъ Галицкимъ. Одинъ изъ нихъ,

Судиславъ, плѣненный вмѣстѣ съ Коломаномъ, умѣвъ снискать особенную довѣренность Мстислава, склонилъ его къ миру, неожидаемо выгодному для Короля. Согласились, чтобы меньшій сынъ Андреевъ, именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданое отецъ назначилъ спорную Галицію ([190]). Слѣдственно Мстиславъ освободилъ сію землю отъ иноплеменниковъ единственно для того, чтобы добровольно уступить имъ оную, взявъ, можетъ быть, только мѣры для безопасности Церкви Греческой! Не любя тамошнихъ Бояръ мятежныхъ и нелюбимый ими, онъ хотѣлъ сначала, какъ мы сказали, возвратить Галицію Даніилу, желаемому народомъ; но хитрые Вельможи, тайные друзья Венгріи, представили ему, что Даніилъ возьметъ ее, какъ наслѣдственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признательности, и съ лѣтами возрастая въ силахъ, въ честолюбіи, не уважитъ благотворителя; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанный милости тестя, не дерзнетъ ни въ чемъ его ослушаться, или въ противномъ случаѣ легко можетъ быть лишенъ Княженія. Мстиславъ—болѣе воинъ, нежели Политикъ—принялъ мнѣніе Бояръ, и съ радостію назвавъ Андрея сватомъ, освободилъ Коломана. Бракъ отложили за малолѣтствомъ жениха и невѣсты, съ

Неблагоразуміе Мстислава.

обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи: женихъ былъ прежде помолвленъ на Царевнѣ Армянской, единственной наслѣдницѣ родительскаго престола. Боясь грѣха, Король требовалъ разрѣшенія отъ Папы, Гонорія III. Вѣроятно, что Герцогъ Лешко также писалъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на условія мира, заключеннаго Венграми съ Россіянами: ибо Гонорій (въ 1222 году) отвѣтствовалъ Андрею, что Галиція принадлежитъ Коломану, зятю Герцога Польскаго, возведенному на ея тронъ Апостольскою властію (197); что обязательство несправедливое, вынужденное бѣдствіемъ Коломановымъ, само собою уничтожается; что малолѣтство жениха и невѣсты даетъ время отцамъ размыслить основательнѣе о выгодахъ или невыгодахъ такого союза; что надобно пождать, и проч. Однакожь Андрей не хотѣлъ нарушить договора, и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое время отдалъ будущему зятю Перемышль, къ неудовольствію жителей и Герцога Лешка, который долженствовалъ, обманутый Венграми, самъ примириться съ Князьями Россійскими. Сей миръ имѣлъ несчастныя слѣдствія для Александра, Князя Бельзскаго, взявшаго сторону Венгровъ и Ляховъ во время ихъ перваго успѣха. Даніилъ и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омрачили добрую славу юности своей разореніемъ окрестностей Бельза, гдѣ народъ долго помнилъ оное и называлъ *злою ночью*: ибо воины сыновей Романо-

выхъ, свирѣпствуя тамъ отъ заката до восхожденія солнечнаго, не оставили камня на камнѣ ([198]). Одно великодушіе Мстислава спасло Александра: уваживъ ходатайство тестя, Даніилъ прекратилъ жестокое дѣйствіе мщенія и возвратился къ матери, которая, видя его уже способнаго править землею, обуздывать Вельможъ, смирять непріятелей, удалилась отъ свѣта въ тишину монастырскую.

Въ сихъ происшествіяхъ юго-западной Россіи участвовали слабые тогда Ольговичи какъ союзники Мстислава ([199]). Великій же Князь Георгій занимался единственно внутреннимъ правленіемъ собственной земли

г. 1221-1222. и внѣшнею безопасностію Новогородцевъ, пославъ къ нимъ осьмилѣтняго сына, Все-

Происшествія въ Ливоніи. волода, на мѣсто Мстиславича, внука Романова, изгнаннаго народомъ. Опаснѣйшими ихъ врагами были тогда Альбертовы Рыцари: Новогородцы требовали сильной помощи отъ Георгія, и съ братомъ его, Святославомъ, вступивъ въ Ливонію, опустошили берега рѣки Аа. Лѣтописецъ Нѣмецкій говоритъ, что Россіяне своими жестокостями возбудили тогда гнѣвъ Рижской Богоматери ([200]): изъявляя ненависть къ ея новымъ храмамъ, разрушали Латинскія церкви, монастыри, плѣняли женъ, дѣтей и жгли хлѣбъ на поляхъ. Сынъ Владиміра Псковскаго, Ярославъ, съ войскомъ Литов-

скихъ союзниковъ встрѣтилъ Святослава близъ Кеси или нынѣшняго Вендена: Россіяне осадили сей городъ. Съ утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Нѣмцы всего удачнѣе дѣйствовали пращами, и тяжело ранили многихъ изъ нашихъ Бояръ подъ стѣною. На другой день узнавъ, что самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, ночью вошелъ въ крѣпость, и что къ осажденнымъ скоро прибудетъ новая помощь, — Святославъ отступилъ. Но военныя дѣйствія не прекратились: Латыши, послушные Нѣмцамъ, безпрестанно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова, и не могли насытиться кровію людей безоружныхъ; оставивъ домы и работы сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ, грабили, убивали путешественниковъ, земледѣльцевъ, уводили женщинъ, лошадей и скотъ. Дабы наказать сихъ разбойниковъ, граждане Псковскіе ходили осенью въ землю Латышей, гдѣ истребили все, что могли. — Не смотря на мирныя, весьма неискреннія предложенія съ обѣихъ сторонъ, Нѣмцы и Россіяне не давали покоя другъ другу. Первые, собравъ Ливь и Латышей, дерзнули вступить въ собственные наши предѣлы: обошли Псковъ и въ окрестностяхъ Новагорода, по сказанію Ливонскаго Лѣтописца, обратили въ пепелъ нѣсколько деревень. Латыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія столицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею местію, Нѣмцы спѣшили уйти безъ сраженія, и боясь Россіянъ, старались укрѣпиться въ восточ-

ной Ливоніи: строили замки, рыли въ нихъ колодези на случай осады, запасались хлѣбомъ, а всего болѣе оружіемъ и пращами. Возбуждаемыя Рыцарями, толпы Чуди два раза зимою приходили незапно изъ-за рѣки Наровы въ Ижорскую землю, издавна область Новогородскую; плѣнили множество людей, и побили весь скотъ, котораго не могли взять съ собою.

Въ то время малолѣтный сынъ Георгіевъ,
г. 1222. по желанію своихъ Бояръ, не находившихъ для себя ни выгодъ, ни удовольствія въ Новѣгородѣ, тайно собрался ночью и со всѣмъ Дворомъ уѣхалъ къ отцу. Народъ опечалился; сиротствуя безъ Главы, желалъ имѣть Княземъ хотя брата Георгіева; забылъ свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть къ Ярославу-Θеодору, и принялъ его съ живѣйшими знаками удовольствія: ибо надѣялся, что онъ будетъ грозою внѣшнихъ непріятелей. Ярославъ, выгнавъ хищныхъ Литовцевъ изъ южныхъ предѣловъ Новогородскихъ и Торопецкой области (201), хотѣлъ отличить себя важнѣйшимъ подвигомъ и быть защитникомъ сѣверныхъ Ливонцевъ, утѣсненныхъ тогда новыми пришельцами.

Вальдемаръ II, мужественный Король Датскій, желая (какъ говоритъ современный Лѣтописецъ) «очиститься отъ грѣховъ «своихъ и доказать усердіе къ Рижской

«Богоматери,» высадилъ многочисленное войско на берега Эстоніи, заложилъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержалъ надъ жителями побѣду, которая служила поводомъ къ основанію Данеброгскаго Ордена ([202]): ибо разсказываютъ басню, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ Датчанамъ, и что Небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревелѣ воиновъ и Епископовъ, чтобы утвердить тамъ Христіанскую Вѣру и власть свою, къ неудовольствію Рижскихъ Нѣмцевъ, которые считали себя господами Эстоніи. Шведы также прибыли въ сію несчастную землю, также хотѣли крестить язычниковъ. Бѣдные жители не знали, кого слушаться: ибо ихъ мнимые просвѣтители ненавидѣли другъ друга, и Датчане повѣсили одного Чудскаго старѣйшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ Нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ Эзельскій вооружился, побилъ Шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость, основанную Датчанами на Эзелѣ. Скоро мятежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе, согласно изъявляли ненависть къ Нѣмцамъ; умертвили многихъ Рыцарей, Священниковъ, купцевъ, и мечи, обагренные ихъ кровію, были посылаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ Христіанства, вымыли свои домы, какъ будто

бы оскверненные его обрядами, разрушали церкви и велѣли сказать Рижскому Епископу, что они возвратились къ древней Вѣрѣ отцевъ, и не оставятъ ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ Старѣйшины ихъ призвали Россіянъ въ города свои, уступили имъ часть богатства отнятаго у Нѣмцевъ, и послали дары къ Новогородскому Князю, моля его о защитѣ (203).

Ярославъ, собравъ около 20,000 воиновъ, вступилъ въ Ливонію. Жители встрѣтили его съ радостію, выдавали ему всѣхъ Нѣмцевъ, заключенныхъ ими въ оковы, и приняли Россіянъ какъ друзей въ Юрьевѣ, Одепе и другихъ мѣстахъ. Князь Новогородскій хотѣлъ итти къ Ригѣ; но убѣжденный Послами Эзельскими, обратился къ Эстоніи, чтобы освободить сію землю отъ ига Датчанъ. Близъ Феллина онъ къ изумленію своему увидѣлъ трупы многихъ Россіянъ повѣшенныхъ: Рыцари, предупредивъ его, снова завладѣли сею крѣпостію, и безчеловѣчно умертвили бывшихъ тамъ Новогородскихъ воиновъ. Огорченный Ярославъ клялся жестокимъ образомъ отмстить за такое злодѣйство, но, вмѣсто Рыцарей, наказалъ однихъ невинныхъ жителей Феллинской области: лилъ ихъ кровь, жегъ домы; довершилъ бѣдствіе сихъ несчастныхъ, которые искали убѣжища въ дикихъ лѣсахъ, стеная отъ Нѣмцевъ, Россіянъ и болѣзней. — Удовлетворивъ своему гнѣву, Ярославъ соединился съ приморскими жителями Эстоніи, осадилъ Ревель или Колывань,

и стоялъ подъ его стѣнами четыре недѣли безъ всякаго важнаго успѣха. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно дѣйствуя пращами, что утомленный безполезными приступами Князь снялъ осаду и возвратился въ Новгородъ, хотя безъ славы, однакожь съ плѣнниками и добычею. Въ лѣтописи именно сказано, что наши воины принесли тогда съ собою не мало *золота*.

Народъ охотно повиновался Ярославу; но сей Князь — не извѣстно, для чего — самъ не захотѣлъ остаться въ Новѣгородѣ, и Георгій вторично прислалъ на его мѣсто г. 1224 юнаго сына своего, Всеволода (204). Надлежало обуздывать Литву, бороться съ властолюбивыми Нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать Датчанъ: а Князь Новогородскій былъ десятилѣтній отрокъ! Его именемъ правили чиновники: чтобы удержать за Россіею Дерптъ, они уступили сей городъ одному изъ Владѣтелей Кривскихъ, мужественному Мужественный Вячко. Вячку, который начальствовалъ прежде въ Двинскомъ замкѣ Кукенойсѣ. Имѣя у себя не болѣе двухъ сотъ воиновъ, онъ утвердилъ свое господство въ сѣверной Ливоніи: бралъ дань съ жителей, строго наказывалъ ослушниковъ, безпрестанно тревожилъ Нѣмцевъ и счастливо отразилъ приступъ ихъ къ Юрьеву (205). Тогда Епископъ Альбертъ созвалъ всѣхъ Рыца-

рей, странствующихъ богомольцевъ, купцевъ, Латышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ утра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали туда и раскаленное желѣзо, чтобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работѣ осаждающихъ, которые, разводя большіе огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Латыши гремѣли щитами, Нѣмцы били въ литавры; а Россіяне также играли на трубахъ, стоя безпрестанно на стѣнѣ. Утомленные трудами, ежедневными битвами, Нѣмцы собрались на общій совѣтъ. «Не будемъ терять «времени» (сказалъ одинъ изъ нихъ) «и возмемъ «городъ приступомъ. Доселѣ мы излишно щади«ли враговъ своихъ: нынѣ да погибнутъ всѣ «безъ остатка! Кто первый изъ насъ войдетъ въ «крѣпость, тому честь и слава; тому лучшій

«конь и знаменитѣйшій плѣнникъ. Но опасный «Князь Россійскій долженъ быть повѣшенъ на «деревѣ.» Одобривъ сіе предложеніе, Рыцари устремились на приступъ. Хотя жители и Россіяне бились мужественно; хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающихъ, и нѣсколько часовъ отражали Нѣмцевъ: однакожь принуждены были уступить превосходному числу враговъ. Въ слѣдъ за Рыцарями ворвались въ крѣпость и Латыши, убивая своихъ единоземцевъ, женъ, дѣтей безъ разбора. Долѣе всѣхъ оборонялись Россіяне ([206]). Никто изъ нихъ не могъ спастися отъ меча побѣдителей, кромѣ одного Суздальскаго Боярина: плѣнивъ его, Нѣмцы дали ему коня и велѣли ѣхать въ Новгородъ, чтобы объявить тамъ о бѣдствіи Россіянъ. Храбрый Вячко находился въ числѣ убитыхъ.

Новогородцы шли къ Юрьеву и стояли близъ Пскова: Рыцари не хотѣли ждать ихъ; надъ кучею мертвыхъ тѣлъ съ веселою музыкою отпѣли благодарный молебенъ, сожгли крѣпость и спѣшили удалиться. Ливонскій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Россіяне, не имѣя тогда надежды воевать счастливо, предложили миръ Епископу Рижскому; что Альбертъ заключилъ оный съ ихъ Послами, и выдалъ имъ изъ казны своей часть дани, которую они прежде собирали въ землѣ Латышей ([207]): ибо сей хитрый Епископъ иногда еще признавалъ Россіянъ господами Ливоніи, чтобы, обманывая ихъ, тѣмъ спокойнѣе властвовать надъ оною.

Новогородцы, примирясь съ Рижскимъ Орденомъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ города Русы вышелъ съ войскомъ противъ Литовцевъ и не могъ устоять въ битвѣ съ ними ([208]): сіи мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завоеваніяхъ, желая только вредить Россіянамъ и грабить селенія.

Набѣгъ Литвы.

Доселѣ, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее отечество наше безпрестанно терзаемое войнами междоусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена — столь, кажется, несчастныя — были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнуривъ Государство, поглотивъ гражданское благосостояніе онаго, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагладимые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній. *Россія* въ 1224 году *услышала о Татарахъ* . . . .

Слухъ о Татарахъ.

Готовясь описывать рѣдкое народное несчастіе, гибель воинствъ и Княженій Россійскихъ, порабощеніе Государства, утрату лучшихъ областей его, считаемъ за нуж-

ное обозрѣть тогдашнее состояніе Россіи, отъ временъ Ярослава Великаго до нашествія сихъ грозныхъ иноплеменниковъ.

ГЛАВА VII.

Состояніе Россіи съ XI до XIII вѣка.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съѣзды. Право наслѣдственное. Враги внѣшніе. Правленіе. Обряды и чины Двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества Науки. Поэзія. Нравы. Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Ярославъ, могущественный и самодержавный подобно Св. Владиміру, раздѣливъ Россію на Княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь Великимъ Княземъ, былъ Главою отечества и меньшихъ братьевъ, и чтобы Удѣльные Князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ Кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его (209). Отдавъ ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россію и Новгородъ, онъ думалъ, что Изяславъ и наслѣдники его, сильнѣйшіе другихъ Князей, могутъ удерживать ихъ въ границахъ Права Великихъ Князей.

нужнаго повиновенія и наказывать ослушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое Великое Княженіе раздробится, ослабѣетъ, и что Удѣльные Владѣтели, чрезъ союзы между собою или съ иными народами, будутъ иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволодъ I долженствовалъ воевать съ частнымъ Княземъ его собственной области, а Святополкъ II отвѣтствовать какъ подсудимый на запросы Князей Удѣльныхъ (210). Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ Систему Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы Константинъ и Георгій II имѣли государственныя добродѣтели отца и дяди: то они могли бы возстановить Единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами.

Удѣлы. Ярославъ раздѣлилъ Государство на четыре области, кромѣ Полоцкой, оставленной имъ въ наслѣдіе роду старшаго брата его: въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенные Удѣлы — и Князья первыхъ стали послѣ называться

Великими въ отношеніи къ частнымъ или *Удѣльнымъ*, отъ нихъ зависѣвшимъ ([211]). Волынія, Галиція, земля Дреговичей, отошли отъ Кіева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, утратило Суздаль, Ростовъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромѣ Тмутороканя, завоеваннаго Половцами); Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, иногда земля Вятичей во XII вѣкѣ принадлежали разнымъ Владѣтелямъ, не рѣдко обнажавшимъ мечь другъ на друга. Смоленское также имѣло частные Удѣлы: Торопецкій и Красенскій ([212]). Самый Новгородъ, древнее достояніе Государей Кіевскихъ, славный храбростію и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирать Князей, не могъ сохранить цѣлости владѣній своихъ. Псковитяне дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане.

Мономахъ, еще не будучи Великимъ Княземъ, видя съ горестію безначаліе и неустройство въ Россіи, хотѣлъ уменьшить сіе великое зло учрежденіемъ общихъ Княжескихъ Совѣтовъ или Съѣздовъ, которые иногда воспаляли въ сердцахъ любовь къ отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вреднаго междоусобія. Въ слѣдствіе такого Съѣзда несчастный Василько былъ ослѣпленъ, а Глѣбъ Рязанскій обагрилъ руки свои кровію братьевъ ([213]).

Княжескіе съѣзды.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наслѣдства. Мы уже замѣтили выше, что по древнему обычаю не сынъ, но братъ умершаго Государя или старшій въ родѣ долженствовалъ быть его преемникомъ ([214]). Мономахъ, убѣжденный народомъ властвовать въ столицѣ по кончинѣ Святополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ Владѣтелей Черниговскихъ былъ старѣе Всеволода I, то они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненавидѣли похитителей Великокняжескаго достоинства и воевали съ ними. Но истинными наслѣдниками Кіевскаго престола, согласно съ тогдашнимъ обыкновеніемъ, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя въ Удѣлахъ Туровскомъ и Пинскомъ ([215]).

Право наслѣдственное.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внѣшнихъ? Одному особенному счастію надлежитъ приписать то, что Россія въ теченіе двухъ вѣковъ не утратила своей народной независимости, отъ времени до времени имѣя Князей мужественныхъ, благоразумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ отечество отъ свирѣпости Печенѣговъ, такъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ: они все еще тревожили Днѣпровскую

Враги внѣшніе.

область набѣгами, но уже не столь гибельными, какъ прежде; въ отношеніи къ своимъ дикимъ нравамъ чувствовали превосходство Россіянъ, любили называться Славянскими именами, и даже охотно крестились ([216]). Два раза Поляки были господами нашей древней столицы; но испытавъ ужасную месть Россіянъ и стеная отъ собственныхъ бѣдствій внутри Государства, волнуемаго мятежами, оставляли насъ въ покоѣ. Мужественные Князья Галицкіе — Владимірко, Ярославъ, Романъ — служили для Россіи щитомъ на Юго-Западѣ и держали Венгровъ въ страхѣ. Дунайскіе Болгары, съ 1185 году свободные отъ ига Грековъ, были тогда сильнымъ народомъ; въ 1205 году разбили Латинскаго Императора Балдвина, взяли его въ плѣнъ и доходили до вратъ Константинополя; но жили мирно съ нами. Сынъ ихъ Героя Асана, именемъ Іоаннъ, принужденный выѣхать изъ отечества, искалъ защиты Россіянъ, и съ помощію сихъ вѣрныхъ друзей — вѣроятно, знаменитаго Мстислава Галицкаго — въ 1222 году восшелъ на престолъ своего дяди ([217]). — Болгары Камскіе не имѣли духа воинскаго. Рыцари Нѣмецкіе вытѣснили Новогородцевъ и Кривичей изъ Ливоніи, но далѣе не могли распространить своихъ завоеваній; а Литовцы были не что иное, какъ смѣлые грабители. Другихъ, опаснѣйшихъ враговъ отечество наше тогда не знало, и не смотря на развлеченіе внутреннихъ силъ его, еще славилось могуществомъ въ отношеніи къ сосѣдамъ, наблюдая законы предковъ

въ своемъ правленіи, успѣвая въ дѣлахъ воинскихъ, въ торговлѣ, въ гражданскомъ образованіи.

Правленіе. Что касается собственно до правленія, то оно въ сіи времена соединяло въ себѣ выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ другому противныхъ, государственныхъ уставовъ: самовластія и вольности. Когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окруженные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей, силою единодержавія въ цѣлой Россіи, повелѣвали народу: народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Но когда Государство раздѣлилось; когда лучи славы угасли надъ престоломъ Св. Владиміра, и вмѣсто одного явились многіе Государи въ Россіи: тогда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы Княжеской власти или противился ея дѣйствію. Самовластіе Государя утверждается только могуществомъ Государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ Монарховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древній уставъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ власть свою Тіунамъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ, налагалъ дани (218). Но граждане столицы, пользуясь свободою Вѣча, не рѣдко останавливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требо-

ванія: иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели. Жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами*, не имѣли сего права ([219]). Вѣроятно, что и въ столицахъ не всѣ граждане могли судить на Вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ-Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополитъ Кіевскій присутствовалъ на Вѣчѣ Софійскомъ. Архіепископъ Новогородскій ѣздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому ([220]). Подобно Князьямъ, Вельможамъ, богатымъ купцамъ, владѣя селами, Епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою властію; подъ главнымъ вѣдомствомъ Митрополита судили Іереевъ, Монаховъ и всѣ церковныя преступленія, наказывая виновныхъ эпитиміями ([221]). Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли переводъ Греческаго Номокановa или Кормчей Книги: она хранилась въ Новогородскомъ Соборѣ и служила правиломъ для разбирательства случаевъ, относящихся къ совѣсти Христіанъ ([222]). — Духовнымъ же особамъ были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убѣжденія разсудка, подкрѣпляемыя гласомъ Вѣры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на сердца людей. — Но Епископы, избираемые Княземъ и народомъ, въ

случаѣ неудовольствія могли ими быть изгнаны ([223]). Въ отношеніяхъ гражданскихъ Святитель совершенно зависѣлъ отъ суда Княжескаго: такъ Ярославъ-Θеодоръ (въ 1229 году) судилъ какую-то важную тяжбу Епископа Ростовскаго, Кирилла, обвинилъ его и лишилъ почти всего имѣнія. (Къ чести сего Кирилла, славнаго необыкновеннымъ богатствомъ, скажемъ, что онъ, вмѣсто жалобъ, принесъ благодарность Небу; роздалъ остатокъ своего достоянія друзьямъ, нищимъ, и подобно Іову страдая тогда отъ недуга тѣлеснаго, постригся въ Схиму).

Обряды и чины Двора. Восшествіе Государя на тронъ соединено было съ обрядами священными: Митрополитъ торжественно благословилъ Долгорукаго властвовать надъ южною Россіею; Кіевляне, Новогородцы сажали Князей на престолъ въ Софійскомъ храмѣ ([224]). Князь въ самой церкви, во время Литургіи, стоялъ съ покровенною головою, въ шапкѣ ([225]) или въ клобукѣ (можетъ быть, въ вѣнцѣ); украшалъ Вельможъ своихъ златыми цѣпями, крестами, гривнами; жаловалъ придворныхъ въ Казначеи, Ключники, Постельники, Конюшіе и проч. Что прежде называлось *Дружиною* Государей, то со временъ Андрея Боголюбскаго уже именуется въ лѣтописяхъ *Дворомъ:* Бояре, Отроки и Мечники Княжескіе составляли оный.

Сіи *Дворяне*, первые въ Россіи, были лучшею частію войска (226). Каждый городъ имѣлъ особенныхъ ратныхъ людей, *Пасынковъ* или Отроковъ Боярскихъ (названныхъ такъ для отличія отъ Княжескихъ) и Гридней или простыхъ Мечниковъ, означаемыхъ иногда общимъ именемъ воинской дружины (227). Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вооружались простые граждане или сельскіе жители (228); но послѣдніе обязаны были давать лошадей для конницы. Совершивъ походъ — большею частію въ концѣ зимы — Князь обиралъ у воиновъ оружіе, чтобы хранить его до новаго предпріятія (229). Войско раздѣлялось на полки, конные и пѣхотные, на копейщиковъ и стрѣлковъ; послѣдніе обыкновенно начинали дѣло. Главный Воевода именовался Тысячскимъ: Князья имѣли своихъ Тысячскихъ, города также (230). Если сказанія Нестора о числѣ Олеговыхъ и Игоревыхъ воиновъ справедливы, то древнѣйшія ополченія Россійскія были многолюднѣе, нежели въ XI, XII и XIII столѣтіи: ибо сильнѣйшее *извѣстное* намъ войско въ теченіе сихъ вѣковъ состояло только изъ 50,000 ратниковъ (231). Воины надѣвали латы единственно въ то время, когда уже готовились къ битвѣ; самое оружіе, для облегченія людей, возили на телегахъ: отъ чего непріятель, пользуясь Войско.

нечаянностію, иногда нападалъ на безоружныхъ. Войско робкое или малочисленное ограждало себя въ полѣ кольями и плетнемъ; такія же ограды деревянныя или *остроги* служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ*. Нѣмецкій Лѣтописецъ, хваля мѣткость нашихъ стрѣлковъ, говоритъ, что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ Рыцарей искуству оборонять города; но стѣнобитныя орудія или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны ([232]).

Торговля. Ни внутренніе раздоры, ни внѣшнія частыя войны не препятствовали въ Россіи мирнымъ успѣхамъ торговли, благодѣтельнымъ для гражданскаго образованія народовъ. Въ сіе время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили въ Кіевъ купеческіе флоты изъ Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что Князья, ожидая ихъ, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ присылали войско къ Каневу для обороны судовъ отъ хищныхъ Половцевъ ([233]). Днѣпръ въ теченіи своемъ отъ Кіева къ морю назывался обыкновенно *путемъ Греческимъ*. Мы уже говорили о предметахъ сей торговли. Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвѣтущій, горностаевые и другіе мѣха драгоцѣнные, чтобы обмѣ-

цивать ихъ у купцевъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья (234). Половцы, овладѣвъ Тмутороканемъ и едва не всѣмъ Крымомъ, для собственныхъ выгодъ не мѣшали торговлѣ, и первые, кажется, впустили Генуэзцевъ въ южную часть Тавриды (235). По крайней мѣрѣ сіи корыстолюбивые, хитрые Италіянцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія Татаръ имѣли торговыя заведенія въ Арменіи, слѣдственно уже господствовали на Черномъ морѣ (236). Въ самое то время, когда войско Россійское сражалось съ Половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговѣ, для ея безопасности наблюдаютъ законы просвѣщенныхъ народовъ (237). Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравы, Венеціяне жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣною товаровъ и гостепріимствомъ Россіянъ, которые дозволяли Христіанамъ Латинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое богослуженіе, но запрещали имъ спорить о Вѣрѣ: такъ Владиміръ Рюриковичь Кіевскій выгналъ (въ 1233 году) какого-то Мартина, Пріора Латинскаго храма Св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими Монахами Католическими, *боясь* — какъ говоритъ Польскій Историкъ — *чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь Вѣра Греческая далека отъ истины* (238).

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ неурожая

питая хлѣбомъ Суздальское Великое Княженіе, могли доставлять намъ и ремесленныя произведенія образованнаго Востока. Въ развалинахъ города Болгарскаго, въ 90 верстахъ отъ Казани и въ 9 отъ Волги, нашлися Армянскія надписи XII вѣка (239): вѣроятно, что Армяне, издавна славные купечествомъ, вымѣнивали тамъ Русскіе мѣха и *кожи* на товары Персидскіе и другіе. Донынѣ подъ именемъ *Болгаръ* разумѣются въ Турціи восточные сафьяны, а въ Бухаріи юфть (240): изъ чего заключаютъ, что Азія получала нѣкогда сей товаръ отъ Болгаровъ. Достойно примѣчанія, что въ древнемъ ихъ отечествѣ, въ Казани, и нынѣ дѣлаются лучшіе изъ Русскихъ сафьяновъ. Въ упомянутыхъ развалинахъ найдены также Арабскія надписи отъ 1222 до 1341 года по Христіанскому лѣтосчисленію, вырѣзанныя отчасти надъ могилами *Ширванскихъ* и *Шамаханскихъ* урожденцевъ (241). — Земледѣльцы находятъ иногда въ окрестностяхъ сего мѣста золотыя мелочи, женскія украшенія, серебряныя Арабскія монеты и другія безъ всякой надписи, ознаменованныя единственно произвольными изображеніями, точками, звѣздочками, и безъ сомнѣнія принадлежавшія народу безграмотному (можетъ быть, Чудскому). Такіе любопытные памятники свидѣтельствуютъ о древнемъ цвѣтущемъ состояніи Россійской Болгаріи.

Новгородъ, серебромъ и мѣхами собирая дань въ Югрѣ (242), посылалъ корабли въ Данію и въ Любекъ. Въ 1157 году, при осадѣ

Шлезвига, Король Датскій, Свенъ IV, захватилъ многія суда Россійскія, и товары ихъ роздалъ, вмѣсто жалованья, воинамъ. Купцы Новогородскіе имѣли свою церковь на островѣ Готландіи, гдѣ цвѣлъ богатый городъ Визби, заступивъ мѣсто Винеты (243), и гдѣ до XVII вѣка хранилось преданіе, что нѣкогда товары Индѣйскіе, Персидскіе, Арабскіе шли чрезъ Волгу и другія наши рѣки въ пристани Бальтійскаго моря. Извѣстіе вѣроятное: оно изъясняетъ, какимъ образомъ могли зайти на берега сего моря древнія монеты Арабскія, находимыя тамъ въ большемъ количествѣ. — Готландцы, Нѣмцы издавна живали въ Новѣгородѣ. Они раздѣлялись на два общества: *зимнихъ* и *лѣтнихъ гостей* (244). Правительство обязывалось за уставленную плату высылать къ Ижерѣ, на встрѣчу имъ, лодошниковъ: ибо сіи купцы, боясь пороговъ Невскихъ и Волховскихъ, обыкновенно перегружали товары въ легкія лодки, внося въ Казну съ каждаго судна гривну кунъ, а съ нагруженнаго хлѣбомъ полгривны. Въ Новѣгородѣ отведены были особенные дворы Нѣмецкимъ и Готландскимъ купцамъ, гдѣ они пользовались совершенною независимостію и вѣдались собственнымъ судомъ, избирая для того Старѣйшинъ; одинъ Посолъ Княжескій могъ входить къ нимъ. Обиженный Россіяниномъ гость жаловался Князю и Тіуну Новогородскому; обиженный гостемъ Россіянинъ Старѣйшинѣ иноземцевъ. Сіи тяжбы рѣшились на

дворѣ Св. Іоанна. Готландцы имѣли въ Новѣгородѣ божницу Св. Олава, Нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами. Когда же, въ теченіе XIII столѣтія, вольные города Германскіе, Любекъ, Бременъ и другіе, числомъ наконецъ до семидесяти, вступили въ общій, тѣсный союзъ, славный въ Исто-
Ганзе. ріи подъ именемъ Ганзы, утвержденный на правилахъ взаимнаго дружества и вспоможенія, нужный для ихъ безопасности и свободы, для успѣховъ торговли и промышлености — союзъ столь счастливый, что онъ, господствуя на двухъ моряхъ, могъ давать законы народамъ и Вѣнценосцамъ — когда Рига и Готландія присоединились къ сему братству: тогда Новгородъ сдѣлался еще важнѣе въ купеческой системѣ Европы Сѣверной: Ганза учредила въ немъ главную Контору, называла ее *матерію* всѣхъ иныхъ, старалась угождать Россіянамъ, пресѣкая злоупотребленія, служившія поводомъ къ раздорамъ; строго подтверждала купцамъ своимъ, чтобы товары ихъ имѣли опредѣленную доброту, и чтобы купля въ Новѣгородѣ производилась всегда мѣною вещей безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, изъ коихъ выходили споры. Нѣмцы привозили тонкія сукна, въ особенности Фламанскія, соль, сельди и хлѣбъ въ случаѣ неурожая, покупая у насъ

мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ. Ганза торжественно запрещала ввозить въ Россію серебро и золото; но купцы не слушались устава противнаго ихъ личнымъ выгодамъ, и доставляли Новугороду не мало драгоцѣнныхъ металловъ, привлекаемые туда славою его изобилія и разсказами, почти баснословными, о пышности Двора Княжескаго, Вельможъ, богатыхъ гражданъ. — Псковъ участвовалъ въ сей знаменитой торговлѣ, и Правительство обоихъ городовъ, способствуя успѣхамъ ея, довольствовалось столь умѣренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрымъ безкорыстіемъ ([245]).

Древняя Біармія, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли Шведскіе, Норвежскіе не преставали до самаго XIII вѣка ходить къ устью Сѣверной Двины ([246]). Лѣтописцы Скандинавскіе повѣствуютъ, что въ 1216 году знаменитый купецъ ихъ, Гелге Богрансонъ, имѣвъ несчастную ссору съ Біармскимъ начальникомъ, былъ тамъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, кромѣ одного, именемъ Огмунда, ушедшаго въ Новгородъ. Сей Огмундъ ѣздилъ изъ Россіи въ Іерусалимъ, и возвратясь въ отечество, разсказалъ о жалостной кончинѣ Богрансона. Норвежцы хотѣли мстить за то Біармскимъ жителямъ, и въ 1222 году прибывъ къ нимъ на четырехъ корабляхъ, ограбили ихъ землю, взяли въ добы-

чу множество *клейменаго* серебра, мѣховъ *бѣльихъ* ([247]), и проч.

Смоленскъ имѣлъ также знатную торговлю съ Ригою, съ Готландіею и съ Нѣмецкими городами: чему доказательствомъ служитъ договоръ, заключенный съ ними Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1228 году ([248]).—Предлагаемъ здѣсь главныя статьи онаго, любопытныя въ отношеніи къ самымъ нравамъ и законодательству древней Россіи.

Договоръ съ Нѣмцами.

1. «Миръ и дружба да будутъ отнынѣ «между Смоленскою областію, Ригою, *Готскимъ* берегомъ (Готландіею) и всѣми «Нѣмцами, ходящими по *Восточному морю*, «ко взаимному удовольствію той и другой «стороны. А если — чего Боже избави — «сдѣлается въ ссорѣ убійство, то за жизнь «вольнаго человѣка платить десять гривенъ «серебра, *пѣнязями* (деньгами) или кунами, «считая оныхъ (кунъ) 4 гривны на одну «гривну серебра. Кто ударитъ холопа, пла«титъ гривну кунъ; за поврежденіе глаза, «отсѣченіе руки, ноги и всякое увѣчье 5 «гривенъ серебра; за вышибенный зубъ 3 «гривны (серебра же); за окровавленіе че«ловѣка посредствомъ дерева $1^1/_2$ гривны, «за рану безъ увѣчья тоже; кто ударитъ «палицею, батогомъ, или схватитъ чело«вѣка за волосы, дастъ $^3/_4$ гривны. Если «Россіянинъ застанетъ Нѣмца или Нѣмецъ

«Россіянина у своей жены; также если Нѣмецъ «или Россіянинъ обезчеститъ дѣвицу или вдову «хорошаго поведенія, то взыскать съ виновнаго «10 гривенъ серебра. Пеня за обиду Посла и Свя-«щенника должна быть двойная. Если виновный «найдетъ поруку, то не заключать его въ оковы «и не сажать въ темницу; не приставлять къ нему «и стражи, пока истецъ не далъ знать о своей «жалобѣ старѣйшему изъ единоземцевъ обид-«чика, предполагаемому миротворцу. — Съ во-«ромъ, пойманнымъ въ домѣ или у товара, хо-«зяинъ воленъ поступить, какъ ему угодно.

2. «Заимодавецъ чужестранный удовлетво-«ряется прежде иныхъ; онъ беретъ свои деньги «и въ такомъ случаѣ, когда должникъ осужденъ «за уголовное преступленіе лишиться собствен-«ности. Если холопъ Княжескій или Боярскій «умретъ, занявъ деньги у Нѣмца, то наслѣдникъ «перваго — или кто взялъ его имѣніе — платитъ «долгъ.

3. «И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны въ тяж-«бахъ представлять болѣе двухъ свидѣтелей изъ «своихъ единоземцевъ. Испытаніе невинности «посредствомъ раскаленнаго желѣза дозволяется «только въ случаѣ обоюднаго на то согласія (249); «принужденія нѣтъ. Поединки не должны быть «терпимы (250); но всякое дѣло разбирается су-«домъ но законамъ той земли, гдѣ случилось «преступленіе. Одинъ Князь судитъ Нѣмцевъ въ «Смоленскѣ; когда же они сами захотятъ итти «на *судъ общій*, то ихъ воля. Сею же выгодою

«пользуются и Россіяне въ землѣ Нѣмецкой. Тѣ «и другіе увольняются отъ судныхъ пошлинъ: «развѣ люди добрые и парочитые присовѣтуютъ «имъ что нибудь заплатить судьѣ.

4. «Пограничный Тіунъ, свѣдавъ о прибытіи «гостей Нѣмецкихъ на Волокъ (251), немедленно «даетъ знать тамошнимъ жителямъ, чтобы они «везли на возахъ товары сихъ гостей и пеклись «о личной ихъ безопасности. Жители платятъ «за товаръ Нѣмецкій или Смоленскій, ими утра-«ченный. Нѣмцы на пути изъ Риги въ Смоленскъ «и на возвратномъ увольняются отъ пошлины: «также и Россіяне въ землѣ Нѣмецкой. Нѣмцы «должны бросить жеребей, кому ѣхать напередъ: «если же будетъ съ ними купецъ Русской, то ему «остаться позади. — Въѣхавъ въ городъ, гость «Нѣмецкій даритъ Княгинѣ кусокъ полотна, а «Тіуну Волокскому перчатки Готскія; можетъ «купить, продать товаръ или ѣхать съ онымъ «изъ Смоленска въ иные города. Купцы Русскіе «пользуются такою же свободою на *Готскомъ* «*берегѣ* и вольны ѣздить оттуда въ Любекъ и «другіе города Нѣмецкіе. — Товаръ, купленный «и вынесенный изъ дому, уже не возвращается «хозяину, а купецъ не долженъ требовать назадъ «своихъ денегъ. — Нѣмецъ даетъ вѣсовщику за «двѣ *капи* (252), или 24 пуда, куну *Смоленскую*, «за гривну *купленнаго* золота ногату, за гривну «серебра 2 векши, за серебряный сосудъ отъ «гривны куну; въ случаѣ *продажи металловъ* «ничего не платитъ; когда же покупаетъ вещи

«на серебро, то съ гривны вносятъ купу Смоленскую. — Для повѣрки вѣсовъ хранится одна «*капь* въ церкви Богоматери на горѣ, а другая «въ Нѣмецкой божницѣ» (слѣдственно и въ Смоленскѣ была Католическая церковь): «съ симъ «вѣсомъ должны и Волочане свѣрять пудъ, данный имъ отъ Нѣмцевъ.

5. «Когда Смоленскій Князь идетъ на войну, «то ему не брать Нѣмцевъ съ собою: развѣ они «сами захотятъ участвовать въ походѣ. И Россіянъ не принуждать къ военной службѣ въ «землѣ Нѣмецкой.

6. «Епископъ Рижскій, Мастеръ Фолкунъ «(Volquin) и всѣ другіе Рижскіе Властители «признаютъ Двину вольною, отъ устья до вершинъ ея, для судоходства Россіянъ и Нѣмцевъ. «Если — чего Боже избави — ладія Русская или «Нѣмецкая повредится, то гость можетъ вездѣ «пристать къ берегу, выгрузить товаръ и нанять «людей для вспоможенія; но имъ болѣе договорной цѣны съ него не требовать.

«Сія грамота имѣетъ для Полоцка и Витебска «то же дѣйствіе, что и для Смоленска. Она писана при Священникѣ Іоаннѣ, Мастерѣ Фолькунѣ и многихъ купцахъ Рижскаго *царства*, «приложившихъ къ ней свои печати; а свидѣтелями подписались.» . . . Слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ жителей Готландіи, Любека, Минстера, «Бремена, Риги; а внизу сказано: «кто изъ Россіянъ или Нѣмцевъ нарушитъ нашъ уставъ, «будетъ противенъ Богу.»

О семъ договорѣ упоминается и въ Нѣмецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма благопріятнымъ для купцевъ Ливонскихъ (253); но предки наши, давая имъ свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ: такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ гостей, *продавцевъ* серебра и золота, отъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умножить количество ввозимыхъ къ намъ металловъ драгоцѣнныхъ. Деньги. Въ разсужденіи цѣны серебра замѣтимъ, что она со временъ Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвысилась относительно къ *Смоленской* ходячей или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ въ *Правдѣ* 40 гривенъ пени кунами за убійство, а Мстиславъ Давидовичь въ уставѣ своемъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра,—слѣдственно ту же самую пеню (254): напротивъ чего Новогородскія куны унизились.

Не только купцевъ, но и другихъ чужеземцевъ, полезныхъ знаніями и ремесломъ, Россіяне старались привлекать въ свою землю: строителей, живописцевъ, лекарей. Художества. Отъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами (255); но въ 1194 году Владимірскій Епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Суздальскаго храма Богоматери, нашелъ

между собственными церковниками искусныхъ мастеровъ и литейщиковъ, которые весьма красиво отдѣлали сію церковь снаружи и покрыли оловомъ, не взявъ къ себѣ въ товарищи ни одного *Нѣмецкаго* художника. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій, именемъ Милонѣгъ-Петръ, строитель каменной стѣны на берегу Днѣпра подъ монастыремъ Выдубецкимъ, столь удивительной для современниковъ, что они говорили объ ней какъ о великомъ чудѣ (256). Греческіе живописцы, украсивъ образами Кіевскую Лавру, выучили своему художеству добродѣтельнаго Монаха Печерскаго, Св. Алимпія, безкорыстнаго и трудолюбиваго: не требуя никакой мзды, онъ писалъ иконы для всѣхъ церквей, и занимая деньги на покупку красокъ, платилъ долги своею работою (257). Сей Алимпій есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ живописцевъ Россійскихъ. Кромѣ иконъ церковныхъ, они изображали на хартіяхъ въ священныхъ книгахъ разныя лица, безъ особеннаго искусства въ рисункѣ, но красками столь хорошо составленными, что въ шесть или семь вѣковъ свѣжесть оныхъ и блескъ золота ни мало не помрачились (258). — Замѣтимъ также, касательно рукодѣлій, что древніе Бояре Княжескіе обыкновенно носили у насъ *шитыя золотомъ оплечья:* и такъ искусство золотошвѣевъ — сообщенное намъ, какъ вѣроятно, отъ Грековъ — было извѣстно въ Россіи прежде, нежели во многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ (259).

Мы упомянули о лекаряхъ: ибо врачеваніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и необходимѣйшимъ наукамъ людей. Во времена Мономаховы славились въ Кіевѣ Армянскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ пишутъ), взглянувъ на больнаго, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ противномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачь Николы Святоши былъ Сиріанинъ. Многія лекарства составлялись въ Россіи: лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человѣчеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ Монаховъ старались узнавать силу цѣлебныхъ травъ для облегченія недужныхъ, и часто успѣхами своими возбуждали зависть въ лекаряхъ чужеземныхъ. Печерскій Инокъ Агапитъ самымъ простымъ зеліемъ и молитвою исцѣлилъ Владиміра II, осужденнаго на смерть искуснымъ врачемъ Армянскимъ (260).

Науки. Такимъ образомъ художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уединенія и молитвы. Тѣ же благочестивые Иноки были въ Россіи первыми наблюдателями тверди небесной, замѣчая съ великою точностію явленія Кометъ, солнечныя и лунныя затмѣнія; путешествовали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ странахъ знамени-

тыя святостію мѣста, и пріобрѣтая географическія свѣдѣнія сообщали оныя любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая Грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли отъ забвенія память нашихъ древнѣйшихъ Героевъ, ко славѣ отечества и вѣка. Митрополиты, Епископы, ревностные проповѣдники Христіанскихъ добродѣтелей, сочиняли наставленія для мірянъ и Духовныхъ. Суздальскій Святитель, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, Монахъ Лавры Кіевской, описали ея достопамятности и житія первыхъ Угодниковъ, слогомъ уже весьма яснымъ и довольно чистымъ. Вообще Духовенство наше было гораздо просвѣщеннѣе мірянъ; однакожъ и знатные свѣтскіе люди учились. Ярославъ I, Константинъ отмѣнно любили чтеніе книгъ. Мономахъ писалъ не только умно, но и краснорѣчиво. Дочь Князя Полоцкаго, Святая Евфросинія, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ церковныхъ (261). Верхуслава, невѣстка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о полку Игоревѣ* сочинено въ XII вѣкѣ (262), и безъ сомнѣнія міряниномъ: ибо Монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть Поэзія.

подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ *соловья* стараго времени, Стихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, летая по *живымъ струнамъ*, *рокотали* или гласили *славу* нашихъ Витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь истреблялъ людей, огонь зданія и хартіи. Тѣмъ достойнѣе вниманія *Слово о полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину итти на Половцевъ и говоритъ ([263]): «Хочу преломить копіе свое на «ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить тамъ «свою голову или *шлемомъ испить Дону!*» Многочисленная рать собирается: «Кони ржутъ за «Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ «въ Новѣгородѣ, знамена развѣваются въ Пу«тивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода.» Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: «Они подъ звукомъ трубъ повиты, кон«цемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, «овраги знаемы; луки у нихъ натянуты, колчаны «отворены, сабли наточены; носятся въ полѣ «какъ волки сѣрые; ищутъ чести самимъ себѣ, «а Князю славы.» Игорь, *вступивъ въ златое*

стремя, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и ткани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ ([264]). Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новые полки варваровъ: «Вѣтры, «Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ моря стрѣлами «на воиновъ Игоревыхъ.» Всеволодъ впереди съ своею дружиною: «сыплетъ на враговъ стрѣлы, «гремитъ о шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ «сверкнетъ златый шишакъ его, тамъ лежатъ «головы Половецкія.» Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная: «земля облита кровію, «усѣяна костями. Въ третій день пали наши зна- «мена: *кроваваго вина* не достало; кончили пиръ «свой храбрые Россіяне, напоили гостей и легли «за отечество.» Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ ([265]) «поютъ веселыя пѣсни на «берегу синяго моря, звеня Русскимъ золотомъ.» Сочинитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: «ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а

«Донъ вычерпать шлемами»—Рюрику и Давиду: «ваши шлемы позлащенные издавна обагряются «кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ «дикіе волы, уязвленные саблями калеными» — Роману и Мстиславу Волынскимъ ([266]): «Литва, «Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, «склоняютъ головы подъ ваши мечи булатные»— сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: «о вы, славнаго «гнѣзда *шестокрильцы!* заградите поле врагу «стрѣлами острыми.» Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Осмомысломъ*, ([267]) прибавляя: «сидя «высоко на престолѣ златокованномъ, ты *подпи*«*раешь* горы Карпатскія *желѣзными* своими пол«ками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь «путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли отда«ленныя.» Въ тожь время Сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: «дружину твою, Князь, птицы хищ«ныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея по«лизали. Ты самъ выронилъ *жемчужную* душу «свою изъ мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье.» Въ описаніи несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: «на берегахъ Нѣмена ([268]) «стелютъ они снопы головами, молотятъ цѣпами «булатными, вѣютъ душу отъ тѣла . . . О вре«мена бѣдственныя! Для чего нельзя было *при*«*гвоздить* стараго Владиміра къ горамъ Кіев«скимъ» (или сдѣлать безсмертнымъ)! . . . Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ сле-

зы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря въ чистое поле: «Для чего, о вѣтеръ сильный! лег-«кими крылами своими навѣялъ ты стрѣлы Хан-«скія на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ «волновать синее море *и лелѣять* корабли на «зыбяхъ его? . . . О Днѣпръ славный! ты про-«билъ горы каменныя, стремяся въ землю Поло-«вецкую; ты несъ на себѣ ладіи Святославовы «до стана Кобякова (269): принеси же и ко мнѣ «друга милаго, да не шлю къ нему утреннихъ «слезъ моихъ въ синее море! . . О солнце свѣт-«лое! ты для всѣхъ тепло и красно: почто же «знойными лучами своими изнурило ты воиновъ «моего друга въ пустынѣ безводной? . .» Но Игорь уже свободенъ: обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ коня, садится на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочинитель, мысленно одушевляя сію рѣку, заставляетъ оную привѣтствовать Князя: «Не мало тебѣ, Игорь, величія, Хану «Кончаку досады (270), а Русской землѣ веселія.» Князь отвѣтствуетъ: «Не мало тебѣ, Донецъ, «величія, когда ты лелѣешь Игоря на волнахъ «своихъ, стелешь мнѣ траву мягкую на берегахъ «*сребряныхъ*, одѣваешь меня теплыми мглами «подъ сѣнію древа зеленаго, охраняешь гоголями «на водѣ, чайками на струяхъ, чернетьми на «вѣтрахъ (271).» Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Пирогощей Богоматери (272), и Сочинитель, повторивъ слова

Бояновы: «худо головѣ безъ плечъ, худо «плечамъ безъ головы,» восклицаетъ: «счастлива земля и веселъ народъ, торже-«ствуя спасеніе Игорево. Слава Князьямъ «и дружинѣ!» Читатель видитъ, что сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными Стихотворству юныхъ народовъ.

Нравы. Со времен Владиміра Святаго нравы долженствовали измѣниться въ древней Россіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ Христіанства, гражданскаго общежитія и торговли. Набожность распространялась: Князья, Вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри, и не рѣдко сами укрывались въ нихъ отъ суетъ міра. Достойные Святители и Пастыри Церкви учили Государей стыдиться злодѣяній, внушаемых дикими, необузданными страстями; были ходатаями человѣчества и вступались за утѣсненныхъ (273). Россіяне, по старинному обыкновенію, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость какъ добродѣтель; явно имѣли наложницъ, но оскорбитель цѣломудренной жены наказывался какъ убійца (274)... Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народъ жаловался на корыстолюбіе Тіуновъ и Князей (275). Лѣтописцы XIII вѣка съ отмѣннымъ жаромъ

хвалятъ умѣренность древнихъ Владѣтелей Россійскихъ ([276]): «Прошли тѣ благословенныя времена (говорятъ они), когда Государи наши не «собирали имѣнія, а только воевали за отечество. «покоряя чуждыя земли; не угнетали людей на-«логами, и довольствовались однѣми справедли-«выми Вирами, отдавая и тѣ своимъ воинамъ на «оружіе. Бояринъ не твердилъ Государю: *мнѣ «мало двухъ сотъ гривенъ;* а кормился жало-«ваньемъ, и говорилъ товарищамъ: «*станемъ за «Князя, станемъ за Русскую землю!* Тогда жены «Боярскія носили не златыя, а просто *серебряныя* «кольцы. Нынѣ другія времена!» — Однакожь ни миролюбивыя правила Христіанства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратнаго духа нашихъ предковъ; даже самые уставы церковные питали оный: такъ воинъ на канунѣ похода освобождался отъ всякой Эпитиміи ([277]). Сыновья Княжескіе возрастали въ полѣ и въ станахъ воинскихъ; еще не достигнувъ лѣтъ юношества, уже садились на коней и мечемъ грозили врагу ([278]). Къ сожалѣнію, сей духъ воинственный не былъ управляемъ благоразуміемъ человѣколюбія въ междоусобіяхъ Князей: злобствуя другъ на друга, они безъ стыда разоряли отечество, жгли селенія беззащитныя, плѣняли людей безоружныхъ.

Наконецъ скажемъ, что если бы Россія была единодержавнымъ Государствомъ (отъ предѣловъ Днѣстра до Ливоніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы въ могуще-

ствѣ никакой Державѣ сего времени; спаслась бы, какъ вѣроятно, отъ ига Татарскаго, и находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Греціею, заимствуя художества ея, просвѣщеніе, не отстала бы отъ иныхъ земель Европейскихъ въ гражданскомъ образованіи. Торговля внѣшняя, столь обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства съ Домами многихъ знаменитѣйшихъ Государей Христіанскихъ — Императоровъ, Королей, Принцевъ Германіи — дѣлали наше отечество извѣстнымъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Востока, Юга и Запада. Къ дошедшимъ до насъ чужестраннымъ извѣстіямъ о тогдашней Россіи принадлежитъ сказаніе Испанскаго Еврея, Веніамина, сына Іоны, о многихъ Азіатскихъ и Европейскихъ земляхъ, имъ видѣнныхъ. Въ 1173 году выѣхавъ изъ Сарагоссы, онъ долго путешествовалъ, и записывалъ свои примѣчанія, иногда съ довольною подробностію; но упомянувъ о Россіи, говоритъ только, что она весьма пространна; что въ ней много лѣсовъ и горъ; что жители отъ чрезмѣрнаго холода зимою не выходятъ изъ домовъ, ловятъ соболей и торгуютъ людьми [279].

Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Такимъ образомъ предложивъ Читателю извѣстія и нѣкоторыя мысли, служащія къ объясненію нашихъ древностей, обратимся къ описанію важныхъ происшествій.

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Георгій Всеволодовичь.

Г. 1224 — 1238.

Происхожденіе Татаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Мнѣнія о Татарахъ. Совѣтъ Князей. Избіеніе Пословъ Татарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія. Набѣги Литовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ южной Россіи. Льготныя грамоты Вел. Ярослава. Землетрясеніе. Затмѣніе солнца. Мятежъ въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніиловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сити. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе Батыево.

Въ нынѣшней Татаріи Китайской, на Югъ отъ Иркутской Губерніи, въ степяхъ Г. 1224. Происхожде-

кіе Татаръ. неизвѣстныхъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ, скитались Орды Моголовъ, единоплеменныхъ съ Восточными Турками ([280]). Сей народъ дикій, разсѣянный, питаясь ловлею звѣрей, скотоводствомъ и грабежемъ, зависѣлъ отъ Татаръ *Ніучей*, господствовавшихъ въ сѣверной части Китая; но около половины XII вѣка усилился, и началъ славиться побѣдами. Ханъ его, именемъ Езукай Багадуръ, завоевалъ нѣкоторыя области сосѣдственныя, и скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣтахъ, оставилъ въ наслѣдіе тринадцатилѣтнему сыну, Темучину, 40,000 подвластныхъ ему семействъ или данниковъ ([281]). Сей отрокъ, воспитанный матерію въ простотѣ жизни пастырской, долженствовалъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ, покорить милліоны людей и сокрушить Государства знаменитыя сильными воинствами, цвѣтущими Искусствами, Науками и мудростію своихъ древнихъ Законодателей.

По кончинѣ Багадура многіе изъ данниковъ отложились отъ его сына. Темучинъ собралъ 30,000 воиновъ, разбилъ мятежниковъ, и въ семидесяти котлахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ виновниковъ бунта. Юный Ханъ все еще признавалъ надъ собою власть Монарха Татарскаго и служилъ ему съ честію въ разныхъ воинскихъ предпріятіяхъ; но ско•

ро, надменный блестящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія, захотѣлъ независимости и первенства. Ужасать враговъ местію, питать усердіе друзей щедрыми наградами, казаться народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники Могольскихъ и Татарскихъ Ордъ добровольно или отъ страха покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пилъ ея воду, и клялся дѣлить съ ними все *горькое* и *сладкое* въ жизни. Но Ханъ Кераитскій, дерзнувъ обнажить мечь на сего втораго Аттилу, лишился головы, и черепъ его, окованный серебромъ, был въ Татаріи памятникомъ *Темучинова гнѣва* (232). Въ то время, какъ многочисленное войско Могольское, расположенное въ девяти станахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ шатрами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взирало на своего юнаго Монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился тамъ какой-то святый пустынникъ, или мнимый пророкъ, и возвѣстилъ собранію, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю, и что сей Владѣтель міра долженъ впредь именоваться *Чингисханомъ* или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли Небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы (233) южной Сибири Чингисханъ.

и славные просвѣщеніемъ Игуры или Уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, назвалися подданными Чингисхана. Сіи Уйгуры, обожая идоловъ, терпѣли у себя Магометанъ и Христіанъ Несторіанскихъ; любили Науки, художества, и сообщили грамоту всѣмъ другимъ народамъ Татарскимъ ([284]). Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ.

Достигнувъ столь знаменитой степени величія, сей гордый Ханъ торжественно отрекся платить дань Монарху Ніучей и сѣверныхъ областей Китая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку ([285]): «Китайцы издревле «называютъ своихъ Государей *сынами Неба*; «а ты *человѣкъ* — и смертный!» Большая

Его завоеванія. каменная стѣна, служащая оградою для Китая, не остановила храбрыхъ Моголовъ: они взяли тамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣнныхъ старцевъ, какъ людей безполезныхъ. Монархъ Ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, вторично вступивъ въ Китай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Отчаянное сопротивленіе жителей не могло спасти города ([286]): Моголы овладѣли имъ (въ 1215 году) и зажгли дворецъ, который горѣлъ

около мѣсяца. Свирѣпые побѣдители нашли въ Пекинѣ богатую добычу и мудреца, именемъ Илючуцая, родственника послѣднихъ Императоровъ Китайскихъ, славнаго въ Исторіи благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣренность Чингисхана, спасъ милліоны несчастныхъ отъ погибели, умѣрялъ его жестокость и давалъ ему мудрые совѣты для образованія дикихъ Моголовъ.

Еще Татары-Ніучи противоборствовали Чингисхану: оставивъ сильную рать въ Китаѣ, подъ начальствомъ мужественнаго предводителя, онъ устремился къ странамъ западнымъ, и сіе движеніе войска его сдѣлалось причиною бѣдствій для Россіи. Мы говорили о Туркахъ Алтайскихъ (287): хотя они, утѣсненные съ одной стороны Китайцами, а съ другой Аравитянами (во XII вѣкѣ завладѣвшими Персіею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время Калифамъ, освободились наконецъ отъ ига и были основателями разныхъ Государствъ могущественныхъ. Такъ въ исходѣ XI вѣка Монархъ Турковъ-Сельчуковъ (288), именемъ Челаддинъ, господствовалъ отъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Іерусалима, Никеи, и давалъ повелѣнія Багдадскому Калифу, Папѣ Магометанъ. Сіе Государство исчезло, ослабленное распрями частныхъ его Владѣтелей и завоеваніями Крестоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая Турецкая Династія

Монарховъ Харазскихъ или Хивинскихъ [289], которые завладѣли большею частію Персіи и Бухаріею. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе, искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ велѣлъ умертвить Пословъ Могольскихъ... Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду Неба и меча своего; три ночи молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ во сновидѣніи обѣщалъ ему побѣду устами Епископа Христіанскаго, жившаго въ землѣ Игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для Христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ Хана Могольскаго. Началась война, ужасная остервененіемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бактріею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ [290], но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многолюдными городами и цвѣтущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Вѣры. Бохара не могла сопротив-

ляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ старѣйшинъ, въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть, и видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пепелъ. Самаркандъ, укрѣпленный искуствомъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ около ста тысячь ратниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смотря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію Моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны (29): умертвили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчнаго рабства. Хива, Терметъ, Балхъ (гдѣ находилось 1200 мечетей и 200 бань для странниковъ) испытали подобную же участь, вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ, что она въ теченіе шести слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря, и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1223 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ отрядилъ двухъ знаменитыхъ Военачальниковъ, Судая Баядура и Чепновіана, съ повелѣніемъ взять Шамаху и Дербентъ. Первый городъ сдался, и Моголы хотѣли итти самымъ

кратчайшимъ путемъ къ Дербенту, построенному, вмѣстѣ съ Каспійскою стѣною, въ VI вѣкѣ славнымъ Царемъ Персидскимъ Хозроемъ I, или Нуширваномъ, для защиты Государства его отъ Козаровъ (292). Но обманутые путеводителями Моголы зашли въ тѣсныя ущелія, и были со всѣхъ сторонъ окружены Аланами — Ясами, жителями Дагестана (293) — и Половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, Военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хитрости, отправилъ дары къ Половцамъ и велѣлъ сказать имъ, что они, будучи *единоплеменниками* Моголовъ, не должны возставать на своихъ братьевъ и дружиться съ Аланами, которые совсѣмъ иного рода. Половцы, обольщенные ласковымъ привѣтствіемъ или дарами, оставили союзниковъ; а Моголы, пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили Алановъ. Скоро главный Ханъ Половецкій, именемъ Юрій Кончаковичъ (294), раскаялся въ своей оплошности: узнавъ, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, онъ хотѣлъ бѣжать въ степи; но Моголы умертвили его и другаго Князя, Данила Кобяковича; гнались за ихъ товарищами до Азовскаго моря, до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили Ясовъ, Абазинцевъ, Касоговъ или Черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ Азовскихъ (295).

Многіе Половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами, скотомъ и богатствомъ.

Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго: сей Ханъ взволновалъ Россію вѣстію о нашествіи Моголовъ; дарилъ Князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорилъ: «нынѣ они взяли «нашу землю; завтра возьмутъ вашу.» Россіяне ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ у друга, кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные? Нѣкоторые называли ихъ Таурменами, другіе Печенѣгами, но вообще Татарами (296). Суевѣрные разсказывали, что сей народъ, еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный Гедеономъ, и нѣкогда заключенный въ пустыняхъ Сѣверо-Востока, долженствовалъ предъ концемъ міра явиться въ Азіи, въ Европѣ, и завоевать всю землю. Храбрый Князь Галицкій, пылая ревностію отвѣдать счастія съ новымъ и столь уже славнымъ врагомъ, собралъ Князей на совѣтъ въ Кіевѣ, и представлялъ убѣдительно, что благоразуміе и государственная польза обязываютъ ихъ вооружиться; что утѣсненные Половцы, будучи оставлены ими, непремѣнно соединятся съ Татарами и наведутъ ихъ на Россію; что лучше сразиться съ опаснымъ непріятелемъ внѣ отечества, нежели впустить его въ свои границы. Мстиславъ Романовичь Кіевскій (называемый въ лѣтописяхъ Старымъ и Добрымъ), Князь

Половцы бѣгутъ въ Россію.

Мнѣнія о Татарахъ

Совѣтъ Князей.

Черниговскій (297) того же имени (братъ Всеволода Чермнаго) и Мстиславъ Галицкій председательствовали въ Совѣтѣ, гдѣ находились также пылкіе юноши, Даніилъ Романовичь Волынскій, — Михаилъ, сынъ Чермнаго, и бывшій Князь Новогородскій, Всеволодъ Мстиславичь. Они долго разсуждали: наконецъ единодушно положили искать непріятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и Ханъ ихъ Бастый принялъ тогда же Вѣру Христіанскую.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ у Заруба и *Варяжскаго* острова: тамъ явились десять Пословъ Татарскихъ. «Слышимъ»— говорили они Князьямъ Россійскимъ—«что «вы, обольщенные Половцами, идете про-«тивъ насъ; но мы ничѣмъ не оскорбили «Россіянъ: не входили къ вамъ въ землю; «не брали ни городовъ, ни селъ вашихъ, а «хотимъ единственно наказать Половцевъ, «своихъ рабовъ и *конюховъ*. Знаемъ, что «они издревле враги Россіи: будьте же намъ «друзьями; пользуясь случаемъ, отмстите «имъ нынѣ, истребите злодѣевъ, и возь-«мите ихъ богатство.» Сіе благоразумное

Избіеніе Пословъ Татарскихъ.

миролюбіе показалось нашимъ Князьямъ или робостію или коварствомъ: забывъ правила народной чести, они велѣли умертвить Пословъ; но Татары еще прислали новыхъ, которые, встрѣтивъ войско Россійское, въ семнадцатый день его похода,

на берегахъ Днѣпра, близъ Олешья, сказали Князьямъ: «И такъ вы, слушаясь Половцевъ, «умертвили нашихъ Пословъ и хотите битвы? «да будетъ! Мы вамъ не сдѣлали зла. Богъ единъ «для всѣхъ народовъ: Онъ насъ разсудитъ.» Князья, какъ бы удивленные великодушіемъ Татаръ, отпустили сихъ Пословъ, и ждали остальнаго войска. Мстиславъ Романовичь, Владиміръ Рюриковичь и Князья Черниговскихъ Удѣловъ привели туда, подъ своими знаменами, жителей Кіева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились Волынцы и Галичане, которые на 1000 ладіяхъ плыли Днѣстромъ до моря, вошли въ Днѣпръ, и стали у рѣки Хортицы (298). Половцы также стекались къ Россіянамъ толпами. Войско наше расположилось станомъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что отрядъ Татарскій приближается, юный Князь Даніилъ съ нѣкоторыми любопытными товарищами поскакалъ къ нему на встрѣчу. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ ко Мстиславу Галицкому. Но вѣсти были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что Татары суть худые ратники, и не достойны уваженія; а Воевода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домарѣчичь, увѣрялъ, что сіи враги кажутся опытными, знающими, и стрѣляютъ лучше Половцевъ. Молодые Князья нетерпѣливо хотѣли вступить въ бой: Мстиславъ Галицкій, съ тысячею воиновъ ударивъ на отрядъ непріятельскій, разбилъ его

совершенно. Стрѣлки наши оказали въ семъ дѣлѣ искусство и мужество (299). Лѣтописцы говорятъ, что Татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его въ ямѣ, но что Россіяне нашли, а Половцы, съ дозволенія Мстиславова, умертвили сего Могольскаго чиновника.

Надменные первымъ успѣхомъ, и взявъ въ добычу множество скота, всѣ Россіяне переправились за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екатеринославской Губерніи, близъ Маріуполя), гдѣ была легкая сшибка съ непріятелемъ (300). Мстиславъ Галицкій, поставивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ Яруну, начальнику Половцевъ, и Даніилу съ Россійскою дружиною итти впередъ; а самъ ѣхалъ на конѣ за ними, и скоро увидѣлъ многочисленное войско Татаръ. Битва началася (301). Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; вмѣстѣ съ Олегомъ Курскимъ тѣснилъ густыя толпы ихъ, и копіемъ въ грудь уязвленный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ *Нѣмый*, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему помощь, и крѣпкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные Половцы не выдержали удара Моголовъ: смѣшались, обратили тылъ; въ безпамятствѣ ужаса устремились на Россіянъ, смяли ряды ихъ и даже отдаленный станъ, гдѣ два Мстислава,

Маія 31. Битва на Калкѣ.

Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли изготовиться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользоваться честію побѣды, не далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи (302). Сіе излишнее славолюбіе Героя столь знаменитаго погубило наше войско: Россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали Россіянъ, убивъ ихъ множество, и въ томъ числѣ шесть Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; также отличнаго Витязя, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ *богатырей* (303). Земля Русская, по словамъ Лѣтописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; однихъ Кіевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали Россіянъ, чтобы взять ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился въ ладію, переѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ истребить всѣ суда, чтобы Татары не могли за нимъ гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичь; а Владиміръ Рюриковичь Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичь Кіевскій еще оставался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ каменистой; видѣлъ бѣгство Россіянъ и не хотѣлъ тронуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дни бились съ Россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ окупъ за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода *Бродниковъ*, именемъ Плоскиня [304], служа тогда Моголамъ, отъ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ Россіянъ, и связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, Княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ Полководцамъ Чингисхановымъ. Остервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго, и вспомнивъ убіеніе своихъ Пословъ въ нашемъ станѣ, Моголы изрубили всѣхъ Россіянъ, трехъ Князей задушили подъ досками, и сѣли пировать на ихъ трупахъ! — Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ Моголами, которые, по извѣстію Татарскаго Историка, умышленно заманили Россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней [305].

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ Россійскаго войска до самаго Днѣпра. Жители городовъ и селъ, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностію, выходили къ нимъ

на встрѣчу со крестами; но Татары безжалостно убивали и гражданъ и земледѣльцевъ, слѣдуя правилу, что побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей, и что смерть первыхъ нужна для безопасности вторыхъ. Вся южная Россія трепетала: народъ, съ воплемъ и стенаніемъ ожидая гибели, молился въ храмахъ — и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обратились къ Востоку, и спѣшили соединиться съ Чингисханомъ въ Великой Бухаріи, гдѣ сей дикій Герой, собравъ всѣхъ Полководцевъ и Князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы странамъ завоеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ свое побѣдоносное войско, возвратившееся отъ Днѣпра: съ любопытствомъ слушалъ донесеніе Вождей, хвалилъ ихъ и щедро наградилъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественнымъ Царемъ Тангутскимъ, Чингисханъ пошелъ сокрушить его величіе (306).

Правило Татаръ.

Побѣдители скрываются.

Россія отдохнула: грозная туча какъ внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ внезапно и сокрылась. «Кого Богъ во гнѣвѣ «Своемъ насылалъ на землю Русскую?» говорилъ народъ въ удивленіи: «откуда при-«ходили сіи ужасные иноплеменники? куда «ушли? извѣстно одному Небу и людямъ «искуснымъ въ книжномъ ученіи (307).» —

Удивленіе Россіянъ.

Селенія, опустошенныя Татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ: отцы, матери, друзья, оплакивали убитыхъ: но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ.

Князья южной Россіи, готовясь итти на Моголовъ, требовали помощи отъ Великаго Князя Георгія. Племянникъ его, Василько Константиновичь, шелъ къ нимъ съ дружиною Ростовскою, и стоялъ уже близъ Чернигова (308): тамъ свѣдалъ онъ о несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ, благодаря Небо за спасеніе жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущаго, Владимірцы утѣшались мыслію, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими Россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ, могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣды сего Героя возбуждали зависть. — Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій страхъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась Комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на Западѣ, озаряя небо лучемъ блестящимъ (309). Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма затмѣвали свѣтъ солнца; мгла

Ужасныя предзнаменованія.

тяготила воздухъ, и птицы, къ изумленію людей, падали мертвыя на землю. Вспомнили, что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи, и что отечество наше стенало тогда отъ враговъ иноплеменныхъ, голода и язвы.

Провидѣніе, дѣйствительно готовое искусить Россію всѣми возможными для Государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ отложило ихъ; а Россіяне какъ бы спѣшили воспользоваться симъ временемъ, чтобы свѣжую рану отечества растравить новыми междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, исполняя тайное повелѣніе отца, вторично уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ Дворомъ своимъ и занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, Князь Черниговскій. Они привели войско съ собою, грозя Новугороду: ибо Великій Князь досадовалъ на многихъ тамошнихъ чиновниковъ за ихъ своевольство. Новогородцы отправили къ Георгію двухъ Пословъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, отпустивъ къ нимъ сына; а Великій Князь требовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ (310), и сказалъ: «я поилъ коней своихъ Тверцею: напою и Волховомъ.» Воспоминая съ гордостію, что самъ Андрей Боголюбскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, Ново-

Новыя междоусобія.

городцы укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ новыхъ Пословъ отвѣтствовали Георгію: «Князь! мы тебѣ кла-«няемся; но своихъ братьевъ не выдадимъ. «Дерзнешь ли на кровопролитіе? у тебя «мечь, у насъ головы: умремъ за Святую «Софію.» Георгій смягчился; вступили въ переговоры, и шуринъ его, Михаилъ Черниговскій, поѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Правленіе сего Князя было мирно и счастливо. «Вся область наша» — говоритъ
г. 1225. Лѣтописецъ Новогородскій — «благослов-«ляла свой жребій, не чувствуя никакой «тягости.» Георгій вышелъ изъ Торжка, захвативъ казну Новогородскую и достояніе многихъ частныхъ людей ([311]): Михаилъ, провождаемый знаменитыми чиновниками, ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу. Народъ любилъ Князя; но Михаилъ считалъ себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи. Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, когда Татары приближались къ Днѣпру, онъ стремился душею къ своей отчизнѣ, гдѣ снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные Новогородцы доказывали ему, что Князь, любимый народомъ, не можетъ съ покойною совѣстію оставить его ([312]): Михаилъ на *Дворѣ Ярослава* простился съ ними, сказавъ имъ, что

Черниговъ и Новгородъ должны быть какъ бы единою землею, а жители братьями и друзьями; что свободная торговля и гостепріимство свяжутъ ихъ узами общихъ выгодъ и благоденствія. Нерѣдко задерживая у себя Князей ненавистныхъ, Новогородцы давали волю добрымъ жить съ ними, или, говоря тогдашнимъ языкомъ, *поклониться Святой Софіи:* изъявили благодарность Михаилу, отпустили его съ великою честію, и послали за Ярославомъ-Ѳеодоромъ.

Въ то время Литовцы, числомъ до 7000, ворвались въ наши предѣлы; грабили область Торопецкую, Новогородскую, Смоленскую, Полоцкую; убивали купцевъ, и плѣняли земледѣльцевъ. Лѣтописцы говорятъ, что сіи разбойники никогда еще не причиняли столь великаго зла Государству Россійскому (313). Ярославъ, предводительствуя своею дружиною Княжескою, соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ Торопецкимъ, съ братомъ его, Владиміромъ Псковскимъ, и настигъ непріятеля близъ Усвята; положилъ на мѣстѣ 2000 Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ Князей, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ. Князь Давидъ и любимый Мечепосецъ Ярославовъ находились въ числѣ убитыхъ Россіянъ. Новогородцы не были въ сраженіи: доходили только до Русы и возвратились. Однакожь Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ и

Набѣги Литовскія.

г. 1226.

Г. 1227. Походъ въ Финляндію.

выслушавъ ихъ оправданіе, не изъявилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ слѣдующій годъ ходилъ съ войскомъ въ сѣверную, отдаленную часть Финляндіи, гдѣ никогда еще не бывали Россіяне; не обогатился въ сей бѣдной странѣ ни серебромъ, ни золотомъ, но отнялъ у многихъ жителей самое драгоцѣннѣйшее благо: отечество и вольность. Новогородцы взяли столько плѣнниковъ, что не могли всѣхъ увести съ собою: нѣкоторыхъ безчеловѣчно умертвили, другихъ отпустили домой ([314]). — Ярославъ въ сей же годъ отличился дѣломъ гораздо полезнѣйшимъ для человѣчества: отправилъ Священниковъ въ Корельскую землю, и не употребивъ никакихъ мѣръ насильственныхъ, крестилъ большую часть жителей, уже давно подданныхъ Новагорода и расположенныхъ добровольно къ принятію Христіанства ([315]). Представивъ дѣйствіе благоразумнаго усердія къ Вѣрѣ, не скроемъ и несчастныхъ заблужденій суевѣрія: въ то время, какъ наши церковные учители проповѣдывали Кореламъ Бога истиннаго и человѣколюбиваго, ослѣпленные Новогородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на *Дворѣ Ярослава* ([316]). Къ чести Духовенства и тогдашняго Новогородскаго Архіепископа Антонія — который въ 1225 году возвратился изъ Перемышля Галицкаго — замѣтимъ, что въ семъ жалост-

Христіанство въ землѣ Корельской.

Новогородцы жгутъ волшебниковъ.

номъ безуміи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенія со стороны Церковныхъ Пастырей.

Россіяне думали, что грозно опустошивъ Финляндію, они уже на долгое время будутъ съ сей стороны покойны; но месть даетъ силы. Лишенные отцевъ, братьевъ, дѣтей, и пылая справедливою злобою, Финляндцы разорили селенія вокругъ Олонца и сразились съ Посадникомъ Ладожскимъ (317). Ихъ было около двухъ тысячь. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ плѣнниковъ, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, гдѣ Ижеряне и Корелы истребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ Ладожанами, праздно стоялъ на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа воиновъ Новогородскихъ, хотѣвшихъ убить какого-то чиновника, именемъ Судимира: Князь едва могъ спасти несчастнаго, скрывъ его въ собственной ладіи своей. г. 1228.

Вообще Ярославъ не пользовался любовію народною. Желая имѣть Псковъ въ своей зависимости, онъ поѣхалъ туда съ Новогородскими чиновниками (318); но Псковитяне не хотѣли принять его, думая, что сей Князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворѣ Архі- Нелюбовь къ Ярославу.

епископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. «Небо свидѣтель» — говорилъ онъ — «что «я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла Псковитянамъ, и везъ для нихъ не оковы, а дары, «овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя «требуетъ мести.» Недовольный холодностію гражданъ, Князь призвалъ войско изъ Переславля Залѣсскаго, и Новогородцы съ изумленіемъ увидѣли шатры его полковъ вокругъ дворца (319). Славянскій Конецъ также наполнился толпами сихъ ратниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и страшныхъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ итти противъ Нѣмецкихъ Рыцарей; но граждане не вѣрили ему и боялись его тайныхъ замысловъ. Къ тому же бѣдные жаловались на дороговизну; отъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами 53½ копейки, пшеницы 89½, а пшена рубль 25 копеекъ (320). Ярославъ требовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но Псковитяне уже заключили особенный тѣсный союзъ съ Рижскимъ Орденомъ, и будучи обнадежены въ помощи Рыцарей, прислали въ Новгородъ одного Грека съ такимъ отвѣтомъ: «Князь Ярославъ! кланяемся «тебѣ и друзьямъ Новогородцамъ; а братьевъ «своихъ не выдадимъ, и въ походъ нейдемъ, «ибо Нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали Ко-«лывань (Ревель), Кесь (Венденъ) и Медвѣжью

«Голову, но брали вездѣ не города, а деньги; «раздраживъ непріятелей, сами ушли домой, а мы за васъ терпѣли: наши сограждане положили свои головы на берегахъ «Чудскаго озера; другіе были отведены въ «плѣнъ. Теперь возстаете противъ насъ: «но мы готовы ополчиться съ Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите «въ плѣнъ женъ и дѣтей: вы не лучше по«ганыхъ.» Сіи укоризны относились вообще къ Новогородцамъ; однакожь народъ взялъ сторону Псковитянъ: рѣшительно объявилъ Князю, что не хочетъ воевать ни съ ними, ни безъ нихъ съ Орденомъ Нѣмецкимъ, и требовалъ, чтобы рать Переславская удалилась. Ярославъ велѣлъ полкамъ выступить, но въ досадѣ и гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новагорода, оставивъ тамъ юныхъ сыновей, Ѳеодора и Александра, подъ надзираніемъ двухъ Вельможъ (321). Псковитяне торжествовали; отпустили Нѣмцевъ, Чудь, Латышей, уже призванныхъ ими для защиты, и выгнали изъ города друзей Ярославовыхъ, сказавъ имъ: «подите къ своему Князю; вы намъ «не братья.» Тогдашній союзъ Россіянъ съ Ливонскимъ Орденомъ и дружелюбныя ихъ сношенія съ Посломъ Гонорія III въ Ригѣ, Епископомъ Моденскимъ, столь обрадовали Папу, что онъ въ 1227 году написалъ весьма благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ

Сношенія съ Папою.

Князьямъ, обѣщая имъ миръ и благоденствіе въ объятіяхъ Латинской Церкви, и желая видѣть ихъ Пословъ въ Римѣ. «Ваши «заблужденія въ Вѣрѣ (говорилъ онъ) раз«дражаютъ Небо и причиною всѣхъ золъ «въ Россіи: бойтесь еще ужаснѣйшихъ, «если не обратитесь къ истинѣ. Увѣщаемъ «и молимъ, чтобы вы письменно изъявили «на то добрую волю чрезъ надежныхъ По«словъ, а между тѣмъ жили мирно съ Хри«стіанами Ливонскими» (322).

Бѣдствія Новогородцевъ. Съ сего времени Новгородъ былъ нѣсколько лѣтъ жертвою естественныхъ и гражданскихъ бѣдствій. Отъ половины Августа до самаго Декабря мѣсяца густая тьма покрывала небо и шли дожди безпрестанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ полѣ; житницы стояли пустыя. Народъ, желая кого нибудь обвинить въ семъ несчастіи, возсталъ противъ (323) новаго Владыки Новогородскаго, Арсенія (ибо Антоній, слабый здоровьемъ, лишился языка и добровольно заключился въ монастырѣ Хутынскомъ). «Богъ наказываетъ насъ за коварство Арсенія,» говорили безразсудные: «онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынскую «Обитель, и несправедливо присвоилъ себѣ «его санъ, подкупивъ Князя.» Добрый, смиренный Пастырь молился денно и нощно о благѣ сограждань; но дожди не преставали, и народъ, послѣ шумнаго Вѣча,

извлекъ Архіепископа изъ дому, гналъ, толкалъ, едва не умертвилъ его какъ преступника. Арсеній искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, наконецъ въ монастырѣ Хутынскомъ, откуда нѣмый Антоній долженъ былъ возвратиться въ домъ Святителей. Новогородцы дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ (324), и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили домъ Тысячскаго, Стольниковъ Архіерейскаго и Софійскаго, хотѣли повѣсить одного Старосту, и кричали, что сіи люди наводятъ Князя на зло. Избравъ новаго Тысячскаго, Вѣче послало сказать Ярославу, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ налогъ церковный, запретилъ Княжескимъ судьямъ ѣздить по области, и наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ сообразно съ уставомъ Новогородской вольности. «Или» — говорили ему Послы Вѣча — «наши связи съ тобою на«вѣки разрываются.» Еще Князь не далъ отвѣта, когда юные сыновья его, Θеодоръ и Александръ, устрашенные мятежемъ Новогородскимъ, тайно уѣхали къ отцу съ своими Вельможами. «Одни виновные мо«гутъ быть робкими бѣглецами» (сказали Новогородцы): «не жалѣемъ объ нихъ. Мы «не сдѣлали зла ни дѣтямъ, ни отцу, каз«нивъ своихъ братьевъ. Небо отмститъ

Льготныя грамоты Вел. Ярослава.

«вѣроломнымъ; а мы найдемъ себѣ Князя. «Богъ по насъ: кого устрашимся?» Они клялися другъ другу быть единодушными, и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго; но Послы ихъ были задержаны на дорогѣ Княземъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ.

Происшествія въ южной Россіи. Доселѣ, описавъ несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествіяхъ сѣверной Россіи: обратимъ взоръ на полуденную. Михаилъ, возвратясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ, нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскомъ, и требовалъ помощи отъ Георгія, своего зятя, который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастію, тамъ былъ Кіевскій Митрополитъ Кириллъ, родомъ Грекъ, присланный Константинопольскимъ Патріархомъ изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, отвратилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племянника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ Удѣлъ Великаго Княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрезъ годъ брату Святославу (325. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ потомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ

главу и посредника. Сей Герой, долго называемый *Удатнымъ* или счастливымъ, провелъ остатокъ жизни въ безпокойствахъ и въ раскаяніи. Обманутый злобными внушеніями Александра Бельзскаго, онъ возненавидѣлъ-было добраго зятя своего, мужественнаго Даніила, союзника Поляковъ, и хотѣлъ отнять у него владѣніе; узнавъ же клевету Александрову, спѣшилъ примириться съ Даніиломъ, и, вопреки совѣту другихъ Князей, оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ Галицкихъ и ссора съ Королемъ Венгерскимъ были для него также весьма чувствительнымъ огорченіемъ. Одинъ изъ Вельможъ, именемъ Жирославъ, увѣрилъ первыхъ, что Князь намѣренъ ихъ, какъ враговъ, предать на избіеніе Хану Половецкому, Котяну: они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли быть возвращены Духовникомъ Княжескимъ, посланнымъ доказать имъ неизмѣнное праводушіе, милосердіе Государя, который велѣлъ обличенному во лжи, безстыдному Жирославу, только удалиться, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Столь же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздорѣ съ Венграми. Нареченный его зять, юный сынъ Короля Андрея, послушавъ коварныхъ наушниковъ, уѣхалъ изъ Перемышля къ отцу съ жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущаго тестя. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль, Звенигородъ, Теребовль, Тихомль, и послалъ войско осадить Галичь, боясь

самъ итти къ оному: ибо волхвы Венгерскіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Воевода Сендомирскій находился съ Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться; но Даніилъ, вѣрный тестю, убѣжденіями и хитростію удалилъ Поляковъ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ, и Король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, если бы Вельможа Галицкій, Судиславъ, вопреки Даніилову мнѣнію не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ, что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за Королевича, но и возвелъ зятя на тронъ Галицкій, оставивъ себѣ одно *Понизье*, или юго-восточную область сего Княженія. Случай безпримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ Бояръ, но въ противность желанію народа, не любившаго Венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе, что сей юный Князь изъявлялъ отмѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. «Льстецы обманули меня,» говорилъ Мстиславъ Боярамъ Даніиловымъ: «но «если угодно Богу, то мы поправимъ сію ошиб-

«ку. Я соберу Половцевъ, а сынъ мой, вашъ «Князь, свою дружину: изгоню Венгровъ, отдамъ «ему Галичь, а самъ останусь въ Понизьѣ.» Онъ не успѣлъ сдѣлать того, занемогъ и нетерпѣливо желалъ видѣть Даніила, чтобы поручить ему свое семейство; но козиями Вельможъ лишенный и сего утѣшенія, преставился въ Торческѣ Схимникомъ, подобно отцу заслуживъ имя *Храбраго* ([326]), даже Великаго, впрочемъ слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ Бояръ и виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ Моголовъ. Смертію его воспользовался Королевичь Венгерскій, Андрей, немедленно завладѣвъ Понизьемъ, какъ Удѣломъ Галицкимъ: Князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими посредника, возобновили междоусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даніила наслѣдникомъ городовъ своихъ: Пересопницы, Черторижска и Луцка (гдѣ прежде княжилъ Ингварь, братъ Нѣмаго); но Ярославъ, сынъ Ингваревъ, насильственно занялъ Луцкъ, а Князь Пинскій Черторижскъ. Сіе случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даніилъ съ согласія тестя доставилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ, почти одного и безоружнаго; далъ ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: «плѣнимъ его не здѣсь, а въ столицѣ.» Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даніилѣ и получилъ отъ него въ

Удѣлъ Перемиль съ Межибожьемъ. Взявъ Черторижскъ, Даніилъ плѣнилъ сыновей Князя Пинскаго, Ростислава, который, будучи союзникомъ Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даніилъ по кончинѣ Мстислава Храбраго не присвоилъ себѣ власти надъ другими Князьями. Владиміръ Рюриковичь вздумалъ мстить сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою постригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно Митрополитъ старался прекратить сію вражду. «Такія дѣла не забываются,» говорилъ Владиміръ, и собралъ многочисленное войско. Ханъ Половецкій, Котянъ, Михаилъ Черниговскій, Князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружественную связь съ Андреемъ, Королевичемъ Венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ, и долженствовали сами просить мира: ибо Даніилъ склонилъ Котяна на свою сторону, призвалъ Ляховъ, и съ Воеводою Сендомирскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи Пословъ Новогородскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ
г. 1229. со всѣхъ сторонъ безопаснымъ, онъ немедленно поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ

принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани, а другимъ велѣлъ платить легкій оброкъ, уставленный древними Князьями ([327]). Народъ, какъ бы изъ великодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покоѣ — то есть, не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сію пеню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился Княжескій дворецъ, и гдѣ многіе люди держали сторону Ярослава.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ Новогородцамъ избрать инаго Святителя на мѣсто Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять Епархіею. Одни хотѣли имѣть Владыкою Епископа Волынскаго, Іоасафа; другіе Монаха и Діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые Грека. Судьба рѣшила выборъ: положили три жеребья на олтарь Св. Софіи; младенецъ, сынъ Михаиловъ, снялъ два: третій остался Спиридоновъ. Такимъ образомъ Діаконъ сдѣлался Главою Новогородскаго Духовенства и попечителемъ Республики ([328]): ибо Архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея. — Михаилъ поѣхалъ въ Черни-

говъ, оставивъ въ Новѣгородѣ юнаго сына, Ростислава, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. «Дай Богъ» — сказалъ онъ гражданамъ — «чтобы вы съ «честію возвратили мнѣ сына, и чтобы я «могъ быть для васъ посредникомъ истины «и правосудія.» Между тѣмъ Ярославъ овладѣлъ Волокомъ Ламскимъ, и задержалъ у себя Пословъ Михаиловыхъ, которые жаловались на сію несправедливость. Отвергнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Ярославъ ждалъ случая еще болѣе утѣснить Новогородцевъ. Сей Князь въ то же время поссорился и съ братомъ своимъ Георгіемъ; тайными внушеніями удалилъ отъ него племянниковъ, сыновей Константиновыхъ, и замышлялъ войну междоусобную; но Георгій старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съѣхались наконецъ въ Суздалѣ, гдѣ Великій Князь говорилъ столь благоразумно, столь убѣдительно, что Ярославъ склонился къ искреннему миру, обнялъ брата, и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его своимъ отцемъ и Государемъ (329).

Новогородцы, озабоченные набѣгомъ Литовцевъ въ окрестностяхъ Селигерскаго
г. 1230. озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили непріятелей въ полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло въ стѣ-

нахъ своихъ. Предтечею его было землетрясеніе, общее во всей Россіи, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ что каменныя церкви разсѣдались. Ударъ почувствовали въ самую обѣдню, когда Владиміръ Рюриковичь Кіевскій, Бояре и Митрополитъ праздновали въ Лаврѣ память Св. Ѳеодосія; трапезница, гдѣ уже стояло кушанье для Монаховъ и гостей, поколебалась на своемъ основаніи: кирпичи падали сверху на столъ. Чрезъ десять дней необыкновенное затмѣніе солнца и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, также устрашили народъ, особенно въ Кіевѣ, гдѣ суевѣрные люди ждали конца своего, стенали на улицахъ и прощались другъ съ другомъ (330). Маія 3. Землетрясеніе. Маія 14. Затмѣніе солнца.

Михаилъ, какъ бы желая ободрить Новогородцевъ, подобно другимъ изумленныхъ сими явленіями, пріѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней, совершилъ обрядъ торжественныхъ *постригъ* надъ юнымъ Ростиславомъ, и возвратился въ Черниговъ (331). Посадникомъ Новогородскимъ былъ тогда Водовикъ, человѣкъ свирѣпаго нрава, мстительный, злобный. Вражда его съ сыномъ знаменитаго Твердислава, чиновника гордаго, друга буйной вольности, а послѣ смиреннаго инока Аркадьевской Обители, произвела междоусобіе въ городѣ. Народъ волновался, шумѣлъ на Вѣчахъ: то Посад- Мятежъ въ Новѣгородѣ.

никъ, то неиріятели его одерживали верхъ; дрались, жгли домы, грабили. Свирѣпый Водовикъ собственною рукою убилъ наконецъ одного изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Волховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Ярославу. «Небо» — говоритъ Лѣтописецъ — «оскорбленное сими беззаконіями, отъ коихъ Ангелы съ печалію «закрываютъ лица свои крылами, наказало «мое отечество.» Жестокій морозъ 14 Сентября побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная ([332]): за четверть ржи платили въ Новѣгородѣ пять гривенъ или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубли, 65 копеекъ. Хотя жители славились богатствомъ; но сія неумѣренная дороговизна истощила всѣ средства пропитанія для города. Открылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый Архіепископъ, какъ истинный другъ отечества, не имѣя способовъ прекратить зло, старался по крайней мѣрѣ уменьшить дѣйствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ построилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ Станила, для скораго погребенія мертвыхъ, чтобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Станилъ съ утра до вечера вывозилъ трупы, и въ короткое время схоронилъ ихъ 3030. Съ нетерпѣніемъ ожидали Князя: ибо онъ

Голодъ и моръ.

далъ слово возвратиться къ нимъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и выступить въ поле для защиты ихъ областей; но Михаилъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, готовымъ объявить ему войну за Новгородъ. Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и Посолъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго пріѣхали къ Великому Князю Георгію, моля его, для общей пользы Государства, быть миротворцемъ. Ярославъ упрекалъ Черниговскаго Князя *вѣроломствомъ*. «Коварныя его внушенія» — говорилъ онъ — «возбудили противъ меня Новогород-«цевъ.» Однакожь Митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и Послы возвратились съ мирною грамотою (333).

Узнавъ о томъ, Новогородцы велѣли сказать юному Михаилову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ Посадникомъ Водовикомъ, что отецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ Главою; чтобы Ростиславъ удалился, и что они найдутъ себѣ инаго Князя. Народъ избралъ новаго Посадника и Тысячскаго, разграбилъ домы и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго корыстолюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а Новогородцы призвали Ярослава, который далъ имъ на Вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Пе-

реславль Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Θеодора и Александра (334).

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами (335). Бѣдные ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ, и самые трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ: но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали домы гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ, и грабили оные; а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствіе. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, которыхъ было сочтено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенныхъ тѣлъ и самыхъ живыхъ оставленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слыхать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. «Не было «жалости въ людяхъ,» говоритъ Лѣтописецъ: «казалось, что ни отецъ сына, ни «мать дочери не любитъ. Сосѣдъ сосѣду не «хотѣлъ уломить хлѣба!» Кто могъ, бѣжалъ въ иныя области; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячь людей.

Новогородцы весною испытали еще иное бѣдствіе: весь богатый Конецъ Славянскій обратился въ пепелъ; спасаясь отъ пламени, многіе жители утонули въ Волховѣ; самая рѣка не могла служить преградою для огня. «Новгородъ уже кончался,» по словамъ лѣтописи (336) . . . Но великодушная дружба иноземныхъ купцевъ отвратила сію погибель. Свѣдавъ о бѣдствіи Новогородцевъ, Нѣмцы изъ за-моря спѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ, и думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о корысти, остановили голодъ; скоро исчезли ужасные слѣды его, и народъ изъявилъ живѣйшую благодарность за такую услугу. г. 1231. Услуга Нѣмцевъ.

Михаилъ Черниговскій, не смотря на заключенный миръ въ Владимірѣ, дружелюбно принималъ Новогородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ покровительство. Самъ Великій Князь Георгій оскорбился симъ криводушіемъ и выступилъ съ войскомъ къ сѣвернымъ предѣламъ Черниговскимъ: онъ возвратился съ дороги; но Ярославъ, предводительствуя Новогородцами, и сыновья Константиновы выжгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской Губерніи), осаждали Мосальскъ и сдѣлали много зла окрестнымъ жителямъ (337). Такимъ образомъ древняя семейственная вражда возобновилась. Бѣглецы увѣряли, что Ярославъ ненавидимъ большею частію ихъ Криводушіе Михаила.

согражданъ, готовыхъ взять сторону Ольговичей: для того Князь Трубчевскій Святославъ, родственникъ Михаиловъ, отправился въ Новгородъ съ дружественными предложеніями; но свѣдалъ противное, и съ великимъ стыдомъ уѣхалъ назадъ. Послѣднею надеждою Новогородскихъ изгнанниковъ оставался Псковъ, гдѣ они дѣйствительно были приняты какъ братья. Тамъ находился сановникъ Ярославовъ (338): они заключили его въ цѣпи, и пылая злобою, желали кровопролитія. Граждане стояли за нихъ усильно, однакожь не долго. Ярославъ, самъ прибывъ въ Новгородъ, не пускалъ къ нимъ купцевъ, ни товаровъ. Нуждаясь во многихъ вещахъ — платя за берковецъ соли около 10 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ — Псковитяне смирились. Ярославъ не хотѣлъ дать имъ въ Намѣстники сына, юнаго Князя Ѳеодора, а далъ шурина своего, Георгія (339), котораго они приняли съ радостію, выгнавъ бѣглецовъ Новогородскихъ.

Г. 1232.

Сіи мятежные изгнанники ушли въ Медвѣжью Голову или Оденпе, къ сыну бывшаго Князя Псковскаго Владиміра, именемъ Ярославу (340), и съ помощію Ливонскихъ Рыцарей взяли Изборскъ: но Псковитяне схватили ихъ всѣхъ и выдали Князю Новогородскому. Въ числѣ плѣнниковъ находился и Ярославъ Владиміровичь: подобно

Г. 1233.

отцу то врагъ, то союзникъ Нѣмцевъ, онъ считалъ Псковъ своимъ наслѣдіемъ, и хотѣвъ завоевать его съ бѣглецами Новогородскими, былъ вмѣстѣ съ ними заточенъ въ Переславль Суздальскій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ супруга его, жившая въ Одение, приняла смерть мученицы отъ руки злобнаго пасынка, и погребенная въ монастырѣ Псковскомъ Св. Іоанна, славилась въ России памятію своихъ добродѣтелей и чудесами (341). Святая Евпраксія.

Присутствіе Ярослава Всеволодовича было нужно для Новогородцевъ; но пораженный внезапною кончиною старшаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Θеодоръ, цвѣтущій красотою, готовился къ счастливому браку; невѣста пріѣхала; Князья и Вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ (342). Народъ изъявилъ искреннее участіе въ скорби нѣжнаго отца; а Князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечь для защиты Новогородцевъ, и привелъ къ нимъ свои полки многочисленные.

Ливонскіе Рыцари, приставъ къ Россійскимъ мятежникамъ и захвативъ близъ Одение одного чиновника Новогородскаго (343), дали поводъ Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы, требуя мира, заключили его на условіяхъ г. 1234. Война съ Нѣмцами и съ Литвою.

выгодныхъ для Россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть Литовцевъ, которые едва было не взяли Русы, опустошивъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торопецкомъ Княженіи; загналъ въ густые лѣса; взялъ въ добычу триста коней, множество оружія и щитовъ. Сей народъ безпрестанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ, и хотѣлъ пріобрѣтать оные не мѣною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ Князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за Литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ратію Ливонскихъ Рыцарей; самъ Великій Магистръ, старецъ Вольквинъ, положилъ голову въ битвѣ, вмѣстѣ со многими витязями Нѣмецкими и Псковитянами, бывшими въ ихъ войскѣ (344).

Бѣдствіе Смоленска.

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ Князя Мстислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двоюродному его

брату, Святославу Мстиславичу, внуку Романову ([345]). Предводительствуя Полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году), и безъ жалости лилъ кровь гражданъ.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преставали. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Даніилъ мужественный. Потерявъ союзника въ Лешкѣ Бѣломъ, злодѣйски убитомъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Лешка, Герцогъ Владиславъ, сынъ Оттоновъ ([346]). Сей городъ, окруженный лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, не смотря на усильные приступы, въ коихъ Россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности, нежели Конрадовы Ляхи; но граждане хотѣли мира. Здѣсь Лѣтописецъ разсказываетъ случай довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Даніилову. Конрадъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего Князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сендомирскій Воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости; а Даніилъ въ простой одеждѣ, и закрывъ шлемомъ лице свое, сталъ за нимъ. Городскіе чиновники надѣялись ласковыми словами смягчить Посла. «Въ насъ «течетъ одна кровь,» сказали они: «нынѣ

Подвиги Даніиловы.

«служимъ брату Конрадову, а завтра будемъ «служить самому Конраду. Можетъ ли онъ «мстить намъ какъ измѣнникамъ или врагамъ, и «видѣть спокойно Ляховъ невольниками Рос-«сіянъ? Какая будетъ ему честь, если возметъ «сей городъ? Жестокій иноплеменникъ, Даніилъ, «присвоитъ ее себѣ одному.» Пакославъ отвѣт-ствовалъ: «Мой и вашъ Государь расположенъ «къ милости; но Князь Россійскій не хочетъ о «томъ слышать. Говорите съ нимъ сами: вотъ «онъ!» Даніилъ снялъ шлемъ, и видя изумленіе городскихъ чиновниковъ, которые столь неосторожно его злословили, засмѣялся отъ добраго сердца; успокоилъ ихъ, доставилъ имъ выгодный миръ и далъ клятву, что Россіяне, участвуя въ Польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ, съ условіемъ, чтобы и Ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ лѣтописи, что никто изъ нашихъ древнихъ Князей, кромѣ Святаго Владиміра, такъ далеко не заходилъ въ землю Польскую, какъ Даніилъ.

Возвратясь въ отечество, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую область, плѣнилъ Королевича Андрея, и помня старую дружбу его отца, дозволилъ ему ѣхать въ Венгрію вмѣстѣ съ Бояриномъ Судиславомъ, который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ металъ камнями въ сего мятежнаго Боярина, восклицая: «удались, злодѣй, навѣки!» Но Суди-

славъ, нечувствительный къ великодушію Даніилову, думалъ только о мести, и Король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына, Белу, снова завоевать Галичь. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для Венгровъ. *Хляби небесныя*, по словамъ лѣтописи, *отверзлись на нихъ* въ горахъ Карпатскихъ: отъ сильныхъ дождей ущелія наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ наконецъ Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же твердую рѣшительность тамошняго начальника; слыша, что Ляхи и Половцы идутъ съ Даніиломъ защитить городъ; приступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха, и страшась быть жертвою собственнаго упрямства, онъ спѣшилъ удалиться, гонимый Судьбою и войскомъ Даніиловымъ. Множество Венгровъ погибло въ Днѣстрѣ, который былъ отъ дождей въ разливѣ, такъ, что въ Галицкой землѣ осталась пословица: *Днѣстръ сыгралъ злую игру Уграмъ*. Множество ихъ пало отъ меча Россіянъ или отдалося въ плѣнъ; другіе умирали отъ изнуренія силъ или отъ болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ Княженіемъ Галицкимъ было еще далеко отъ Даніила. Начались заговоры между Боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Даніила и Василька во дворцѣ или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился страннымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ

шутку обнажилъ мечь: заговорщики въ ужасѣ, думая, что ихъ намѣреніе открылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить Короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ Венгры были счастливѣе. Городъ Ярославъ сдался имъ отъ невѣрности тамошняго Воеводы. Они приступили ко Владиміру, гдѣ начальствовалъ Бояринъ, дотолѣ извѣстный мужествомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, Король, по словамъ Лѣтописца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ Нѣмецкой. Венгры не могли бы взять Владиміра; но Бояринъ Даніиловъ измѣнилъ правиламъ великодушія, оробѣлъ, и безъ воли Княжеской заключивъ миръ съ Королемъ, отдалъ Бельзъ и Червень союзнику его, Александру. Съ другой стороны Вельможи Галицкіе, не чувствительные къ рѣдкому милосердію Даніила, простившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его стана къ непріятелю и довершили торжество Венгровъ, которые заняли Галичь, гдѣ сынъ Андреевъ, утвержденный отцемъ на престолѣ, господствовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даніиловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только въ послѣдствіи вѣроломство двухъ недостойныхъ Князей Россійскихъ. Изяславъ Владиміровичь, внукъ Игоря

Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлался врагомъ Даніилу; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оставивъ Венгровъ, взялъ сторону своихъ братьевъ, чтобы снова измѣнить имъ. Наконецъ внезапная смерть Королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвратили Галичь Даніилу. Бояре не дерзнули противиться: главный изъ нихъ, извѣстный мятежникъ Судиславъ, спѣшилъ уѣхать за Карпатскія горы, а Князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженнаго имъ наказанія, и схваченный на пути Даніиловыми воинами, умеръ, какъ вѣроятно, въ неволѣ.

Даніилъ могъ еще опасаться Венгровъ; но бѣдствіе встрѣтилось ему тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ смиривъ хищныхъ Ятвяговъ и Литовцевъ, которые въ особенности тревожили тогда область Пинскую, сей дѣятельный Князь вмѣшался въ ссору зятя своего, Михаила Черниговскаго, съ Владиміромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая быть его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Даніилъ великодушно отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: «за благодѣянія вашего «отца.» Тщетно желавъ примирить враждующихъ, онъ взялъ нѣсколько городовъ Черниговскихъ, и заключивъ миръ съ двоюроднымъ братомъ Михаиловымъ, Мстиславомъ Глѣбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое Княженіе; но Владиміръ, слыша о нашествіи Половцевъ, ведомыхъ

къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умолилъ Даніила итти къ нимъ на встрѣчу. Когда жь они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалиться отъ битвы. «Нѣтъ!» сказалъ Даніилъ: «ты заставилъ меня «противъ воли съ дружиною утомленною искать «враговъ въ полѣ; теперь, видя ихъ передъ со- «бою, могу единственно или побѣдить или уме- «реть.» Хотя Даніилъ долго сражался какъ Герой, однакожь принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; а Половцы, усиленные Черниговцами, взявъ Кіевъ, плѣнили самого Князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Князья же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, тамъ обитавшихъ (347). Первый взялъ себѣ Кіевъ; вторый спѣшилъ вступить въ область Галицкую, и занялъ ея столицу, откуда горестный Даніилъ, свѣдавъ новые опасные умыслы тамошнихъ Бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время не стало Андрея, Короля Венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ, и Даніилъ, поручивъ брату Васильку оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что онъ тогда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержать за собою Галичь, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ Белина коронованія (348),

велъ его коня (что было тогда знакомъ подданства). Уничиженіе безполезное! Даніилъ возвратился къ брату съ одними льстивыми обѣщаніями. Политика Венгровъ не измѣнилась: Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, слѣдственно безсильнымъ Владѣтелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ Герцогомъ Польскимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича: хотя иногда одолѣвалъ непріятелей, и плѣнилъ такъ называемыхъ Князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой Удѣлъ на Бугѣ, не далеко отъ Бреста): однакожь не могъ изгнать Михаила, и наконецъ согласился на миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую. — Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непрестанныхъ сшибокъ съ Ятвягами, бодрый Даніилъ ратоборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ Орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній: отнялъ ихъ, и плѣнилъ Нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитить Герцога Австрійскаго, его союзника, утѣсненнаго Императоромъ Фридерикомъ: но возвратился изъ Венгріи, уваживъ совѣтъ Короля Белы не мѣшаться въ дѣла Имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмѣвалъ другихъ современныхъ Князей Россійскихъ.

Одинъ Ярославъ Всеволодовичь Новогородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая скоро обнаружится въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два Князя, связанные дружбою и новымъ свойствòмъ (ибо Василько Романовичь женился на Великой Княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михаиловъ, Изяславъ, недолго величался на тронѣ Кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичь изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но въ слѣдствіе переговоровъ Даніиловыхъ съ Великимъ
г. 1236. Княземъ Георгіемъ долженствовалъ уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древней столицѣ Россійской (349); а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ.

Великое Княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій отъ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ на Мордву, жечь села и хлѣбъ, плѣнять людей и брать скотъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ: но и тамъ рѣдко спасались отъ Россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ Отроки или молодые воины Ростовской и Переславской

Война съ Мордвою.

дружины были однажды жертвою ихъ мести и своей неосторожности (350). Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приступать къ Нижнему Новугороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска: другіе Князья Мордовскіе были *ротниками* или присяжными данниками Георгія, и многіе Россіяне селились въ ихъ землѣ, не смотря на то, что Болгары и Половцы тревожили оную. — Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шестилѣтняго несогласія (351): размѣнялись плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ, и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ сказываетъ, что ихъ *Труны*, или знатные люди, и чернь присягнули въ вѣрномъ исполненіи условій. Впрочемъ миръ не препятствовалъ симъ ревностнымъ Магометанцамъ изъявлять ненависть къ нашей Вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного Христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ такъ называемый Великій Градъ, и не хотѣвшаго поклониться Магомету. Купцы Россійскіе, бывъ свидѣтелями убійства, взяли тѣло сего Мученика, именемъ Аврамія, и съ честію отвезли въ Владиміръ, гдѣ Великій Князь, супруга его, дѣти, Епископъ, Духовенство, народъ встрѣтили оное со свѣщами и погребли въ монастырѣ Богоматери (352).

Миръ съ Болгарами.

Мученикъ Аврамій.

После несчастной Калкской битвы Рос-

сіяно лѣтъ шесть не слыхали о Татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно древнимъ Обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтѣ. Чингисханъ, совершенно покоривъ Тангутъ, возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь — славную для Исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества — въ 1227 году, объявивъ наслѣдникомъ своимъ Октая или Угадая, старшаго сына, и предписавъ ему давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ (353): важное правило, коему слѣдовали Римляне, желая повелѣвать вселенною! Довершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей Китайскихъ и разрушивъ Имперію Ніучей, Октай жилъ въ глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Китайскими художниками (354); но пылая славолюбіемъ и ревностію исполнить волю отца — коего прахъ, не далеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева — новый Ханъ далъ 300,000 воиновъ Батыю, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего отечества.

Смерть Чингисхана.

Его завѣщаніе.

Уже въ 1229 году какіе-то *Саксины* — вѣроятно, единоплеменные съ Киргизами — Половцы и стража Болгарская, отъ береговъ Яика гонимые Татарами или Моголами, прибѣжали въ Болгарію съ извѣстіемъ

Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ.

о нашествіи сихъ грозныхъ завоевателей (355). Еще Батый медлилъ; наконецъ, чрезъ три года, пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, не далеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратилъ въ пепелъ сію Болгарскую столицу, и велѣлъ умертвить жителей. Россіяне едва имѣли г. 1237. время узнать о томъ, когда Моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области, пославъ къ нашимъ Князьямъ какую-то *жену чародѣйку* и двухъ чиновниковъ (356). Владѣтели Рязанскіе — Юрій, братъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Пронскій и Муромскій — сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыево. Татары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. «Если желаете мира» — говорили Послы — «то десятая часть всего вашего достоянія «да будетъ наша.» Князья отвѣтствовали Отвѣтъ Князей. великодушно: «когда изъ насъ никого въ «живыхъ не останется, тогда все возмите,» и велѣли Посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а Князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко стать за отечество и Вѣру, просили отъ него помощи. Но Великій Князь, надменный своимъ могуществомъ, хотѣлъ одинъ управиться съ Татарами, и съ благородною гордостію

отвергнувъ ихъ требованіе, предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ.

Нѣкоторые Лѣтописцы новѣйшіе разсказываютъ слѣдующія обстоятельства. «Юрій «Рязанскій, оставленный Великимъ Княземъ, послалъ сына своего, Ѳеодора, съ «дарами къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ жены Ѳеодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ «видѣть ее; но сей юный Князь отвѣтствовалъ ему, что Христіане не показываютъ «женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый «велѣлъ умертвить его; а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о погибели любимаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, «Іоанномъ, бросилась изъ высокаго терема «на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось
Зоразъ. «*заразомъ* или убоемъ. Отецъ Ѳеодоровъ, «Юрій, имѣя войско малочисленное, отважился на битву въ полѣ, гдѣ легли всѣ «витязи Рязанскіе, вмѣстѣ съ Князьями «Пронскимъ, Коломенскимъ, Муромскимъ. «Только одного Князя, Олега Ингворовича «*Краснаго*, привели живаго къ Батыю, который, будучи удивленъ его красотою, «предлагалъ ему свою дружбу и Вѣру: «Олегъ съ презрѣніемъ отвергнулъ ту и «другую; исходилъ кровію отъ многихъ «ранъ, и не боялся угрозъ, ибо не страшился смерти (337).» — Въ лѣтописяхъ со-

временныхъ нѣтъ о томъ ни слова: послѣдуемъ ихъ достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ сей Князь затворился. Татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ отъ усталости. Въ шестый день, Декабря 21, по утру, изготовивъ лѣстницы, Татары начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его [358], Бояре, народъ, были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ, или связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ Монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли Іереевъ или кровію ихъ обагряли олтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ исчезъ вопль

Взятіе Рязани.

отчаянія: ибо уже некому было стенать и плакать (359). На семъ ужасномъ ѳеатрѣ опустошенія и смерти ликовали побѣдители, снося со всѣхъ сторонъ богатую добычу. — «Одинъ изъ Князей Рязанскихъ, Ингорь, по сказанію новѣйшихъ Лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ

Мужество Евпатія.

Бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей Бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ устремился въ слѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные Татары думали, что мертвецы Рязанскіе возстали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? *Слуги Князя Рязанскаго, полку Евпатіева*, отвѣтствовали сіи люди: *намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ Государя знаменитаго, и какъ Россіяне обыкновенно провожаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами и копьями.* Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе отдалися въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингорь возвратился въ область Рязанскую, которая представлялась

глазамъ его въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собравъ Іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло Князя Юрія, и привезъ его въ Рязань; а надъ гробами Θеодора Юрьевича, нѣжной его супруги Евпраксіи и сына поставилъ каменные кресты, на берегу рѣки Осетра, гдѣ стоитъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго [360].»

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную. Знаменитый Воевода его, Еремей Глѣбовичь, Князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей Татарскихъ [361]; а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву, плѣнилъ Владиміра, втораго сына Георгіева, умертвилъ тамошняго Воеводу,

Коломенская битва.

Сожженіе Москвы.

Филиппа Пяньку, и всѣхъ жителей. Великій Князь содрогнулся: увидѣлъ, сколь опасны сіи непріятели, и выѣхалъ изъ столицы, поручивъ ея защиту двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками, дѣтьми Константина, и съ малою дружиною; расположился станомъ на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско, и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ, особенно бодраго, умнаго Ярослава (362).

Г. 1238. Взятіе Владиміра. 2 Февраля Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и Воевода, Петръ Ослядюковичь, ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы, съ коннымъ отрядомъ подъѣхавъ къ Златымъ вратамъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріятели также, но кричали нашимъ: *не стрѣляйте!* и Россіяне съ горестію увидѣли предъ стѣною юнаго Владиміра Георгіевича, плѣненнаго въ Москвѣ Батыемъ. «Узнаете ли вашего Князя?» говорили Татары. Владиміра дѣйствительно трудно было узнать: столь онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ! Братья его и граждане не

могли удержаться отъ слезъ; однакожь не хотѣли показывать слабости и слушать предложеній врага надменнаго. Татары удалились; объѣхали весь городъ и поставили шатры свои противъ Златыхъ вратъ, въ виду. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. «Умремъ» — говорили они дружинѣ — «но умремъ «съ честію и въ полѣ.» Опытный Воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу ([363]).

Батый немедленно отрядилъ часть войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ сопротивляться: взявъ его, Татары по своему обыкновенію истребили жителей, но кромѣ молодыхъ Иноковъ, Инокинь и церковниковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ ([364]). Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, Вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери, и требовали, чтобы Епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ Схиму или въ Великій Образъ Ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые Россіяне простились съ міромъ, съ жизнію, но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасе-

нія Россіи, да не погибнетъ навѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье Мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: Татары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ: а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество Бояръ и народа затворились въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда Епископъ, сказавъ громогласно: «Господи! простри невидимую руку Свою и пріими въ «мирѣ души рабовъ Твоихъ,» благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо Татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами Княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ; и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, Татары раздѣлились:

одни пошли къ Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ Февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ Великаго Княженія — Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ — то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы, и будучи усерднымъ Христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ Воеводство Дружины Боярину Ярославу Михалковичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовый отрядъ его, составленный изъ 3000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ ([365]). Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Опустошеніе многихъ городовъ.

Марта 4. Битва на Сити.

Сей достойный сынъ Константиновъ

гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ рукп враговъ. «Будь нашимъ «другомъ и воюй подъ знаменами великаго «Батыя!» говорили ему Татары. «Лютые «кровопійцы, враги моего отечества и Христа, не могутъ быть мнѣ друзьями,» отвѣтствовалъ Василько: «о темное царство! «есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній (366).» Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный Князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. — Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. — Между тѣмъ Ростовскій Епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть мѣсто несчастной для Россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по Княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные остатки знаменитаго Князя и положилъ въ Ростовскомъ храмѣ Богоматери. Туда же привезли и тѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго Священника: вдовствующая Княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, Епископъ и народъ встрѣтили оное со слезами. Сей Князь

Герой Василько.

былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хвалятъ его красоту цвѣтущую, взоръ свѣтлый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодѣтельность, умъ, знанія, добродушіе и кротость въ обхожденіи съ Боярами. «Кто служилъ «ему,» говорятъ они: «кто ѣлъ хлѣбъ его «и пилъ съ нимъ чашу, тотъ уже не могъ «быть слугою иного Князя.» Тѣло Василька заключили въ одной ракѣ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее отысканную послѣ голову Великаго Князя.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новугороду, и взявъ Волокъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославовъ), осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что Новогородцы усердною помощію спасутъ ихъ. Но въ сіе несчастное время всякой думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, Бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татары взяли наконецъ Торжекъ и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться [367]. Войско Батыя шло далѣе путемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ Лѣтописцевъ, падали на землю какъ трава скошенная. Уже Батый находился во 100 верстахъ отъ Новагорода,

5 Марта.

Спасеніе Но-

вагорода. гдѣ плоды цвѣтущей, долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ — испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края — къ радостному изумленію тамошнихъ жителей обратился назадъ къ Козельску (въ Губерніи Калужской). Сей городъ, весьма незнаменитый, имѣлъ тогда особеннаго Князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени Князей Черниговскихъ (308). Дружина его и народъ совѣтовались между собою, что дѣлать. «Нашъ Князь младе-«нецъ,» говорили они: «но мы, какъ вѣр-«ные Россіяне, должны за него умереть, «чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую «славу, а за гробомъ принять вѣнецъ без-

Осада Козельска. «смертія.» Сказали и сдѣлали. Татары семь недѣль стояли подъ крѣпостію и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами, и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многія стѣнобитныя орудія Татарскія, и положивъ 4000 непріятелей, сами легли на ихъ трупахъ. Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Козельскъ *Злымъ* городомъ: имя славное въ такомъ смыслѣ! Юный Князь Василій пропалъ безъ вѣсти: говорили, что онъ *утонулъ въ крови*.

Батый, какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю Половецкую, къ Дону, и братъ Георгіевъ, Ярославъ — въ надеждѣ, что буря миновалась — спѣшилъ изъ Кіева (369) въ Владиміръ принять достоинство Великаго Князя. Отшествіе Батыево.

КОНЕЦЪ III ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ III.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Г. 1169—1174.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

Г. 1174—1176.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III ГЕОРГІЕВИЧЬ.

Г. 1176—1212.

ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Г. 1212—1216.

Стр.

ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ И СУЗДАЛЬСКІЙ.

Г. 1216—1219.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Г. 1219—1224.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ СЪ XI ДО XIII ВѢКА.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1224—1238.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

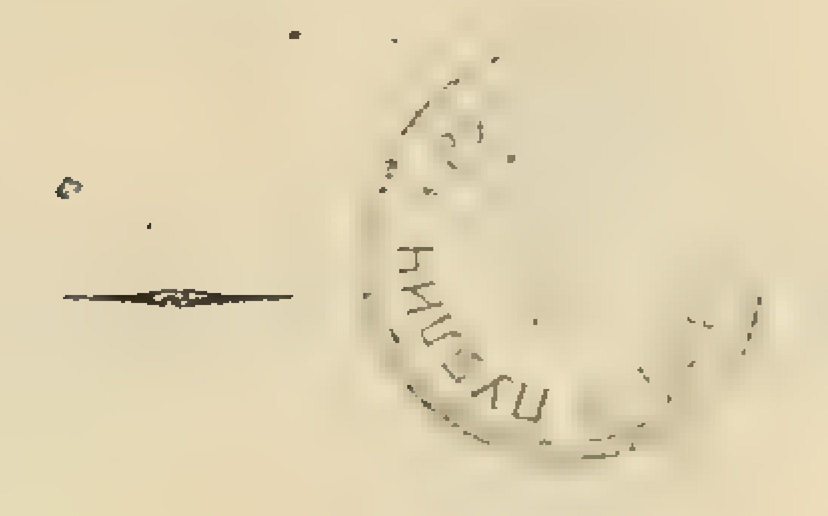
ТОМЪ IV.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ГЛАВА I.

Великій Князь Ярославъ II Всеволодовичъ.

Г. 1238—1247.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ честимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій.

Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Въ такихъ обстоятельствахъ Государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть; но сей Князь Бодрость Ярослава.

хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣстное опустошеніе не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить слѣды онаго. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить Государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живыхъ предметы; ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими, и пріобрѣталъ любовь общую правосудіемъ (1). Возстановивъ тишину и благоустройство, Великій Князь отдалъ Суздаль брату Святославу, а Стародубъ Іоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человѣческаго сердца, забылъ свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ Небо за спасеніе еще многихъ Князей своихъ; не зналъ, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости — и слезами искренняго умиленія оросилъ гробъ Георгіевъ, перевезенный
г. 1239. изъ Ростова въ Владиміръ. Георгій въ безразсудной надменности допустилъ Татаръ

до столицы, не взявъ никакихъ мѣръ для защиты Государства; но онъ имѣлъ добродѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, питалъ бѣдныхъ, дарилъ Монаховъ—и граждане благословили его память. Свойства Георгія.

Ко славѣ Государя попечительнаго о благѣ народномъ Великій Князь присоединилъ и славу счастливаго воинскаго подвига. Литовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Ярославъ, разбивъ ихъ, плѣнилъ Князя Литовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на тамошнемъ престолѣ Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившаго прежде въ Новѣгородѣ (2). Освобожденіе Смоленска.

Между тѣмъ Князья южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно, и думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сію столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, который, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даніиловымъ Перемышлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Даніилъ воспользовался отсутствіемъ Ростислава, ходившаго со всѣми Боярами на Литву; нечаянно обступилъ Галичь; подъѣхалъ къ стѣнамъ, и видя на нихъ множество стоящаго народа, сказалъ: «Граждане! до- Междоусобія.

«колѣ вамъ терпѣть державу Князей иноплеменныхъ? не я ли вашъ Государь законный, нѣкогда вами любимый?» Всѣ отвѣтствовали единодушнымъ восклицаніемъ: «ты, ты нашъ отецъ, «Богомъ данный! иди: мы твои!» Воевода Ростислава и Галицкій Епископъ Артемій хотѣли удержать народъ, но не могли, и должны были встрѣтить Даніила, скрывая внутреннюю досаду подъ личиною притворнаго веселія. Никогда въ семъ городѣ, славномъ мятежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища столь умилительнаго: граждане, по выраженію Лѣтописца, *стремились* къ Даніилу *какъ пчелы къ маткѣ, или какъ жаждущіе къ источнику водному*, поздравляя другъ друга съ Княземъ любимымъ. Даніилъ принесъ благодарность Всевышнему въ Соборной церкви Богоматери, поставилъ свою хоругвь на Нѣмецкихъ воротахъ, и восхищенный знаками народнаго усердія, говорилъ, что никто уже не отниметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, будучи женихомъ Королевны, Белиной дочери; а Бояре Галицкіе упали къ ногамъ Даніиловымъ. Рѣдкое милосердіе сего Князя не истощилось ихъ злодѣяніями; онъ сказалъ только: «исправтесь!» и надѣялся великодушіемъ обезоружить мятежниковъ (3). Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но тишина, возстановленная Даніиломъ въ сихъ утомленныхъ междоусобіями странахъ, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для

того, чтобы овладѣть землею Половцевъ. Знаменитѣйшій изъ ихъ Хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава Галицкаго, былъ еще живъ, и мужественно противился Татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ Астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ Король, принявъ его въ подданство съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для селенія (4). Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границахъ Россіи; завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій Владимірскому храму Богоматери. Тогда жители Великаго Княженія снова обезпамятѣли отъ ужаса; оставляя домы свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто, и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяславль, Татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, заслужила ихъ особенное вниманіе: они сравняли ее съ землею, убивъ Епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ, славный мужествомъ гражданъ во времена нашихъ междоусобій. Сіи добрые Россіяне не измѣнили своей прежней славѣ и дали отпоръ сильный. Князь Мстиславъ Глѣбовичь, двоюродный братъ Михаиловъ, предводительствовалъ

Батый опустошаетъ южную Россію.

ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Одержавъ наконецъ побѣду, долго сомнительную, Татары сожгли Черниговъ; но хотѣли отдыха, и черезъ Глуховъ отступивъ къ Дону, дали свободу плѣненному ими Епископу Порфирію. Симъ знакомъ отличнаго милосердія они хотѣли, кажется, обезоружить наше Духовенство, ревностно возбуждавшее народъ къ сопротивленію. — Князь Мстиславъ Глѣбовичь спасъ жизнь свою и бѣжалъ въ Венгрію (5).

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ Днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской Имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо Арабскіе Историки и Географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ (6).
г. 1240. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра, и, по словамъ Лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на
Красота Кіева. крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ, — высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ Визан-

тійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился итти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, — пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ, свидѣтельствовали грозную силу Моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіевляне умертвили Пословъ Мангу-Хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе Князя: Михаилъ Всеволодовичь, предвидя месть Татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ (7). Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичь, хотѣлъ овладѣть престоломъ Кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ Моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочислен-

Великодушіе граждан.

ныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ Королю Венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ Вождя искуснаго и мужественнаго: Князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную Боярину Димитрію.

Осада и взятіе Кіева. Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телегъ, ревъ вельблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію Лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ (8).— Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми Воеводами Могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть Гаюкъ (сынъ Великаго Хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей Китайскихъ, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгаріи и Княженія Суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася

приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы «омрачили воздухъ; копья трещали и ломались;» мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервененіе не уступало силѣ; но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины Россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной, и ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожь не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и Вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное, и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, и что сія ограда есть уже последняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и при-

вели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ Воеводѣ Россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, *мать градовъ Россійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины (9); въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости Св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ Князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая.... Первое великолѣпное зданіе Греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго (10). — Лавра Печерская имѣла туже участь. Благочестивые Иноки и граждане, усердные къ свя-

тынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища, и снявъ *златокованный* крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими [11]. Если вѣрить Лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые Иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый — узнавъ, что Князья южной Россіи находятся въ Венгріи — пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ [12], и не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо Татары не знали правилъ чести, и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичь, внукъ Игоревъ, Татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города; но взяли Владиміръ, Галичь и множество иныхъ городовъ. Великодушный Воевода Кіевскій, Димитрій, находился съ Батыемъ, и сокру-

шаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое Государство Венгерское; что Король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на Моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный Воевода Россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: но крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ, и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи. Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа,

прибавляютъ: «Батый какъ лютый звѣрь пожи-«ралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. «Храбрѣйшіе Князья Россійскіе пали въ бит-«вахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрцыми и не «находили; славились прежде богатствомъ, и «всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, «предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями Та-«тарскими, а дѣвы о своей невинности: сколь «многія изъ нихъ, желая спасти оную, бросались «на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены «Боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшен-«ныя златыми монистами и одеждою шелко-«вою ([13]), всегда окруженныя толпою слугъ, «сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для «ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки «свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу не-«вѣрнымъ . . . Живые завидовали спокойствію «мертвыхъ.» Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою Имперіею отъ временъ Θеодосія Великаго до седь-маго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области ([14]). Варвары дѣй-ствуютъ по однимъ правиламъ, и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Напрасно новые Историки говорятъ о превос-ходствѣ Моголовъ въ ратномъ дѣлѣ ([15]): древніе Россіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ воюя или съ иноплеменниками или съ единоземцами, не

Причина успѣховъ Батыевыхъ.

уступали какъ въ мужествѣ, такъ и въ искусствѣ истреблять людей, ни одному изъ тогдашнихъ Европейскихъ народовъ. Но дружины Князей и города не хотѣли соединиться, дѣйствовали особенно, и весьма естественнымъ образомъ не могли устоять противъ полумилліона Батыева ([16]): ибо сей завоеватель безпрестанно умножалъ рать свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ. Еще Европа не вѣдала искусства огнестрѣльнаго, и неравенство въ числѣ воиновъ было тѣмъ рѣшительнѣе. Батый предводительствовалъ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ: въ Россіи жители сельскіе совсѣмъ не участвовали въ войнѣ, ибо плодами ихъ мирнаго трудолюбія питалось Государство и казна обогащалась. Земледѣльцы, не имѣя оружія, гибли отъ мечей Татарскихъ какъ беззащитныя жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать въ битвахъ одной славы и смерти, а не побѣды. Впрочемъ Моголы славились и храбростію, вселенною въ

Свойство и оружіе Моголовъ.

нихъ умомъ Чингисхана и сорокалѣтними побѣдами ([17]). Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волахъ свои кибитки и семейства, женъ, дѣтей, и вездѣ находили отечество, гдѣ могло пастися ихъ стало ([18]). Въ свободное отъ человѣкоубійствъ время занимались звѣриною ловлею: видя

же непріятеля, безчисленныя толпы сихъ варваровъ какъ волны стремились одна за другою, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить его, и пускали тучу стрѣлъ, но удалялись отъ ручной схватки, жалѣя своихъ людей, и стараясь убивать враговъ издали. Ханы и главные начальники не вступали въ бой: стоя назади, разными маяками давали повелѣнія, и не стыдились иногда общаго бѣгства; но смертію наказывали того, кто бѣжалъ одинъ и ранѣе другихъ. Стрѣлы Моголовъ были весьма остры и велики, сабли длинныя, копья съ крюками, щиты ивовые или сплетенные изъ прутьевъ (19).

Въ то время, какъ сіи губители свирѣпствовали въ южной Россіи, сея Князья находились въ Польшѣ. Король Венгерскій, видя Михаила изгнанникомъ, не хотѣлъ выдать дочери за его сына, и велѣлъ имъ удалиться. Даніилъ, готовый тогда ѣхать къ Белѣ IV, имѣлъ случай оказать свое великодушіе: убѣдилъ Великаго Князя, Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествія Батыева плѣненную имъ въ Каменцѣ; возвратилъ ее супругу, и забывъ вражду, обѣщалъ навсегда уступить ему Кіевъ, если благость Всевышняго избавитъ Россію отъ иноплеменниковъ; а Ростиславу отдалъ Луцкъ. Чтобы въ общей опасности дѣйствовать согласнѣе съ Белою, Даніилъ, прибывъ въ Венгрію, изъявилъ

Происшествія въ западной Россіи.

намѣреніе вступить съ нимъ въ свойство, и сына своего, юнаго Льва, женить на дочери Королевской; но спесивый Бела отвергнулъ сіе предложеніе, думая, что Батый не дерзнетъ итти за Карпатскія горы, и что несчастіе Россійскихъ Княженій есть счастіе для Венгріи: мысль ума слабаго, внушаемая обыкновенною взаимною завистію Державъ сосѣдственныхъ! Предсказавъ Королю гибельное слѣдствіе такой системы, Даніилъ спѣшилъ защитить свое Княженіе, но поздно: толпы бѣглецовъ извѣстили его о жалостной судьбѣ Кіева и другихъ нашихъ городовъ знаменитыхъ. Уже Татары стояли на границѣ. Даніилъ, окруженный малочисленною дружиною, искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой: тамъ нашелъ онъ супругу, дѣтей и брата, которые едва могли спастися отъ меча варваровъ; вмѣстѣ съ ними оплакалъ бѣдствіе отечества, и слыша о приближеніи Моголовъ, удалился въ Мазовію, гдѣ Болеславъ, сынъ Конрадовъ, далъ ему на время Вышегородъ, и гдѣ Даніилъ съ Василькомъ оставались до самаго того времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-западной Россіи. Получивъ сію утѣшительную вѣсть, они возвратились въ отечество; не могли отъ смрада въѣхать ни въ Брестъ, ни въ Владиміръ, наполненный трупами, и рѣшились жить въ Холмѣ, основанномъ Да-

Спесь Короля Венгерскаго.

ніиломъ близъ древняго Червена, и, къ счастію, уцѣлѣвшемъ отъ Могольскаго разоренія. Сей городокъ, населенный отчасти Нѣмцами, Ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалинъ всей окрестной страны казался тогда очаровательнымъ, имѣя веселые сады, насажденные рукою его основателя, новыя зданія и церкви, имъ украшенныя (въ особенности церковь Св. Іоанна, поставленную на четырехъ, искусно изваянныхъ головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ помостомъ и съ *Римскими* стеклами въ окнахъ). Какъ бы слѣдуя указанію Неба, столь чудесно защитившаго сіе пріятное мѣсто, Даніилъ назвалъ Холмъ своимъ любимымъ городомъ, и подобно Ярославу, Суздальскому Великому Князю, неутомимо старался воскресить жизнь и дѣятельность въ областяхъ юго-западной Россіи. Ему надлежало не только вызвать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались, но и сражаться съ буйностію легкомысленныхъ Бояръ, которые думали, что внукъ Чингисхановъ опустошилъ наше Государство для ихъ пользы, и что имъ настало время царствовать. Воевода Дрогичинскій не впустилъ Князя въ сей городъ, а Бояре Галицкіе хотя и называли Даніила своимъ Государемъ, однакожь самовольно повелѣвали областями, явно надъ нимъ смѣялись, присвоили себѣ доходы отъ соли Коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье такъ называемымъ Княжескимъ *Оружникамъ*, и тайно сносились съ Михаило-

вымъ сыномъ, Ростиславомъ. Долго бѣгавъ отъ Татаръ изъ земли въ землю, Михаилъ, ограбленный Нѣмцами близъ Сирадіи, возвратился въ Кіевъ, и жилъ на островѣ противъ развалинъ сей древней столицы, пославъ сына въ Черниговъ. Онъ уже не помнилъ благодѣяній шурина, и старался ему злодѣйствовать. Ростиславъ хотѣлъ овладѣть Бакотою въ Понизьѣ; былъ отраженъ Даніиловымъ Печатникомъ, но занялъ Галичь и Перемышль. Столь мало Князья Россійскіе научились благоразумію въ несчастіяхъ, съ безсмысленнымъ властолюбіемъ споря между собою о бѣдныхъ остаткахъ Государства растерзаннаго! Не смотря на измѣны Бояръ и двухъ Епископовъ, Галицкаго и Перемышльскаго, друзей Михаилова сына; не смотря на изнуреніе своего Княжества и малочисленность войска, большею частію истребленнаго Татарами, Даніилъ смирилъ мятежниковъ и непріятелей; изгналъ Ростислава изъ Галича и плѣнилъ его союзниковъ, Князей Болоховскихъ, прежде облаготворенныхъ имъ и Василькомъ. Достойно замѣчанія, что сіи Князья умѣли спасти ихъ землю отъ хищности Батыевой, обязавшись сѣять для Татаръ пшеницу и просо. — Въ то же время оскорбленный Поляками Даніилъ осаждалъ и взялъ бы Люблинъ, если бы жители не испросили у него мира. Возстановивъ свою Державу, онъ ждалъ съ безпокойствомъ, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще нѣкоторые отряды Моголовъ не выходили изъ Россіи,

довершая завоеваніе восточныхъ Удѣловъ Черниговскихъ, и Князь Мстиславъ, потомокъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, былъ умерщвленъ Татарами ([20]).

Одинъ Новгородъ остался цѣлъ и невредимъ, благословляя милость Небесную и счастіе своего юнаго Князя, Александра Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ; пріятный голосъ сего Князя *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ ([21]). Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла слава Александрова. Достигнувъ лѣтъ юности, онъ женился на дочери Полоцкаго Князя, Брячислава, и празднуя свадьбу, готовился къ дѣламъ ратнымъ; велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область отъ внезапныхъ нападеній Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что миръ въ сіи времена общихъ разбоевъ не могъ быть продолжителенъ. Слава Александра Невскаго.

Ливонскіе Рыцари, Финны и Шведы были непріятелями Новагорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для Россіянъ опаснѣе: ибо лишася Магистра своего, Вольквина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчастной битвѣ съ Литвою, присоединились къ славному Нѣмецкому Ордену

Св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ достопамятномъ братствѣ. Когда Государи Европейскіе, подвигнутые и славолюбіемъ и благочестіемъ, вели кровопролитныя войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе видѣть Святыя мѣста ежегодно влекло толпы людей изъ Европы въ Іерусалимъ: многіе Нѣмецкіе Витязи, находясь въ семъ городѣ, составили между собою братское общество, съ намѣреніемъ покровительствовать тамъ своихъ единоземцевъ, бѣдныхъ и недужныхъ, служить имъ деньгами и мечемъ, — наконецъ быть защитниками всѣхъ богомольцевъ и неутомимыми врагами Сарацыновъ. Сіе общество, въ 1191 году утвержденное Папскою Буллою, назвалося Орденомъ Св. Маріи Іерусалимской, и Рыцари его ознаменовали бѣлыя свои мантіи черным крестомъ, давъ торжественный обѣтъ цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Великій Магистръ говорилъ всякому новому сочлену: «Если вступаешь къ намъ «въ общество съ надеждою вести жизнь покой«ную и пріятную, то удалися, несчастный! ибо «мы требуемъ, чтобы ты отрекся отъ всѣхъ мір«скихъ удовольствій, отъ родственниковъ, дру«зей, и собственной воли: чтожь въ замѣну обѣ«щаемъ тебѣ? хлѣбъ, воду и смиренную одежду. «Но когда придутъ для насъ времена лучшія, то«гда Орденъ сдѣлаетъ тебя участникомъ всѣхъ «своихъ выгодъ.» Сіи лучшія времена настали: Орденъ Св. Маріи, переселясь въ Европу, былъ уже столь знаменитъ, что Великій Магистръ его,

Германъ Зальца, могъ судить Папу, Гонорія III, съ Императоромъ Фридерикомъ II [22]; завоевалъ Пруссію — ревностно обращая ея жителей въ Христіанство, то есть, огнемъ и мечемъ — принялъ Ливонскихъ Рыцарей подъ свою защиту, далъ имъ Магистра, одежду, правила Ордена Нѣмецкаго, и наконецъ слово, что ни Литовцы, ни Датчане, ни Россіяне уже не будутъ для нихъ опасны.

Въ сіе время былъ Магистромъ Ливонскимъ нѣкто Андрей Вельвенъ, мужъ опытный и добрый сподвижникъ Германа Зальцы [23]. Желая, можетъ быть, прекратить взаимныя неудовольствія Ливонскихъ Рыцарей и Новогородцевъ, онъ имѣлъ свиданіе съ юнымъ Александромъ: удивился его красотѣ, разуму, благородству, и возвратясь въ Ригу, говорилъ, по словамъ нашего Лѣтописца: «я прошелъ многія страны, «знаю свѣтъ, людей и Государей, но видѣлъ и «слушалъ Александра Новогородскаго съ изум«леніемъ.» Сей юный Князь скоро имѣлъ случай важнымъ подвигомъ возвеличить свою добрую славу.

Король Шведскій, досадуя на Россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву, къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ [24]. Сей Вождь опытный, дотолѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ надменно сказать Александру: «ратоборствуй со мною, если смѣешь; я стою

«уже въ землѣ твоей.» Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости Посламъ Шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принялъ благословеніе Архіепископа Спиридона, отеръ на прагѣ слезы умиленія сердечнаго, и вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицемъ сказалъ: «насъ не много, а врагъ силенъ; но Богъ «не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ Княземъ!» Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые Новогородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15 Іюля приближился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли Шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный Ижерянинъ, Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современный Лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные Новогородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ Христіанинъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся, и видитъ на морѣ легкую ладію, гребцовъ *одѣянныхъ мглою* и двухъ лучезарныхъ Витязей въ ризахъ червленныхъ. Сіи витязи совершенно походили на Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго

изъ нихъ: «поможемъ родственнику нашему «Александру!» По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ Князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ (25); но Александръ запретилъ ему говорить о томъ, и какъ молнія устремился на Шведовъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать на лице* Биргера. Витязь Россійскій, Гавріилъ Олексичь, гналъ Принца, его сына, до самой ладіи; упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ Воеводою Шведскимъ. Новогородецъ, Сбыславъ Якуновичь, съ однимъ топоромъ вломился въ средину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки ихъ или суда. Княжескій Ловчій, Яковъ Полочанинъ, предводительствуя горстію смѣлыхъ, ударилъ на цѣлый полкъ, и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратмиръ, вѣрный слуга Князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ: Отрокъ Александровъ, Савва, подсѣкъ его столпъ; шатеръ упалъ, и Россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки Шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму, и спѣшили удалиться. Главный Воевода ихъ, Спиридонъ, и

Епископъ, по разсказамъ плѣнниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ, и сія достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе *Невскаго*. Обстоятельства ея тѣмъ для насъ любопытнѣе, что Лѣтописецъ, служа сему Князю, слышалъ ихъ отъ него самого и другихъ очевидцевъ ([26]).

Рыцари Ливонскіе не помогали Шведамъ, однакожь старались вредить Новугороду. Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, въ 1233 году ([27]) сосланный въ область Суздальскую, получилъ свободу, жилъ тогда у Нѣмцевъ въ Эстоніи и питалъ ихъ ненависть къ Россіянамъ. Во Псковѣ были также нѣкоторые измѣнники — чиновникъ Твердило и другіе — склонявшіе Рыцарей овладѣть симъ городомъ. Обнадеженные ими въ вѣрномъ успѣхѣ, Нѣмцы собрали войско въ Оденпе, Дерптѣ, Феллинѣ ([28]), и съ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ взяли Изборскъ. Псковитяне сразились съ ними; но претерпѣвъ великій уронъ, и желая спасти городъ, зажженный непріятелемъ, должны были согласиться на миръ постыдный. Рыцари хотѣли аманатовъ: знатнѣйшіе люди представили имъ своихъ дѣтей, и гнусный измѣнникъ, Твердило, началъ господствовать во Псковѣ, дѣляся властію съ Нѣмцами, грабя села Новогородскія. Многіе добрые Псковитяне ушли съ семействами къ Александру и требовали его защиты. Къ несча-

стію, сей Князь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами: досадуя на ихъ неблагодарность, онъ уѣхалъ къ отцу въ Переславль Залѣсскій, съ матерію, супругою и всѣмъ Дворомъ (29).

Между тѣмъ Нѣмцы вступили въ область Новогородскую, обложили данію Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи Россійскій городокъ Тесовъ, и грабили нашихъ купцевъ верстъ за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защитника отъ Ярослава Всеволодовича, и признавалъ втораго сына его, Андрея, своимъ Княземъ; но зло не миновалось. Литва, Нѣмцы, Чудь, опустошали берега Луги, уводили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обработывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ Герою Невскому: Архіепископъ со многими Боярами отправился къ Александру, убѣждалъ, молилъ Князя, и склонилъ его забыть вину Новагорода.

Александръ прибылъ, и все перемѣнилось. Немедленно собралось войско: Новогородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы, весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ г. 1241.

Нѣмцевъ. Александръ освободилъ нѣкоторыхъ; но Вожане и Чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены (30).

Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась отъ власти предателя, Твердила, и чужеземцевъ. Александръ за-
г. 1242. воевалъ Псковъ, возвратилъ ему независимость, и прислалъ въ Новгородъ скованныхъ Нѣмцевъ и Чудь. Лѣтописецъ Ливонскій сказываетъ, что 70 мужественныхъ Рыцарей положили тамъ свои головы, и что Князь Новогородскій, плѣнивъ 6 чиновниковъ, велѣлъ умертвить ихъ (31). Побѣдитель вошелъ въ Ливонію, и когда воины наши разсѣялись для собранія съѣстныхъ припасовъ, непріятель разбилъ малочисленный передовый отрядъ Новогородскій. Тутъ Александръ оказалъ искусство благоразумнаго Военачальника: зная силу Нѣмцевъ, отступилъ назадъ, искалъ выгоднаго мѣста и сталъ на Чудскомъ озерѣ.
Апрѣля 5. Еще зима продолжалась тогда въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и войско могло безопасно дѣйствовать на твердомъ льду. Нѣмцы острою колонною врѣзались въ наши ряды; но мужественный Князь, ударивъ на непріятелей съ боку, замѣшалъ ихъ; сломилъ, истреблялъ Нѣмцевъ и гналъ Чудь до самаго темнаго вечера. 400 Рыцарей пали отъ нашихъ мечей; пятьдесятъ были взяты въ плѣнъ,

и въ томъ числѣ одинъ, который въ надменности своей хотѣлъ плѣнить самого Александра (32); тѣла Чуди лежали на семи верстахъ. Изумленный симъ бѣдствіемъ, Магистръ Ордена съ трепетомъ ожидалъ Александра подъ стѣнами Риги, и спѣшилъ отправить Посольство въ Данію, моля Короля спасти Рижскую Богоматерь отъ *невѣрныхъ*, жестокихъ Россіянъ; но храбрый Князь, довольный ужасомъ Нѣмцевъ, вложилъ мечь въ ножны и возвратился въ городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники, потупивъ глаза въ землю, шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками (33). Духовенство встрѣтило Героя со крестами и съ пѣснями священными, славя Бога и Александра; народъ стремился къ нему толпами, именуя его отцемъ и спасителемъ. Счастливый дѣломъ своимъ и радостію общею, сей добрый Князь пролилъ слезы, и съ чувствительностію сказалъ гражданамъ: «О Псковитяне! если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не «найдутъ у васъ вѣрнаго пристанища въ злополучіи: то вы будете примѣромъ неблагодарности!»—Новогородцы радовались не менѣе Псковитянъ, и скоро Послы Ордена заключили съ ними миръ, размѣнялись плѣнными, и возвратили Псковскихъ амапатовъ, отказавшись не только отъ Луги и Водской области, но уступивъ Александру и знатную часть Летгаліи (34).

г. 1243. 1245. Въ сіе время Литовцы разбили Ярослава *Владиміровича*, который, оставивъ Нѣмцевъ, съ изволенія Александрова начальствовалъ въ Торжкѣ (35). Соединясь съ Тверскою дружиною, Ярославъ гнался за хищниками до Торопца, гдѣ они считали себя уже въ безопасности, овладѣвъ крѣпостію; но Герой Невскій приспѣлъ, взялъ городъ, истребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на стѣнахъ, другихъ въ бѣгствѣ, и въ томъ числѣ 8 Князьковъ Литовскихъ. Совершивъ подвигъ, Александръ отпустилъ войско, ѣхалъ съ малочисленною дружиною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго новыми толпами непріятелей: ударилъ неустрашимо, разсѣялъ оныя, благополучно возвратился въ Новгородъ. — Однимъ словомъ, Александръ, въ нѣсколько дней, семь разъ побѣдилъ Литовцевъ; воины его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣнниковъ къ хвостамъ конскимъ.

Сіи частные успѣхи не могли премѣнить общей судьбы Россіянъ, уже данниковъ Татарскихъ. Батый, завоевавъ многія области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію, и приведши въ ужасъ Европу, вдругъ, къ общему удивленію, остановилъ бурное стремленіе Моголовъ и возвратился къ берегамъ Волги. Тамъ, именуясь Ханомъ,

Россія въ подданствѣ. утвердилъ онъ свое владычество надъ Рос-

сіею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всѣми отъ устья Дона до рѣки Дуная (36). Никто не дерзалъ ему противиться: народы, Государи старались смягчить его смиренными Посольствами и дарами. Батый звалъ къ себѣ Великаго Князя. Ослушаніе казалось Ярославу неблагоразуміемъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ: презирая собственную личную опасность, Великій Князь отправился со многими Боярами въ станъ Батыевъ, а сына своего, юнаго Константина, послалъ въ Татарію къ Великому Хану Октаю, который въ сіе время, празднуя блестящія завоеванія Моголовъ въ Китаѣ и въ Европѣ, угощалъ всѣхъ старѣйшинъ народа. Никогда, по сказанію Историка Татарскаго, міръ не видалъ праздника столь роскошнаго, ибо число гостей было несмѣтно. — Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ Главою всѣхъ Князей Россійскихъ (37), отдавъ ему Кіевъ (откуда Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ). Такъ Государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ. Поступокъ Ярослава служилъ примѣромъ для Удѣльныхъ Князей Суздальскихъ: Владиміръ Константиновичь, юный Борисъ Васильковичь, Василій Всеволодовичь (внукъ

Моголовъ.

Константиновъ) также *били челомъ* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвратился изъ Китайской Татаріи; а Великій Князь, вторично принужденный ѣхать въ Орду со всѣми родственниками, долженъ былъ самъ отправиться къ берегамъ Амура, гдѣ Моголы, по смерти Октая, занимались избраніемъ новаго Великаго Хана. Ярославъ простился навѣки съ любезнымъ отечествомъ: сквозь степи и пустыни достигнувъ до Ханскаго стана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ трономъ Октаева наслѣдника, оправдалъ
г. 1246. себя въ какихъ-то доносахъ, сдѣланныхъ на него Хану однимъ Россійскимъ Вельможею, и получивъ милостивое дозволеніе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пути [38].
Сентября 30. Кончина и свойства Ярослава. Такимъ образомъ сей Князь несчастный, бывъ свидѣтелемъ и жертвою народнаго уничиженія Россіи, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія сомкнуть глаза въ нѣдрахъ святаго отечества! Вѣрные Бояре привезли его тѣло въ столицу Владимірскую. Говорили, что онъ былъ отравленъ; что мать новаго Хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія предложивъ Ярославу пищу изъ собственныхъ рукъ дала ему ядъ, который въ седьмый день прекратилъ его жизнь, и ясно обнаружился пятнами на

тѣлѣ умершаго. Но Моголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли Князь Владимірской области казаться страшнымъ Монарху, повелѣвавшему народами отъ Амура до устья Дунайскаго?

Ярославъ, въ юности жестокій и непримиримый отъ честолюбія, украшался и важными достоинствами, какъ мы видѣли: благоразуміемъ дѣятельнымъ и бодростію въ государственныхъ несчастіяхъ, бывъ возобновителемъ разрушеннаго Великаго Княженія; гибкостію и превосходствомъ ума своего снискалъ почтеніе варваровъ, Батыя и Гаюка, но не заслужилъ *ревностной* похвалы нашихъ Лѣтописцевъ, ибо не раздавалъ имѣнія церквамъ и Монахамъ, отличаясь, можетъ быть, Вѣрою просвѣщенною, а не суесвятствомъ. — Супруга его, именемъ Ѳеодосія, оставленная имъ въ Новѣгородѣ, скончалась тамъ въ 1244 году; за малое время до смерти постриглась въ Георгіевскомъ монастырѣ и была схоронена въономъ подлѣ ея сына, Ѳеодора (39).

Россія, огорченная смертію Ярослава, почти въ то же время свѣдала ужасныя обстоятельства кончины Михаиловой (40). Узнавъ, что сынъ его, Ростиславъ, принятъ весьма дружелюбно въ Венгріи, и что Бела IV, въ исполненіе прежняго обязательства, наконецъ выдалъ за него дочь

Убіеніе Михаила.

свою, Михаилъ вторично поѣхалъ туда совѣтоваться съ Королемъ о средствахъ избавить себя отъ ига Татарскаго; но Бела изъявилъ къ нему столь мало уваженія, и самъ Ростиславъ такъ холодно встрѣтилъ отца, что сей Князь съ величайшимъ неудовольствіемъ возвратился въ Черниговъ, гдѣ сановники Ханскіе переписывали тогда бѣдный остатокъ народа и налагали на всѣхъ людей дань поголовную, отъ земледѣльца до Боярина (41). Они велѣли Михаилу ѣхать въ Орду. Надлежало покориться необходимости. Принявъ отъ Духовника благословеніе и запасные Святые Дары, — ободренный, утѣшенный его Христіанскими наставленіями, онъ съ Вельможею Ѳеодоромъ и съ юнымъ внукомъ, Борисомъ Васильковичемъ Ростовскимъ, прибылъ въ станъ къ Моголамъ, и хотѣлъ уже вступить въ шатеръ Батыевъ; но волхвы или жрецы сихъ язычниковъ, блюстители древнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, требовали, чтобы онъ шелъ сквозь разложенный передъ ставкою священный огнь, и поклонился ихъ кумирамъ. «Нѣтъ!» сказалъ Михаилъ: «я могу поклониться Царю вашему, «ибо Небо вручило ему судьбу Государствъ земныхъ; но Христіанинъ не служитъ ни огню, ни «глухимъ идоламъ.» Услышавъ о томъ, свирѣпый Батый объявилъ ему чрезъ своего Вельможу, именемъ Эльдега (42), что должно повиноваться или умереть. «Да будетъ!» отвѣтствовалъ Князь; вынувъ Запасные Дары, вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ, Ѳеодоромъ, причастился Свя-

тыхъ Таинъ, и пылая ревностію Христіанскихъ Мучениковъ, пѣлъ громогласно святые Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хотѣлъ его смягчить моленіемъ и слезами; напрасно Вельможи Ростовскіе брали на себя грѣхъ и торжественное покаяніе, если Михаилъ исполнитъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ Князей нашихъ. «Для васъ не погублю души,» говорилъ онъ, и свергнувъ съ себя мантію Княжескую (43), примолвилъ: «возмите славу міра; хочу небесной.» По данному знаку убійцы бросились какъ тигры на Михаила, били его въ сердце, топтали ногами: Бояре Россійскіе безмолвствовали отъ ужаса. Одинъ Ѳеодоръ стоялъ покойно, и съ веселымъ лицемъ ободрялъ терзаемаго Князя, говоря, что онъ умираетъ какъ должно Христіанину; что муки земныя непродолжительны, а награда небесная безконечна. Желая, можетъ быть, прекратить Михайлово страданіе, какой-то отступникъ Вѣры Христіанской, именемъ Доманъ, житель Путивля, отсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, тихо произнесенныя имъ слова: *Христіанинъ есмь!* Пишутъ, что самъ Батый, удивляясь твердости сего несчастнаго Князя, назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Ѳеодоръ пріялъ также вѣнецъ Мученика, и доказалъ, что онъ, утѣшая Михаила, не лицемѣрилъ: ибо, раздираемый на части варварами, славилъ благость Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженныя на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ Россіянъ; а Церковь признала

Святыми и великодушнаго Князя и вѣрнаго слугу его, которые, не имѣвъ силъ одолѣть Моголовъ въ битвѣ, рѣдкою твердостію доказали по крайней мѣрѣ чудесную силу Христіанства. — Юный Борисъ Васильковичь, оплакавъ жребій дѣда, долженъ былъ ѣхать къ Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границахъ Россіи, и получилъ дозволеніе возвратиться въ свой Удѣлъ; о Князьяхъ же Черниговскихъ съ того времени почти совсѣмъ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ: знаемъ единственно, что тамъ около 1261 года властвовалъ Андрей Всеволодовичь, зять Даніилова брата, Василька (31). Сыновья Михаиловы, по кончинѣ отца, княжили въ Удѣлахъ: Романъ въ Брянскѣ, Мстиславъ въ Карачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торусѣ; а старшій ихъ братъ, Ростиславъ, зять Короля Белы, остался въ Венгріи, и получилъ въ Удѣлъ отъ своего тестя Банатъ Маховскій (въ Сервіи), назывался Государемъ сей области, Герцогомъ Болгаріи и повелителемъ Славоніи (Rex de Madschau, Dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Slavoniae). Отъ сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховскіе и Боснійскіе; сестра же ихъ совокупилась бракомъ съ Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ.

Счастливѣе Князя Черниговскаго былъ Даніилъ въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Ордою. Послы за Послами являлись у него отъ имени Ханскаго, требуя, чтобы онъ искалъ милости Батыевой раболѣпствомъ или отказался

отъ земли Галицкой. Наконецъ Даніилъ поѣхалъ къ сему завоевателю чрезъ Кіевскую столицу, управляемую Бояриномъ Ярослава Суздальскаго, Димитріемъ Ейковичемъ; встрѣтилъ Татаръ за Переяславлемъ, гостилъ у Куремсы, ихъ Темника, и въ окрестностяхъ Волги нашелъ Батыя, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, немедленно впустилъ его въ свой шатеръ безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ для православія нашихъ Князей. «Ты долго не хотѣлъ меня видѣть «(сказалъ Батый), но теперь загладилъ вину «повиновеніемъ.» Горестный Князь пилъ кумысъ, преклоняя колѣна и славя величіе Хана. Батый хвалилъ Даніила за соблюденіе Татарскихъ обычаевъ; однакожь велѣлъ дать ему кубокъ вина, говоря: «вы не при«выкли къ нашему молоку.» Сія честь стоила не дешево: Даніилъ, пробывъ 25 дней въ Улусахъ, выѣхалъ оттуда съ именемъ слуги и данника Ханскаго. — Далѣе откроется, что сей Князь, ласкал Моголовъ, хотѣлъ единственно усыпить ихъ на время, и думалъ о средствахъ избавить отечество отъ ига. Между тѣмъ Государи сосѣдственные, устрашенные его дружественною связію съ Ордою, начали оказывать къ нему гораздо болѣе уваженія. Не за-долго до того времени Король Бела имѣлъ съ нимъ новую вражду. Ростиславъ Михайловичь,

Даніилъ честимъ въ Ордѣ.

зять Королевскій, предводительствуя Венграми, осаждалъ Ярославъ; съ обѣихъ сторонъ изъявляли остервененіе и казнили знатнѣйшихъ плѣнниковъ; въ томъ числѣ Россіяне умертвили славнаго гордостію Полководца Венгерскаго, Фильнію, и въ кровопролитной битвѣ одержали верхъ. Боясь, чтобы Моголы, какъ покровители Даніила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложилъ ему тѣсный союзъ, и выдалъ меньшую дочь, именемъ Констанцію, за его сына, Льва: чему способствовалъ Митрополитъ Кириллъ, избранный Даніиломъ и Василькомъ на мѣсто Іосифа; онъ ѣхалъ ставиться въ Константинополь черезъ Венгрію, говорилъ съ Белою и ручался своимъ Князьямъ за искренность сего Монарха. Утвердивъ вѣчный съ нимъ миръ, Даніилъ жилъ согласно и съ Поляками. Конрадъ умеръ его другомъ: Болеславъ Мазовскій также. Послѣдній, женатый на дочери Александра Бельзскаго, Анастасіи, въ угодность Даніилу отказалъ Мазовію брату своему, Самовиту (45).

Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ.

Описавъ случаи временъ Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, Монаха Францисканскаго, въ Татарію, къ Великому Хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгріи; ибо Та-

тары могли возвратиться. Нѣмецкій Императоръ писалъ ко всѣмъ Государямъ, чтобы они собрали войско для спасенія Царствъ и Вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ постился; Духовенство день и ночь молилось въ храмахъ. Одинъ Св. Людовикъ, мужественный Король Французскій, не терялъ бодрости, и спокойно отвѣтствовалъ матери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечь свой, смѣло встрѣтитъ варваровъ. Но Папа, Иннокентій IV, желая миромъ удалить бурю, отправилъ къ Хану Монаховъ съ дружелюбными письмами (16). Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ Пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Италіи чрезъ Россію, и сообщаетъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ ея состояніи и Моголахъ. Увидимъ, что Папа, думая о Татарахъ, не забывалъ и нашихъ предковъ, усильно домогаясь подчинить насъ Латинской Церкви. Несчастія Россіянъ давали ему тѣмъ болѣе надежды успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ.

«Въ Мазовіи» — пишетъ Карпинъ — «встрѣ-«тили мы Князя Россійскаго, Василька» (брата Даніилова, ходившаго тогда съ Мазовскимъ Герцогомъ на Ятвяговъ) «который разсказалъ «намъ весьма много любопытнаго о Татарахъ. «Узнавъ, что не должно ѣхать въ Орду съ пу-«стыми руками, мы купили нѣсколько бобровыхъ «и другихъ шкуръ. Конрадъ, Герцогъ Краков-«скій, Епископъ и Бароны Польскіе снабдили «насъ также всякими мѣхами, прося Князя Ва-«силька быть нашимъ покровителемъ. Вмѣстѣ

«съ нимъ пріѣхали мы въ его столицу (Владиміръ Волынскій), гдѣ, отдохнувъ, желали бесѣдовать съ Россійскими Епископами, и предложили имъ письма отъ Папы, который убѣждалъ ихъ присоединиться къ Латинской Церкви; но Епископы и Василько отвѣтствовали, что они не могутъ ничего сказать намъ безъ Князя Даніила, брата Василькова, бывшаго тогда въ Ордѣ. Послѣ чего Василько отправилъ насъ съ вожатымъ въ Кіевъ, куда мы и прибыли благополучно, не смотря на глубокій снѣгъ, холодъ и многія опасности (47): ибо Литовцы безпрестанными набѣгами тревожатъ сію часть Россіи. Жителей вездѣ мало: они истреблены Моголами, или отведены ими въ плѣнъ. Въ Кіевѣ наняли мы Татарскихъ лошадей, а своихъ оставили: ибо онѣ могли бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни сѣна, ни соломы; а Татарскія, разбивая копытами снѣгъ, питаются одною мерзлою травою.

«Первое мѣсто, въ коемъ живутъ Моголы (близъ Кіева), называется *Хановымъ*. Они со всѣхъ сторонъ окружили насъ, спрашивая, за чѣмъ и куда ѣдемъ? Я отвѣчалъ, что мы Послы отца и владыки всѣхъ Христіанъ, который, ничѣмъ не оскорбивъ Государей Татарскихъ, съ крайнимъ изумленіемъ свѣдалъ о разореніи Венгріи и Польши, гдѣ живутъ *его подданные*; что онъ, желая мира, въ письмахъ своихъ убѣждаетъ Хановъ принять Вѣру Христіанскую, безъ коей нѣтъ спасенія. Моголы удовольство-

«вались нѣкоторыми подарками и дали намъ во-
«жатыхъ до Орды главнаго ихъ начальника. Онъ
«называется Куремсою, предводительствуетъ
«шестидесятью тысячами воиновъ и хранитъ
«западные предѣлы Могольскихъ владѣній. —
«Куремса отправилъ насъ къ Батыю, первѣйше-
«му изъ Хановъ послѣ Великаго.

«Мы проѣхали всю землю Половецкую, об-
«ширную равнину, гдѣ текутъ рѣки Днѣпръ,
«Донъ, Волга, Яикъ, и гдѣ лѣтомъ кочуютъ
«Татары, повинуясь разнымъ Воеводамъ ([48]),
«а зимою приближаются къ морю *Греческому*
«(или Черному). Самъ Батый живетъ на берегу
«Волги, имѣя пышный, великолѣпный Дворъ, и
«600,000 воиновъ, 160,000 Татаръ и 450,000
«иноплеменниковъ, Христіанъ и другихъ под-
«данныхъ. Въ Пятницу Страстныя недѣли про-
«вели насъ въ ставку его между двумя огнями,
«для того, какъ говорили Татары, что огонь
«есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ,
«отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы дол-
«жны были нѣсколько разъ кланяться и всту-
«пить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый си-
«дѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его
«братья, дѣти и Вельможи на скамьяхъ; другіе
«на землѣ, мужчины на правой, а женщины на
«лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ
«тонкаго полотна, принадлежалъ Королю Вен-
«герскому: никто не смѣетъ входить туда безъ
«особеннаго дозволенія, кромѣ семейства Хан-
«скаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ,

«и Батый съ великимъ вниманіемъ читалъ письма Иннокентіевы, переведенныя на языки Славянскій, Арабскій и Татарскій. Между тѣмъ «онъ и Вельможи его пили изъ золотыхъ или «серебряныхъ сосудовъ: при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями. Батый имѣетъ лице «красноватое ([19]); ласковъ въ обхожденіи съ «своими, но грозенъ для всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ, и славится опытностію. — Онъ «велѣлъ намъ ѣхать къ Великому Хану.

«Хотя мы были весьма слабы, ибо питались «во весь постъ одними просомъ и пили только «снѣжную воду, однакожь ѣхали скоро, пять «или шесть разъ въ день мѣняя лошадей, гдѣ «находили ихъ. Земля Половецкая во многихъ «мѣстахъ есть дикая степь: жители истреблены «Татарами, или бѣжали; другіе признали себя «ихъ подданными. Она граничитъ къ Сѣверу съ «Россіею, Мордвою, Болгаріею, Башкиріею (pays «des Bastarques), отечествомъ Венгровъ, и съ «Самоѣдами (Samogedes), обитающими на пустынныхъ берегахъ Океана ([30]); къ Югу съ «Аланами (Оссетинцами), Черкесами, Козарами и «Греціею. За Половцами начинается страна Кангитовъ (Канглей или Хвалисовъ), совершенно «безводная, и мало населенная. Въ сей печальной степи (нынѣ Киргизской) умерли отъ жажды Бояре Ярослава, Князя Россійскаго, посланные имъ въ Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся земля опустошена Моголами; жители, «не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, и такъ

«же, какъ Половцы, не знаютъ хлѣбонашества, «а кормятся однимъ скотоводствомъ.

«Около Вознесенія Христова въѣхали мы въ «страну Бесерменовъ» (Харазовъ или Хивинцевъ) «говорящихъ языкомъ Половцевъ, но «исповѣдующихъ Вѣру Сарацинскую ([51]). Тамъ «представилось намъ множество селъ и городовъ опустошенныхъ. Владѣтель ихъ, называемый Великимъ Султаномъ, погибъ со всѣмъ «родомъ отъ меча Татарскаго. Сія земля имѣетъ «большія горы и сопредѣльна къ Сѣверу (Востоку) съ Черными Китанами (въ Малой Бухаріи), гдѣ живетъ Сибанъ, братъ Батыевъ, и «гдѣ находится дворецъ Ханскій ([52]). Далѣе мы «увидѣли обширное озеро (Байкалъ), оставили «его на лѣвой сторонѣ, и чрезъ землю кочующихъ Наймановъ въ исходѣ Іюня прибыли въ «отечество Моголовъ, которые суть истинные «Татары.

«Уже нѣсколько лѣтъ они готовились къ избранію Великаго Хана; но Гаюкъ еще не былъ «торжественно возглашенъ Октаевымъ преемникомъ: онъ велѣлъ намъ ждать сего времени, и «послалъ къ матери, вдовствующей супругѣ «Октаевой, именемъ Туракинѣ, у коей собирались всѣ чиновники и старѣйшины: ибо она «была тогда правительницею. Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣстить болѣе 2000 человѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато «украшенныхъ серебромъ, и совѣтовались между «собою ([53]). Одежда ихъ въ первый день была

«*пурпуровая бѣлая*, на другой день красная, на «третій синеватая, а на четвертый алая. Народъ «толпился внѣ ограды. У воротъ стояли воины «съ обнаженными мечами; въ другія ворота, «хотя оставленныя безъ стражи, никто не смѣлъ «входить кромѣ Гаюка. Вельможи безпрестанно «пили кумысъ и хотѣли насъ также поить; но «мы отказались. Они вездѣ давали первое мѣсто «намъ и Россійскому Князю Ярославу; тутъ же «находились два сына Грузинскаго Царя, Посолъ «Калифа Багдадскаго и многіе другіе Послы Са-«рацинскіе, числомъ до четырехъ тысячь: одни «съ дарами, иные съ даніею.

«Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣсяцъ «въ семъ шумномъ станѣ, называемомъ Сыра «Орда, и часто видѣли Гаюка. Когда онъ выхо-«дилъ изъ шатра своего, пѣвцы обыкновенно «шли впереди и громко пѣли его славу. Нако-«нецъ Дворъ переѣхалъ въ другое мѣсто, и рас-«положился на берегу ручья, орошающаго пре-«красную долину, гдѣ стоялъ великолѣпный ша-«теръ, называемый *Златая Орда*. Столпы сего «шатра, внутри и снаружи украшеннаго бога-«тыми тканями, были окованы золотомъ. Тамъ «надлежало Гаюку торжественно возсѣсть на «престолъ въ день Успенія Богоматери. Но ужас-«ная непогода, градъ и снѣгъ препятствовали «совершенію обряда до 24 Августа. Въ сей день «собрались Вельможи, и смотря на Югъ, долго «молились Всевышнему: послѣ чего возвели «Гаюка на златый тронъ, и преклонили колѣна;

«народъ также. Князья и Вельможи говорили «Императору: *мы хотимъ и требуемъ, чтобы «ты повелѣвалъ нами.* Гаюкъ спросилъ: *желая «имѣть меня Государемъ, готовы ли вы испол-«нять мою волю; являться, когда позову васъ; «итти, куда велю, и предать смерти всякаго «кого наименую?* Всѣ отвѣтствовали: *готовы!…* «*И такъ* (сказалъ Гаюкъ) *слово мое да будетъ «отнынѣ мечемъ!* Вельможи взяли его за руку, «свели съ трона и посадили на войлокъ, говоря «Императору: *Надъ тобою Небо и Всевышній; «подъ тобою земля и войлокъ. Если будешь лю-«бить наше благо, милость и правду, уважая «Князей и Вельможъ по ихъ достоинству, то «царство Гаюково прославится въ мірѣ, земля «тебѣ покорится и Богъ исполнитъ всѣ желанія «твоего сердца. Но если обманешь надежду под-«данныхъ, то будешь презрителенъ, и столь бѣ-«денъ, что самый войлокъ, на которомъ сидишь, у «тебя, отнимется.* Тогда Вельможи, поднявъ «Гаюка на рукахъ, возгласили его Императо-«ромъ, и принесли къ нему множество серебра, «золота, камней драгоцѣнныхъ и всю казну «умершаго Хана; а Гаюкъ часть сего богатства «роздалъ чиновникамъ въ знакъ ласки и щедро-«сти. Между тѣмъ готовился пиръ для Князей и «народа; пили до самой ночи и развозили въ те-«легахъ мясо, вареное безъ соли.

«Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45 лѣтъ, «росту средняго, отмѣнно уменъ, догадливъ и «столь важенъ, что никогда не смѣется. Хри-

«стіане служащіе ему, увѣряли насъ, что онъ «думаетъ принять Вѣру Спасителеву, ибо держитъ у себя Христіанскихъ Священниковъ и «дозволяетъ имъ всенародно передъ своимъ шатромъ отправлять Божественную службу по «обрядамъ Греческой Церкви. Сей Императоръ «говоритъ съ иностранцами только черезъ переводчиковъ, и всякой, кто подходитъ къ нему, «долженъ стать на колѣна. У него есть гражданскіе чиновники и Секретари, но нѣтъ стряпчихъ: ибо Моголы не терпятъ ябеды, и слово «Ханское рѣшитъ тяжбу. Что скажетъ Государь, «то и сдѣлано; никто не смѣетъ возражать или «просить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ, «пылая славолюбіемъ, готовъ цѣлый міръ обратить въ пепелъ. Смерть Октаева удержала Моголовъ въ ихъ стремленіи сокрушить Европу: «нынѣ, имѣя новаго Хана, они ревностно желаютъ кровопролитія, и Гаюкъ, едва избранный, въ первомъ совѣтѣ съ Князьями своими «положилъ объявить войну Церкви нашей, Имперіи Римской, всѣмъ Государямъ Христіанскимъ «и народамъ Западнымъ, если Св. отецъ — чего «Боже избави — не исполнитъ его требованій, «то есть, не покорится ему со всѣми Государями «Европейскими: ибо Моголы, слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣнно хотятъ овладѣть вселенною.

«Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ насъ, «равно какъ и другихъ Пословъ. Секретарь его «сказывалъ ему имя каждаго; однакожъ не мно-

«рїе изъ нихъ были впущены въ ставку Императорскую. Дары, поднесенные ими Хану, состояли въ шелковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также вельблюдахъ и лошакахъ, богато украшенныхъ. Между сими безчисленными дарами мы замѣтили одинъ зонтикъ, весь осыпанный драгоцѣнными камнями. «Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло «болѣе пяти сотъ телегъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ, шелковыми одеждами: что «все было отдано Хану, Князьямъ и Вельможамъ, «которые послѣ дарили тѣмъ своихъ чиновниковъ. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего «не имѣли.

«Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ не хотѣлъ вступить съ нами въ переговоры, и мы «около мѣсяца жили праздно, въ скукѣ, въ недостаткѣ, получая отъ Моголовъ на пять дней «не болѣе того, что надлежало издержать въ «одинъ день; а купить было нечего. Къ счастію, «добрый Россіянинъ, золотарь, именемъ Комъ, «любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ всѣмъ нужнымъ. Онъ сдѣлалъ печать для Хана и тронъ «изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и «камнями драгоцѣнными съ разными изображеніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ «свою работу. — Наконецъ Гаюкъ, призвавъ «насъ, спросилъ, есть ли у Папы люди знающіе «языкъ Татарскій, Русскій или Арабскій? Нѣтъ, «отвѣчали мы: хотя въ Европѣ и находятся «нѣкоторые Арабы, но далеко отъ того мѣста,

«гдѣ живетъ Папа. Впрочемъ мы брались сами «перевести на Латинскій языкъ, что будетъ «угодно Хану написать къ Св. Отцу. Въ слѣд-«ствіе того пришелъ къ намъ Кадакъ, государ-«ственный Министръ, съ тремя Ханскими Се-«кретарями для сочиненія грамоты, которую мы, «слушая ихъ, писали на Латинскомъ языкѣ, и «толковали имъ каждое слово: ибо они боялись «ошибки въ переводѣ, и спрашивали, ясно ли «разумѣемъ, что пишемъ? Приставы наши гово-«рили, что Ханъ отправитъ съ нами собствен-«ныхъ Пословъ въ Европу, если будемъ о томъ «просить его; но сего мы не хотѣли: во-пер-«выхъ для того, что они увидѣли бы несогла-«сіе и междоусобіе Государей Христіанскихъ, «столь благопріятное для невѣрныхъ; во-вто-«рыхъ, ежели бы съ Послами Гаюка сдѣлалось «какое несчастіе въ Европѣ, то онъ еще болѣе «остервенился бы противъ Христіанъ. Къ тому «же Ханъ не уполномочилъ бы сихъ Пословъ «для заключенія надежнаго мира, а велѣлъ бы «имъ единственно вручить письма Св. Отцу та-«кого же содержанія, какъ и данныя намъ за его «печатію (54).

«Откланявшись Гаюку и матери его, которая «дала намъ по шубѣ лисьей и по красному каф-«тану, мы отправились въ обратный путь, 14 «Ноября, чрезъ необозримыя пустыни; не ви-«дали ни селеній, ни лѣсовъ; ночевали въ сте-«пяхъ, на снѣгу, и пріѣхали къ Вознесенію въ «станъ Батыевъ, чтобы взять у него письма къ

«Папѣ. Но Батый сказалъ, что онъ не «можетъ ничего прибавить къ отвѣту Хана, «и далъ намъ пропускъ, съ коимъ мы бла-«гополучно доѣхали до Кіева, гдѣ считали «насъ уже мертвыми, равно какъ и въ «Польшѣ. Князь Россійскій Даніилъ и «братъ его, Василько, оказали намъ много «ласки въ своемъ владѣніи, и собравъ «Епископовъ, Игуменовъ, знатныхъ лю-«дей, съ общаго согласія объявили, что «они *намѣрены признать Св. Отца Главою* «*ихъ Церкви, подтверждая все сказанное* «*ими о томъ прежде чрезъ особеннаго Посла,* «*бывшаго у Папы.*»

Сіе важное извѣстіе согласно съ грамотами Иннокентія IV, съ лѣтописями Польскими и нашими собственными. Занимаясь великимъ намѣреніемъ свергнуть иго Батыево, Даніилъ съ горестію видѣлъ слабость Россіи, уныніе Князей и народа; не могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе, и долженствовалъ искать способовъ внѣ отечества. Единовѣрная Греція, стѣсненная Аравитянами, Турками, Крестоносцами, едва существовала: Даніилъ обратилъ глаза на Западъ, гдѣ Римъ былъ душею и средоточіемъ всѣхъ государственныхъ движеній. Сей Князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать Иннокентію, что желаетъ соединить Церковь нашу съ Латинскою, готовый подъ ея знаменами итти противъ Моголовъ. Нача- Политика Даніилова.

лось дружелюбное сношеніе съ Римомъ ([55]). Папа, называя Даніила Королемъ и любезнѣйшимъ сыномъ, велѣлъ Архіепископу Прусскому ѣхать въ Галицію, и выбрать тамъ Святителей изъ ученыхъ Монаховъ Католическихъ; объявилъ снисходительно, что всѣ обряды Греческой Вѣры, не противные Латинской, могутъ и впредь быть у насъ соблюдаемы невозбранно (какъ-то служеніе на квасныхъ просфирахъ), и въ знакъ особенной благосклонности утвердилъ супружество Князя Василька, женатаго на родственницѣ *въ третьемъ* и *четвертомъ колѣнѣ* (такъ сказано въ письмѣ Иннокентіевомъ, гдѣ сія дочь Георгія Суздальскаго именована *Добравою);* наконецъ, чтобы обольстить Даніилово честолюбіе, предложилъ ему вѣнецъ Королевскій. Разумный Князь отвѣтствовалъ: «требую войска, а не «вѣнца, украшенія суетнаго, пока варвары го-«сподствуютъ надъ нами ([56]).» Иннокентій обѣщалъ и войско: но Даніилъ въ ожиданіи того медлилъ объявить себя Католикомъ: оба хитрили, досадовали, и въ 1249 году Легатъ Папскій съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Посредничество Короля Венгерскаго утушило сію явную ссору: въ залогъ милости Иннокентій (въ 1253 или 1254 году) прислалъ къ Даніилу вѣнецъ съ другими Царскими украшеніями. Достойно замѣчанія, что Князь Галицкій, нечаянно встрѣтивъ Пословъ Римскихъ въ Краковѣ, не хотѣлъ видѣть ихъ, сказавъ: «мнѣ, какъ Го-«сударю, непристойно бесѣдовать съ вами въ

«землѣ чуждой.» Онъ вторично не хотѣлъ принять и короны; но убѣжденный матерію, вдовствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны Христіанъ отъ Батыя, и до всеобщаго Собора не осуждалъ Догматовъ Греческой Церкви: въ слѣдствіе чего Даніилъ призналъ Папу *своимъ отцемъ* и намѣстникомъ Св. Петра, коего властію Посолъ Иннокентіевъ, Аббатъ Мессинскій, въ присутствіи народа и Бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ, и Князь Галицкій съ того времени именовался *Королемъ;* а Папа написалъ грамоту къ Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другимъ народамъ, чтобы они вмѣстѣ съ Галичанами *подъ знаменіемъ креста* ударили на Моголовъ (57); но какъ отъ безразсуднаго междоусобія Христіанскихъ Государей сіе ополченіе не состоялось, то Даніилъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ Папы, Александра IV, который (въ 1257 году) писалъ къ нему, что «онъ забылъ *духовныя* и *временныя* благодѣянія Церкви, «вѣнчавшей и помазавшей его на царство; «не исполнилъ своихъ обѣтовъ, и погибнетъ если съ новымъ раскаяніемъ не «обратится на путь истины; что клятва

Даніилъ Король Галицкій.

«церковная и булатъ мірскій готовы наказать «неблагодарнаго [58].» Въ надеждѣ смирять Моголовъ Посольствами и дарами, новый Король Галицкій, богатый казною, сильный войскомъ, окруженный сосѣдами или несогласными или слабыми; уже смѣялся надъ злобою Папы, и строго наблюдая уставы Греческой Церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ Латинской было одною государственною хитростію [59].

Обращаясь къ путешествію Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствѣ, правахъ и Вѣрѣ Моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясное понятіе о народѣ, который столь долгое время угнеталъ Россію.

«Татары (повѣствуетъ Карпинъ) отличны видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей, имѣя щеки выпуклыя и надутыя, глаза едва примѣтные, ноги «маленькія; большею частію ростомъ не высоки «и худы [60]; лицемъ смуглы и рябы. Они «брѣютъ волосы за ушами и спереди на лбу, «отпуская усы, бороду и длинныя косы назади; «выстригаютъ себѣ также гуменцо, подобно нашимъ Священникамъ. Мужчины и женщины «носятъ кафтаны парчевые, шелковые и клеенчатые, или шубы навыворотъ (получая ткани «изъ Персіи, а мѣха изъ Россіи, Болгаріи, земли «Мордовской, Башкиріи) и какія-то странныя «высокія шапки [61]. Живутъ въ шатрахъ, сплетенныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ войло-

«ками; вверху дѣлается отверстіе, чрезъ которое «входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ: ибо у нихъ «всегда пылаетъ огонь въ ставкѣ. Стада и та-«буны Могольскіе безчисленны: въ цѣлой Ев-«ропѣ нѣтъ такого множества лошадей, вель-«блюдовъ, овецъ, козъ и рогатой скотины. Мясо «и жидкая просяная каша есть главная пища «сихъ дикарей, довольныхъ малымъ ея коли-«чествомъ. Они не знаютъ хлѣба; ѣдятъ все «нечистыми руками, обтирая ихъ объ сапоги «или траву; не моютъ ни котловъ, ни самой «одежды своей; любятъ кумысъ и пьянство до «крайности, а медъ, пиво и вино получаютъ «иногда изъ другихъ земель. Мужчины не зани-«маются никакими работами: иногда присматри-«ваютъ только за стадами или дѣлаютъ стрѣлы. «Младенцы трехъ и двухъ лѣтъ уже садятся на «лошадь; женщины также ѣздятъ верхомъ, и «многія стрѣляютъ изъ лука не хуже воиновъ; «въ хозяйствѣ же удивительно трудолюбивы: «стряпаютъ шьютъ платье, сапоги; чинятъ те-«леги, навьючиваютъ вельблюдовъ. Вельможи и «богатые люди имѣютъ до ста женъ; двоюрод-«ные совокупляются бракомъ, пасынокъ съ ма-«чихою, невѣстки съ деверемъ. Женихъ обы-«кновенно покупаетъ невѣсту у родителей, и «весьма дорогою цѣною. Не только прелюбодѣя-«ніе, но и блудъ наказывается смертію, равно «какъ и воровство, столь необыкновенное, что «Татары не употребляютъ замковъ; боятся, ува-«жаютъ чиновниковъ, и въ самомъ пьянствѣ не

«ссорятся или по крайней мѣрѣ не дерутся между «собою; скромны въ обхожденіи съ женщинами «и ненавидятъ срамословіе; терпѣливо сносятъ «зной, морозъ, голодъ, и съ пустымъ желудкомъ «поютъ веселыя пѣсни; рѣдко имѣютъ тяжбы, и «любятъ помогать другъ другу; но за то всѣхъ «иноплеменныхъ презираютъ, какъ мы видѣли «собственными глазами: на примѣръ Ярославъ, «Великій Князь Россійскій, и сынъ Царя Грузин-«скаго, будучи въ Ордѣ, не смѣли иногда сѣсть «выше своихъ приставовъ. Татаринъ не обма-«нываетъ Татарина; но обмануть иностранца «считается похвальною хитростію.

«Что касается до ихъ Закона, то они вѣруютъ «въ Бога, Творца Вселенныя, награждающаго «людей по ихъ достоинству; но приносятъ жерт-«вы идоламъ, сдѣланнымъ изъ войлока или шел-«ковой ткани, считая ихъ покровителями скота; «обожаютъ солнце, огонь, луну, называя оную «великою царицею, и преклоняютъ колѣна, обра-«щаясь лицемъ къ Югу; славятся терпимостію и «не проповѣдуютъ Вѣры своей; однакожь при-«нуждаютъ иногда Христіанъ слѣдовать обы-«чаямъ Могольскимъ: въ доказательство чего «разскажемъ случай, которому мы были свидѣ-«телями. Батый велѣлъ умертвить одного Князя «Россійскаго, именемъ Андрея (63), будто бы за «то, что онъ, вопреки Ханскому запрещенію, «выписывалъ для себя лошадей изъ Татаріи и «продавалъ чужеземцамъ. Братъ и жена убитаго «Князя, пріѣхавъ къ Батыю, молили его не от-

«нимать у нихъ Княженія: онъ согласился, но «принудилъ деверя къ брачному совокупленію «съ невѣсткою, по обычаю Моголовъ (63).

«Не вѣдая правилъ истинной добродѣтели, «они вмѣсто законовъ имѣютъ какія-то преда-«нія, и считаютъ за грѣхъ бросить въ огонь но-«жикъ, опереться на хлыстъ, умертвить птенца, «вылить молоко на землю, выплюнуть изо-рта «пищу; но убивать людей и разорять Государства «кажется имъ дозволенною забавою. О жизни «вѣчной не умѣютъ сказать ничего яснаго, а «думаютъ, что они и тамъ будутъ ѣсть, пить, «заниматься скотоводствомъ и проч. Жрецы ихъ «суть такъ называемые волхвы, гадатели буду-«щаго, коихъ совѣтъ уважается ими во всякомъ «дѣлѣ. (Глава ихъ, или Патріархъ, живетъ «обыкновенно близъ шатра Ханскаго (64). Имѣя «астрономическія свѣдѣнія, они предсказываютъ «народу солнечныя и лунныя затмѣнія.

«Когда занеможетъ Татаринъ, родные ставятъ «передъ шатромъ копье, обвитое чернымъ вой-«локомъ: сей знакъ удаляетъ отъ больнаго всѣхъ «постороннихъ. Умирающаго оставляютъ и род-«ные. Кто былъ при смерти человѣка, тотъ не «можетъ видѣть ни Хана, ни Князей до новой «луны. Знатныхъ людей погребаютъ тайно, съ «пищею, съ осѣдланнымъ конемъ, серебромъ и «золотомъ; телега и ставка умершаго должны «быть сожжены, и никто не смѣетъ произнести «его имени до третьяго поколѣнія. — Кладбище «Хановъ, Князей, Вельможъ, неприступно; гдѣ

«бы они ни скончали жизнь свою, Моголы отво-
«зятъ ихъ тѣла въ сіе мѣсто; тамъ погребены
«многіе, убитые въ Венгріи. Стражи едва было
«не застрѣлили насъ, когда мы нечаянно при-
«близились къ гробамъ.

«Таковъ сей народъ, ненасытимый въ крово-
«пролитіи. Побѣжденные обязаны давать Мого-
«ламъ десятую часть всего имѣнія, рабовъ, вой-
«ско, и служатъ орудіемъ для истребленія дру-
«гихъ народовъ. Въ наше время Гаюкъ и Батый
«прислали въ Россію Вельможу своего, съ тѣмъ,
«чтобы онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сыновей
«третьяго: но сей человѣкъ нахваталъ множе-
«ство людей безъ всякаго разбора, и переписалъ
«всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ
«каждаго изъ нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя,
«бобра, куницы, хорька (65), и черною лисьею;
«а не платящіе должны быть рабами Моголовъ.
«Сіи жестокіе завоеватели особенно стараются
«искоренять Князей и Вельможъ; требуютъ отъ
«нихъ дѣтей въ аманаты, и никогда уже не поз-
«воляютъ имъ выѣхать изъ Орды. Такъ *сынъ*
«*Ярославовъ* и Князь Ясскій живутъ въ неволѣ у
«Хана. Начальники Могольскіе въ земляхъ за-
«воеванныхъ именуются Баскаками, и при ма-
«лѣйшемъ неудовольствіи льютъ кровь людей
«безоружныхъ: такъ истребили они *великое число*
«*Россіянъ, обитавшихъ въ землѣ Половецкой* (66).

«Однимъ словомъ, Татары хотятъ исполнить
«завѣщаніе Чингисханово и покорить всю зем-
«лю: для того Гаюкъ именуетъ себя въ письмахъ

«*Государемъ міра*, прибавляя: *Богъ на небесахъ,*
«*я на земли.* Онъ готовится послать въ Мартѣ
«1247 году одну рать въ Венгрію, а другую въ
«Польшу; черезъ три года перейти за Донъ и 18
«лѣтъ воевать Европу. Моголы и прежде, побѣ-
«дивъ Короля Венгерскаго, думали итти безпре-
«станно далѣе и далѣе; но внезапная смерть
«Хана, *отравленнаго ядомъ*, остановила тогда
«ихъ стремленіе (67). Гаюкъ намѣренъ еще за-
«воевать Ливонію и Пруссію. Государи Европей-
«скіе должны соединенными силами предупре-
«дить замыслы Хана, или будутъ его рабами.»

Провидѣніе спасло Европу: ибо Гаюкъ жилъ не долго, и преемникъ его, Мангу, озабоченный внутренними безпорядками въ своихъ Азіатскихъ владѣніяхъ, не могъ исполнить Гаюкова намѣренія. Но Западъ еще долгое время страшился Востока, и Святый Людовикъ, находясь въ Кипрѣ, въ 1253 году вторично отправилъ Монаховъ въ Татарію съ дружелюбными письмами, услышавъ, что Великій Ханъ принялъ Вѣру Спасителеву. Сей слухъ оказался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣли при себѣ Христіанскихъ Священниковъ, позволяли имъ спорить съ идолопоклонниками и Магометанами, даже обращать женъ Ханскихъ; но сами держались Вѣры отцевъ своихъ. Рубруквисъ, Посолъ Людовиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или *Козаріи* (гдѣ жили многіе Греки съ Готоами подъ властію (68) Моголовъ), чрезъ нынѣшнюю землю Донскихъ Козаковъ, Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую Губернію, гдѣ

въ густыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ, разсѣянныхъ хижинахъ обитали Мокшане и Мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые только звѣриными кожами, медомъ и соколами [69]. Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положилъ свою голову въ Венгріи, и Мокшане, узнавъ тамъ Нѣмцевъ, говорили объ нихъ съ великою похвалою, желая, чтобы они избавили міръ отъ ненавистнаго ига Татарскаго. Батый кочевалъ въ Казанской Губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя тамъ лѣто, а въ Августѣ мѣсяцѣ начиная спускаться внизъ по ея теченію, къ странамъ южнымъ [70]. Въ станѣ Могольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество Россіянъ, Венгровъ, Ясовъ, которые, заимствуя нравы своихъ побѣдителей, скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. При Дворѣ сына Батыева, Сартака, жилъ одинъ изъ славныхъ Рыцарей Храма, и пользовался довѣренностію Моголовъ, часто разсказывая имъ о Европейскихъ обычаяхъ и силѣ тамошнихъ Государей. — Рубруквисъ отъ береговъ Волги отправился въ южную Сибирь, и пріѣхавъ къ Великому Хану, старался доказать ему превосходство Вѣры Христіанской [71]; но Мангу равнодушно отвѣтствовалъ: «Моголы знаютъ, что «есть Богъ, и любятъ Его всею душею. Сколько «у тебя на рукѣ пальцевъ, столько или болѣе «можно найти путей ко спасенію. Богъ далъ «вамъ Библію, а намъ волхвовъ: вы не исполняете ея предписаній, а мы слушаемся своихъ

«наставниковъ, и ни съ кѣмъ не споримъ . . . «Хочешь ли золота? Взявъ его изъ казны моей, «иди, куда тебѣ угодно.» Послъ Людовиковъ нашелъ при Дворѣ Ханскомъ Россійскаго Архитектора и Діакона, Венгровъ, Англичанъ и весьма искуснаго золотаря Парижскаго, именемъ Гильйома, жившаго у Мангу въ чести и въ великомъ изобиліи (72). Сей Гильйомъ сдѣлалъ для Хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырехъ серебряныхъ львахъ, которые служили чанами въ пиршествахъ: кумысъ, медъ, пиво и вино подымались изъ нихъ до вершины дерева и лились сквозь отверстый зѣвъ двухъ вызолоченныхъ драконовъ на землю въ большіе сосуды; на деревѣ стоялъ крылатый Ангелъ и трубилъ въ трубу, когда надлежало гостямъ пить. Моголы вообще любили художниковъ, обязанные симъ новымъ для нихъ вкусомъ мудрому правленію безсмертнаго Илючутсая, о коемъ мы выше упоминали, и который, бывъ долгое время Министромъ Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовать ихъ подданныхъ: спасъ жизнь многихъ ученыхъ Китайцевъ, основалъ училища, вмѣстѣ съ Математиками Арабскими и Персидскими сочинилъ Календарь для Моголовъ, самъ переводилъ книги, чертилъ географическія карты, покровительствовалъ художниковъ; и когда умеръ, то завистники сего великаго мужа, къ стыду своему, нашли у него, вмѣсто предполагаемыхъ сокровищъ, множество рукописныхъ твореній о наукѣ

править Государствомъ, объ Астрономіи, Исторіи, Медицинѣ и земледѣліи (73).

Великій Ханъ, отпуская Людовикова Посла, далъ ему гордое письмо къ Королю Французскому, заключивъ оное сими словами: «Именемъ «Бога Вседержителя повелѣваю тебѣ, Королю «Людовику, быть мнѣ послушнымъ, и торже«ственно объявить, чего желаешь: мира или вой«ны? Когда воля Небесъ исполнится и весь міръ «признаетъ меня своимъ Властителемъ, тогда «воцарится на землѣ блаженное спокойствіе, и «счастливые народы увидятъ, что мы для нихъ «сдѣлаемъ! Но если дерзнешь отвергнуть пове«лѣніе Божественное, и скажешь, что земля твоя «отдалена, горы твои неприступны, моря глубо«ки, и что насъ не боишься: то Всесильный, об«легчая трудное и приближая отдаленное, пока«жетъ тебѣ, что можемъ сдѣлать!» Такова была надменность Моголовъ!

Рубруквисъ возвратился къ берегамъ Волги и пріѣхалъ въ Сарай, новый городъ, построенный Батыемъ въ 60 верстахъ отъ Астрахани, на берегу Ахтубы (74). Не далеко оттуда, на среднемъ протокѣ Волги, находился и древнѣйшій городъ Сумеркентъ, въ коемъ обитали Ясы и *Сарацины* (75): Татары осаждали его восемь лѣтъ и едва могли взять, по словамъ нашего путешественника. — Имѣвъ случай видѣть Россіянъ, сей Посолъ Людовиковъ сказываетъ, что жены ихъ, украшая голову подобно Француженкамъ, опушиваютъ низъ своего платья бѣлками и горно-

стаями, а мужчины носятъ *епанчи Нѣмецкія* и поярковыя шапки, остроконечныя и высокія. Онъ прибавляетъ еще, что обыкновенная монета Россійская состоитъ изъ кожаныхъ, пестрыхъ лоскутковъ ([76]). Черезъ Дербентъ, Ширванъ (гдѣ находилось великое число Жидовъ) Шамаху, Тифлисъ (гдѣ начальствовалъ Могольскій Воевода Баку) Рубруквисъ прибылъ въ Арменію и благополучно достигъ Кипра ([77]).

ГЛАВА II.

Великіе Князья Святославъ Всеволодовичь, Андрей Ярославичь и Александръ Невскій.

(Одинъ послѣ другаго.)

г. 1247—1263.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣтреность Новогородцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Даніилово свергнуть иго. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мятежи въ Ордѣ.

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ въ Владиміръ, чтобы оплакать
г. 1247. оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ, наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ Княженіяхъ (78).

Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ Ордѣ, и Россіяне еще съ гордостію именовали его своимъ независимымъ Княземъ:

даже стращали имъ Моголовъ (79). Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и велѣлъ сказать ему: «Князь Новогород-«скій! извѣстно ли тебѣ, что Богъ поко-«рилъ мнѣ множество народовъ? Ты ли «одинъ будешь независимымъ? Но если «хочешь властвовать спокойно, то явись «немедленно въ шатрѣ моемъ, да познаешь «славу и величіе Моголовъ.» Александръ любилъ отечество болѣе своей Княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ, и презирая личную опасность не менѣе тщеславія, въ слѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ Могольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ Вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ, и что сей Князь дѣйствительно есть человѣкъ необыкновенный: такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, одушевленныя любовію къ народу Россійскому и благородствомъ сердца! — Но Александръ и братъ его долженствовали, подобно Ярославу, ѣхать въ Татарію къ Великому Хану (80). Сіи путешествія были ужасны: надлежало проститься съ отечествомъ на долгое время, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишенная убран-

Александръ въ Ордѣ.

ства и тѣни лѣсовъ, усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища народовъ кочующихъ ([81]). Можетъ быть, въ самой глубокой древности ходили тамъ караваны купеческіе: Скиѳы и Греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ въ надеждѣ обогатиться золотомъ; но что ожидало Князей Россійскихъ въ Татаріи? уничиженіе и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснѣе для Государей, рожденныхъ съ правомъ властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь въ сихъ мертвыхъ пустыняхъ, воспоминали плачевный конецъ отца своего, и думали, что они также, можетъ быть, навѣки простились съ любезнымъ отечествомъ. -

г. 1248 Князь Московскій убитъ Литвою.

Въ отсутствіе Александра меньшій братъ его, Михаилъ Московскій, прозваніемъ *Храбрый*, изгналъ — какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ — *дядю* ихъ, Святослава, изъ Владиміра, но въ ту же зиму, воюя съ Литвою, положилъ свою голову въ битвѣ. Тѣло его осталось на берегу Протвы ([82]): Епископъ Суздальскій, Кириллъ, ревностный блюститель Княжеской чести, велѣлъ привезти оное въ Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ храма Соборнаго; а братья Михаиловы отмстили Литовцамъ, разбивъ ихъ близъ Зубцева.

Г. 1249. Наконецъ Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ Великаго Хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сѣлъ на престолѣ Владимірскомъ; а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ Орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ (83). Г. 1250. Удѣльные Князья Владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака, и часто бывали въ его станѣ — Дряхлость Батыева. какъ то Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Васильковичь Бѣлозерскій — ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи (84).

Въ сіе время Герой Невскій, коего имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ, обратилъ на себя вниманіе Рима, и получилъ отъ Папы, Иннокентія IV, письмо, врученное ему, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ, двумя хитрыми Кардиналами, Гальдомъ и Гемонтомъ (85). Посольство изъ Рима. Иннокентій увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Татаріи у Великаго Хана, съ вѣдома или по совѣту какого-то Боярина далъ слово Монаху Карпину принять Вѣру Латинскую, и безъ сомнѣнія исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному

сталу Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастія; что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не слушаясь Бога и Римскаго Его Намѣстника; что Князь и народъ Россійскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Западныя Церкви; что Александръ долженъ, какъ вѣрный стражъ Христіанъ, немедленно увѣдомить Рыцарей Ливонскаго Ордена, если Моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніе хвалитъ Невскаго за то, что онъ не призналъ надъ собою власти Хана: ибо Иннокентій еще не слыхалъ тогда о путешествіи сего Князя въ Орду. Александръ, призвавъ мудрыхъ людей, совѣтовался съ ними, и написалъ къ Папѣ: «мы знаемъ истинное «ученіе Церкви, а вашего не пріемлемъ и «знать не хотимъ.» Онъ безъ сомнѣнія не повѣрилъ клеветѣ на память отца его: самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

г. 1251. Новогородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостію: также и Митрополита Кирилла, который прибылъ изъ Владиміра, и къ общему удовольствію посвятилъ имъ Архіепископа, Далмата (86). Внутреннее спокойствіе Новагорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣ-

бѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію г. 1251. 1252.
Князя Александра, въ коей все Государство Болѣзнь
принимало участіе, возлагая на него един- Алек-
ственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ сандрова.
заслужить почтеніе Моголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ Орду множество золота для искупленія Россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, Бояръ и Духовенства: Александръ выздоровѣлъ, и желая оградить безопасностію сѣверную область Новогородскую, отправилъ Посольство къ Нор- Посольство
вежскому Королю Гакону въ Дронтгеймъ, въ Нор-
предлагая ему, чтобы онъ запретилъ Фин- вегію.
маркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію (87). Посламъ Россійскимъ велѣно было также узнать лично Гаконову дочь, именемъ Христину, на коей Александръ думалъ женить сына своего, Василія. Король Норвежскій, согласный на то и другое, послалъ въ Новгородъ собственныхъ Вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ богатыми дарами; но съ обѣихъ сторонъ желаемый бракъ не могъ тогда совершиться, ибо Александръ, свѣдавъ о новыхъ несчастіяхъ Владимірскаго Княженія, отложилъ семейственное дѣло до инаго, благопріятнѣйшаго времени, и спѣшилъ въ Орду, чтобы прекратить сіи бѣдствія.

Братъ его, Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго ([88]): княжа въ Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ; слушался юныхъ совѣтниковъ, и видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ Государствѣ отъ слабости Государей, винилъ въ томъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостію въ разсужденіи Моголовъ облегчить судьбу подданныхъ: въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ Боярами. Неврюй, Олабуга, прозваніемъ *Храбрый*, и Котья, Воеводы Татарскіе, уже шли въ сіе время наказать его за какое-то ослушаніе: настигнувъ Андрея у Переславля, разбили Княжескую дружину, и едва не схватили самого Князя. Обрадованные случаемъ мстить Россіянамъ какъ мятежникамъ, толпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ Владимірскимъ; брали

Бѣгство Андреево.

г. 1252. Іюля 24.

скотъ, людей; убили въ Переславлѣ Воеводу (89), супругу юнаго Ярослава Ярославича, плѣнили его дѣтей, и съ добычею удалились. — Несчастный Андрей искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ; но жители не хотѣли принять его. Онъ дождался своей Княгини во Псковѣ; оставилъ ее въ Колыванѣ или Ревелѣ у Датчанъ, и моремъ отправился въ Швецію, куда чрезъ нѣкоторое время пріѣхала къ нему и супруга. Но добродушная ласка Шведовъ не могла утѣшить его въ семъ произвольномъ изгнаніи: отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ.

Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Сартака на Россіянъ, и признанный въ Ордѣ *Великимъ Княземъ*, съ торжествомъ въѣхалъ въ Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, Игумены, Священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ, также всѣ граждане и Бояре подъ начальствомъ Тысячскаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ Великомъ Княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и Священники къ олтарямъ. — Въ сіе время Татары отпустили отъ себя Рязанскаго Князя, Олега Ингварича, кото- Благоразуміе Александра.

рый, долгое время страдавъ въ неволѣ, чрезъ 6 лѣтъ умеръ въ отчизнѣ Монахомъ и Схимникомъ (90). Сынъ его, Романъ, наслѣдовалъ престолъ Рязанскій.

Выѣхавъ изъ Новагорода, Александръ оставилъ тамъ сына своего, Василія, ко-
г. 1253. торый счастливо отразилъ Литовцевъ. Псковъ, внезапно осажденный Ливонскими Рыцарями, защищался мужественно. Непріятель отступилъ, свѣдавъ, что идутъ Новогородцы; а Россіяне и Корела, опустошивъ часть Ливоніи, въ окрестностяхъ Наровы разбили Нѣмцевъ, такимъ образомъ наказанныхъ за нарушеніе мира и принужденныхъ согласиться на всѣ требованія побѣдителей (91).

Между тѣмъ, какъ Великій Князь радо-
г. 1255. вался успѣхамъ оружія Новогородскаго, онъ былъ изумленъ нечаяннымъ извѣстіемъ, что сынъ его, Василій, съ безчестіемъ изгнанъ оттуда и пріѣхалъ въ Торжекъ. За годъ до сего времени, братъ Невскаго, Ярославъ, княживъ въ Твери, по какимъ-то неудовольствіямъ выѣхалъ оттуда съ Боярами, сдѣлался Княземъ Псковскимъ, и разными хитростями преклонилъ
Вѣтреность Новогородцевъ. къ себѣ Новогородцевъ. Они стали жаловаться на Василія, хотѣли послать Архіепископа съ челобитьемъ къ Александру, и вдругъ, забывъ благодѣянія Невскаго Героя, объявили Ярослава своимъ Правите-

лемъ. Великій Князь, огорченный поступкомъ брата и народа, ему любезнаго, вооружился, въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на Вѣчѣ умереть другъ за друга и стали полками на улицахъ. Впрочемъ не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе Бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ: они желали торговаться съ Великимъ Княземъ, чтобы предать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михалко, гражданинъ властолюбивый, который, лаская Посадника Ананію, тайно намѣревался заступить его мѣсто, и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, велѣвъ собраться тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане устремились за нимъ въ погоню; кричали: «онъ измѣнникъ! убьемъ «злодѣя!» Но Посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ твердостію: *убейте прежде меня самого!* Въ благодарность за такую услугу Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и Посолъ Великаго Князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, чтобы они выдали ему Посадника, или разгнѣванный Государь будетъ ихъ непріятелемъ (92). Народъ отправилъ къ Александру Далмата Архіепископа и Клима Тысячскаго. «Нов«городъ любитъ тебя и не хочетъ противиться «своему законному Князю,» говорили ему сіи Послы: «иди къ намъ съ Богомъ, но безъ гнѣва,

«и не слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ананія есть добрый гражданинъ.» Александръ, отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденія, требовалъ головы Посадника. Въ подобныхъ случаяхъ Новогородцы стыдились казаться малодушными. «Нѣтъ,» говорилъ народъ: «если «Князь вѣритъ Новогородскимъ клятво-«преступникамъ болѣе, нежели Новугоро-«ду, то Богъ и Святая Софія не оставятъ «насъ. Не винимъ Александра, но будемъ «тверды.» Они три дни стояли вооруженные. Наконецъ Князь велѣлъ объявить имъ, что онъ удовольствуется смѣною Посадника. Тогда Ананія съ радостію отказался отъ своего верховнаго сана, а коварный Михалко принялъ начальство. Александръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово не стѣснять правъ народныхъ, и съ честію возвратился въ столицу Владимірскую.

Скоро Шведы, Финны и Нѣмцы явились на берегахъ Наровы, и заложили тамъ го-
г. 1256. родъ (93). Встревоженные Новогородцы послали гонцевъ къ Александру и въ свои области для собранія людей ратныхъ. Хотя опасность миновалась — ибо Шведы ушли, не достроивъ крѣпости—но Великій Князь, немедленно прибывъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ изготовиться къ важному предпріятію, не сказывая ничего болѣе. Только у Копорья, гдѣ Митрополитъ далъ Невскому благосло-

веніе на путь, свѣдали воины, что они идутъ въ Финляндію: устрашенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе Новогородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло множество людей; однакожь Россіяне достигли своей цѣли, то есть, опустошили знатную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію Шведскихъ Историковъ, нѣкоторые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ Шведовъ и насильственными ихъ поступками.

Поручивъ Новгородъ сыну своему, Василію, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна (94). Батыій умеръ: сынъ его — вѣроятно Сартакъ — хотѣлъ господствовать надъ Татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею Великаго Хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ, и ввѣрилъ дѣла Россійскія своему Намѣстнику Улавчію. Сей Вельможа принималъ нашихъ Князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и братомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился тогда въ отечество и жилъ въ Суздалѣ). Вѣроятно, что они, свѣдавъ намѣреніе Татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому Княженію,

Смерть Батыева.

г. 1257.

опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно: въ слѣдъ за ними пріѣхали чиновники Татарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жителей, и поставили надъ ними Десятниковъ, Сотниковъ, Темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и Монаховъ. Хитрость достойная замѣчанія. Моголы, вступивъ въ наше отечество, съ равною свирѣпостію лили кровь и мірянъ и Духовныхъ, ибо не думали жить близъ его предѣловъ, и страшась оставить за собою многочисленныхъ враговъ, хотѣли мимоходомъ истребить всѣхъ людей; но обстоятельства перемѣнились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать въ привольныхъ окрестностяхъ Волги и Дона: Ханъ ея для своихъ выгодъ долженъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ щадить подданную ему Россію, богатую естественными и для самыхъ варваровъ нужными произведеніями; узнавъ же власть Духовенства надъ совѣстію людей, вообще усердныхъ къ Вѣрѣ, Моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало Россіянъ противоборствовать игу Татарскому, и чтобы Ханъ тѣмъ спокойнѣе могъ повелѣвать нами. Изъявляя уваженіе къ Духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога Русскаго, какъ думалъ

Исчисленіе жителей въ Россіи.

народъ. — Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ Орды Глѣбъ Васильковичъ: сей Князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ Великому Хану, и тамъ женился, безъ сомнѣнія на какой нибудь Могольской Христіанкѣ, ибо самыя жены Хановъ явно исповѣдывали Вѣру Спасителеву (95). Онъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды своему утѣсненному отечеству.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Великій Князь вторично ѣздилъ къ Улавчію съ Борисомъ Ростовскимъ, съ Андреемъ Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (который, признавъ вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Намѣстникъ Ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную (96): Герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ Новогородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ Татарскими чиновниками и съ Князьями, Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые и Посадникъ Михалко, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ, и что сопротивленіе безполезно: народъ от- г. 1257-1258.

вѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ Посадника и выбралъ другаго. Самъ юный Князь Василій, по внушенію своихъ Бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ, и не могъ ничѣмъ перемѣнить его: они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили Могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ Ханомъ, однакожь свободными отъ ига рабскаго.

Казнь Бояръ. Великій Князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю; а Бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца (97): столь власть родительская казалась священною!

г. 1259. Александръ остался въ Новѣгородѣ, и предвидя, что Ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско Ханово уже готово итти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ лож-

ная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и Великій Князь увѣдомилъ Моголовъ о его покорности (98). Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими товарищами явились на берегахъ Волхова для переписи людей, и начали-было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники Могольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ Посадникова сына и Боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю Княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани, и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что Татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ (99). Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ Могольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предастъ мятежныхъ гражданъ гнѣву Хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ въ Владиміръ. Народъ поколебался: Бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную выю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ Лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая Моголами, угнетала скудныхъ, а не

богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. — И такъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ Баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ Орду или чрезъ Великихъ Князей. — Моголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностію и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. — Вельможи Татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ Великое Княженіе черезъ Ростовъ, гдѣ вдовствующая супруга Василькова, Марія, Князь Борисъ и Глѣбъ угостили его съ любовію (100); но сей Государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи?

Поступеніе Даніилово свергнуть иго. Отечество наше рабствовало отъ Днѣстра до Ильменя. Даніилъ Галицкій, будучи смѣлѣе Александра, тщетно думалъ по смерти Батыя избавиться отъ власти Моголовъ. Дѣятельностію ума необыкновеннаго возстановивъ свое Княженіе и загладивъ въ немъ слѣды Татарскаго опустошенія, онъ бралъ участіе въ дѣлахъ Европы, и

два раза ходилъ помогать Белѣ Венгерскому, непріятелю Императора Фридерика и Короля Богемскаго [101]. (Венгры, по словамъ Лѣтописца, удивлялись стройности полковъ Россійскихъ, ихъ Татарскому оружію, и пышности самого Князя, его богатой одеждѣ Греческой, обшитой золотыми кружевами, — саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ драгоцѣнными металлами съ блестящею рѣзьбою.) Сія вражда была за области умершаго Герцога Австрійскаго, Фридерика: Бела, Императоръ и Король Богемскій хотѣли овладѣть ими. Первый объявилъ себя защитникомъ дочери Фридериковой, именемъ Гертруды, уступившей ему свои наслѣдственныя права; женилъ на ней Даніилова сына, Романа; отправилъ ихъ въ Юденбургъ (*), и клялся Гертрудѣ отдать ей Австрію и Стирію, какъ скоро завоюетъ оныя. Тѣмъ усерднѣе Даніилъ доброжелательствовалъ Королю Венгерскому; не смотря на глазную болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть, выступилъ въ поле съ Краковскимъ Герцогомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носсельтъ, выжегъ окрестности Троппавскія и возвратился, довольный мыслію, что никто изъ древнихъ Героевъ Россійскихъ, ни Св. Владиміръ, ни великій отецъ его, не воевалъ столь далеко въ землѣ Нѣмецкой. Хотя Бела не исполнилъ даннаго Гертрудѣ слова и даже не защитилъ ея супруга,

(*) Нейбургъ (отмѣтка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ. *И. Г. Р.*)

осажденнаго Богемскимъ Принцемъ въ Юденбургѣ (такъ что Романъ, оставивъ беременную жену, принужденъ былъ уйти къ отцу): но Даніилъ остался другомъ Венгровъ. — Счастливыя войны съ Ятвягами и съ Литвою болѣе и болѣе прославляли мужество сего Князя [102]. Первые, не находя безопасности и за своими лѣсистыми болотами, согласились платить ему дань черными куницами и серебромъ. Въ Литвѣ господствовалъ тогда славный Миндовгъ, баснословно производимый нѣкоторыми Лѣтописцами отъ племени древнихъ Римлянъ, а другими отъ нашихъ Князей Полоцкихъ [103]. Онъ жилъ въ Керновѣ, повелѣвалъ всѣми иными Князьками Литовскими, и грабя сосѣдственныя земли Христіанскія, искалъ пріязни одного Даніила, который женился вторымъ бракомъ на его племянницѣ. Нѣсколько времени бывъ друзьями, они сдѣлались непріятелями. Миндовгъ, опасаясь честолюбивыхъ братьевъ Даніиловой супруги, Товтивила и Эдивида, велѣлъ имъ воевать Смоленскую область, но въ то же время замышлялъ ихъ убить. Племянники свѣдали и бѣжали въ Владиміръ Волынскій. Обрадованный случаемъ унизить гордость Миндовга, Даніилъ представилъ Ляхамъ и Рижскимъ Нѣмцамъ, что междоусобіе Князей Литовскихъ есть счастіе для Христіанъ, и что надобно онымъ воспользоваться. Нѣмцы дѣйствительно вооружились: Россіяне также; самые Ятвяги и Жмудь, въ угодность имъ, возстали на Литву. Даніилъ завоевалъ

Гродно и другія мѣста Литовскія; но скоро Нѣмцы измѣнили, отчасти подкупленные Миндовгомъ, отчасти имъ обманутые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ Вѣру Латинскую, и заслужилъ покровительство легкомысленнаго Папы, Александра IV, давшаго ему санъ Королевскій [104]. Чрезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилову сыну, Роману, Новогродокъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за его меньшаго брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ разбоямъ, гибельнымъ для Рижскаго Ордена, Мазовіи, Смоленскихъ, Черниговскихъ, даже Новогородскихъ областей.

Въ сіе время Даніилъ, ободряемый Королемъ Венгерскимъ, Ляхами и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ Моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакоту: юный Левъ Даніиловичь, выгнавъ ихъ оттуда, плѣнилъ Баскака Ханскаго. Темникъ Батыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца, и сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) итти къ Галичу, отвѣтствовалъ: «Даніилъ страшенъ!» Вся южная Россія съ безпокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даніилъ, плѣнивъ Изяслава, и пользуясь изумленіемъ Татаръ, отнялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Тетеревомъ, гдѣ Баскаки господствовали какъ въ своихъ Улусахъ. Онъ хотѣлъ даже освободить и

Кіевъ, но возвратился съ пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую Литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даніилъ веселился мыслію о совершенной независимости, когда новыя безчисленныя толпы Моголовъ, ведомыя свирѣпымъ Буронлаемъ, преемникомъ слабаго Куремсы, явились на границахъ Литвы и Россіи. «Желаю знать, другъ ли ты Хану или «врагъ?» сказали Королю Галицкому Послы Буронлаевы: «если другъ, то иди съ нами воевать «Литву.» Даніилъ колебался, видѣлъ превосходство силъ Татарскихъ, медлилъ, и наконецъ послалъ Василька къ Буронлаю, съ дружиною и съ ласковыми словами, которыя сперва имѣли счастливое дѣйствіе. Сонмы Моголовъ устремились на Литву, дотолѣ имъ неизвѣстную; одни дремучіе лѣса и вязкія болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бѣдствіе. Хваля мужество, оказанное братомъ Даніиловымъ въ разныхъ сшибкахъ, Буронлай отпустилъ его въ Владиміръ. Прошло два года въ тишинѣ и спокойствіи для юго-западной Россіи. Даніилъ, именуя себя другомъ Ханскимъ, строилъ, укрѣплялъ города, и не переставалъ надѣяться, что Державы сосѣдственныя рано или поздно увидятъ необходимость дѣйствовать общими силами противъ варваровъ; но Буронлай открылъ глаза, и вступивъ въ область Галицкую, далъ знать ея Королю, чтобы онъ явился въ его станѣ какъ смиренный данникъ, или ждалъ казни. Даніилъ послалъ къ нему бра-

та, сына, Холмскаго Епископа Іоанна и дары. «Хотите ли увѣрить насъ въ искренней покорности?» говорилъ Темникъ Хановъ: «разберите или «предайте огню стѣны крѣпостей вашихъ; сравняйте ихъ окопы съ землею.» Василько и Левъ не смѣли ослушаться: города Даниловъ, Стожекъ, Кременецъ, Луцкъ, Львовъ, не задолго до того времени основанный и названный именемъ старшаго сына Даніилова, обратились въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненавистныхъ Татарамъ. Бурондай веселился, смотря на пылающія стѣны и башни Владимірскія; хвалилъ повиновеніе Василька, и въ знакъ особеннаго удовольствія нѣсколько дней пировавъ въ его дворцѣ, пошелъ къ Холму, откуда горестный Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вторично спасло сей городъ хитростію Василька, который, будучи посланъ съ двумя Мурзами (знавшими Русскій языкъ) чтобы склонить жителей къ сдачѣ, взялъ въ руку камень, и сказавъ: «не велю вамъ обороняться,» кинулъ его на землю. Воевода Холмскій угадалъ мысль Князя, и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: «удалися; ты врагъ Государя нашего.» Василько дѣйствительно хотѣлъ, чтобы жители сопротивлялись, имѣя лучшихъ ратниковъ, укрѣпленія надежныя и много самострѣловъ; а Татары, не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ сіи

Князья уговорили Сендомирскаго начальника сдаться, обѣщая ему и гражданамъ безопасность; но съ горестію должны были видѣть, что Моголы, въ противность условію, рѣзали и топили народъ въ Вислѣ. Наконецъ Бурондай возвратился къ берегамъ Днѣпра, съ угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будутъ пепломъ, если ихъ Князья не захотятъ мирно рабствовать и платить дань Хану.

Слѣдственно важныя усилія и хитрости Даниловы остались безполезными. Онъ не нашелъ помощи ни въ Краковѣ, ни въ Венгріи, къ единственному утѣшенію своему свѣдавъ на пути, что Василько побѣдилъ Миндовга, слабаго противъ Моголовъ, но ужаснаго для сосѣдственныхъ образованныхъ Государствъ. Какъ скоро Бурондай удалился, хищные Литовцы опустошили Мазовію, убили ея Князя Самовита и впали въ наше владѣніе близъ Каменца, предводимые какимъ-то измѣнникомъ, Бояриномъ Рязанскимъ, Евстафіемъ. Василько, разбивъ ихъ на берегахъ озера Невельскаго, послалъ къ брату множество трофеевъ, коней осѣдланныхъ, щитовъ, шлемовъ и копій Литовскихъ.

Мы описали здѣсь случаи нѣсколькихъ лѣтъ относительно къ юго-западной Россіи, которая со временъ Батыева нашествія отдѣлилась отъ сѣверной, имѣя особенную систему государственную, связанную съ дѣлами Венгріи, Польши и Нѣмецкаго Ордена гораздо болѣе, нежели съ Суздальскими или Новогородскими. Послѣд-

нія для насъ важнѣе: ибо тамъ рѣшилась судьба нашего отечества.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ въ Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство Моголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ Бесерменскимъ, Харазскимъ или Хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія: сіи люди откупали у Татаръ дань нашихъ Княженій, брали неумѣренные ро- сты съ бѣдныхъ людей, а въ случаѣ неплатежа объявляя должниковъ своими рабами, отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ Вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ (105): нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго Монаха, который, принявъ Вѣру Магометанскую въ Татаріи, хвалился милостію новаго Великаго Хана Коблая, и ругался надъ святынею Христіанства; тѣло его бросили псамъ на снѣденіе. Въ Устюгѣ находился тогда Могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жителей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гра-

Откупщики Бесерменскіе.

г. 1262.

жданнна, именемъ Марію, но умѣлъ снискать ея любовь, и свѣдавъ отъ нее, что Устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ Христіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человѣкъ добродѣтелями и набожностію пріобрѣлъ всеобщую любовь, и память его еще хранится въ Устюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ, забавляясь *соколиною* охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которое донынѣ именуется *Сокольею горою* (106).

Сіи происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное: Россіяне, наказавъ лиховмцевъ Харазскихъ, озлобили Татаръ, ихъ покровителей. Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: то и другое обвиняло Александра въ глазахъ Хановыхъ, и Великій Князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: Моголы не за-долго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра: онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные Россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. — Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Димитрію итти на Ливонскихъ Рыцарей. Сей юный Князь взялъ приступомъ Дерптъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился обремененный добычею. Кромѣ

многихъ Новогородцевъ, съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій, Константинъ, зять Александровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и Князь Литовскій Товтивилъ, племянникъ Миндовговъ, который принялъ Вѣру Христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или — что гораздо вѣроятнѣе — будучи добровольно призванъ жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова: ибо Товтивилъ имѣлъ славу добраго Князя ([107]). Съ помощію Даніила Галицкаго и Ливонскихъ Рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость отъ дяди, и жилъ мирно съ Россіянами.

Александръ нашелъ Хана Берку въ Волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ Искусства и Науки; ласкалъ Ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою Капчакскую столицу, и позволилъ Россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять Христіанское богослуженіе, такъ, что Митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную Епархію подъ именемъ *Сарской*, съ коею соединили послѣ Епископію южнаго Переяславля ([108]). Великій Князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе Бесерменовъ изъ городовъ Суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ г. 1263. войска, но продержалъ Невскаго въ Ордѣ

всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ, и пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14 Ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концемъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ (109): постригся, принялъ Схиму, и слыша горестный плачь вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: «удалитесь и не сокрушайте души «моей жалостію!» Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда — по собственному выраженію одного изъ нихъ — гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ Великаго Князя, онъ въ собраніи Духовенства воскликнулъ: «солнце отечества закатилось!» Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: «не стало Александра!» Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: ибо Невскій казался необходимымъ для Государства, и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, Бояре, народъ, въ глубокой скорби повторяли одно слово: «погибаемъ!» . . . Тѣло Великаго Князя уже везли въ столицу: не смотря на жесто-

Кончина и добродѣтели Александровы.

кій зимній холодъ, Митрополитъ, Князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ Историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ Ангеловъ хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего Князя! Имя *Святаго*, ему данное, гораздо выразительнѣе *Великаго:* ибо *Великими* называютъ обыкновенно *счастливыхъ:* Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства Государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ Государства. Самые легкомысленные Новогородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго Князя, говоря, что «онъ «много потрудился за Новгородъ и за всю

Ноября 23. «землю Русскую.» Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда *Великою Архимандритiею)*, гдѣ и покоилось до самаго XVIII вѣка, когда Государь Петръ I вздумалъ перенести сiи остатки безсмертнаго Князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое бытiе.

По кончинѣ первыя супруги, именемъ *Александры*, дочери Полоцкаго Князя Брячислава, Невскiй сочетался вторымъ бракомъ съ неизвѣстною для насъ Княжною *Вассою*, коей тѣло лежитъ въ Успенскомъ монастырѣ Владимiрскомъ, въ церкви Рождества Христова, гдѣ погребена и дочь его, Евдокiя (110).

Слава Александрова, по свидѣтельству

Выходцы изъ чужихъ земель. нашихъ *Родословныхъ Книгъ*, привлекла къ нему изъ чужихъ земель — особенно изъ Германiи и Пруссiи (111) — многихъ именитыхъ людей, которыхъ потомство донынѣ существуетъ въ Россiи и служитъ Государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ.

Въ Княженiе Невскаго начались въ Волжской или Капчакской Ордѣ несогласiя, бывшiя

Мятежи въ Ордѣ. предвѣстiемъ ея паденiя. Ногай, одинъ изъ главныхъ Воеводъ Татарскихъ, надменный могуществомъ, не захотѣлъ повиноваться Хану, сдѣлался въ окрестностяхъ

Чернаго моря Владѣтелемъ независимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, Императоромъ Греческимъ, который въ 1261 году, къ общему удовольствію Россіянъ, взявъ Царьградъ и возстановивъ древнюю Монархію Византійскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинію, за сего мятежника ([112]). Отъ имени Ногая произошло, какъ вѣроятно, названіе Татаръ Ногайскихъ, нынѣ подданныхъ Россіи. — Не смотря на внутреннее неустройство, Моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія, и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жители, ими утѣсненные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ Король Гаконъ обратилъ ихъ въ Вѣру Христіанскую и далъ имъ земли для поселенія ([113]).

ГЛАВА III.

Великій Князь Ярославъ Ярославичь.

г. 1263—1272.

Древнѣйшая грамота Новогородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Ѳеодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даніила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ.

Андрей Ярославичь долженъ былъ наслѣдовать престолъ Владимірскій; но какъ
г. 1264. онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, то братъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался Великимъ Княземъ. Новогородцы также признали его своимъ Начальникомъ, выгнавъ юнаго Димитрія Александровича за его малолѣтство; но хотѣли, чтобы Ярославъ далъ клятву въ вѣрномъ
Древнѣйшая грамота Новогородская. соблюденіи условій (114). Мы имѣемъ подлинникъ сего торжественнаго договора, писаннаго отъ имени Архіепископа, Михаила Посадника, Тысячскаго Кодрата и всего Новагорода, отъ *старѣйшихъ* и *меньшихъ*. Тамъ сказано: «Князь Ярославъ!

«требуемъ, чтобы ты, подобно предкамъ твоимъ «и родителю, утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ «священный обѣтъ править Новымгородомъ по «древнему обыкновенію, брать одни *дары* съ на«шихъ областей, поручать оныя только Новго«родскимъ, а не Княжескимъ чиновникамъ, не «избирать ихъ безъ согласія Посадника, и безъ «вины не смѣнять тѣхъ, которые опредѣлены «братомъ твоимъ Александромъ, сыномъ его «Димитріемъ и Новогородцами. Въ Торжкѣ и «Волокѣ будутъ Княжескіе и наши Тіуны (или «судіи): первые въ твоей части, вторые въ Ново«городской ([115]); а въ Бѣжицахъ ни тебѣ, ни «Княгинѣ, ни Боярамъ, ни Дворянамъ твоимъ «селъ не имѣть, не покупать и не принимать въ «даръ, равно какъ и въ другихъ владѣніяхъ Но«вагорода: въ Волокѣ, Торжкѣ, и проч.; также «въ Вологдѣ, Заволочьѣ, Колѣ, Перми, Печерѣ, «Югрѣ. Въ Русу можешь ты, Князь, ѣздить «осенью, не лѣтомъ; а въ Ладогу посылай своего «рыбника и медовара по грамотѣ отца твоего, «Ярослава. Димитрій и Новогородцы дали Бѣ«жичанамъ и Обонежцамъ на три года право «судиться собственнымъ ихъ судомъ: не нару«шай сего временнаго устава, и не посылай къ «нимъ судей. Не выводи народа въ свою землю «изъ областей нашихъ, ни принужденно, ни во«лею. Княгиня, Бояре и Дворяне твои не должны «брать людей въ залогъ по долгамъ, ни купцевъ, «ни земледѣльцевъ. Отведемъ сѣнные покосы «для тебя и Бояръ твоихъ; но не требуй отня-

«тыхъ у насъ Княземъ Александромъ, и вообще «не подражай ему въ дѣйствіяхъ самовластія. «Тіунамъ и Дворянамъ Княжескимъ, объѣзжаю-«щимъ волости (116), даются прогоны, какъ из-«древле установлено, и только одни ратные гон-«цы могутъ въ селахъ требовать лошадей отъ «купцевъ. Что касается до пошлинъ, то купцы «наши въ твоей и во всей землѣ Суздальской «обязаны платить по двѣ векши съ лодки, съ «возу и съ короба льну или хмѣля. Такъ бывало, «Князь, при отцахъ и дѣдахъ твоихъ и нашихъ. «Цѣлуй же святый крестъ во увѣреніе, что «исполнишь сіи условія; цѣлуй не чрезъ посред-«никовъ, но самъ и въ присутствіи Пословъ Но-«вогородскихъ. А за тѣмъ мы кланяемся тебѣ, «Господину Князю.» — Сія любопытная грамота свидѣтельствуетъ, что собственный доходъ Князей Новогородскихъ состоялъ въ *дарахъ*, а дань шла въ казну общественную; что избраніе областныхъ начальниковъ хотя и зависѣло отъ Князя, но требовало согласія Посадникова; что нѣкоторыя волости откупали право имѣть собственныхъ судей; что Новогородцы не дозволяли единоземцамъ своимъ переселяться въ другія Княженія; что купцы ихъ въ областяхъ сосѣдственныхъ торговали по большей части хмѣлемъ и льномъ; что Ладожане давали медъ и рыбу для стола Княжескаго, преимущественно изобилуя оными. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Вологдѣ, которая, по тамошнимъ церковнымъ запискамъ, около 1147 году была

торговымъ мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами, а въ слѣдующія времена городомъ знатнымъ, обнесеннымъ каменною стѣною; развалины ея башенъ и воротъ донынѣ примѣтны ([117]).

Ярославъ, клятвенно утвердивъ договоръ, пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, будучи вдовъ, женился на Ксеніи, дочери какого-то Юрія Михайловича ([118]). Тамъ свѣдалъ онъ о важныхъ происшествіяхъ въ Литвѣ. Не стало Миндовга, Короля Литовскаго, злодѣйски убитаго ближними родственниками. Они умертвили и Товтивила Полоцкаго, коварно заманивъ его въ сѣти, и дали Полочанамъ своего Князя; а сынъ Товтивиловъ, спасаясь отъ сихъ убійцъ, пріѣхалъ въ Новгородъ ([119]). Россіяне съ горестію видѣли идолопоклонника на тронѣ православнаго, нѣкогда столь знаменитаго Княженія; но утѣшались междоусобіемъ и бѣдствіями Литовцевъ. Миндовгъ имѣлъ сына, именемъ Воишелга, который господствовалъ въ Новогродкѣ, изгнавъ оттуда Романа Даніиловича, и славился тиранствомъ, ежедневно плавая въ крови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще при жизни отца сдѣлался Христіаниномъ, и смягченный Вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую: уѣхалъ къ Даніилу Галицкому; крестилъ сына Львова, Юрія; отказался отъ

г. 1265. Бракъ Ярославовъ.

Мятежи въ Литвѣ.

свѣта; жилъ долго въ Обители Полонинскаго Игумена, Григорія, извѣстнаго благочестіемъ; хотѣлъ видѣть Іерусалимъ и гору Аѳонскую; возвратился съ пути, и на берегу Нѣмена основавъ монастырь, трудился въ ономъ нѣсколько лѣтъ, ревностно исполняя всѣ обязанности Инока. Миндовгъ ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ Христіанству; но вѣсть о несчастной смерти отца произвела въ Воишелгѣ дѣйствіе чрезвычайное: онъ затрепеталъ отъ гнѣва, схватилъ мечь, и свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ чрезъ три года снова надѣть ее, когда отмститъ врагамъ Миндовга (190). Сія месть была ужасна: собравъ полки, Воишелгъ явился въ Литвѣ какъ звѣрь свирѣпый, и признанный тамъ единодушно Государемъ, истребилъ множество людей, называя ихъ предателями. Триста семействъ Литовскихъ искали убѣжища во Псковѣ, крестились и нашли великодушнаго заступника въ Ярославѣ: ибо Новогородцы хотѣли-было умертвить сихъ несчастныхъ.

Въ то же время одинъ изъ родственниковъ Миндовговыхъ, именемъ Довмонтъ, выѣхалъ изъ отечества, и, къ удовольствію
г. 1266. Псковитянъ, принявъ у нихъ Вѣру Христіанскую, снискалъ столь великую довѣренность между ими, что они безъ согласія

Ярославова объявили его своимъ Княземъ, и дали ему войско для опустошенія Литвы ([121]). Довмонтъ оправдалъ сію довѣренность подвигами мужества и ненавистію къ соотечественникамъ: разоривъ область Литовскаго Князя Гердена, плѣнилъ его жену, двухъ сыновей, и на берегахъ Двины одержалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество Литовцевъ утонуло въ Двинѣ, Іюля 18. и самъ Герденъ едва ушелъ; а Псковитяне, славя храбрость Довмонта, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность Христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заступленію Святаго Леонтія, побѣдивъ непріятелей въ день памяти сего Мученика.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на Псковитянъ за самовольное избраніе Князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонта и привелъ для того въ Новгородъ полки Суздальскіе ([122]); но долженъ былъ отпустить ихъ назадъ. Новогородцы не хотѣли слышать о сей войнѣ междоусобной и сказали ему: «другу ли Святой Софіи быть непрія- г. 1267. «телемъ Пскова?» — Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ знатная часть Новагорода обратилась въ пепелъ. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли, и даже самыя купеческія суда въ пристани, нагруженныя

Маія 23. товаромъ: Волховъ, по словамъ Лѣтописца, казался пылающимъ. Богатые граждане въ нѣсколько часовъ обѣднями, а бѣдные разбогатѣли, въ общемъ смятеніи захвативъ чужія драгоцѣнныя вещи (123).

Сіе бѣдствіе не мѣшало Новогородцамъ заниматься дѣлами ратными: войско ихъ ходило съ Довмонтомъ и Псковитянами на Литву, сдѣлало много вреда непріятелю, и возвратилось безъ урона: другое осаждало Везенбергъ или Раковоръ въ Эстоніи, подвластной Датчанамъ, но не могло взять его. Желая загладить сію неудачу, Новогородцы сыскали искусныхъ мастеровъ, и велѣли имъ на дворѣ Архіепископскомъ строить большія стѣнобитныя орудія (124); призвали Димитрія Александровича изъ Переславля съ войскомъ, Довмонта Псковскаго, и ждали самаго Великаго Князя: но Ярославъ, вмѣсто себя, прислалъ къ нимъ двухъ сыновей, Святослава и Михаила (125). Въ то время, какъ войско готовилось выступить, лазутчики Нѣмецкаго Ордена, называясь Послами отъ Риги, Феллина и Дерпта, явились въ Новѣгородѣ, говоря нашимъ Князьямъ, что Рыцарство Ливонское желаетъ остаться въ дружбѣ съ ними, не думаетъ помогать Датчанамъ и не вмѣшивается въ ихъ дѣла съ Россіянами. Нѣмцы дали клятву въ истинѣ своихъ увѣреній, и Новогородскій Бояринъ, отправленный къ

Война въ Ливоніи.

Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ* — такъ у насъ именовали Рыцарей Ливонскихъ — заставилъ ихъ присягнуть въ томъ же ([126]). Считая Нѣмцевъ друзьями, Россіяне надѣялись легко управиться съ Датчанами, шли къ Везенбергу тремя путями, разоряли селенія, и зная, что многіе жители скрываются въ одной неприступной пещерѣ съ своимъ имѣніемъ, посредствомъ какой-то искусственной машины пустили туда воду: бѣдные Эстонцы выскочили и безъ милости были изрублены въ куски; а добычу, найденную въ пещерѣ, Новогородцы отдали всю Князю Димитрію. Уже войско наше, приближаясь къ Раковору, стояло на берегахъ Кеголи, и вдругъ, къ изумленію своему, увидѣли сильные полки Нѣмецкіе, коими предводительствовалъ самъ Магистръ Ордена, именемъ Отто Фонъ-Роденштеинъ, и Епископъ Дерптскій Александръ, въ противность данной клятвѣ взявшіе сторону Датчанъ ([127]). Видя, что надобно развѣдаться съ ними мечемъ, Новогородцы немедленно перешли за рѣку и стали противъ *Желѣзнаго* Нѣмецкаго *полку*; сынъ Ярославовъ, Михаилъ, на лѣвомъ крылѣ; Довмонтъ Псковскій, Димитрій и Святославъ на правомъ. Ударили смѣло и мужественно съ обѣихъ сторонъ. «Ни отцы, ни дѣды наши» — говоритъ Лѣтописецъ — «не видали такой жестокой сѣчи.»

г. 1268. Генв. 23.

Февраля 18.

Новогородцы, имѣя дѣло съ отборною Нѣмецкою фалангою, падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; Тысячскій, именемъ Кодратъ, пропалъ безъ вѣсти, а Князь Юрій Андреевичь обратилъ тылъ. Псковитяне, Ладожане стояли дружно. Наконецъ Князь Димитрій и Новогородцы сломили непріятелей и гнали ихъ семь верстъ до самаго города; но возвратясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ Нѣмецкій, который врѣзался въ наши обозы. Между тѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные Вожди совѣтовали подождать утра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивать своихъ вмѣсто непріятелей, и съ трудомъ могли удержать пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ нетерпѣніемъ; но Рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дни стояли Россіяне *на костяхъ*, то есть, на мѣстѣ сраженія, въ знакъ побѣды, и рѣшились итти назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ, не могли заняться осадою городовъ. Вмѣсто добычи, они принесли съ собою трупы убіенныхъ, знаменитыхъ Бояръ, и схоронили тѣло Посадника Михаила въ Софійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его славную кончину. Избрали новаго Посадника, именемъ Павшу; а мѣсто Тысячскаго осталось праздно, ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кодратовой. — Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новѣгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе Историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5000 нашихъ и

1350 Нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дерптскій Епископъ.

Злобствуя на Россіянъ, Магистръ Ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ область Псковскую; сжегъ Изборскъ, осадилъ Псковъ и думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей Князь былъ страшенъ не только для Литвы, но и для сосѣдственныхъ Нѣмцевъ, и не задолго до того времени истребилъ ихъ отрядъ на границѣ. Мужественный Довмонтъ, осмотрѣвъ силу непріятелей и готовясь къ битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечь свой предъ олтаремъ и молился, да будутъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный Игуменомъ Исидоромъ (который собственною рукою препоясалъ ему мечь), Князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь Псковитянъ; десять дней бился съ Нѣмцами; ранилъ Магистра. Между тѣмъ Новогородцы съ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заставили Рыцарей отступить за рѣку Великую; вошли въ переговоры съ ними и согласились дать имъ миръ. Тѣ и другіе остались при своемъ, потерявъ множество людей безъ всякой пользы (123).

г. 1269.

Апрѣля 23.

Тогда Великій Князь Ярославъ прибылъ въ Новгородъ, и досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролитную, хотѣлъ ихъ смѣнить, или немедленно выѣхать изъ столицы. Граждане объявили рѣшительно, что они не согласны на первое, но молили его у нихъ остаться, ибо миръ, заключенный съ Нѣмцами, казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же, что Великій Князь дѣйствительно уѣхалъ, отправили въ слѣдъ за нимъ Архіепископа, который наконецъ уговорилъ Ярослава возвратиться изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили, однакожь, въ угодность Князю, граждане избрали въ Тысячскіе одного преданнаго ему человѣка, именемъ Ратибора, и начали готовиться къ войнѣ. Князья Суздальскихъ Удѣловъ и полки Ярославовы собралися въ Новгородъ, куда пріѣхалъ

Баскакъ. и Великій Владимірскій Баскакъ, Татаринъ Амрагань (129). Сей чиновникъ Хана — имѣя, кажется, участіе и въ нашихъ государственныхъ совѣтахъ — одобрилъ намѣреніе Россіянъ итти къ Ревелю; но Датчане и Нѣмцы, ослабленные претерпѣннымъ ими урономъ, не захотѣли новой войны, и добровольно уступивъ намъ всѣ берега Наровы, обезоружили тѣмъ Ярослава.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, Великій Князь хотѣлъ-было вести полки свои въ землю Корельскую, чтобы утвердить ея жи-

телей въ послушаніи: Новогородцы просили его не тревожить сихъ бѣдныхъ людей, и Князь отпустилъ войско, не предвидя для себя опасности. Увѣренный въ преданности нѣкоторыхъ чиновниковъ, а можетъ быть и въ покровительствѣ Татаръ, онъ худо исполнялъ заключенный имъ договоръ съ Новогородцами: дѣйствовалъ иногда какъ Государь самовластный; слышалъ ропотъ и не уважалъ его. Общее неудовольствіе возрастало. Вдругъ, къ изумленію Князя, ударили въ Вѣчевый колоколъ: насталъ грозный часъ суда народнаго, и люди со всѣхъ сторонъ бѣжали толпами къ Св. Софіи рѣшить судьбу отечества, какъ они думали. Первымъ опредѣленіемъ сего шумнаго Вѣча было изгнать Ярослава и казнить любимцевъ Княжескихъ: главнаго изъ нихъ умертвили; другіе ушли въ церковь Св. Николая и на Городище, къ Ярославу, оставивъ домы свои въ жертву народу, разломавшему оные до послѣдняго бревна (130). Именемъ Новагорода вручили Князю грамоту обвинительную. «Для чего» — писали къ нему граждане — «завладѣлъ ты дворомъ Морткинича? для чего взялъ серебро «съ Бояръ Никифора, Романа и Варѳоломея? Для чего выводишь отсюда иноземцевъ, мирно живущихъ съ нами? для чего «птицеловы твои отнимаютъ у насъ рѣку «Волховъ, а звѣроловы поля? Да будетъ

г. 1270.

Упреки Великому Князю.

«нынѣ конецъ твоему насилію! Иди, куда хо-«чешь; а мы найдемъ себѣ Князя.» Ярославъ послалъ сына и Тысячскаго своего на Вѣче, съ увѣреніемъ, что онъ сдѣлаетъ все угодное народу. «Нѣтъ!» отвѣтствовали ему граждане: «мы «не хотимъ тебя. Удались, или будешь немед-«ленно изгнанъ.» Великій Князь уѣхалъ; а Новогородцы отправили Посольство къ Димитрію Александровичу, думая, что онъ съ радостію согласится княжить у нихъ; но Димитрій отрекся, и велѣлъ имъ сказать: «не хочу престола, съ «коего вы согнали моего дядю.»

Сей отказъ весьма огорчилъ Новогородцевъ. Въ то же время они получили извѣстіе отъ Василія, меньшаго Ярославова брата, что Великій Князь, пылая гнѣвомъ, готовится итти на нихъ съ полками Моголовъ, съ Димитріемъ Переславскимъ и съ Глѣбомъ Смоленскимъ (сыномъ Ростислава (131) Мстиславича). «Но будьте спокой-«ны,» писалъ къ нимъ Василій: «Святая Софія «есть моя отчина; я готовъ служить ей и вамъ.» Онъ поѣхалъ въ Орду, гдѣ любимецъ Великаго Князя, Ратиборъ, Тысячскій Новагорода, вооружилъ Хана противъ своихъ единоземцевъ, говоря ему: «Новогородцы враги твои; изгнали «Ярослава съ безчестіемъ, разграбили наши «домы и хотѣли насъ умертвить единственно за «то, что мы требовали съ нихъ для тебя дани.» Обманутый Ханъ послалъ войско, чтобы смирить ослушниковъ; но Василій Ярославичь вывелъ его изъ заблужденія, объяснивъ ему, что

Новогородцы ни чѣмъ не оскорбили Моголовъ, и что неудовольствія ихъ на Великаго Князя справедливы. Тогда Ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться; а Василій, оказавъ столь важную услугу Новогородцамъ, надѣялся быть ихъ Княземъ. Готовые умереть за права вольности, они укрѣпили столицу съ обѣихъ сторонъ высокимъ тыномъ, сносили имѣніе въ средину города и ждали непріятелей.

Ярославъ приближился къ самому Городищу; но видя тамъ всѣхъ жителей вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ, обратился къ Русѣ, и занявъ оную своимъ войскомъ, прислалъ оттуда Боярина съ дружелюбными предложеніями въ Новгородъ. «Забываю» — говорилъ онъ — «сдѣланныя мнѣ «вами обиды, и всѣ Князья Россійскіе будутъ «моими поруками въ вѣрномъ исполненіи на«шихъ условій.» Новогородцы отвѣтствовали ему чрезъ Посла: «Князь! ты объявилъ себя «врагомъ Святыя Софіи: оставь же насъ въ по«коѣ, или мы умремъ за отечество. Не имѣемъ «Князя; но за насъ Богъ, правда и Святая Софія; «а тебя не хотимъ.» Въ слѣдъ за Посломъ двинулось къ Русѣ ихъ войско многочисленное, въ коемъ находились Ладожане, Корелы, Ижерцы, Вожане и Псковитяне. Станъ ихъ былъ на одной сторонѣ рѣки, Ярославовъ на другой: прошла недѣля въ бездѣйствіи. Тогда Новогородцы получили грамоту отъ Митрополита Кирилла ([132]). Сей достойный Пастырь Церкви именемъ отечества и Вѣры заклиналъ ихъ не проливать крови:

ручался за Ярослава и бралъ на себя грѣхъ, если они, въ изступленіи злобы, дали Богу клятву не мириться съ Великимъ Княземъ. Слова добродѣтельнаго старца тронули Новогородцевъ, и Послы Ярославовы, прибывъ къ нимъ въ станъ, довершили благое дѣло мира. Написали договоръ: Великій Князь утвердилъ оный цѣлованіемъ креста. Сія грамота также хранится въ нашемъ Архивѣ и содержаніемъ подобна первой; означимъ только нѣкоторыя прибавленія. Въ ней сказано отъ имени Новагорода: «Князь Ярославъ! забудь гнѣвъ на Владыку, Посадника и всѣхъ мужей Новогородскихъ; не мсти имъ ни судомъ, ни словомъ, ни дѣломъ. Не вѣрь клеветникамъ; «не принимай доносовъ отъ раба на господина. Пословъ и купцевъ нашихъ, остановленныхъ въ Костромѣ и въ другихъ «городахъ Низовскихъ, выпусти съ ихъ «имѣніемъ; освободи также военноплѣнныхъ и всѣхъ должниковъ Новогородскихъ, задержанныхъ въ Торжкѣ Княземъ «Юріемъ Андреевичемъ, или твоихъ собственныхъ, или Княгининыхъ, или Боярскихъ (купецъ да идетъ въ свою Сотню ([133]), а селянинъ въ свой погостъ. Не «раздавай никому государственныхъ даней. «Возврати грамоту отца твоего, которую «ты у насъ отнялъ; и вмѣсто новыхъ, данныхъ тобою, да имѣютъ силу прежнія,

Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ.

«Ярославовы и Александровы грамоты. На «Дворѣ Нѣмецкомъ торгуй единственно через «нашихъ купцевъ; а Двора не затворяй, и не посылай туда приставовъ. Село Святой Софіи «останется ея неотъемлемою собственностію. «Новогородцы не должны быть судимы въ землѣ «Суздальской. Купцы наши да торгуютъ въ ней «свободно по грамотѣ Ханской (134) ; бери тамъ «установленныя пошлины, но въ областяхъ «Новогородскихъ не заводи таможни. Судьи «начинаютъ свои объѣзды съ Петрова дни,» и проч. На бѣлой сторонѣ сей хартіи, къ коей привязана свинцовая печать, написано, что Послы Хана Татарскаго, Чевгу и Банши, прибыли съ его грамотою въ Новгородъ, возвести Ярослава на престолъ. Столь велика была зависимость Князей Россійскихъ!

Ярославъ жилъ потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Не любя Довмонта, онъ далъ Псковитянамъ инаго Князя — но только на малое время — какого-то Айгуста (135), и зимою уѣхалъ въ Владиміръ, поручивъ Новгородъ Намѣстнику, Андрею Вратиславичу. Великое Княженіе Суздальское было спокойно, то есть, рабствовало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ Небо за облегченіе своей доли, которое состояло въ томъ, что преемникъ Хана или Царя Берки, братъ его, именемъ Мангу-Тимуръ, освободилъ Россіянъ отъ насилія откупщиковъ Харазскихъ. Историкъ Могольскій, Абульгази, хвалитъ Тимура за его острый умъ: но умъ не смягчалъ въ

немъ жестокаго сердца, и память сего Хана запечатлѣна въ нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олегова, Романа, Князя Рязанскаго, принявшаго въ Ордѣ вѣнецъ Мученика. Еще Ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о Вѣрѣ съ купцами Бухарскими, и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ Магометаниномъ: примѣръ его служилъ закономъ для большей части Моголовъ, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая Вѣра обыкновенно производитъ изувѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть, Князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума: донесли Тимуру, что онъ хулитъ ихъ Законъ. Тогда Романъ, принуждаемый дать отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти, и говорилъ такъ смѣло, что озлобленные варвары, заткнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго Князя по составамъ, и взоткнули голову его на копіе, содравъ съ нее кожу (136). Россіяне проливали слезы, но утѣшались твердостію сего втораго Михаила, и думали, что Богъ не оставилъ той земли, гдѣ Князья, презирая славу мірскую, столь великодушно умираютъ за Его святую Вѣру.

Татары принимають Магометову Вѣру.

Іюля 19.

Великій Князь Ярославъ, слѣдуя примѣру отца и Александра Невскаго, старался вѣ-

ми способами угождать Хану, и подобно ему кончилъ жизнь свою на возвратномъ пути изъ Орды, куда онъ ѣздилъ съ братомъ Василіемъ и съ племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ ([137]). Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ сего Князя: видимъ только, что Ярославъ не умѣлъ ни довольствоваться ограниченною властію, ни утвердить самовластія смѣлою рѣшительностію; обижалъ народъ и винился какъ преступникъ; не отличался ратнымъ духомъ, ибо не хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, когда оно сражалось съ Нѣмцами; не могъ называться и другомъ отечества, ибо вооружалъ Моголовъ противъ Новагорода.

Г. 1272. Кончина Ярослава.

Опишемъ разныя особенныя происшествія Ярославова времени. При семъ Государѣ сдѣлались нѣкоторыя перемѣны въ частныхъ Удѣлахъ Великаго Княженія. Василій Всеволодовичь, внукъ Константиновъ, умершій еще въ 1249 году, оставилъ на престолѣ Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтную дочь Марію, которая послѣ сочеталась бракомъ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ *Чернымъ*, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, Удѣльнымъ Княземъ Можайска ([138]). Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль.

Перемѣны въ Удѣлахъ.

наслѣдіе супруги его, и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ тещею. Къ сему извѣстію новѣйшіе Лѣтописцы прибавляютъ слѣдующую повѣсть: «Ѳеодоръ, бывъ въ Ордѣ, муже-«ственною красотою и разумомъ столь плѣ-«нилъ Царицу Могольскую, что она желала «выдать за него дочь свою. Въ то самое время Марія скончалась въ Ярославлѣ, и «народъ, объявивъ ея сына, Михаила, Вла-«дѣтельнымъ Княземъ, уже не хотѣлъ по-«виноваться Ѳеодору, который, лишась «супруги и престола, согласился быть зя-«темъ Хана или Царя Капчакскаго. Всѣ «препятствія исчезли: Ханъ позволилъ до-«чери креститься, и Константинопольскій «Патріархъ торжественною грамотою утвер-«дилъ ея благословенное супружество; а «тесть построилъ для Ѳеодора великолѣп-«ныя палаты въ Сараѣ и далъ ему множе-«ство городовъ: Черниговъ, Херсонъ, Бол-«гары, Казань; по смерти же юнаго Михаи-«ла Ѳеодоровича, возвелъ сего любимаго «зятя на престолъ Ярославскій, наказавъ «его враговъ. Супруга Ѳеодорова, назван-«ная въ крещеніи Анною, построила въ «Ярославлѣ храмъ Архистратига Михаила «и заслужила имя добродѣтельной Хри-«стіанки» (139). Ежели сія повѣсть справедлива, то вѣроятно, что Ѳеодоръ былъ зятемъ не Мангу-Тимура, а Ногая, женатаго

Князь Ѳеодоръ зять Ханов.

на Христіанкѣ и не хотѣвшаго принять Вѣры Магометанской.

Димитрій Святославичь, Князь Юрьева Польскаго, двоюродный братъ Ярослава, умеръ въ 1269 году [140]; и съ того времени 70 лѣтъ не упоминается въ нашей Исторіи о Владѣтеляхъ Юрьевскихъ. Сей набожный Князь принялъ Схиму отъ Епископа Ростовскаго, и закрывая глаза навѣки, сказалъ ему: «Святый Владыко! ты совершилъ «трудъ свой и приготовилъ меня къ пути «дальнему, какъ добраго воина Христова. «Тамъ, въ жизни вѣчной, царствуетъ Богъ «милосердія: иду служить ему съ вѣрою и «надеждою.» Сіи послѣднія слова Димитріевы казались Лѣтописцамъ достопамятнѣе дѣлъ его, совершенно для насъ неизвѣстныхъ.

Лѣтъ за шесть до Ярославовой смерти преставился (и погребенъ въ Холмѣ) знаменитый Даніилъ, Король Галицкій [141], славный воинскими и государственными достоинствами, а еще болѣе отмѣннымъ милосердіемъ, отъ коего не могли отвратить его ни измѣны, ни самая гнусная неблагодарность Бояръ мятежныхъ: добродѣтель рѣдкая во времена жестокія и столь бурныя. Милостивый къ подданнымъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чтилъ Князей старшихъ; изъявлялъ нѣжную любовь

Смерть и добродѣтели Короля Даніила.

къ матери и къ брату, получившему отъ него въ Удѣлъ область Владимірскую; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; наблюдалъ правило вѣрности въ союзахъ, побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь Державы Галицкой; нашествіемъ Моголовъ разстроенный въ видахъ своей Политики, не изумился, не утратилъ бодрости духа: хотя не могъ совершенно избавиться отъ ихъ свирѣпаго тиранства, но закрылъ глаза съ надеждою, что его потомки будутъ счастливѣе, слѣдуя принятой имъ системѣ держаться союза Государей Западныхъ, иногда обольщать варваровъ золотомъ и смиреніемъ, иногда устрашать силою, въ ожиданіи, что они, какъ Гунны Аттилины, какъ Обры, исчезнутъ, сокрушенные или внутреннимъ междоусобіемъ или общимъ усиліемъ Государей Европейскихъ. Сія надежда не совсѣмъ обманула Даніила: его преемники рабствовали менѣе иныхъ Князей Россійскихъ, уважаемые и Ханами и сосѣдственными Христіанскими Державами, которыя въ теченіе цѣлаго вѣка считали Княжество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны Моголовъ.

Происшествія въ Западной Россіи. Первымъ слѣдствіемъ кончины Даніиловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ ([142]). Василько остался Княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышль-

скимъ; Романъ Даніиловичь умеръ; третій братъ ихъ, Мстиславъ, господствовалъ въ Луцкѣ и Дубнѣ; меньшій, Шварнъ — кажется, любезнѣйшій отцу — въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Не смотря на миръ и союзъ, за нѣсколько лѣтъ до того времени утвержденный въ Тернавѣ между Болеславомъ и Даніиломъ, корыстолюбивые Бояре Шварновы не усомнились вмѣстѣ съ Литвою грабить Польскія владѣнія. Болеславъ хотѣлъ отметить: дошло до битвы, въ коей дружина Шварнова претерпѣла великій уронъ; наконецъ примирились, ибо общая польза обѣихъ Державъ того требовала.

Хотя Княжество Даніилово раздѣлилось на части, однакожь его сыновья дѣйствовали согласно въ государственныхъ предпріятіяхъ и слушались дяди, опытнаго, благоразумнаго Василька, не смотря на то, что Князь Левъ съ неудовольствіемъ видѣлъ меньшаго брата властелиномъ Галича и Холма. Сія зависть еще усилилась отъ новаго происшествія, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной Россіи, но и для спокойствія другихъ земель сосѣдственныхъ. Бывшій Инокъ Воишелгъ, сынъ Миндовга, искренній другъ Василька и Шварна, своего зятя, съ ихъ помощію овладѣвъ большею частію Литвы, раздробленной на многія области, далъ послѣднему въ ней Удѣлъ, а наконецъ уступилъ ему и престолъ; снялъ съ себя одежду Княжескую и заключился въ монастырѣ Угровскомъ, исполняя произне-

сенный имъ обѣтъ. Россіяне надѣялись, что грабительства Литовскія уже не возобновятся, и что сей опасный народъ, правимый сыномъ Даніиловымъ, составитъ одну Державу съ Галицкимъ Княженіемъ; но Левъ, думая о пользѣ собственнаго властолюбія еще болѣе, нежели о благѣ отечества, не могъ снести равнодушно, что сильное Княжество Литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнулъ на месть подлую и свирѣпую. Онъ предложилъ Воишелгу съѣхаться съ нимъ въ Владимірѣ будто бы для какого-то важнаго дѣла. Сей Князь-Инокъ сомнѣвался, зная коварство Льва; но увѣренный въ безопасности словомъ добродушнаго Василька, пріѣхалъ въ Владиміръ, и сталъ въ монастырѣ Св. Михаила. На другой день былъ обѣдъ у знатнѣйшаго Вельможи Даніилова, Нѣмца Маркольта, гдѣ Князья по тогдашнему обыкновенію пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искусствомъ притворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Насталъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монастырь, куда, въ слѣдъ за нимъ, прискакалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселить любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ слуги Княжескіе окружили его, и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, претерпѣнныя Россіею отъ Литвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя Русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ,

и съ честію погребла Воишелга въ обители Св. Михаила. Пишутъ, что сей Литовскій Князь, отъ природы жестокосердый, будучи Властителемъ, сверхъ одежды богатой носилъ *черную мантію* и потому заслужилъ названіе *волка въ кожѣ агнца* (143). Но онъ имѣлъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христіанской и любви къ нимъ, чтобы кровь Св. Владиміра, браками Даніила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала въ Литвѣ. Къ несчастію, столь важное для Россіи благодѣяніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ въ юности умеръ, и Князь Литовскій, именемъ Тройденъ, Вѣрою язычникъ, сердцемъ Неронъ, сѣлъ на Миндовговомъ тронѣ. Скоро преставился и Князь Василько, о коемъ упоминается съ честію во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ, особенно въ Сербской Исторіи по его дружеству съ Королемъ Стефаномъ Драгутинымъ (144). Сей достойный братъ Даніиловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неутомимый, кончилъ дни свои Монахомъ и тружеником: повѣствуютъ, что онъ жилъ нѣсколько времени въ дикой, заростшей кустарникомъ пещерѣ, оплакивая грѣхи прежняго мірскаго властолюбія и ратной дѣятельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михайловича Брянскаго, (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую, а Левъ Шварнову, то есть, Галичь, Холмъ и Дрогичинъ, утвердивъ престолъ свой

въ новомъ городѣ Львовѣ, основанномъ еще при Данiилѣ.

Основанiе Кафы.

Ко временамъ, нами описываемымъ, Историки относятъ возобновленiе древней Өеодосiи или основанiе нынѣшней Кафы (145). Можетъ быть, Генуэзцы уже и ранѣе купечествовали въ Тавридѣ вмѣстѣ съ Венецiянами; но въ царствованiе Императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею, и съ дозволенiя Моголовъ завели тамъ гостиный дворъ, анбары и лавки: сперва, выпросивъ небольшую частицу земли, обвели ее рвомъ и валомъ, а послѣ начали строить высокiе домы, присвоили себѣ гораздо болѣе отданнаго имъ мѣста и сдѣлали каменную стѣну, назвавъ сей укрѣпленный, прекрасный городъ Кафою; овладѣли Судакомъ, Балаклавою, нынѣшнимъ Азовомъ или Танаисомъ, выгнали оттуда своихъ опасныхъ совмѣстниковъ, Венецiянъ, и стѣснили древнiй Херсонъ, гдѣ (въ 1333 году) находился уже *Латинскiй* Епископъ, и гдѣ въ XVI вѣкѣ представлялись глазамъ путешественниковъ однѣ великолѣпныя развалины. Имѣя иногда ссоры и даже войну съ Моголами (въ 1343 году), Генуэзцы господствовали тамъ до паденiя Греческой Имперiи, и были наконецъ истреблены Турками. Но еще и нынѣ видимъ въ Тавридѣ памятники сихъ образованныхъ Италiянцевъ, остатки ихъ

зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ Историкъ жили нѣкоторыя Генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія ([146]). — Близъ Кафы находился еще знаменитый Могольскій городъ Крымъ (коего именемъ назвали и всю Тавриду), столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня ([147]). Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности, и зная, что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостинницахъ: доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостію, запирали золото въ сундуки, и не давая ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети, въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко *Старый Крымъ* (на рѣкѣ Чурукѣ, близъ Кафы) есть бѣдный остатокъ сего древняго города. Городъ Крымъ.

ГЛАВА IV.

Великій Князь Василій Ярославичь.

г. 1272—1276.

Споръ о Новогородскомъ Княженіи. Моголы идутъ на Литву Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ. Кончина Василія. Соборъ.

Меньшій братъ Ярославовъ, Василій Костромскій, наслѣдовалъ престолъ Великаго Княженія, и немедленно отправилъ Пословъ въ Новгородъ, куда, вмѣстѣ съ ними, прибыли и Димитріевы. Тѣ и другіе остановились на *Дворѣ Ярослава*; тѣ и другіе ходатайствовали за своего Князя: ибо и Василій и Димитрій Александровичь желали присвоить себѣ Новгородъ, избыточный, сильный, и менѣе другихъ областей угнетенный игомъ Татарскимъ. Димитрій надѣялся на славу мужества, изъявленнаго имъ въ битвѣ Раковорской, и еще болѣе на память отца, Героя Невскаго; а Василій на услугу, недавно оказанную имъ въ Ордѣ Новгороду [148]. Посадникъ Павша взялъ сторону перваго, и сынъ Александровъ, признанный Княземъ Новогородскимъ, спѣшилъ въ сію столицу. Василій, свѣдавъ о томъ,

г. 1272. Споръ о Новогородскомъ Княженіи.

послалъ въ слѣдъ за нимъ Воеводу, чтобы Октября 9.
схватить его на пути, а самъ хотѣлъ взять Переславль, но обратился съ войскомъ къ Торжку, и занявъ сей городъ, оставилъ тамъ своего Намѣстника или Тіуна. Князь Тверскій, Святославъ Ярославичь, помогая дядѣ, опустошалъ между тѣмъ берега Волги, Бѣжецкъ, Волокъ. Надлежало прибѣгнуть къ мечу или къ договорамъ: Новогородцы хотѣли употребить оба средства, и собравъ войско, послали Бояръ къ Великому Князю, чтобы укротить его гнѣвъ словами мирными. Но Василій, принявъ Пословъ съ отмѣнною честію, не согласился на миръ, и Димитрій съ сильными полками выступилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣлалась перемѣна. «Дружба Великаго Князя «для насъ необходима,» думали многіе Новогородцы: «купцевъ нашихъ грабятъ те- «перь въ землѣ Суздальской; мы лишены «подвозовъ, и терпимъ нужду въ хлѣбѣ. «Не лучше ли, вмѣсто кровопролитія, ис- «полнить желаніе Василіево, согласное съ «народною пользою?» Сіе мнѣніе было наконецъ всѣми одобрено: остановясь въ Торжкѣ, войско не хотѣло итти далѣе. Самъ Димитрій не противился общей волѣ, и дружелюбно разстался съ Новогородцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему Посадника Павшу, объявили Василія своимъ Правителемъ. Такимъ образомъ Великій Князь

достигъ цѣли; пріѣхалъ въ Новгородъ, и въ знакъ миролюбія забывъ недоброжелательство Болрина Павши, согласился, чтобы народъ возвратилъ ему санъ Посадника. Сей чиновникъ ушелъ-было изъ Торжка къ Димитрію; но боясь на старости лѣтъ остаться изгнанникомъ, прибѣгнулъ къ Василіеву великодушію и до кончины своей пользовался любовію сограждан.

г. 1275. Чрезъ два года, спокойные для Россіи, Великій Князь отправился къ Хану. Въ сіе время Моголы ходили на Литву, приглашенные къ тому Львомъ Галицкимъ. Преемникъ Шварновъ, свирѣпый Тройденъ, нѣсколько лѣтъ бывъ союзникомъ Даниловыхъ сыновей, нечаянно взялъ Дрогичинъ и безжалостно умертвилъ большую часть жителей. Левъ, озлобленный его вѣроломствомъ, обратился къ Хану Мангу-Тимуру, желая истреблять враговъ врагами (140). Глѣбъ Смоленскій и Романъ Михайловичь Брянскій, тесть сына Василькова, Іоанна-Владиміра, соединились съ Татарами, долго терпѣвъ набѣги Литовцевъ, которые опустошили за Днѣпромъ самыя отдаленныя мѣста Черниговскаго Княжества. Но сей походъ имѣлъ для Россіи болѣе вредныхъ слѣдствій, нежели благопріятныхъ: ибо Князья поссорились между собою, и взявъ одно предмѣстіе Новогродка, не захотѣли итти далѣе въ Литву;

Моголы идутъ на Литву.

а Моголы на возвратномъ пути разорили множество нашихъ селъ, подъ именемъ друзей отнимая у земледѣльцевъ скотъ, имѣніе, одежду (150). «Дружба съ невѣр-«ными» — говоритъ Лѣтописецъ — «не «лучше брани; и сей случай да будетъ при-«мѣромъ для потомства!»

Оставленные союзниками, Князья Галицкіе взяли въ Литвѣ два города, Турійскъ на берегу Нѣмена и Слонимъ (гдѣ жили Пруссы, которые искали тамъ убѣжища отъ притѣсненій Нѣмецкаго Ордена: Тройденъ населилъ ими и Гродно). Хотя Левъ и Владиміръ, сынъ Васильковъ, заключили было миръ съ Тройденомъ; но гордый Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ Могольскаго оружія въ Литовской землѣ, прислалъ новую рать въ Галицію и велѣлъ имъ итти съ нею противъ Литвы. Они повиновались. Моголы осаждали Новогродокъ, Россіяне Гродно; но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Гродненскіе Пруссы въ особенности бились мужественно и въ нечаянномъ нападеніи плѣнили лучшихъ Бояръ Галицкихъ; однакожь должны были освободить ихъ, когда Россіяне, овладѣвъ главною башнею крѣпости, предложили честный миръ жителямъ (151).

Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ.

Великій Князь по возвращеніи изъ Орды преставился въ Костромѣ на сороковомъ

г. 1276. Кончина Василія. году отъ рожденія, къ горести Князей и народа, чтившихъ въ немъ Государя умнаго и добродушнаго ([132]). — Въ его время чиновники Могольскіе сдѣлали вторично общую перепись людямъ во всѣхъ Россійскихъ областяхъ для платежа дани, и народъ, уже начиная привыкать къ рабству, сносилъ терпѣливо свое уничиженіе.

Къ главнымъ достопамятностямъ Василіева княженія принадлежитъ Соборъ, бывшій въ 1274 году, когда Митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ изъ Кіева въ Владиміръ, съ Архимандритомъ Печерской Лавры, Серапіономъ, чтобы посвятить его тамъ въ Епископы ([153]). Кириллъ, знаменитый миротворецъ Князей и другъ отечества, свѣдавъ о многихъ безпорядкахъ въ дѣлахъ церковныхъ, ревностно желалъ исправить

Соборъ. ихъ, и созвалъ для того Епископовъ въ Владиміръ: Далмата Новогородскаго, Игнатія Ростовскаго, Ѳеогноста Переяславскаго или Сарскаго, Симеона Полоцкаго, и разсуждавъ съ ними, издалъ Церковныя правила, коихъ почти современный харатейный списокъ находится въ Синодальной библіотекѣ ([154]). «Доныне» — пишетъ Митрополитъ—«уставы церковные *были омрачены облакомъ Еллинской мудрости;* нынѣ «же предлагаются ясно, и невѣдѣніе да не «будетъ извиненіемъ. Уклоняяся отъ истинныхъ правилъ Христіанства, какое мы

«видѣли слѣдствіе? Не разсѣялъ ли насъ Богъ «по лицу земли? не взяты ли грады наши? не «истреблены ли Князи остріемъ меча? не отве-«дены ли въ плѣнъ семейства? не опустошены ли «церкви? не томимся ли ежедневно отъ ига без-«божныхъ и нечестивыхъ враговъ? Се казнь за «нарушеніе уставовъ Церкви!» Увѣренный, что нравственность мірянъ во многомъ зависитъ отъ нравовъ Духовенства, Кириллъ повелѣваетъ давать священный санъ единственно людямъ непорочнымъ, коихъ жизнь и дѣла извѣстны *отъ самаго дѣтства;* сосѣды и знакомые должны засвидѣтельствовать ихъ честность, трезвость, добрыя склонности. Житель иной области (слѣдственно неизвѣстный въ той Епархіи), рабъ неосвобожденный, гражданинъ не платящій дани, господинъ жестокій, *ротникъ* или многоклянущійся, лжесвидѣтель, убійца хотя и принужденный, мздоимецъ, безграмотный, незаконно женатый, отчуждаются отъ сего сана. Іерею надлежитъ имѣть 30 лѣтъ отъ рожденія, Діакону 29. Епископамъ строго запрещается брать съ нихъ деньги за поставленіе, кромѣ опредѣленныхъ Митрополитомъ *семи гривенъ* для крилошанъ. Всякая мзда, такъ называемая *посошная* и другія, отмѣнены. Далѣе сказано: «Мы свѣдали, «что нѣкоторые Іереи въ странахъ Новогород-«скихъ отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ «празднуютъ только и веселятся, не крестятъ «никого и не отправляютъ службы Божествен-«ной: такіе да исправятся или да будутъ извер-

«жены! Единъ достойный Пастырь лучше тыся-
«щи беззаконныхъ. Извѣстно намъ также, что
«многіе люди, держася древнихъ языческихъ
«обыкновеній, сходятся въ святые праздники
«на какія-то бѣсовскія игрища, крикомъ и сви-
«стомъ сзываютъ подобныхъ себѣ пьяницъ, и
«бьются дрекольемъ до самой смерти, снимая съ
«убитыхъ одежду: отнынѣ кто не престанетъ
«тѣшить Діавола такими гнусными забавами, да
«будетъ отлученъ отъ церквей Божіихъ; да не
«пріемлютъ отъ него никакихъ приношеній, то
«есть, ни просфоръ, ни кутьи, ни свѣчь; когда
«же умретъ, да не отправляютъ по немъ Боже-
«ственныя службы, и тѣло его да лежитъ далеко
«отъ святыхъ храмовъ!» Въ числѣ многихъ
обыкновеній, противныхъ уставамъ церковнымъ,
Кириллъ осуждаетъ *обливаніе* при крещеніи,
говоря, что оно беззаконно, и что крестимый
долженъ быть всегда *погружаемъ* въ сосудѣ
особенномъ. — Такимъ образомъ, приписывая
государственное бѣдствіе разврату народа и за-
блужденіямъ Духовенства, сей Митрополитъ
хотѣлъ искоренить оные мѣрами согласными съ
образомъ мыслей своего вѣка.

ГЛАВА V.

Великій Князь Димитрій Александровичь.

Г. 1276 — 1294.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева.

Г. 1276. Состояніе Россіи.

Послѣ страшной грозы Батыевой отечество наше какъ бы отдохнуло въ теченіе лѣтъ тридцати, будучи обязано внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному правленію Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Нѣкоторые частные грабежи Моголовъ, нѣкоторыя маловажныя распри Князей, и самая утрата государственной независимости уже казались легкимъ зломъ въ сравненіи съ общими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда Невская и Раковорская свидѣтельствовали, что Россіяне еще умѣютъ

владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая даже грамотами Ханскими ([155]), доставляла и купцамъ и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ затрудненія. Въ такомъ состояніи находилось Великое Княженіе, когда Димитрій Александровичь восшелъ на престолъ оваго, къ несчастію подданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови Героя Невскаго.

Новогородцы тогда же признали Димитрія своимъ Княземъ, слѣдуя во-первыхъ древнему правилу, что Глава Россіи есть и Глава Новагорода, а во-вторыхъ и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ Низовской ([156]), и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

г. 1277. Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе Князья — Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Ѳеодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ — повели войско въ Орду, чтобы вмѣстѣ съ Ханомъ Мангу-Тимуромъ

Россіяне въ Дагестанѣ. итти на Кавказскихъ Ясовъ или Аланъ, изъ коихъ многіе не хотѣли повиноваться Татарамъ и еще съ усиліемъ противоборствовали ихъ оружію ([157]). Князья наши завоевали Ясскій городъ Дедяковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знатную добычу, плѣнниковъ, и симъ подвигомъ заслужили отмѣнное благоволеніе

Хана, изъявившаго имъ оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Ѳеодоръ Ярославскій и зять его, Михаилъ, сынъ Глѣбовъ, ходили и въ слѣдующій годъ помогать Татарамъ, или единственно исполняя волю Хана, или желая добычи, коею Моголы охотно дѣлились съ Россіянами, пользуясь ихъ мужествомъ (153). Та- г. 1278.
тары воевали тогда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣстнымъ въ Греческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что Небо послало его освободить отечество отъ ига Могольскаго; имѣлъ сперва удачу, и женился на вдовствующей супругѣ Царя Болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ наконецъ разбитъ Татарами и лишенъ жизни въ станѣ Ногаевомъ.

Между тѣмъ Великій Князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ* ихъ землю на *щитъ*, то есть, разоривъ оную и плѣнивъ многихъ жителей, за ослушаніе или явный бунтъ: въ надеждѣ, можетъ быть, на помощь Магистра Ливонскаго или Короля Шведскаго, они хотѣли свергнуть иго, возложенное Новымгородомъ на ихъ предковъ. Чтобы Нѣмцы и Шведы не могли свободно приставать къ г. 1280.
нашимъ берегамъ Финскаго залива, Димитрій заложилъ каменную крѣпость въ Ко- Ко-

порье. порьѣ, гдѣ прежде находилась деревянная, въ его же время срубленная. Сія крѣпость сдѣлала раздоръ между Княземъ и народомъ: первый хотѣлъ присвоить оную лично себѣ и занять своею дружиною; а граждане не позволяли Князю владѣть чѣмъ нибудь въ области Новогородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ — и Димитрій, съ досадою уѣхавъ въ Владиміръ, началъ готовиться къ войнѣ. Тщетно Посолъ, Архіепископъ Климентъ, преемникъ Далматовъ, уговаривалъ его оставить гнѣвъ на людей обыкшихъ соблюдать древнія права свои: Великій Князь пошелъ съ войскомъ въ область Новогородскую, началъ непріятельскія дѣйствія разореніемъ многихъ селеній и сталъ на Шелонѣ. Тамъ Архіепископъ Климентъ вторичнымъ моленіемъ и дарами склонилъ его къ миру: Новогородцы согласились поручить Копорье дружинѣ Княжеской, но съ того времени не взлюбили Димитрія, ожидая случая отмстить ему за сіе насиліе, который скоро и представился (189).

г. 1281. Ссора Князей Ростовскихъ. Димитрій, оставивъ своего чиновника въ Новѣгородѣ, возвратился въ Владиміръ, быть посредникомъ въ ссорѣ Князей Ростовскихъ. Борисъ Васильковичь еще въ 1277 году скончался въ Ордѣ, гдѣ была съ нимъ и супруга его, Марія (190). Глѣбъ Бѣлозерскій, наслѣдовавъ Ростовъ, чрезъ

нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Сей меньшій Васильковъ сынъ отъ юности своей пользовался отмѣнною милостію Хановъ, и служилъ имъ на войнахъ усердно, чтобы тѣмъ лучше служить отечеству: ибо угнетаемые Моголами Россіяне всегда находили заступника и спасителя въ великодушномъ Глѣбѣ, вообще благотворительномъ, щедромъ, отцѣ сирыхъ и бѣдныхъ. По его кончинѣ сыновья Борисовы, Димитрій и Константинъ, господствуя въ Ростовѣ, отняли у Глѣбова сына, Михаила, наслѣдственную Бѣлозерскую область, и скоро поссорились между собою, такъ что Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ Великому Князю, а Димитрій Борисовичь началъ собирать полки; но Великій Князь отвратилъ ненавистное кровопролитіе: самъ ѣздилъ въ Ростовъ и посредствомъ тамошняго Епископа, Игнатія, уговорилъ братьевъ жить согласно.

Междоусобіе въ Вел. Княженіи.

Въ то самое время собственный его меньшій братъ, Андрей Александровичь, Князь Городца Волжскаго, дѣйствуя по совѣту злодѣя, Семена Тонгліевича, и другихъ недостойныхъ Бояръ, вздумалъ овладѣть Великимъ Княженіемъ, вопреки государственному уставу или древнему обыкновенію, по коему старшій въ родѣ заступалъ мѣсто отца. Лестію и дарами задобривъ Хана, Андрей получилъ отъ него грамоту

и войско, подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ Удѣльнымъ Князьямъ явиться къ нему въ станъ съ ихъ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться: Ѳеодоръ Ярославскій, Михаилъ Ивановичь Стародубскій (внукъ Всеволода III), и даже Константинъ Ростовскій, облагодѣтельствованный Димитріемъ, соединились съ Андреемъ. Изумленный сею внезапною грозою, Великій Князь искалъ спасенія въ бѣгствѣ; а Татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго Торжка, были разорены ими (161): они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей толпами въ плѣнъ, или убивали. Юныя Монахини, жены Священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ обороняться, и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось жителя (по словамъ лѣтописи), который не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось Декабря 19: въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ Татарами, и совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію къ Хану.

Димитрій Александровичъ бѣжалъ къ Новугороду, и думалъ заключиться въ Копорьѣ. Новогородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильменѣ. «Стой, Князь!» говорили они: «мы помнимъ г. 1282. «твоя обиды. Иди, куда хочешь.» Они взяли дочерей и Бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ слово освободить ихъ, когда дружина Княжеская добровольно выступитъ изъ Копорья, гдѣ находился тогда и славный Довмонтъ Псковскій, зять Великаго Князя (162). Доброхотствуя тестю, онъ съ горстію воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужаго, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо Новогородцы немедленно осадили сію крѣпость, и принудивъ Довмонта выйти оттуда со всѣми людьми Княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть, гнушаясь злодѣяніемъ Андрея Александровича, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, Новогородцы призвали его и возвели на престолъ Св. Софіи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки Ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жители изъявляли къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ Орду. Новогородцы также не могли быть спокойны: имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припа-

сахъ, и боясь, чтобы Димитрій не занялъ хлѣбнаго Торжка, ввѣрили защиту сего для нихъ важнаго мѣста надежному Боярину, Семену Михайловичу; велѣли ему доставить оттуда весь излишній хлѣбъ водою въ Новгородъ, и соединились съ друзьями Андреевыми, меньшимъ его братомъ, Даніиломъ Московскимъ, и Святославомъ Тверскимъ ([163]). Они хотѣли изгнать Великаго Князя; встрѣтивъ же его готоваго къ битвѣ, въ пяти верстахъ отъ Дмитрова, остановились, и заключили миръ *на всей волѣ своей:* то есть, Димитрій отказался отъ Новагорода и далъ слово никогда не мстить его жителямъ. Но Андрей нашелъ гораздо усерднѣйшихъ помощниковъ въ Моголахъ: сіи варвары, всегда алчные къ злодѣйствамъ и добычѣ, не отказались и вторично услужить ему разореніемъ Великаго Княженія; напали со всѣхъ сторонъ на Суздальскія области, и стремились къ Переславлю, означая свой путь кровію и пожарами. Димитрій не могъ противиться: онъ бѣжалъ къ сильному Ногаю, который, бывъ прежде Воеводою Ханскимъ, тогда уже самовластно господствовалъ отъ степей Слободской Украинской и Екатеринославской Губерніи до береговъ Чернаго моря и Дуная.

Такимъ образомъ Князья Россійскіе въ самомъ источникѣ насилій искали способа защитить себя отъ оныхъ, и жертвовали послѣдними остатками народной гордости выгодамъ собственнаго, личнаго властолюбія. Димитрій не обманулся въ надеждѣ: убѣжденный его справедливостію, или

желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратилъ ему престолъ и г. 1283.
власть, не мечемъ и не кровопролитіемъ, по одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнулъ быть ослушникомъ, ибо самъ новый Ханъ, Туданъ-Мангу (164), боялся Ногая. Братья примирились, хотя и неискренно; меньшій отказался отъ Великаго Княженія, и даже не могъ защитить своихъ друзей отъ мести Димитріевой. Мы упоминали о Вельможѣ Семенѣ Тониглієвичѣ, главномъ совѣтникѣ Андреевомъ, коему Лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: Великій Князь послалъ двухъ Бояръ умертвить его въ Костромѣ, гдѣ онъ жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, тайно схвативъ сего Вельможу, напрасно хотѣли свѣдать, не имѣетъ ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ: Семенъ отвѣтствовалъ: «Я ни«чего не знаю. Братья ссорятся, братья «мирятся; а мое дѣло вѣрно служить Госу«дарю.» Запираясь въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ Моголовъ, и слыша угрозы, онъ равнодушно сказалъ: «и такъ Великій Князь не боится вѣролом«ства? клялся быть другомъ Андреевымъ и «грозитъ казнію его Боярамъ!» Тогда исполнители Димитріева повелѣнія убили сего человѣка жестокаго, но смѣлаго и рѣшительнаго: свойства, безъ коихъ злодѣи

не могли бы такъ часто успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ.

Андрей молчалъ, и не смѣя ни въ чемъ
г. 1283-1284. спорить съ Димитріемъ, уступилъ ему Новгородъ, хотя, будучи въ Торжкѣ, не за долго до сего времени далъ клятву Новогородскимъ чиновникамъ жить или умереть съ ними (165). Онъ ходилъ даже вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и съ Татарами смирять Новогородцевъ, не хотѣвшихъ повиноваться его брату. Чтобы не раздражить Моголовъ и спасти свою область отъ разоренія, они согласились наконецъ зависѣть отъ Димитрія, уступивъ ему Волокъ.

Увидимъ, что Андрей, стараясь доказывать Великому Князю свое раскаяніе и миролюбіе, дѣйствовалъ какъ лицемѣръ; но прежде описанія его новыхъ злодѣйствъ изобразимъ тогдашнія бѣдствія области
Бѣдствіе Курской области. Курской, гдѣ господствовали Олегъ и Святославъ, потомки древнихъ Владѣтелей Черниговскихъ (166): первый въ Рыльскѣ и Ворголѣ, а вторый въ Липецкѣ. Баскакомъ сего Княженія былъ Ахматъ Хивинецъ. взявъ на откупъ дань Татарскую, онъ угнеталъ народъ, не исключая ни Бояръ, ни Князей, и завелъ близъ Рыльска двѣ слободы, куда стекались негодяи всякаго рода, чтобы, снискавъ его покровительство, грабить окрестныя селенія. Олегъ съ согласія Святославова пожаловался на то Хану Те-

лебугѣ, который, давъ ему отрядъ Моголовъ, велѣлъ разорить слободы Ахматовы: Князья же, исполняя въ точности приказъ его, вывели оттуда своихъ бѣглыхъ людей, а другихъ оковали цѣпями. Ахматъ находился тогда у Ногая, и слыша, что сдѣлалось въ области Курской, описалъ ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его непріятелями. Сіе обвиненіе имѣло нѣкоторую тѣнь истины: ибо легкомысленный Святославъ, еще прежде Олегова возвращенія изъ Орды, тревожилъ Баскаковы селенія ночными нападеніями, похожими на разбой. «Чтобы «увѣриться въ справедливости моихъ словъ» — говорилъ Ахматъ Ногаю — «пошли сокольни-«ковъ въ Олегову землю ловить лебедей, и вели «ему къ тебѣ пріѣхать (167): увидишь, что онъ «не послушается.» Олегъ не считалъ себя виновнымъ, ибо исполнилъ только волю Хана; но боясь клеветы Ахматовой, не захотѣлъ ѣхать къ Ногаю, который, будучи раздраженъ его ослушаніемъ, послалъ войско наказать мнимаго непріятеля. Могъ ли Князь двухъ или трехъ ничтожныхъ городковъ думать о сопротивленіи? Олегъ бѣжалъ къ Хану Телебугѣ, Святославъ въ лѣса Воронежскіе, а Моголы, разоривъ Курское владѣніе, схватили 13 Бояръ, также нѣсколько странниковъ, и предали ихъ скованныхъ въ жертву злобному Баскаку. Онъ злодѣйски умертвилъ первыхъ, освободилъ странниковъ, и подаривъ имъ окровавленныя одежды казненныхъ Бояръ, сказалъ: «ходите изъ земли

«въ землю, и громогласно объявляйте: *такъ будетъ всякому, кто дерзнетъ оскорбить Баскака!*» Разоренныя Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотомъ и другими плодами всемѣстнаго грабежа въ Курской области: люди бѣжали въ пустыни, не смотря на жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ, что слуги Баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ Бояръ, видѣли, что не-кого было страшать сими знаками его ужасной мести. Однакожь Ахматъ боялся ушедшихъ Князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оставивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бродяги, жители Баскаковыхъ деревень, скоро должны были всѣ разбѣжаться: ибо Святославъ возвратился, стерегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько человѣкъ умертвилъ, не заботясь о слѣдствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ Орды и родственникъ его, Олегъ, собрать, успокоить народъ, и съ Христіанскими обрядами воздать честь погребенія убитымъ Боярамъ, коихъ искаженные трупы еще висѣли на деревахъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли Курской, сей Князь торжественно объявилъ Святослава преступникомъ, говоря ему: «Мы были правы, а теперь стали виновны. Дѣло «твое есть вторичный разбой, всего болѣе ненавистный Татарамъ, и въ самомъ нашемъ оте«чествѣ нетерпимый. Надлежало требовать суда «отъ Хана: ты же не хотѣлъ ѣхать къ нему, «укрываясь въ темнотѣ лѣсовъ какъ злодѣй.

«Моя совѣсть чиста. Иди, оправдайся «предъ Царемъ.» Но Святославъ не слушалъ ни упрековъ, ни совѣтовъ его, отвѣтствуя гордо: «я воленъ въ своихъ дѣ«лахъ; наказалъ враговъ моихъ, и правъ.» Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугѣ, и ревностно исполняя волю его, умертвилъ Святослава! Достойно замѣчанія, что Лѣтописцы сего времени ни мало не винятъ убійцы, осуждая безразсудность убитаго: столь рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ, подвергалъ Россіянъ гнѣву сильнаго тирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечь въ сердце единокровнаго Князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо тѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести Татарской.... Но себя не спасъ: братъ Святослава, Александръ, убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями, и нашелъ способъ умилостивить Моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ, оставляя нашимъ Князьямъ право рѣзать другъ друга, и вступаясь иногда съ великою ревностію за утѣсненнаго, готовы были тогда же взять сторону противную. . . .

Мы видѣли, что Ногай защитилъ Димитрія: увидимъ его и защитникомъ Андрея. г. 1285.
Сей Князь Городецкій, живъ два года спо-

койно, призвалъ къ себѣ какого-то Царевича изъ Орды и началъ явно готовиться къ важнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ (168). Великій Князь предупредилъ ихъ: соединился съ Удѣльными Владѣтелями, выгналъ Царевича и плѣнилъ Бояръ Андреевыхъ. Сіе дѣйствіе могло оскорбить Хана и казалось дерзостію: Ростовцы поступили еще смѣлѣе. Съ неудовольствіемъ смотря на множество Татаръ, привлекаемыхъ къ нимъ корыстолюбіемъ и хотѣвшихъ быть
г. 1289 во всемъ господами, они положили на Вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель Ростовскій, Димитрій Борисовичь, сватъ Великаго Князя, немедленно послалъ въ Орду брата своего, Константина, чтобы оправдать народъ или себя, и Ханъ на сей разъ не вступился за обиженныхъ Татаръ: чему были причиною или дары Княжескіе или тогдашнія внутреннія неустройства въ Ордѣ. Ногай болѣе и болѣе стѣснялъ власть Ханскую:
г. 1291. наконецъ умертвилъ Телебугу, и возвелъ на престолъ его брата, именемъ Тохту. Къ несчастію. Россія не могла еще воспользоваться сими междоусобіями ея тирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать оную.

Великій Князь, обязанный всѣмъ покровительству Ногая, могъ быть еще спокойнѣе прежняго, видя его располагающаго судьбою Хановъ. Чтобы тѣмъ болѣе уго-

дить ему, онъ послалъ въ Орду сына, юнаго Александра (который тамъ и скончался). Но Андрей хитрыми происками успѣлъ склонить на свою сторону многихъ Удѣльныхъ Князей, въ особенности же Ѳеодора Ярославскаго, любимца и — какъ вѣроятно — зятя Ногаева, представляя имъ Димитрія опаснымъ и готовымъ стѣснить ихъ права, хотя Великій Князь совсѣмъ не думалъ о самовластіи (109). За нѣсколько лѣтъ до того времени оскорбленный Тверскимъ Владѣтелемъ, Михаиломъ Ярославичемъ, юношею гордымъ, онъ ходилъ вмѣстѣ съ Новогородцами воевать его области, но долженъ былъ заключить съ нимъ миръ у Кашина, не смѣвъ рѣшиться на битву и какъ бы признавъ независимость Тверскаго Княженія. Андрей и Ѳеодоръ, вступивъ въ тѣсную связь, очернили Димитрія въ глазахъ Ногая, весьма равнодушнаго къ справедливости и довольнаго случаемъ обогатить своихъ Моголовъ новымъ впаденіемъ въ Россію, гдѣ они били людей какъ птицъ, и брали добычу, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Ногай сказалъ слово, и многочисленные полки Моголовъ устремились на разрушеніе. Дюдень, братъ Хана Тохты, предводительствовалъ ими; а Князья, Андрей и Ѳеодоръ, указывали ему путь въ сердце отечества. Димитрій находился въ Переславлѣ: не имѣя отважности

г. 1292.

Независимость Тверскаго Княженія.

г. 1293.

встрѣтить Дюденя ни съ оружіемъ, ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности, онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ, къ вѣрному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на Великое Княженіе, и могли бы сдѣлать то безъ всякаго кровопролитія: ибо никто не думалъ сопротивляться волѣ Ногаевой; но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличь, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и еще нѣсколько другихъ городовъ были ими взяты какъ непріятельскіе, люди плѣнены, жены и дѣвицы обруганы. Духовенство, свободное отъ дани Ханской, не спаслося отъ всеобщаго бѣдствія: обнажая церкви, Татары выломали даже мѣдный полъ Собора Владимірскаго, называемый *чудеснымъ* въ лѣтописяхъ. — Въ Переславлѣ они не нашли ни одного человѣка: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣтьми. Даніилъ Александровичь Московскій, братъ и союзникъ Андреевъ, дружелюбно впустивъ Татаръ въ свой городъ, не могъ защитить его отъ грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе, коими сія часть Россіи тогда изобиловала, служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

Опустошеніе Россіи.

Дюдень, вступивъ въ Тверскую область, думалъ взять столицу, тѣмъ удобнѣе, что

Князь Михаилъ находился въ Ордѣ. Къ счастію, Бояре и народъ изъявили великодушную смѣлость: съ обрядами священными давъ клятву другъ другу обороняться до послѣдняго человѣка, они составили войско, довольно сильное числомъ; многіе люди изъ другихъ областей, спасаясь отъ Моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣстѣ съ ея мужественными гражданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и Князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, любимый всѣми. Не зная, что Татары заняли Москву, онъ-было едва не попался къ нимъ въ руки; но одинъ сельскій Священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу безопасную. Духовенство встрѣтило Князя со крестами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые малодушные ободрились. Мужество въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же легко сообщается, какъ и робость. — Недостойный Князь Андрей, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ Татарскихъ, уже велъ Дюденя къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила готовы дать имъ отпоръ сильный, Моголы обратились къ Новогородской области, ибо искали въ Россіи не славы побѣдъ, а только одной безопасно добываемой корысти (170). Разореніемъ Волока заключилось сіе губительство. Приславъ дары Воеводѣ Могольскому, Новогородцы объявили тамъ Андрею, что они всегда желали имѣть его своимъ

г. 1294. Князем, и что ему нѣтъ нужды итти къ нимъ съ Татарами. Дюдень отступилъ, и вышелъ изъ Россіи. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ; союзникъ же его, Ѳеодоръ Ростиславичь, взялъ себѣ Переславль Залѣсскій. Сей Князь, по смерти братьевъ, Глѣба и Михаила Ростиславичей, господствовалъ и въ Смоленскѣ, но скоро долженъ былъ уступить оный племяннику, Александру Глѣбовичу, воину мужественному, который (въ 1285 году) счастливо отразилъ отъ столицы своей Князя Брянскаго, Романа Михайловича (171).

Великій Князь ждалъ только отбытія полковъ Дюденевыхъ и хотѣлъ немедленно возвратиться въ свою наслѣдственную Переславскую область, зная, что усердный къ нему народъ возметъ его сторону. Андрей съ дружиною Новогородскою перехватилъ брата на пути, близъ Торжка. Великій Князь, оставивъ казну свою въ рукахъ Андреевыхъ, ушелъ въ Тверь, гдѣ юный Михаилъ принялъ его со всею должною честію, и вызвался быть миротворцемъ между ими, чтобы избавить отечество отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Епископъ Тверскій и Святославъ (Князь или Вельможа) поѣхали въ Торжекъ, убѣждали, молили Андрея, и наконецъ успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ. Великій Князь отказался отъ старѣйшинства и престола Владимірскаго, до-

вольный наслѣдственнымъ Переславскимъ Удѣломъ; а Новогородцы получили обратно Волокъ. Согласно съ главнымъ условіемъ мира, Θеодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: онъ не могъ противиться волѣ Андреевой, но выѣзжая изъ сего города, обратилъ его въ пепелъ. Димитрій свѣдалъ о томъ уже въ послѣдніе часы своей жизни: занемогъ, постригся и близъ Волока умеръ на пути (172): Государь памятный одними несчастіями, претерпѣнными Россіею въ его княженіе отъ Андреева безумнаго властолюбія! Лѣтописцы прибавляютъ, что въ сіи горестныя времена были страшныя небесныя знаменія, громы, вихри и смертоносныя болѣзни. Кончина Димитріева.

Новогородцы при Димитріи также не пользовались ни внутреннимъ, ни внѣшнимъ миромъ. Въ 1287 году смѣненный Посадникъ, Симеонъ Михайловичь, несправедливо обвиняемый во злоупотребленіяхъ власти, былъ осажденъ въ домѣ своемъ шумными вооруженными толпами; но Архіепископъ спасъ его, проводивъ въ Софійскую церковь, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всѣми признанный невиннымъ, Посадникъ умеръ съ горести, видѣвъ легковѣріе и жестокость согражданъ. *Конецъ* возставалъ на *Конецъ*, улица на улицу: такъ называемая Прусская была вся выжжена за Боярина Неустройства въ Новѣгородѣ.

Самуила Ратьшинича, убитаго ея жителями на Дворѣ Архіепископскомъ. Въ 1291 году крамольники опустошили богатыя лавки купеческія: народъ, въ слѣдствіе торжественнаго суда, утопилъ двухъ главныхъ виновниковъ сего злодѣйства. — Нѣмцы часто тревожили Новогородцевъ, разбивали ихъ суда на Ладожскомъ озерѣ и хотѣли обложить данію Корелу: мужественный Посадникъ Симсонъ, въ устьѣ Невы побѣдивъ Нѣмецкаго Воеводу Трунду, истребилъ большую часть его *шнекъ* и *лойвъ* или судовъ. Шведы, раздраженные нападеніемъ отряда Новогородскаго на Финляндію, приходили разорять землю Ижерскую и Корельскую. Ихъ было 800 человѣкъ: ни одинъ не спасся; жители сихъ областей сами собою управились съ ними. Но въ слѣдующій годъ (1293) Шведы заложили крѣпость на границахъ Кореліи, нынѣшній Выборгъ, и Новогородцы, приступивъ къ ней съ малыми силами, возвратились безъ успѣха. Король Шведскій, Биргеръ, желалъ утвердиться въ Кореліи для того, чтобы обуздать ея свирѣпыхъ жителей, непрестанно безпокоившихъ его сѣверовосточныя владѣнія и грабившихъ суда купеческія на Финскомъ заливѣ; хотѣлъ также укоренить въ ней Латинскую Вѣру и присвоить себѣ господство надъ торговлею Нѣмцевъ съ Новымгородомъ: чему свидѣ-

Дѣла съ Нѣмцами и Шведами.

тельствомъ служитъ грамота, данная Биргеромъ Любеку и другимъ городамъ приморскимъ, въ коей онъ, обѣщая имъ покровительство, строго запрещаетъ ихъ купцамъ возить оружіе и всякое желѣзо въ Россію (173).

Набѣги Литовцевъ продолжались, особенно на области Тверскую и Новогородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцева, Ржева, Твери, но и Москвитяне съ Дмитровцами долженствовали вооружиться (въ 1285 году), и соединенными силами поразивъ толпы сихъ хищниковъ, убили ихъ Князя, именемъ Домонта (174). Набѣги Литвы.

Гораздо важнѣе и несчастнѣе для Россіи, какъ пишетъ Историкъ Длугошъ, было (въ 1280 году) сраженіе Льва Даніиловича Галицкаго съ Поляками. По кончинѣ добраго Болеслава, умершаго бездѣтнымъ, Левъ думалъ быть его наслѣдникомъ и Государемъ всей Польши; не могъ преклонить къ тому Вельможъ Краковскихъ (избравшихъ Лешка, Болеславова племянника), и желая силою овладѣть нѣкоторыми изъ ближайшихъ ея городовъ, самъ ѣздилъ въ Орду къ Ногаю требовать отъ него войска (175). Однакожь, не смотря на многочисленныя толпы Моголовъ, данныя ему Ханомъ, Воеводы Лешковы одержали надъ нимъ блестящую побѣду, взявъ 2000 плѣнниковъ, семь знаменъ, и положивъ на мѣстѣ Дѣла съ Польшею.

8000 человѣкъ. Князья благоразумные, Владиміръ-Іоаннъ и Мстиславъ Даніиловичь, весьма неохотно участвовали въ семъ походѣ, осуждая призваніе Моголовъ, которымъ слѣпое властолюбіе Льва указывало путь къ дальнѣйшимъ опустошеніямъ странъ Христіанскихъ. Но Провидѣніе охраняло Западъ. Такъ сильные Вожди Ханскіе, Ногай и Телебуга, въ 1285 году предпріявъ совершенно разрушить Венгерскую Державу, и взявъ съ собою Князей Галицкихъ, наполнили стремнины Карпатскія трупами своихъ воиновъ. Россіяне были для нихъ худыми путеводителями: гдѣ надлежало итти три дни, тамъ Моголы скитались мѣсяцъ; сдѣлался голодъ, моръ, и Телебуга возвратился *пѣшъ съ одною женою и кобылою*, по словамъ Лѣтописца. Около ста тысячь варваровъ погибло въ горахъ и пустыняхъ. Не смотря на то, Ногай и Телебуга въ 1287 году съ новыми силами явились на берегахъ Вислы: Герцогъ Лешко бѣжалъ изъ Кракова; никто не мыслилъ обороняться въ Польшѣ: но, къ ея спасенію, Вожди Татарскіе боялись, ненавидѣли другъ друга; не захотѣли дѣйствовать совокупно, и безъ битвы плѣнивъ множество людей, удалились. Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галиціи, требуя гостепріимства отъ ея Князей, вмѣстѣ съ нимъ неволею ходившихъ за Вислу; а въ благодарность за оное Моголы грабили, убивали Россіянъ и сообщили имъ язву, отъ коей умерло въ однѣхъ Львовыхъ областяхъ 12,500 человѣкъ, и

которая, если вѣрить сказанію Длугоша, произошла отъ того, что Моголы испортили воды въ Галиціи ядомъ, будто бы извлеченнымъ ими изъ мертвыхъ тѣлъ (176). Сіе бѣдствіе увѣрило Льва Даніиловича, что должно не призывать, а всячески отводить Моголовъ отъ покушеній на Западъ: ибо Галичь и Волынія, служа имъ перепутьемъ, страдали въ такомъ случаѣ не менѣе тѣхъ земель, куда стремились сіи варвары.

Здѣсь подробныя сказанія Волынскаго Лѣтописца о происшествіяхъ его отчизны заключаются извѣстіемъ о болѣзни и кончинѣ Владиміра-Іоанна Васильковича, любителя правды, кроткаго, милостиваго, трезваго, и за особенную ученость по тогдашнему времени названнаго *Философомъ*. Сей добрый Князь Владимірскій четыре года страдалъ какъ Іовъ. Нижняя губа его начала гнить; лекарства не помогали: но снося терпѣливо боль, онъ занимался дѣлами и ѣздилъ на конѣ. Недугъ усилился: вся мясная часть бороды отпала; нижніе зубы и челюсть выгнили. Предвидя смерть, Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные поясы отцевскіе и собственные, монисты бабкины, материны, большія серебряныя блюда, золотые кубки; слилъ ихъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ вмѣстѣ съ Княжескими стадами. Не имѣя

Кончина Князя Владиміра Волынскаго.

дѣтей, онъ въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мстислава Даніиловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверскаго): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова*, какъ говорилъ сей Епископъ. «А что «братъ нашъ Левъ далъ въ память родителя «моего?» сказалъ Владиміръ: «господствуя въ «трехъ Княженіяхъ, Галицкомъ, Перемышль-«скомъ, Бельзскомъ, хочетъ взять и Брестъ; но «не обманетъ меня.» Тщетно и Юрій притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный имъ Удѣла, и надѣялся вымолить у дяди сію же область. Умирая, Владиміръ отказалъ супругѣ, именемъ Еленѣ, городъ Кобринъ, поручилъ ее наслѣднику своему, равно какъ и юную питомицу ихъ, неизвѣстную Княжну Изяславу, взятую ими въ пеленахъ отъ матери — и преставился въ Любомлѣ (въ 1289 году), а погребенъ, *обвитый бархатомъ съ кружевами*, въ Владимірѣ, въ церкви Св. Богоматери, Епископомъ Евсегеніемъ. Нѣжная супруга и сестра Ольга оплакали его вмѣстѣ съ подданными и бывшими тамъ иноземцами, въ числѣ коихъ Лѣтописецъ именуетъ Евреевъ, сказывая далѣе, что сей Князь былъ отмѣнно высокаго росту и прекрасный лицемъ, имѣлъ желтые кудреватые волосы, голосъ толстый, и стригъ бороду вопреки обыкновенію;

что онъ построилъ городъ Каменецъ за Брестомъ на рѣкѣ Льснѣ (гдѣ всѣ мѣста по кончинѣ Романа, отца Даніилова, 80 лѣтъ пустѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпости, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финифтью, и надѣлилъ священными книгами, имъ самимъ списанными; что наслѣдникъ Владиміровъ, Мстиславъ, уподоблялся ему въ добродѣтеляхъ: одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреста, Каменца, Бѣльска, и въ наказаніе обложилъ ихъ жителей необыкновенною податію (177). Лѣтописецъ Волынскій жилъ въ сіе время: онъ называетъ его счастливымъ. Уже Татары не безпокоили западной Россіи, и были довольны, получая отъ ея Князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели Литовскіе, братья Будикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мстислава, уступивъ ему Волковыескъ. Ятвяги, отчасти присоединенные къ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять Россіянъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ и представляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куницъ, и даже серебро. Польша терзалась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовитовичи, враги Генрика Вратиславскаго, искали благосклонности Князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взялъ его отъ измѣны Вельможъ Болеславовыхъ, но возвратился съ великою добычею, разоривъ область Генрикову, и заключивъ тѣсный союзъ съ Королемъ Богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія отдохнули, славя мудрость и зна-

менитость своихъ Государей. Еще родъ Святополка-Михаила господствовалъ въ Пинскѣ: послѣдній Князь его, намъ извѣстный, былъ Георгій Владиміровичь, *добрый* и *правдивый* (отъ того же, вѣроятно, колѣна произошли Князья *Степанскіе*, упоминаемые въ лѣтописи Волынской). — Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое Княженіе Тверское, которое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ Епископію. Первый Святитель Тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже многія, богатыя волости, Олешну и другія, данныя ему Княземъ (178); а преемникъ Симеоновъ, Игуменъ Андрей, былъ сынъ Литовскаго Князя Герденя и Христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Сего втораго Епископа Тверскаго ставилъ уже новый Митрополитъ Максимъ: ибо Кириллъ (въ 1280 году) скончался въ Переславлѣ Залѣсскомъ, бывъ Главою нашей Церкви 31 годъ; тѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто нибудь изъ древнихъ Митрополитовъ Россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ, истинно Пастырскихъ. Онъ мирилъ Князей съ народомъ, просвѣщалъ Духовенство, искоренялъ заблужденія, одушевленный

Добродѣтели Кирилла Митрополита.

ревностію къ Вѣрѣ и къ чистотѣ Евангельскаго ученія. Разскажемъ одинъ любопытный случай, который ясно представляетъ благоразуміе сего Митрополита ([179]). Услышавъ, что Епископъ Ростовскій, Игнатій, вздумалъ судить давноумершаго добраго Князя Глѣба Васильковича, и какъ недостойнаго велѣлъ ночью перенести въ гробѣ изъ Соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кириллъ, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, отлучилъ Епископа отъ службы, и наконецъ простивъ его изъ уваженія къ ревностному предстательству Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго, сказалъ ему: «Игнатій! оплакивай во всю жизнь свое безуміе, «дерзнувъ осудить мертвеца прежде суда Божія! «Когда Глѣбъ былъ живъ и властвовалъ, ты «искалъ въ немъ милости, бралъ отъ него дары, «вкусно ѣлъ и пилъ за столомъ Княжескимъ, и «въ благодарность за то обругалъ тѣло покойника! Кайся во глубинѣ сердца, да проститъ «Богъ твое согрѣшеніе!» — Кириллъ посылалъ Епископа Сарскаго, Ѳеогноста, къ Патріарху Константинопольскому, Іоанну Векку, славному ученостію и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Іоаннъ хотѣлъ подчинить Церковь Восточную Западной. Патріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность Царю Михаилу Палеологу, а Царь для безопасности своего Царства и въ надеждѣ, что Папа примиритъ его съ братомъ Св. Людовика, опаснымъ Карломъ д'Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ

Имперіи Греческой. Россійскій Епископъ видѣлъ въ Константинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казнь многихъ ревностныхъ сановниковъ Церкви ([180]), громогласно осуждавшихъ Царя, и возвратился (въ 1279 году) къ Митрополиту съ извѣстіями печальными. Духовенство Россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло Главы, ибо не хотѣло, какъ вѣроятно, принять новаго Митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ въ 1283 году былъ посвященъ старцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на Патріаршество по смерти Императора Михаила, и предавшимъ анаѳемѣ уставы Латинской Церкви. — Въ одной лѣтописи сказано, что преемникъ Кирилловъ, Грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ Орду, и послѣ сзывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ Епископовъ въ Кіевъ ([181]); но сіе извѣстіе, не подтверждаемое другими достовѣрнѣйшими Лѣтописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни Митрополиты, ни Епископы наши не бывали въ Ордѣ, кромѣ Сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Достойно замѣчанія, что Епископъ Ѳеогностъ ѣздилъ оттуда въ Константинополь не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ Ханскаго Посла къ Императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай — въ тотъ самый годъ, какъ

Дюденсво войско злодѣйствовало въ Россіи — былъ побѣжденъ Ханомъ Тохтою и найденъ между убитыми [182]. Кажется, что въ сіе время уже разные Воеводы Могольскіе присвоивали себѣ имя Царей: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о какомъ-то Царѣ Токтомерѣ, который (около 1293 году) пріѣзжалъ въ Тверь, утѣснялъ народъ и возвратился съ богатою корыстію въ свои Улусы. Смерть Ногаева.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Андрей Александровичь.

Г. 1294—1304.

Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Даніила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Миръ съ Даніею. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота.

Наконецъ властолюбивый Андрей уже
Г. 1294. могъ назваться законнымъ Великимъ Княземъ Россіи; никто не спорилъ съ нимъ о семъ достоинствѣ. Константинъ Борисовичь, по кончинѣ старшаго брата, сѣлъ на престолѣ Ростовскомъ, отдавъ Угличь
Браки. своему сыну, Александру. Великій Князь и Михаилъ Тверскій женились на дочеряхъ умершаго Димитрія Борисовича, и два года протекли въ тишинѣ ([183]).

Но могъ ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви отъ народа и почтенія отъ Князей? Онъ не имѣлъ и тѣхъ свойствъ, коими злодѣи человѣчества за-
Свой- крашиваютъ иногда черноту свою: ни рев-

ностнаго славолюбія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, истреблялъ Христіанъ руками Моголовъ, не обнажавъ меча, не видавъ опасности, и проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права назваться побѣдителемъ! ства Андреевы.

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи Великому Князю надлежало бы имѣть превосходную душу Александра Невскаго, чтобы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ быть Главою частныхъ Владѣтелей, изъ коихъ всякой искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Ѳеодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Даніилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ. Открылась распря, г. 1295. дошедшая до вышняго судилища Ханова: самъ Великій Князь ѣздилъ въ Орду съ своею молодою супругою, чтобы снискать милости Тохты (184). Посолъ Ханскій, из- г. 1296-1297. Судъ Князей. бранный быть миротворцемъ, созвалъ Князей въ Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ стороны: Михаилъ Тверскій взялъ Даніилову (Іоаннъ же находился въ Ордѣ; вмѣсто его говорили Бояре Переславскіе): Ѳеодоръ Черный и Константинъ Борисовичь стояли за Андрея. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержать ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгоряченные споромъ

Князья и Вельможи взялись—было за мечи. Епископы, Владимірскій Симеонъ и Сарскій Исмаилъ, ставъ посреди шумнаго сонма, не дали братьямъ рѣзаться между собою (185). Судъ кончился миромъ, или лучше сказать, ничѣмъ. Посолъ Хановъ взялъ дары, а Великій Князь, давъ слово оставить братьевъ и племянника въ покоѣ, въ тоже время началъ собирать войско, чтобы смирить ихъ какъ мятежниковъ. Желая воспользоваться отсутствіемъ Іоанна, онъ хотѣлъ завладѣть Переславлемъ, но встрѣтилъ подъ Юрьевымъ сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Іоаннъ, отправляясь къ Хану, поручилъ свою область защитѣ Михаила Ярославича. Вторично вступили въ переговоры и вторично заключили миръ, который сверхъ чаянія, не былъ нарушенъ до самой кончины Андреевой. Князья иногда ссорились, однакожь не прибѣгали къ мечу, и находили способъ мириться безъ кровопролитія.

г. 1295-1304.

Сеймы Княжескіе.

Древніе Сеймы Княжескіе, учрежденные Мономахомъ при Святополкѣ II, тогда возобновились, въ обстоятельствахъ подобныхъ, и съ тѣмъ же добрымъ намѣреніемъ: ибо ни Святополкъ, ни Андрей не могъ силою обуздывать частныхъ Владѣтелей, и словесныя убѣжденія, за недостаткомъ иныхъ средствъ, казались нужными. Въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ присутствовали и

знаменитыя Духовныя особы, какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смерти Ѳеодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ ([186]), гдѣ Андрей съ братомъ Даніиломъ, съ племянникомъ Іоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ всѣ дѣла дружелюбно, но гдѣ Князья Тверскій и Переславскій не могли въ чемъ-то согласиться, доселѣ дѣйствовавъ единодушно. Хитрый Михаилъ привлекъ-было на свою сторону и Новогородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по коему они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ утѣсненій отъ Великаго Князя и самаго Хана: Новгородъ обѣщалъ правосудіе всѣмъ Тверскимъ истцамъ въ его области, а Михаилъ отступался отъ закабаленныхъ ему должниковъ Новогородскихъ, и проч. ([187]). Андрей не могъ помѣшать сему оскорбительному для него союзу, и безъ сомнѣнія былъ доволенъ размолвкою Михаила съ Іоанномъ, которая уменьшала могущество перваго. Но Іоаннъ, названный въ лѣтописяхъ тихимъ или кроткимъ, тѣмъ согласнѣе жилъ съ дядею своимъ, Даніиломъ, и въ 1302 году умирая бездѣтенъ, отказалъ ему Переславль ([188]). Князь Московскій, въѣхавъ въ сей городъ, выгналъ оттуда Бояръ Андрея, который считалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Іоанновымъ, и негодуя на властолюбіе

Москва усиливается.

меньшаго брата, поѣхалъ съ жалобою къ Хану. Область Переславская вмѣстѣ съ Дмитровымъ была по Ростовѣ знаменитѣйшею въ Великомъ Княженіи, какъ числомъ жителей, Бояръ, людей военныхъ, такъ и крѣпостію столичнаго ея города, обведеннаго глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою двѣнадцати башенъ. Сіе важное пріобрѣтеніе еще болѣе утверждало независимость Московскаго Владѣтеля: Даніилъ же, за два года передъ тѣмъ, побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Рязанскаго

Смѣлость Россіянъ.

Князя, Константина Романовича, *убивъ* въ сраженіи и *многихъ Татаръ:* смѣлость удивительная, и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіяне начинали ободряться, и пользуясь дремотою Хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства.

Между тѣмъ, какъ Андрей искалъ суда

Смерть Даніила Московскаго.

въ Ордѣ, Даніилъ внезапно скончался, однакожь успѣвъ принять Схиму, по тогдашнему обыкновенію людей набожныхъ. Онъ первый возвеличилъ достоинство Владѣтелей Московскихъ, и первый изъ нихъ былъ погребенъ въ семъ городѣ, въ *церкви Св. Михаила* (189), оставивъ по себѣ долговременную память Князя добраго, справедливаго, благоразумнаго, и приготовивъ Москву заступить мѣсто Владиміра,

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой, Переславцы единодушно объявили Княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія, у нихъ бывшаго, и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей вторично не занялъ ихъ города. Георгій, успокоивъ народъ, и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ или въ безпечности Хана, не только безъ страха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, Удѣлъ Смоленскій, и привелъ плѣнникомъ тамошняго Князя, Святослава Глѣбовича, Ѳеодорова племянника ([190]).

Наконецъ Великій Князь, бывъ цѣлый годъ въ Ордѣ, возвратился съ Послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславлѣ на общій Сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ, въ присутствіи Митрополита Максима, читали ярлыки или грамоты Ханскія, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю, да наслаждается Великое Княженіе тишиною, да пресѣкутся распри Владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ. Андрей, Михаилъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно Великій Князь, хваляся впрочемъ милостію Тохты, не достигнулъ своей цѣли ([191]).

Въ сихъ Княжескихъ съѣздахъ не участвовали ни Рязанскіе, ни Смоленскіе, ни другіе Владѣтели. Нашествіе Моголовъ уничтожило и по-

слѣднія связи между разными частями нашего отечества: Великій Князь, не удержавъ господства надъ собственными Удѣлами Владимірскими, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла иныхъ областей и быть — еслибы и хотѣлъ — душею общаго согласія, порядка, справедливости? Какъ въ Великомъ, такъ и въ частныхъ Княженіяхъ единокровные возставали другъ на друга.

Междоусобія въ Княженіяхъ.

Александръ Глѣбовичь, отразивъ (въ 1298 году) дядю своего, Ѳеодора Чернаго, отъ Смоленска (192), хотѣлъ (чрезъ два года) взять Дорогобужъ, городъ Смоленской области, ему непослушный; отнялъ у жителей воду, но разбитый ими съ помощію Князя *Вяземскаго*, Андрея, его родственника, отступилъ, исходя кровію отъ тяжелой раны. Романъ Глѣбовичь, братъ Александровъ, также былъ уязвленъ стрѣлою; а юный сынъ послѣдняго палъ мертвый на мѣстѣ сраженія.

Мужество Россіянъ гораздо счастливѣе ознаменовалось тогда въ битвахъ съ врагами иноплеменными . . . Ливонскіе Рыцари (въ 1299 году) неожидаемо осадили Псковъ, и разграбивъ монастыри въ его предмѣстіи, убивали безоружныхъ Монаховъ, женщинъ, младенцевъ (193). Князь Довмонтъ, уже старецъ лѣтами, но еще воинъ пылкій, немедленно вывелъ свою дружину малочисленную, сразился съ Нѣм-

Война съ Орденомъ Ливонскимъ.

цами на берегу Великой, смялъ ихъ въ рѣку; и взявъ въ добычу множество оружія, брошеннаго ими въ бѣгствѣ, отправилъ плѣнниковъ, гражданъ Эстонскаго Феллина, къ Великому Князю. Коммандоръ Ордена, предводитель Нѣмцевъ, былъ раненъ въ семъ несчастномъ для нихъ сраженіи, о коемъ Ливонскіе Историки не упоминаютъ, и которое было послѣднимъ знаменитымъ дѣломъ храбраго Довмонта. Онъ преставился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ какой-то заразительной болѣзни, смертоносной тогда для многихъ Псковитянъ, и кончина его была долгое время оплакиваема народомъ, самыми женами и дѣтьми. Довмонтъ, названный въ крещеніи Тимоѳеемъ, хотя родился и провелъ юность въ землѣ варварской, ненавистной нашимъ предкамъ, но принявъ Вѣру Спасителеву, вышелъ изъ купѣли усерднымъ Христіаниномъ и вѣрнымъ другомъ Россіянъ; тридцать-три года служилъ Богу истинному и второму своему отечеству добрыми дѣлами и мечемъ: удостоенный сана Княжескаго, не только прославлялъ имя Русское въ битвахъ, но и судилъ народъ право, не давалъ слабыхъ въ обиду, любилъ помогать бѣднымъ. Женатый на Маріи, дочери Великаго Князя Димитрія, не оставлялъ сего изгнанника въ несчастіи, и готовъ былъ положить за него свою голову; но смерти

Кончина и слава Довмонтова.

же Димитрія свято наблюдалъ обязанности Князя Удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта болѣе всѣхъ другихъ Князей; воины, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: «добрые мужи Псковичи! кто изъ васъ старъ, тотъ «мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ братъ (194)! Помните отечество и Церковь Божію!» Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась *Довмонтовою*, и которую послѣ (въ 1309 году) Посадникъ Борисъ довелъ отъ церкви Св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ Литовскій пишетъ, что Довмонтъ господствовалъ и надъ *Полоцкою* областію; но въ 1307 году Литовцы *купили* оную у Нѣмецкихъ Рыцарей: ибо какой-то изъ тамошнихъ Князей, обращенный въ Латинскую Вѣру, отказалъ сей городъ Рижской Церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Шведы, основавъ въ Кареліи Выборгъ, въ 1295 году заложили и нынѣшній Кексгольмъ: Воеводою ихъ былъ Витязь Сигге (195). Новогородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного Шведа живаго, срыли валъ, и чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ Шведскій, состоящій изо ста-одиннадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ Государственный Правитель или Маршалъ, Торкель Кнутсонъ,

предводительствовалъ онымъ, и началъ строить новый городъ, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго С. Петербурга, при устьѣ Охты, употребивъ для того весьма искусныхъ Римскихъ художниковъ, и назвавъ сію крѣпость Ландскроною или *Вѣнцемъ земли.* Лѣтописецъ нашъ говоритъ только, что Великаго Князя не было тогда въ Новѣгородѣ, и что Шведы, оставивъ въ крѣпости войско, удалились; но Историки Шведскіе пишутъ, что Россіяне, имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ, хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что Маршалъ Торкель, увѣдомленный о семъ черезъ лазутчиковъ, велѣлъ оградить истокъ Невы потаенными сваями; что Новогородцы, видя неудачу, вышли изъ лодокъ, напали на Шведовъ и съ великимъ урономъ отступили; что знаменитый Матѳей Кеттильмундсонъ, бывшій послѣ опекуномъ Шведскаго Короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками, громогласно вызывая на поединокъ храбрецовъ Россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова (196). Сіе извѣстіе можетъ быть отчасти справедливо: ибо невѣроятно чтобы Новогородцы безпрепятственно дали Маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣди- Ландскрона.

тельно звали къ себѣ Великаго Князя Андрея, который, долго медливъ, наконецъ весною 1301 году пришелъ съ полками Низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодомъ и болѣзнями, Шведы все еще бились мужественно, подъ начальствомъ славнаго Витязя, Стена, храбраго но безпечнаго или слишкомъ надменнаго: ибо онъ не хотѣлъ заблаговременно требовать вспоможенія отъ Правителя Швеціи, хладнокровно отвѣтствуя другому благоразумнѣйшему витязю, именемъ Амундсону: «начто безпокоить Великаго Маршала?» Россіяне огнемъ и пращами въ нѣсколько дней истребили большую часть внѣшнихъ укрѣпленій, и не слушая никакихъ предложеній Стеновыхъ, готовились къ рѣшительному приступу. Тогда Амундсонъ напомнилъ своему начальнику слова его: «начто «безпокоить Великаго Маршала?» и вмѣстѣ съ нимъ былъ изрубленъ побѣдителями. Новогородцы взяли крѣпость и сравняли ее съ землею, плѣнивъ горсть Шведовъ, которые долго оборонялись въ погребѣ (197). Сей успѣхъ остался въ лѣтописяхъ единственнымъ достохвальнымъ дѣломъ Андреевымъ: по крайней мѣрѣ онъ участвовалъ въ ономъ, имѣя въ предметѣ безопасность отечества. Михаилъ Ярославичь также хотѣлъ итти къ берегамъ Невы; но

узналъ на пути, что страшная Ландскрона уже не существуетъ.

Успокоенные со стороны Шведовъ, Новогородцы отправили за море Пословъ и заключили миръ (въ 1302 году) съ Королемъ Датскимъ Эрикомъ VI, чтобы прекратить свои частыя войны съ Эстоніею, его областію. Впрочемъ не надѣясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и внѣшнихъ враговъ и Князей Россійскихъ, они въ тотъ же годъ заложили у себя большую *каменную* крѣпость: ибо вольность ихъ ограждалась дотолѣ однимъ бреннымъ *деревомъ* ([198]). Умноженіе опасностей требовало защиты твердѣйшей: умноженіе частныхъ и казенныхъ прибытковъ доставляло Правительству способъ воздвигнуть оную, безъ излишней тягости для гражданъ. Миръ съ Даніею.

Великій Князь Андрей скончалъ жизнь свою Схимникомъ въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства ([199]). Никто изъ Князей Мономахова роду не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ сей недостойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ Городцѣ, далеко отъ священнаго праха родительскаго. Іюля 27 Смерть Андреева.

Ужасы естественные и всякія несчастія ознаменовали десятилѣтнее время его княженія, такъ же, какъ и Димитріево. Къ числу тогдашнихъ явленій, воздушныхъ и Разныя бѣдствія.

небесныхъ, обыкновенно страшныхъ для народа, принадлежала славная Комета 1301 года, описанная Китайскими Астрономами и воспѣтая въ стихахъ Пахимеромъ. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ Княжескій (въ 1298) со всею казною и драгоцѣнностями; не успѣли вынести ни серебра, ни золота, ни оружія; самъ Князь Михаилъ, ночью пробужденный огнемъ, едва могъ спастися съ юною супругою отъ пламени. Въ Новѣгородѣ обратились въ пепелъ многія улицы (въ 1299), Варяжская, Холопья, и Нѣмецкій гостиный дворъ (200). Изверги, пользуясь общимъ смятеніемъ, грабили имѣніе, снесенное въ церкви; убивали сторожей: злодѣйство, о коемъ Лѣтописецъ говоритъ съ праведнымъ омерзѣніемъ.

Въ Княженіе Андреево (въ 1299 году) Митрополитъ Максимъ оставилъ навсегда Кіевъ, чтобы не быть тамъ свидѣтелемъ и жертвою несноснаго тиранства Моголовъ, и со всѣмъ Клиросомъ переѣхалъ въ Владиміръ (201); даже большая часть Кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. После Ярослава и сына его, Александра Невскаго, Великіе Князья уже не имѣли никакой власти надъ странами Днѣпровскими. Кто изъ потомковъ Св. Владиміра господствовалъ въ оныхъ, неизвѣстно (въ лѣтопи-

Митрополиты въ Владимірѣ.

сяхъ упоминается только о Князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мстиславу Даніиловичу). Левъ Галицкій не заботился о древней столицѣ своихъ предковъ, оставленной такимъ образомъ въ жертву варварамъ. Любимый, оплаканный подданными, онъ скончался мирно и тихо въ 1301 году, доживъ до глубокой старости, и велѣвъ предать землѣ тѣло свое безъ всякихъ знаковъ пышности ([202]): Монахи одѣли его въ простой саванъ и вложили ему въ руку изображеніе креста. Въ городѣ Львовѣ показываютъ двѣ харатейныя жалованныя грамоты, будто бы данныя симъ Княземъ тамошнему храму Св. Николая и Крылосскому (близъ Галича) Успенія Богоматери на имѣніе и на исключительное право суда Епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ ([203]). Слогъ обѣихъ есть новое, неискусное смѣшеніе языка Русскаго съ Польскимъ; въ обѣихъ именуются *особенные Митрополиты Галицкіе*, коихъ не бывало, и въ одной названъ тогдашній *Кіевскій* Митрополитъ *Кипріаномъ*: а Кипріанъ пасъ Церковь уже во время Димитрія Донскаго и сына его. — Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который по смерти дяди, Мстислава Даніиловича, наслѣдовавъ и Владимірскую область, возобновилъ титулъ своего дѣда и подобно Даніилу именовался *Коро-* Кончина Льва Галицкаго.

лемъ Россійскимъ, Rex Russiae, какъ изображено на печати сего Князя, сохраненной въ Архивѣ Кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами Галицкихъ Владѣтелей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена (204).

Послѣ несчастной для Нѣмцевъ осады Пскова Россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Магистръ въ 1304 году призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и Епископовъ на Сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими Князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбитъ Новогородцевъ или Псковитянъ и тѣмъ навлечетъ на себя месть ихъ (205).

Двинская грамота.

Въ числѣ нашихъ собственныхъ памятниковъ сего времени замѣтимъ грамоту, писанную Великимъ Княземъ къ Посадникамъ, Казначеямъ и къ Старостамъ Заволочья (206). Тамъ сказано, что въ силу договора, заключеннаго Андреемъ съ Новымгородомъ, онъ можетъ посылать три *ватаги* для ловли на море, подъ начальствомъ *Атамана* Крутицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну Атаманову, когда пошлютъ его оттуда съ морскими птицами; что ловцы Новогородскіе, согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Димитріевыхъ, не должны въ Заволочьѣ ходить на *Терскую* сторону,

и проч. Такимъ образомъ Великіе Князья, участвуя въ народныхъ промыслахъ, старались умножать свои доходы.

ГЛАВА VII.

Великій Князь Михаилъ Ярославичь.

Г. 1304—1319.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новогородскія. Узбеки. Мужество Новогородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Татарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаилова. Городъ Маджары. Разбои Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія.

Какъ жизнь, такъ и кончина Андреева была несчастіемъ для Россіи. Два Князя объявили себя его наслѣдниками: Михаилъ Тверскій и Георгій Даніиловичь Московскій; но первый съ большимъ правомъ, будучи внукомъ Ярослава Всеволодовича и дядею Георгіевымъ, слѣдственно старѣйшимъ въ родѣ. Сіе право казалось вообще неоспоримымъ, и Бояре Великаго Княженія, предавъ землѣ тѣло Андреево, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила Государемъ

Г. 1304-1305. Споръ о Вел. Княженіи.

Владимірскимъ. Новогородцы также признали его своимъ Главою, въ увѣреніи, что Ханъ утвердитъ за нимъ Великое Княженіе. Михаилъ обязался, подобно отцу, блюсти ихъ уставы, возстановить древнія границы между Новымгородомъ и землею Суздальскою (207); не требовать бывшихъ волостей Димитріевыхъ и Андреевыхъ: купленныя же имъ самимъ, Княгинею или Боярами его въ землѣ Новогородской, отдать на выкупъ или прежнимъ владѣльцамъ или Правительству; не позволять *самосуда* ни себѣ, ни Княжескимъ судіямъ, но рѣшить тяжбы единственно по законамъ; отправлять людей своихъ за Волокъ только изъ Новагорода, въ двухъ ладіяхъ, и проч.

Добрый Митрополитъ Максимъ тщетно уговаривалъ Георгія не искать Великаго Княженія, обѣщая ему именемъ Ксеніи, матери Михаиловой, и своимъ собственнымъ любые города въ прибавокъ къ его Московской области (208). Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ Хану, оставивъ Россію въ несогласіи и въ мятежѣ. Одни города стояли за Князя Тверскаго, иные за Московскаго. Георгій едва могъ спастися отъ друзей Михаиловыхъ, которые не хотѣли пустить его въ Орду и думали задержать на пути въ области Суздальской; а Бориса Даниловича, пріѣхавшаго въ Кострому, схватили и послали въ Тверь. Но вторый Георгіевъ братъ, Іоаннъ, разбилъ Твертитянъ, хотѣвшихъ взять Переславль, и Воевода ихъ, Акинфъ, остался на мѣстѣ

сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣстники Михаиловы хотѣли въѣхать въ Новгородъ: жители не впустили ихъ, сказавъ: «мы «избрали Михаила съ *условіемъ*, да явитъ «грамоту Ханскую, и будетъ тогда Княземъ «нашимъ, но не прежде!» — Въ другихъ областяхъ господствовало безначаліе и неустройство. Граждане Костромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали (209); а чернь Нижняго Новагорода, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвила многихъ Бояръ, какъ мнимыхъ враговъ отечества. Князь Нижегородскій, Михаилъ, сынъ Андрея Ярославича, находился въ Ордѣ: онъ тамъ женился, и возвратясь въ свой Удѣлъ, казнилъ виновниковъ сего беззаконнаго Вѣча: ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права Княжескаго.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михаилъ превозмогъ соперника, и пріѣхалъ съ Ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ возвелъ его на престолъ Великаго Княженія (210). Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія, и дважды приступалъ къ Москвѣ, одинакожь безъ г. 1305-1308.
успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ.

Современные Лѣтописцы винятъ одного Князя Московскаго, который въ противность древнему обыкновенію спорилъ съ дядею о старѣйшинствѣ. Сверхъ того Георгій по качествамъ черной души своей заслуживалъ всеобщую ненависть, и едва утвердясь на престолѣ наслѣдственномъ, гнуснымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ святѣйшимъ законамъ человѣчества. Мы говорили о несчастной судьбѣ Рязанскаго Владѣтеля, Константина, плѣненнаго Даніиломъ: онъ шесть лѣтъ томился въ неволѣ; Княженіе его, лишенное Главы, зависѣло нѣкоторымъ образомъ отъ Московскаго (211). Георгій велѣлъ умертвить Константина, считая сіе злодѣйство нужнымъ для безпрекословнаго господства надъ Рязанью, и весьма ошибся: ибо сынъ убіеннаго, Ярославъ, подъ защитою Хана спокойно наслѣдовалъ престолъ отеческій какъ Владѣтель независимый, оставивъ въ добычу Георгію изъ городовъ своихъ одну Коломну. — Самые меньшіе братья Георгіевы, дотолѣ служивъ ему вѣрно, не могли съ нимъ ужиться въ согласіи. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ Даніиловичи, уѣхали въ Тверь, безъ сомнѣнія недовольные его жестокостію.

Злодѣйство Князя Московскаго.

Михаилъ нѣсколько лѣтъ властвовалъ спокойно, и жилъ большею частію въ Твери (212). Его Намѣстники правили Вели-

Дѣла Новогородскія

кимъ Княженіемъ и Новымгородомъ, коего чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ они насьменно жаловались Михаилу на двухъ Княжескихъ Вельможъ, Ѳеодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и въ области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи Ливонскихъ Рыцарей въ 1307 году, уѣхалъ изъ города, принудивъ тѣмъ оставленныхъ безъ вождя Псковитянъ заключить съ Магистромъ, Гертомъ фонъ-Йокке, не весьма выгодный миръ, и разорилъ многія села Новогородскія; второй, утѣсняя Кореловъ, заставилъ ихъ бѣжать къ Шведамъ, и силою бралъ, что ему не принадлежало (213). Новогородцы желали навсегда избавиться отъ такихъ недостойныхъ Правителей, взносили деньги за села, купленныя въ ихъ областяхъ сими Боярами, и предоставляли себѣ условиться изустно, съ Княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ Святой Софіи и былъ принятъ гражданами съ обыкновенными знаками усердія; однакожь не хотѣлъ самъ предводительствовать ими, когда они, построивъ новую крѣпость на мѣстѣ нынѣшняго Кексгольма, ходили на судахъ въ Финляндію до рѣки Черной или Кумо, гдѣ сожгли городъ Ванай, осаждали Шведовъ въ замкѣ, на скалѣ неприступной, и разорили множество селеній (214). У бѣдныхъ

г. 1310.
г. 1311.

жителей, по словамъ Лѣтописца, не осталось ни одной рогатой скотины: ибо Россіяне истребили тамъ все, чего не могли увезти съ собою.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, Новогородцы начали ссориться съ Княземъ, жалуясь, что онъ не исполняетъ договорной грамоты; но когда оскорблен-
г. 1312. ный Михаилъ, занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускать къ нимъ хлѣба, народъ встревожился, и не смотря на весеннюю распутицу, отправилъ въ Тверь своего Архіепископа, Давида, чтобы обезоружить Великаго Князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно желали его съ обѣихъ сторонъ (215): Новгородъ, опустошенный въ сіе время пожаромъ, имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ, и лишенный оныхъ, могъ быть жертвою голода; а Михаилъ долженствовалъ немедленно ѣхать въ Орду. Ханъ Тохта умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился, славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ Вѣрѣ Магометовой, возстановленной имъ во всѣхъ Могольскихъ владѣніяхъ (216): ибо Тохта былъ, кажется, язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Историкъ Абулгази пишетъ, что многіе Татары, въ знакъ особенной любви къ сему Царю,
Узбеки назвалися его именемъ, или *Узбеками*, до-

нынѣ извѣстными въ Хивѣ и въ земляхъ окрестныхъ.

Взявъ съ Новогородцевъ 1500 гривенъ серебра (217), Михаилъ возвратилъ имъ г. 1313. своихъ Намѣстниковъ, и поѣхавъ въ Орду, жилъ тамъ цѣлые два года. Столь долговременное отсутствіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдствія для него и для Россіи. Шведы сожгли Ладогу: Ко- г. 1314. релы, впустивъ ихъ въ Кексгольмъ, умертвили тамъ многихъ Россіянъ (218). Хотя Новогородцы отмстили тѣмъ и другимъ, подъ начальствомъ Михаилова Намѣстника выгнали Шведовъ и казнили измѣнниковъ Корельскихъ, но винили Михаила, что онъ, пресмыкаясь въ Ордѣ у ногъ Хановыхъ, забываетъ отечество. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родственникъ его, Князь Ѳеодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу Намѣстниковъ Михаиловыхъ, и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ Начальникомъ, объявили даже войну Великому Князю. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли Новогородцы, на другомъ сынъ Михаиловъ, Димитрій, съ вѣрною Тверскою ратію. Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе, и Новогородцы согласились на миръ; а

Князь Московскій, обѣщая имъ благоденствіе и вольность, сѣлъ на престолѣ Святыя Софіи.

г. 1315.

Скоро позвали Георгія къ Хану, дать отвѣтъ на справедливыя жалобы Михайловы (219). Онъ поручилъ Новгородъ брату своему Аѳанасію, и взявъ съ собою богатые дары, надѣялся быть правымъ въ такомъ судилищѣ, гдѣ предсѣдательствовало алчное корыстолюбіе. Но Михаилъ уже несъ обнаженный мечь и грамоту Узбекову (220). Сильные полки Моголовъ окружали его и вступили въ Россію съ Воеводою Тайтемеремъ. Сія грозная вѣсть поколебала, однакожь не смирила Новогородцевъ. Исчисляя въ мысляхъ всѣ одержанныя ими побѣды со временъ Рюрика до настоящаго, и вспомнивъ, что самъ Михаилъ великодушною рѣшимостію спасъ Тверь отъ нашествія Моголовъ, они вооружились и ждали непріятеля близъ Торжка. Прошло шесть недѣль. Наконецъ явилась сильная рать Михаилова, Владимірская, Тверская и Могольская. Переговоровъ не было: вступили въ бой, жестокій, хотя и неравный. Никогда Новогородцы не изъявляли болѣе мужества; чиновники и Бояре находились впереди; купцы сражались какъ Герои. Множество ихъ легло на мѣстѣ; остатокъ заключился въ Торжкѣ, и Михаилъ, какъ побѣдитель, велѣлъ объявить,

г. 1316. Февраля 10 Мужество Новогородцевъ.

чтобы Новогородцы выдали ему Князей Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, если хотятъ мира. Слабые числомъ, обагренные кровію, своею и чуждою, они единодушно отвѣтствовали: «умремъ «за Святую Софію и за Аѳанасія; честь всего «дороже.» Михаилъ требовалъ по крайней мѣрѣ одного Ѳеодора Ржевскаго: многіе и того не хотѣли; наконецъ уступили необходимости, и еще обязались заплатить Великому Князю знатное количество серебра. Нѣкоторые изъ Бояръ Новогородскихъ вмѣстѣ съ Княземъ Аѳанасіемъ остались аманатами въ рукахъ побѣдителя; другіе отдали ему все, что имѣли: коней, оружіе, деньги. Написали слѣдующую грамоту (221): «Великій Князь Михаилъ условился съ Владыкою «и съ Новымгородомъ не вспоминать прошедшаго. Что съ обѣихъ сторонъ захвачено въ «междоусобіе, того не отыскивать. Плѣнники «свободны безъ окупа. Прежняя Тверская Ѳеоктистова грамота должна имѣть всю силу свою. «Новгородъ платитъ Князю въ разные сроки, «отъ второй недѣли Великаго поста до Вербной, «12,000 гривенъ серебра (222), зачитая въ сей «платежъ взятое въ Торжкѣ у Бояръ Новогородскихъ имѣніе. Князь, принявъ сполна вышеозначенную сумму, долженъ освободить аманатовъ, изрѣзать сію грамоту и править нами «согласно съ древнимъ уставомъ.»

Сей миръ, вынужденный крайностію, не могъ быть истиннымъ, и Великій Князь, свѣдавъ, что Послы Новогородскіе тайно ѣдутъ въ Орду съ

жалобою на него, велѣлъ переловить ихъ; отозвалъ Намѣстниковъ Княжескихъ изъ Новагорода, и пошелъ туда съ войскомъ (223). Новогородцы укрѣпили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, Кореловъ, Ижерцевъ, Вожанъ, и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовію къ вольности и ненавистію къ Великому Князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ими, но робкихъ, безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на Вѣчѣ и грозилъ имъ казнію; свергнулъ одного Боярина съ моста за мнимую измѣну, а другаго, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ. — Такое ужасное остервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новѣгородѣ ратниковъ изумили Великаго Князя: онъ стоялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился отступить, и вздумалъ, къ несчастію, итти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Кони, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щитовъ своихъ, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ наконецъ изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

г. 1317. Тогда Новогородцы прислали въ Тверь

Архіепископа Давида (224), безъ всякой надменности моля Великаго Князя освободить ихъ аманатовъ; предлагали ему серебро, миръ и дружбу. «Дѣло сдѣлано,» говорили они: «желаемъ спокойствія и тишины.» Михаилъ отвергнулъ сіе предложеніе; стыдился мира *безчестнаго*; хотѣлъ побѣдить и даровать его.

Между тѣмъ Георгій жилъ въ Ордѣ, три года кланялся, дарилъ и пріобрѣлъ наконецъ столь великую милость, что юный Узбекъ, давъ ему старѣйшинство между Князьями Россійскими, женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіею (225): дѣло не весьма согласное съ ревностію сего Хана къ Вѣрѣ Магометовой! Провождаемый Моголами и Воеводою ихъ, Кавгадыемъ, Георгій возвратился въ Россію, и пылая нетерпѣніемъ сокрушить врага, хотѣлъ немедленно завоевать Тверь. Михаилъ отправилъ къ нему Пословъ. «Будь Великимъ Княземъ, «если такъ угодно Царю,» сказали они Георгію именемъ своего Государя: «только «оставь Михаила спокойно княжить въ его «наслѣдіи; иди въ Владиміръ, и распусти «войско.» Отвѣтомъ Князя Московскаго было опустошеніе Тверскихъ селъ и городовъ до самыхъ береговъ Волги (226). Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ Княжескій Епископа и Бояръ. «Судите меня съ

Г. 1318. Георгій зять Хановъ.

Умѣренность и добродушіе Михаила.

«племянникомъ,» говорилъ онъ: «не самъ «ли Ханъ утвердилъ меня на Великомъ «Княженіи? не заплатилъ ли я ему *выхода* «или Царской пошлины? Теперь отказы«ваюсь отъ сего достоинства, и не могу «укротить злобы Георгія. Онъ ищетъ го«ловы моей; жжетъ, терзаетъ мою наслѣд«ственную область. Совѣсть меня не упре«каетъ; но можетъ быть ошибаюсь. Скажите «ваше мнѣніе: виновенъ ли я предъ Геор«гіемъ?» Епископъ и Бояре, умиленные горестію и добросердечіемъ Князя, единогласно отвѣчали ему: «Ты правъ, Государь, «предъ лицемъ Всевышняго, и когда смя«реніе твое не могло тронуть ожесточен«наго врага, то возьми праведный мечь въ «десницу; иди: съ тобою Богъ и вѣрные «слуги, готовые умереть за добраго Кня«зя.» — «Не за меня одного (сказалъ Ми«хаилъ), но за множество людей невин«ныхъ, лишаемыхъ крова отеческаго, сво«боды и жизни. Вспомните рѣчь Евангель«скую: *кто положитъ душу свою за друга,* «*той великъ наречется.* Да будетъ намъ «слово Господне во спасеніе!» Великій Князь, предводительствуя войскомъ мужественнымъ, встрѣтилъ полки Георгіевы, соединенные съ Татарами и Мордвою, въ 40 верстахъ отъ Твери, гдѣ нынѣ селеніе Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаилъ искалъ смерти: шлемъ и латы его

Декабря 22. Побѣда надъ Татарами.

были всѣ изстрѣлены, обсѣчены, но Князь цѣлъ и невредимъ; вездѣ отражалъ непріятелей и наконецъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Сія побѣда спасла множество несчастныхъ Россіянъ, жителей Тверской области, взятыхъ въ неволю Татарами: смотря издали на кровопролитіе, безоружные, скованные, они помогали своему Князю усердными молитвами, и видя его торжество, плакали отъ радости. Михаилу представили жену Георгіеву, брата его Бориса Даніиловича и Воеводу Узбекова, Кавгадыя, вмѣстѣ съ другими плѣнниками [227]. Великій Князь запретилъ воинамъ убивать Татаръ, и ласково угостивъ Кавгадыя въ Твери, съ богатыми дарами отпустилъ его къ Хану. Сей лицемѣръ клялся быть ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія, и говорилъ, что они воевали Тверскую область безъ повелѣнія Узбекова.

Князь Московскій бѣжалъ къ Новогородцамъ, которые, еще не знавъ объ успѣхѣ его въ Ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшиваться въ ихъ распрю. (Въ сіе время они мстили Шведамъ за разбитіе нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часть Финляндіи; взяли городъ *Финскаго Князя* и другой *Епископовъ*, или нынѣшній Або [228]. Узнавъ торжество Михайлово, Новогородцы вступились за Георгія: собрали полки и приближились къ Волгѣ. На другой сторонѣ ея развѣвались знамена Тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожь Великій Князь не хотѣлъ вторичной жесто-

кой битвы, и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ Орду. «Ханъ разсудитъ насъ» — говорилъ Михаилъ — «и воля его будетъ мнѣ закономъ. «Возвращаю свободу супругѣ твоей, брату и «всѣмъ Новогородскимъ аманатамъ.» На семъ основаніи сочинили договорную грамоту, въ коей *Георгій* именованъ *Великимъ Княземъ*, и по коей Новогородцы, въ ожиданіи суда Узбекова, могли свободно торговать въ Тверской области, а Послы ихъ ѣздить чрезъ оную безопасно (229). Къ несчастію, жена Георгіева скоропостижно умерла въ Твери, и враги Михаиловы распустили слухъ, что она была отравлена ядомъ. Можетъ быть, самъ Георгій вымыслилъ сію клевету: по крайней мѣрѣ охотно вѣрилъ ей, и воспользовался случаемъ очернить своего великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провождаемый многими Князьями и Боярами, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ Хану; а неосторожный Михаилъ еще медлилъ, пославъ въ Орду двѣнадцати-лѣтняго сына, Константина, защитника слабаго и безсловеснаго.

Между тѣмъ, какъ врагъ его ревностно дѣйствовалъ въ Сараѣ и подкупалъ Вельможъ Могольскихъ, Великій Князь, имѣя чистую совѣсть, и готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у епископа, поѣхалъ. Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ, и ввѣряя Духовнику свою тайную

мысль, сказалъ: «Можетъ быть, въ послѣдній «разъ открываю тебѣ внутренность души моей. «Я всегда любилъ отечество, но не могъ пре-«кратить вашихъ злобныхъ междоусобій: по «крайней мѣрѣ буду доволенъ, если хотя смерть «моя успокоитъ его» (230). Михаилъ, скрывая сіе горестное предчувствіе отъ нѣжной супру-ги, велѣлъ ей возвратиться. Посолъ Ханскій, именемъ Ахмылъ, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ. «Спѣши къ Царю,» говорилъ онъ: «или полки его чрезъ мѣсяцъ вступятъ въ «твою область. Кавгадый увѣряетъ, что ты не «будешь повиноваться.» Устрашенные симъ из-вѣстіемъ, Бояре совѣтовали Великому Князю остановиться. Добрые сыновья Михаиловы, Ди-митрій и Александръ, также заклинали отца не ѣздить въ Орду и послать туда кого нибудь изъ нихъ, чтобы умилостивить Хана. «Нѣтъ,» отвѣ-чалъ Михаилъ: «Царь требуетъ меня, а не васъ: «подвергну ли отечество новому несчастію? Мо-«жемъ ли бороться со всею силою невѣрныхъ? «За мое ослушаніе падетъ множество головъ «Христіанскихъ; бѣдныхъ Россіянъ толпами «поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ надобно будетъ «умереть и тогда (231): не лучше ли же нынѣ, «когда могу еще своею погибелію спасти дру-«гихъ?» Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ Удѣлы, далъ имъ отеческое на-ставленіе, какъ жить добродѣтельно, и про-стился съ ними навѣки.

Сентября 6. Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря *Сурожскаго* или Азовскаго, при устьѣ Дона (232); вручилъ дары Хану, Царицѣ, Вельможамъ, и шесть недѣль жилъ спокойно въ Ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ Вельможамъ своимъ, чтобы они разсудили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни.

Судъ въ Ордѣ. Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ Царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ Баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ Хану всей опредѣленной дани. Великій Князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею! Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго, и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечь на Посла Царева и ядомъ отравилъ жену Георгіеву: Великій Князь отвѣчалъ: «Въ битвѣ не узнаютъ Пословъ; но я спасъ Кавгадыя, и съ «честію отпустилъ его. Второе обвиненіе «есть гнусная клевета: какъ Христіанинъ «свидѣтельствую Богомъ, что у меня и «на мысли не было такого злодѣянія.» Судіи не слушали его, отдали подъ стражу,

велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные Бояре и слуги не отходили отъ своего злосчастнаго Государя: приставы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку, и раздѣлили между собою всѣ драгоцѣнныя одежды Княжескія.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и Послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава Хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два, и разительно представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячь людей было въ движеніи (233); каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телегахъ везли товары Индѣйскіе и Греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда тронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный Князь терпѣлъ уничиженіе и муку съ великодушною твердостію: На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ, и готовый умереть какъ должно Христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные Бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ ихъ, и съ весе-

Пышная забава Ханская.

Великодушная кончина Михаилова.

лымъ лицемъ говорилъ [231]: «Друзья! вы «долго видѣли меня въ чести и славѣ: будемъ ли неблагодарны? Вознегодуемъ ли на «Бога за уничиженіе кратковременное? Выя «моя скоро освободится отъ сего древа, гнетущаго оную.» Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ Псалмовъ Давидовыхъ; Отрокъ Княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ листы: ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ, и вдругъ, какъ бы тронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: «не унывай! Царь «поступаетъ такъ и съ родными въ случаѣ гнѣ«ва; но завтра, или скоро, объявятъ тебѣ ми«лость, и снова будешь въ чести.» Торжествующій злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ Государемъ въ землѣ своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами: онъ всталъ и пошелъ въ вежу или шатеръ, читая тихимъ голосомъ изъ Псалма: *Вси видяще мя покивеху главами своими... Уповаю на Господа!*— Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. «Я никогда не зналъ постыднаго бѣг«ства,» отвѣчалъ Михаилъ: «оно можетъ только

«спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будетъ!»

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близъ Вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ Ясскаго города Тетякова, въ 1277 году взятаго нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ Царю со мнимыми доказательствами, что Великій Князь есть злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ Заутреню (ибо съ нимъ были Игуменъ и два Священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставятъ вѣрныхъ Бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъявляли Государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ (235). Михаилъ, взявъ у Священника Псалтирь и разогнувъ оную, читалъ слова: *сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: «Государь! въ семъ же Псалмѣ, столь «тебѣ извѣстномъ, написано: *возверзи на*

Ноября 22.

Господа печаль твою.» Великій Князь продолжалъ: *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію....* Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ ставку одинъ изъ его Отроковъ съ лицемъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что Князь Георгій Даніиловичь, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру. «Вѣдаю, «для чего,» отвѣтствовалъ Михаилъ (236), и немедленно послалъ юнаго сына своего къ Царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жалости. Георгій и Кавгадый остановились близъ шатра, на площади, и сошли съ коней, отрядивъ убійцъ совершить беззаконіе. Всѣхъ людей Княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ *Романецъ* (слѣдственно Христіанской Вѣры) вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ставку для грабежа, позволеннаго у Моголовъ въ такомъ случаѣ. — Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти Святаго Мученика — ибо таковымъ справедливо признаетъ его наша Церковь — сѣли на коней и подъѣхали къ шатру. Тѣло Михаилово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: «онъ «твой дядя: оставишь ли трупъ его на поруга«ніе?» Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою (237).

Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительно-

стію приняла и старалась утѣшить юнаго Константина; защитила и Бояръ его, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство: другіе же, схваченные злобными врагами ихъ Государя, были истерзаны и заключены въ оковы. — Георгій послалъ тѣло Великаго Князя въ Маджары, городъ торговый на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской Губерніи, гдѣ, какъ вѣроятно, обитали нѣкогда Угры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедіи (238). Тамъ многіе купцы, знавъ лично Михаила, желали прикрыть оное драгоцѣнными плащеницами и внести въ *церковь*; но Бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному трупу, и поставили его въ хлѣвѣ. Въ Ясскомъ городѣ *Бездежъ* они также не хотѣли остановиться у *церкви Христіанской*; днемъ и ночью стерегли тѣло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ монастырѣ Спасскомъ (въ Кремлѣ, гдѣ стоитъ еще древняя церковь Преображенія).

Городъ Маджары.

г. 1319.

Злодѣй Кавгадый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ жизнь свою внезапно; увидимъ, что Провидѣніе наказало и жестокаго Георгія; а память Михаилова была священна для современниковъ и потомства: ибо сей Князь, столь великодушный въ бѣдствіи, заслужилъ славное имя *отечестволюбца* (239). Кромѣ однихъ Новогородцевъ, считавшихъ его опаснымъ врагомъ

народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные Тверитяне: ибо онъ возвеличилъ сіе Княженіе и любилъ ихъ дѣйствительно какъ отецъ. Сверхъ достоинствъ государственныхъ — ума проницательнаго, твердости, мужества — Михаилъ отличался и семейственными: нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтямъ, въ особенности къ матери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ правилахъ благочестія и скончавшей дни свои Монахинею (240).

Разбои Моголовъ. При семъ Великомъ Князѣ Ростовъ, Кострома и Брянскъ были жертвою хищныхъ Татаръ. Наслѣдникъ Константина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ Ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) пріѣхалъ отъ Хана въ столицу свою съ двумя Могольскими Вельможами, коихъ грабительство и насиліе остались въ ней надолго памятными (241). Такіе разбойники назывались обыкновенно *Послами*. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году) убивъ въ Костромѣ 120 человѣкъ, опустошилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взялъ сокровища церковныя, плѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло отъ междоусобія двухъ Князей. Тамъ господствовалъ Василій, внукъ Романовъ (242): изгнанный дядею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою Моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на

усердіе жителей, спѣшилъ отразить ихъ; но граждане измѣнили ему: бросили знамена и побѣжали. Онъ не хотѣлъ уступить, и легъ на мѣстѣ битвы со всею дружиною Княжескою, оказавъ рѣдкое, но безполезное мужество. Побѣдители расхитили городъ.

Въ Брянскѣ находился тогда новый Митрополитъ, преемникъ Максимовъ (243): онъ едва могъ, ушедши въ церковь, спастися отъ лютости Татаръ. По кончинѣ Максима (въ 1305 году) какой-то Игуменъ Геронтій вздумалъ-было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ утварь Святительскую и жезлъ Пастыря; но Патріархъ Аѳанасій въ угодность Князю Галицкому, отвергнувъ Геронтія, (въ 1308 году) посвятилъ въ Митрополиты *для всей Россіи* Петра, Волынскаго Игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ Пастырскихъ обязанностей, что Духовенство сѣверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ Тверскій Епископъ, сынъ Князя Литовскаго Гердена, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего Митрополита; но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на Соборѣ въ Переславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ присутствовали Епископъ Ростовскій, Игумены, Священники, Князья, Вельможи и Посолъ Цареградскаго Патріарха. Истиною и лю-

Петръ Митрополитъ.

бовію заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: *Миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!* . . . Въ другихъ случаяхъ сей кроткій Архипастырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ Епископскій санъ съ Исмаила Сарскаго, безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно къ Церкви или отечеству, и предалъ анаѳемѣ какого-то опаснаго еретика Сеита, обличеннаго имъ въ богопротивномъ умствованіи, но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель Вѣры Христіанской, Петръ склонялъ Князей къ миролюбію, заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Василіемъ и старался прекратить вражду между Князьями Тверскимъ и Московскимъ (244); не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ по крайней мѣрѣ оградить безопасностію церкви святыя и домы ея служителей; ѣздилъ въ Орду съ Михаиломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ называемый *ярлыкъ* или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него Хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды Россійскаго Духовенства. Мы имѣемъ сей ярлыкъ и многіе иные новѣйшіе, достопамятные содержаніемъ и слогомъ. Ханъ пишетъ (245): «Вышняго и без-«смертнаго Бога волею и силою, величе-

Ярлыкъ Ханскій.

«ствомъ и милостію. Узбеково слово ко всѣмъ «Князьямъ великимъ, среднимъ и нижнимъ, Воеводамъ, книжникамъ, Баскакамъ, писцамъ, ми«моѣздящимъ Посламъ, сокольникамъ, пардус«никамъ во всѣхъ Улусахъ и странахъ, гдѣ Бога «безсмертнаго силою наша власть *держитъ* и сло«во наше *владѣетъ*. Да никто не обидитъ въ Руси «церковь Соборную, Петра Митрополита и людей «его, Архимандритовъ, Игуменовъ, Поповъ, и «проч. Ихъ грады, волости, села, земли, ловли, «борти, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, «хуторы, свободны отъ всякія дани и пошлины: «ибо все то есть Божіе; ибо сіи люди молитвою «своею блюдутъ насъ, и наше воинство укрѣп«ляютъ. Да будутъ они подсудны единому Ми«трополиту, согласно съ древнимъ закономъ «ихъ и грамотами прежнихъ Царей Ординскихъ. «Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и «кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ «печали молитъ Бога за насъ и дѣтей нашихъ. «Кто возметъ что нибудь у Духовныхъ, запла«титъ втрое; кто дерзнетъ порицать Вѣру Рус«скую, кто обидитъ церковь, монастырь, часов«ню, да умретъ! и проч. Писано Заячьяго лѣта, «осенняго перваго мѣсяца, четвертаго *Ветха* (то есть, въ четвертый день ущерба луны) на «поляхъ.» Говоря о даняхъ, собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ именуетъ *поплужную*, или съ каждой сохи, мостовую, береговую; увольняетъ церковниковъ отъ воинской службы, подводъ и всякой работы. Въ такомъ порабощеніи находи-

лись Россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ Ханскихъ пошлинниковъ или откупщиковъ Царской дани, между коими бывали иногда и Жиды, обитатели Крыма или Тавриды (246).

Разныя бѣдствія. Къ сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отъ чего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и на скотъ (247). Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ Псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ домы и села богатыхъ людей, такъ, что Правительство долженствовало употребить весьма строгія мѣры для возстановленія тишины и казнить пятьдесятъ главныхъ мятежниковъ. *Зобница* ржи стоила тамъ 5 гривенъ. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая, смертоносная болѣзнь.

ГЛАВА VIII.

Великіе Князья Георгій Даніиловичь, Димитрій и Александръ Михайловичи.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 1319—1328.

Горесть Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина.

Утвержденный Ханомъ на Великомъ Княженіи, и взявъ съ собою юнаго Константина Михайловича и Бояръ Тверскихъ въ видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ господствовать въ Владиміръ, а брата своего Аѳанасія, послалъ Намѣстникомъ въ Новгородъ. Услышавъ о томъ, нѣжная супруга Михаилова, сыновья, Епископъ и Вельможи изумились: они еще не знали происшедшаго въ Ордѣ, но угадывая свое несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ Москву, чтобы развѣдать тамъ о судьбѣ Великаго Князя. Гонцы возвратились съ г. 1319.

подробнымъ извѣстіемъ о всѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ Михаиловой кончины. Горесть Тверитянъ. Горесть была общая: Церковь и народъ дѣлили оную съ Княжескимъ семействомъ. Чрезъ нѣсколько дней, посвященныхъ слезамъ и молитвѣ, Димитрій, какъ старшій сынъ, наслѣдовавъ власть родителя, отправилъ Посольство въ Владиміръ. Меньшій братъ его, Александръ, и Бояре Тверскіе предстали Георгію въ одеждѣ печальной; не хотѣли укорять его: молили только отдать имъ драгоцѣнные остатки Князя, равно любезнаго супругѣ, дѣтямъ и народу. Георгій согласился, съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой (248). Вдовствующая Великая Княгиня Анна и Димитрій Михайловичь съ братьями выѣхали по Волгѣ въ ладіяхъ на встрѣчу ко гробу Михаилову: Епископъ, Духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрѣлище было умилительно. Народъ вопилъ, стремился къ тѣлу и громогласно звалъ Михаила, какъ бы надѣясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поставили передъ монастыремъ Архангельскимъ, гдѣ безчисленное множество людей тѣснилось лобызать оную. Снявъ крышку, съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденныхъ ни дальнимъ путемъ отъ береговъ моря Кас-

ційскаго, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ Небо за сіе чудо, и погребеніе казалось ему уже не печальнымъ обрядомъ, но торжествомъ Михаиловой святости. — Чувствительная, набожная Княгиня Анна отказалась отъ міра и кончила дни свои Монахинею; а Димитрій и Александръ, отеревъ слезы, думали только о мести.

Георгій ходилъ между тѣмъ съ войскомъ къ Рязани, и заставивъ тамошняго Князя, Іоанна Ярославича, согласиться на всѣ его предложенія ([249]), готовился къ нападенію на Тверскую область, увѣренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михаиловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего, Константина, и Бояръ Михаиловыхъ, бывшихъ аманатами въ Владимірѣ: послалъ Тверскаго Епископа, Варсонофія, въ Переславль и заключилъ миръ, давъ Георгію 2000 *рублей* и слово не спорить съ нимъ о Великомъ Княженіи. (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о *рубляхъ* ([250]): они были не что иное, какъ отрубки серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ). — Обманутый коварнымъ миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ, коего чиновники звали его предводительствовать войскомъ: ибо Шведы старались овладѣть

Г. 1320. Г. 1321. Рубли.

Кореліею и Кексгольмомъ. Георгій приступилъ къ Выборгу, и хотя имѣлъ съ собою шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, но осаждалъ сію крѣпость безъ успѣха отъ 12 Августа до 9 Сентября (251). Злобясь на Шведовъ, Россіяне вѣшали плѣнниковъ.

г. 1322. Война съ Шведами.

По возвращеніи въ Новгородъ Георгій оплакалъ кончину вѣрнаго брата, Аѳанасія, и свѣдалъ, что Князь Іоаннъ Даніиловичь, бывъ въ Ордѣ, пріѣхалъ оттуда съ Посломъ Узбековымъ, Ахмыломъ, который, объявивъ намѣреніе учредить благоустройство въ областяхъ Великаго Княженія, лилъ кровь людей, взялъ Ярославль какъ непріятельскій городъ, и съ торжествомъ отправился назадъ къ Хану, дать ему отчетъ въ своемъ успѣшномъ Посольствѣ (252). Вторая вѣсть была для Георгія еще горестнѣе: Димитрій Михайловичь нарушилъ данное ему слово, выходилъ для себя въ Ордѣ достоинство Великаго Князя, и Царь Узбекъ прислалъ съ грамотою Вельможу Севенчь-Буга возвести его на престолъ Владимірскій. Тщетно Георгій молилъ Новогородцевъ итти вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру: онъ долженъ былъ ѣхать туда одинъ, и на пути едва не попался въ руки къ Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обозъ и казну. Георгій бѣжалъ во Псковъ, гдѣ чиновники и народъ, помня завѣщаніе Александра Нев-

скаго ([253]), приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь дѣйствовать всѣми силами противъ Нѣмцевъ. Эстонскіе Рыцари, не смотря на миръ, убивали тогда купцевъ и звѣролововъ Псковскихъ на Чудскомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Озабоченный собственною опасностію, Великій Князь уѣхалъ въ Новгородъ; а Псковитяне разорили Эстонію до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячь плѣнниковъ, и не пощадивъ святыни церквей. Предводителемъ ихъ былъ Князь Литовскій Давидъ, славный въ Исторіи Нѣмецкаго Ордена подъ именемъ *Кастеллана Гарденскаго*. Заслуживъ благодарность Псковитянъ, онъ возвратился въ Литву, и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу ([254]). Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія, и въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣстницы для приступа. Хотя Намѣстникъ Изборскій, Евстафій (родомъ Князь), нечаянно ударивъ на обозы Нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ Россійскихъ плѣнниковъ; однакожь граждане находились въ крайности, и посылали гонца за гонцемъ въ Новгородъ, требуя помощи. Въ сіе время приспѣлъ мужественный Давидъ Литовскій, соединилъ дружину свою

Г. 1323. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими.

съ полками осажденныхъ, разбилъ Нѣмцевъ на голову, взялъ въ добычу станъ ихъ и всѣ снаряды. Слѣдствіемъ побѣды былъ выгодный для Псковитянъ, осьмнадцати-лѣтній миръ съ Орденомъ.

Свѣдавъ, что Димитрій Михайловичь, сверхъ покровительства Узбекова, имѣетъ сильное войско въ Великомъ Княженіи, и что народъ, любивъ отца его, изъявляетъ усердіе и къ сыну, Георгій рѣшился на нѣкоторое время остаться въ Новѣгородѣ: ибо могъ отсутствіемъ утратить и сей важный престолъ. Новогородцы ходили съ нимъ къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, на острову *Орѣховомъ*, заложили крѣпость Орѣховскую или нынѣшній Шлиссельбургъ, чтобы Шведы не могли свободно входить въ сіе озеро. Услышавъ о томъ и желая прекратить войну столь часто бѣдственную для Шведской Кореліи и Финляндіи, юный Король Магнусъ прислалъ Вельможъ въ станъ Георгіевъ съ дружелюбнымъ предложеніемъ, соотвѣтственнымъ обоюдной

Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ.

пользѣ. Оно было принято. Россіяне, заключивъ договоръ съ Послами, въ своей новой крѣпости торжествовали миръ, коего главное условіе состояло въ возстановленіи древнихъ предѣловъ между обѣими Державами въ Кореліи и въ Финляндіи ([255]).

Новогородцы должны были въ сіе время

управиться съ Устюжанами, грабившими ихъ купцевъ на пути въ Югорскую землю, и съ Литовцами, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Ловоти. Разбивъ послѣднихъ, они взяли Устюгъ; но довольные сдѣланнымъ тамъ опустошеніемъ, на берегахъ Двины заключили миръ съ *Князьями Устюжскими*, Намѣстниками Ростовскаго (256). Тогда Георгій, заслуживъ искреннюю признательность Новогородцевъ, и обнадеженный въ ихъ вѣрности, дружески простился съ ними: онъ поѣхалъ къ Хану, чтобы вторично снискать его милость, низвергнуть Димитрія и вновь утвердить за собою Великое Княженіе. Сіе путешествіе достойно замѣчанія тѣмъ, что Георгій ѣхалъ отъ береговъ Двины чрезъ область Пермскую; сѣлъ тамъ на ладію, и рѣкою Камою плылъ до нынѣшней Казанской Губерніи.

г. 1324. Князья Устюжскіе.

Въ слѣдующій годъ отправился къ Хану и Димитрій. Тамъ они увидѣли другъ друга, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову, — затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, — вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій испустилъ духъ; а Димитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій . . . . Такъ одно злодѣяніе раждаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба,

г. 1325. Ноября 21. Убіеніе Георгія и Димитрія.

по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго! Тѣло Георгіево привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичь,
г. 1326. и погребли въ церкви Архангела Михаила. Митрополитъ Петръ съ четырмя Епископами совершилъ сей обрядъ печальный (257). Князь Іоаннъ и самый народъ проливалъ искреннія слезы, умиленный столь бѣдственною кончиною Государя хотя и не добродѣтельнаго, однакожь знаменитаго умомъ и славными предками. Новогородцы сожалѣли объ немъ: Тверитяне хвалили дѣло своего Князя, съ безпокойствомъ ожидая суда Узбекова.

Ханъ долго молчалъ. Друзья Князя Московскаго безъ сомнѣнія представляли ему (258), что убійство столь наглое, совершенное предъ его глазами, требуетъ наказанія, или будетъ пятномъ для чести Царской, знакомъ слабости и поводомъ къ новымъ опаснымъ своевольствамъ Князей Россійскихъ; что Ханъ, сверхъ того, долженъ вступиться за Георгія, какъ за своего зятя. Прошло десять мѣсяцевъ. Братъ Димитріевъ, Александръ, спокойно возвратился изъ Орды съ Ханскими пошлинниками, надѣясь, что дѣло уже кончилось, и что Узбекъ не думаетъ о мести. Но вдругъ вышло грозное повелѣніе, и несчастнаго
Септяб- Димитрія убили въ Ордѣ (вмѣстѣ съ Кня-
ря 15. земъ Новосильскимъ, потомкомъ Михаила

Черниговскаго, обвиненнымъ также въ какомъ-то преступленіи). Сія вѣсть, равнодушно принятая въ Москвѣ и въ Новѣгородѣ, огорчила добрыхъ Тверитянъ, усердныхъ къ Государямъ, и видѣвшихъ въ юномъ своемъ Князѣ славную жертву любви сыновней. Димитрій Михайловичь, прозваніемъ *Грозныя Очи* (259), смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣтъ отъ рожденія; женатый на дочери Князя Литовскаго, Гедимина, онъ не оставилъ дѣтей.

Не смотря на казнь Димитріеву, Узбекъ въ знакъ милости призналъ его брата Великимъ Княземъ Россійскимъ: по крайней мѣрѣ такъ названъ Александръ Михайловичь въ договорной грамотѣ, коею Новогородцы, не имѣя тогда Главы, и терпя отъ внутреннихъ неустройствъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему Властителю (260). Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повтореніе Ярославовыхъ и Михайловыхъ, съ прибавленіемъ, что Новогородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или Боярами его купленныя, если Княжескіе Дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла иныхъ волостей, и принимать вольныхъ жителей на свою землю. — Но милость Узбекова и вѣрность Новогородцевъ скоро измѣнились.

г. 1327.

Въ концѣ лѣта явился въ Твери Ханскій

Посолъ, Шевкалъ ([261]), сынъ Дюденевъ и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія Татарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намѣренъ обратить Россіянъ въ Магометанскую Вѣру, убить Князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолѣ, и всѣ города наши раздать своимъ Вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ Христіанъ, и что Моголы умертвятъ ихъ всѣхъ до единаго. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ: ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго и столь несогласнаго съ Политикою Хановъ, хотѣвшихъ всегда быть покровителями Духовенства и Церкви въ набожной Россіи. Но люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ тирановъ способными ко всякому злодѣйству; самая грубая клевета кажется имъ доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасенія Вѣры и православныхъ Государей, окружили Князя, юнаго и легкомысленнаго. Забывъ примѣръ отца, великодушно умершаго для спокойствія подданныхъ, Александръ съ жаромъ представлялъ Тверитянамъ, что жизнь его въ опасности; что Моголы, убивъ Михаила и Димитрія, хотятъ истребить и весь родъ Княжескій; что

время справедливой мести настало; что не онъ, а Шевкалъ замыслилъ кровопролитіе, и что Богъ есть надежда правыхъ. Граждане, усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: Князь на разсвѣтѣ, 15 Августа, повелъ ихъ ко дворцу Михаилову, гдѣ жилъ братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили Татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервененіемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, Моголы заключились во дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остаткомъ Ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного Татарина живаго. Граждане умертвили и купцевъ Ординскихъ (262).

Истребленіе Моголовъ въ Твери.

Сіе дѣло, внушенное отчаяніемъ, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россія готова возстать и сокрушить свои цѣпи; но Россія только трепетала, боясь, чтобы мщеніе Хана, заслуженное Тверитянами, не коснулось и другихъ ея предѣловъ. Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клялся истребить гнѣздо мятежниковъ; однакожь, дѣйствуя осторожно, призвалъ Іоанна Даніиловича Московскаго, обѣщалъ сдѣлать его Великимъ Княземъ, и давъ ему въ помощь 50,000

воиновъ, предводимыхъ пятью Ханскими Темниками, велѣлъ итти на Александра, чтобы казнить Россіянъ Россіянами. Къ сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы съ Владѣтелемъ своимъ, Александромъ Васильевичемъ, внукомъ Андрея Ярославича (263). Тогда Князь Тверскій могъ умереть великодушно, или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки Моголовъ, чтобы спасти подданныхъ; но сынъ Михаиловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности, и думалъ искать убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда ѣхали уже Намѣстники Московскіе: граждане не хотѣли объ немъ слышать. Между тѣмъ Іоаннъ и Князь Суздальскій, вѣрные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, не смотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Малодушный Александръ, оставивъ свой добрый, несчастный народъ, ушелъ во Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу.* Началось бѣдствіе. Тверь, Кашинъ, Торжекъ, были взяты, опустошены со всѣми пригородами; жители истреблены огнемъ и мечемъ, другіе отведены въ неволю. Самые Новогородцы едва спаслися отъ хищности Моголовъ, давъ ихъ Посламъ 1000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ Воеводъ Узбековыхъ.

Мщеніе Ханское.

Ханъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины Тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памятникомъ Царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ. Въ тоже время казнивъ Рязанскаго Владѣтеля, Іоанна Ярославича (264), онъ посадилъ его сына, Іоанна Коротопола, на сей кровію отца обагренный престолъ, и будучи доволенъ вѣрностію Князя Московскаго, далъ ему самую милостивую грамоту на Великое Княженіе, пріобрѣтенное бѣдствіемъ столь многихъ Россіянъ. Казнь Рязан. Князя. г. 1328.

Описавъ слѣдствія Георгіевой кончины, обратимъ вниманіе Читателя на южныя области Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго отечества, коего жители брали столь мало участія въ судьбѣ Кіевлянъ, Волынянъ, Галичанъ, что Лѣтописцы Суздальскіе и Новогородскіе не говорятъ объ ней почти ни слова; а Волынскій не доходитъ до временъ наиболѣе любопытныхъ важностію происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, платившій нѣсколько вѣковъ дань Россіи, и болѣе ста лѣтъ умѣвъ только грабить, свѣдалъ отъ насъ и Нѣмцевъ дѣйствія военнаго и гражданскаго искусства, въ грозномъ ополченіи выступилъ Литовцы завоеватели.

изъ темныхъ лѣсовъ на ѳеатръ міра и быстрыми завоеваніями основалъ Державу знаменитую ([265]). Говоримъ о Литвѣ, уже сильной при Миндовгѣ и Тройденѣ, но еще гораздо сильнѣйшей при Гедиминѣ. Сей человѣкъ, разума и мужества необыкновеннаго, былъ Конюшимъ Литовскаго Князя Витена или, вѣроятно, Буйвида ([266]): злодѣйски умертвивъ Государя своего, онъ присвоилъ себѣ господство надъ всею землею Литовскою. Нѣмцы, Россіяне, Ляхи, скоро увидѣли его властолюбіе. Гедиминъ искалъ уже не добычи, но завоеваній — и древнее Пинское Княженіе, гдѣ долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружія присоединено къ Литвѣ ([267]). Союзы брачные служили ему также способомъ пріобрѣтать земли. Выдавая дочерей за Князей Россійскихъ съ однимъ благословеніемъ, онъ требовалъ богатаго вѣна отъ сватовъ: дозволилъ сыновьямъ, Ольгерду и Любарту, креститься; женилъ перваго на Княжнѣ Витебской, а втораго на Владимірской: Ольгердъ наслѣдовалъ по смерти тестя всю его землю; а Любартъ получилъ Удѣлъ въ Волыніи. Юрій Львовичь, Галицкій и Волынскій, скончался около 1316 года: ибо въ сіе время уже господствовали тамъ Андрей и Левъ, вѣроятно сыновья его, коихъ имена извѣстны намъ единственно по ихъ сношеніямъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и которые въ грамотахъ своихъ назывались *Князьями всей Русской земли, Галицкой и Владимірской* ([268]). Одинъ изъ сихъ Князей,

какъ надобно думать, былъ и тестемъ Любартовымъ: Историкъ же Литовскій именуетъ его *Владиміромъ*, разсказывая слѣдующія обстоятельства:

Сомнительное повѣствованіе Стр[illegible]го.

«Опасаясь властолюбивыхъ замысловъ «Гедимина, Князья Россійскіе, Владиміръ и «Левъ, хотѣли предупредить ихъ, и въ то «время, какъ онъ воевалъ съ Нѣмцами, «напали на Литву. Владиміръ опустошилъ «берега Виліи: Левъ взялъ *Брестъ и Дрогичинъ, бывшіе тогда уже во власти Гедиминовой*. Сей мужественный витязь, въ 1319 «году побѣдою окончивъ войну съ Орде«номъ, немедленно устремился на Влади«міръ (гдѣ княжилъ тесть Любартовъ). «Подъ стѣнами онаго началася битва, въ «коей Татары стояли за Россійскаго Князя «противъ Россіянъ (269): ибо Гедиминъ «имѣлъ Полочанъ въ своемъ войскѣ, а «Князь Владимірскій наемную Ханскую кон«ницу. Густыя толпы Литовцевъ рѣдѣли, «осыпаемыя стрѣлами Татарскими; но Ге«диминъ, поставивъ въ ряды пѣхоту, воо«руженную пращами и копьями, обратилъ «Моголовъ въ бѣгство. Россіяне замѣша«лись. Тщетно жены и старцы, зрители «битвы, съ городскихъ стѣнъ кричали имъ, «что она рѣшитъ судьбу отечества: Князь «Владиміръ, оказавъ мужество достойное «Героя, палъ въ сраженіи, и войско, лишен«ное бодрости, разсѣялось. Городъ сдался.

«Гедиминъ, поручивъ его своимъ Намѣстни-«камъ, спѣшилъ къ Луцку, откуда Левъ, устра-«шенный несчастіемъ Владиміра, бѣжалъ къ «Брянскому Князю, Роману, своему зятю (270): «граждане не оборонялись, и побѣдитель, изъя-«вляя благоразумную кротость, увѣрилъ всѣхъ «Россіянъ въ безопасности и защитѣ. Утруж-«денное войско его отдыхало цѣлую зиму. На-«градивъ щедро Полководцевъ, онъ жилъ въ «Брестѣ, и готовился къ дальнѣйшимъ по-«двигамъ.

«Какъ скоро весна наступила и земля покры-«лась травою, Гедиминъ съ новою бодростію «выступилъ въ поле, взялъ Овручь, Житомиръ, «города Кіевскіе, и шелъ къ Днѣпру. Въ Кіевѣ «властвовалъ Станиславъ, одинъ изъ потомковъ «Св. Владиміра (271): онъ имѣлъ время призвать «Моголовъ, соединился съ Олегомъ Переяслав-«скимъ, съ изгнаннымъ Княземъ Луцкимъ «Львомъ, съ Романомъ Брянскимъ; верстахъ въ «25 отъ столицы, на берегу Ирпени, встрѣтилъ «непріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но от-«борная дружина Литовская, ударивъ съ боку на «Россіянъ, смяла ихъ. Олегъ положилъ голову «на мѣстѣ битвы: Левъ также. Станиславъ и «Романъ ушли въ Рязань; а Гедиминъ, отдавъ «всю добычу воинамъ, осадилъ Кіевъ. Еще жи-«тели не теряли надежды и мужественно отра-«зили нѣсколько приступовъ; наконецъ, не видя «помощи ни отъ Князя Станислава, ни отъ Та-«таръ, и зная, что Гедиминъ щадитъ побѣжден-

«ныхъ, отворили ворота [272]. Духовенство «вышло со крестами, и вмѣстѣ съ народомъ «присягнуло быть вѣрнымъ Государю Ли-«товскому, который, избавивъ Кіевъ отъ «ига Моголовъ, оставилъ тамъ Намѣст-«никомъ племянника своего, Миндова, «Князя Голшанскаго, Вѣрою Христіанина, «и скоро завоевалъ всю южную Россію до «Путивля и Брянска.»

Сіе повѣствованіе Историка не весьма основательнаго едва ли утверждено на какихъ нибудь современныхъ или достовѣрныхъ свидѣтельствахъ [273]. Оно тѣмъ сомнительнѣе, что Баскаки Ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господствовалъ тогда не Миндовъ, а Князь Россійскій [274]. Не зная, когда именно Литовцы овладѣли странами Днѣпровскими, знаемъ только, что Кіевъ при Димитріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ сомнѣнія и Черниговская область). Такимъ образомъ наше отечество утратило, и надолго, свою древнюю столицу, мѣста славныхъ воспоминаній, гдѣ оно расло въ величіи подъ щитомъ Олеговымъ, свѣдало Бога истиннаго посредствомъ Св. Владиміра, пріяло законы отъ Ярослава Великаго и художества отъ Грековъ! . . . . Что касается до Княженія Владиміро-Волынскаго, то оно, въ противность ложному

Судьба южной и западной Россіи.

сказанію Литовскаго Историка, вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ, преставились около 1324 года. Объ нихъ-то Король Польскій, Владиславъ Локетекъ, говоритъ въ письмѣ къ Папѣ Іоанну XXII (275): «Извѣщаю Ваше «Святѣйшество о кончинѣ двухъ послѣд-«нихъ Князей Россійскихъ, бывшихъ для «насъ твердою защитою отъ свирѣпости «Татаръ. Сіи жестокіе враги Христіанства «безъ сомнѣнія пожелаютъ нынѣ овладѣть «Россіею смежною съ нашими землями, и «мы будемъ въ величайшей опасности.» Но Андрей и Левъ оставили малолѣтнаго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Даніилова. Въ дружескихъ Латинскихъ грамотахъ къ Великимъ Магистрамъ Ордена Нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатями Епископа, Княжескаго пѣстуна и Воеводъ Бельзскаго, Перемышльскаго, Львовскаго, Луцкаго, онъ писался *природнымъ Княземъ и Государемъ всей Малой Россіи*, обязываясь предохранять землю Рыцарей отъ набѣга Моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то въ Владимірѣ, то во Львовѣ (276). Бояре, въ малолѣтство его управляя Княжествомъ, не дерзнули остановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ Литовскаго оружія, довольные тѣмъ, что Гедиминъ не отнималъ собствен-

Послѣдній Князь Галицкій.

ныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ вѣроятно) и надѣясь, можетъ быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Востоку и сближаясь съ Татарскими, обратитъ на себя грозную силу Хана, или погибнетъ или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопріятнымъ для нашего отечества.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискать дружбу Моголовъ; по крайней мѣрѣ никогда не воевалъ съ ними и не платилъ имъ дани. Властвуя надъ Литвою и завоеванною частію Россіи, онъ именовалъ себя *Великимъ Княземъ Литовскимъ* и *Россійскимъ* (277); жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной; правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя Вѣру Греческую, и не мѣшая народу зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ Митрополита Московскаго; украшалъ новую столицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, и желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную и безполезную войну съ Нѣмецкимъ Орденомъ, писалъ къ Папѣ Іоанну: «Одолѣвая Христіанъ въ битвахъ, я не хочу «истреблять Вѣры ихъ, а только защи«щаюсь отъ враговъ, подобно всѣмъ дру«гимъ Государямъ. Монахи Доминиканскіе «и Францисканскіе окружаютъ меня: даю Характеръ Гедимина.

«имъ волю учить и крестить людей въ моемъ «Государствѣ; самъ вѣрю Святой Троицѣ, же-«лаю повиноваться тебѣ, Главѣ Церкви и Па-«стырю Царей; ручаюсь и за моихъ Вельможъ: «только усмири злобу Нѣмцевъ (278),» и проч. Іоаннъ, обрадованный столь благословеннымъ извѣстіемъ, отправилъ въ Литву Епископа Алетскаго, Варѳоломея, и Бернарда, Игумена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный непріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ Прусскаго Ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли, встрѣтилъ Пословъ Іоанновыхъ весьма немилостиво, и сказалъ имъ: «Я не знаю вашего «Папы и знать не желаю. Исповѣдую Вѣру «моихъ предковъ, и не измѣню ей до гроба.» Потупивъ глаза въ землю, они должны были удалиться; и съ того времени Гедиминъ слылъ въ Европѣ коварнымъ обманщикомъ. Впрочемъ Исторія отдаетъ справедливость многимъ его достохвальнымъ дѣламъ и качествамъ. Онъ старался образовать народъ свой; дозволялъ Ганзейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ всякой пошлины; призывалъ людей ремесленныхъ, серебрениковъ, каменщиковъ, механиковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ новыхъ поселенцевъ отъ дани, ручаясь имъ за безопасность личную и цѣлость собственности, которую они пріобрѣтутъ своимъ трудолюбіемъ; давалъ имъ Гражданское Право Риги и всѣ возможныя выгоды; построилъ для Христіанъ церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ, и не терпя

Монаховъ, подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ Иноковъ добродѣтельныхъ, не мѣшая имъ распространять Вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній, и ставилъ себя Христіанамъ въ примѣръ честности. Сіи обстоятельства извѣстны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году Любекскимъ, Ростокскимъ, Штетинскимъ и другимъ Нѣмцамъ, за его Княжескою печатію (279).

Нѣтъ сомнѣнія, что вся древняя область Кривская, или нынѣшняя Бѣлоруссія, уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ Князей, и довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ Удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его, Воиномъ, пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ, для заключенія мира, Князь Полоцкій Василій и Минскій Ѳеодоръ Святославичь, вѣроятно потомки Св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына, Изяслава (280).

ГЛАВА IX.

Великій Князь Іоаннъ Даниловичь, прозваніемъ Калита.

г. 1328—1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новгородскія. Закамское серебро. Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

г. 1328. Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ Великаго Княженія миръ и тишина воцарились въ Сѣверной Россіи; что Моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ ([281]) — то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Великое Княженіе,

Сѣверная Россія отдыхаетъ.

занятые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды, или устрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкалъ былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ уничиженіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, Бояре наслаждаться избыткомъ; кони Татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное.

Сія, дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе Великіе Князья любили свои Удѣльные или наслѣдственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ только обрядъ восшествія на главный престолъ Россійскій: Димитрій Александровичь жилъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ, Михаилъ Ярославичь въ Твери; слѣдуя той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даніиловичь не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находи-

Москва глава Россіи.

лась уже и каѳедра Митрополіи [282]; ибо Святый Петръ, имѣвъ нѣсколько разъ случай быть въ семъ городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и добраго Князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую тогда уже одними Намѣстниками Княжескими, и переселился къ Іоанну. «Если ты»—говорилъ онъ Князю въ духѣ пророчества, какъ пишетъ Митрополитъ Кипріанъ въ житіи Св. Петра— «если ты успокоишь мою старость, и воздвигнешь здѣсь храмъ достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ «Князей, и родъ твой возвеличится; кости «мои останутся въ семъ градѣ; Святители «захотятъ обитать въ ономъ, *и руки его взы-* «*дутъ на плеща враговъ нашихъ»* [283]. Іоаннъ исполнилъ желаніе старца, и въ 1326 году, 4 Августа, заложилъ въ Москвѣ *на площади первую* церковь *каменную* во имя Успенія Богоматери, при великомъ стеченіи народа. Святый Митрополитъ, собственными руками построивъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ, зимою преставился; надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освятилъ сію церковь Епископъ Ростовскій, и новый Митрополитъ, именемъ Ѳеогностъ, родомъ Грекъ, основалъ свою каѳедру также въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ Князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя Главу Духовенства, захо-

Предсказаніе Митрополита.

тять исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія истерзанныя Моголами,— въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію Монархіи, Кіевъ купѣлію христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и Вѣра. — Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко. Обратимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ Великаго Князя было ѣхать въ Орду вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Александра Тверскаго, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками Новогородскими ([281]). Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ Княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Въ слѣдствіе того Послы Великаго Князя и Новогородскіе, Архіепископъ Моисей и Тысячкій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ Хану, и тѣмъ

Милость Хана къ Іоанну.

укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ Россіянъ. «И такъ вмѣсто защиты» — отвѣтствовалъ Князь Тверскій — «я нахожу «въ васъ гонителей! Христіане помогаютъ «невѣрнымъ, служатъ имъ и предаютъ «своихъ братьевъ! Жизнь суетная и горестная не прельщаетъ меня: я готовъ «жертвовать собою для общаго спокойствія» (285). Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: «Останься съ нами: «клянемся, что тебя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ умремъ съ тобою.» Они велѣли Посламъ удалиться, и вооружились. Такъ народъ дѣйствуетъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плѣненный славою великодушія. Чѣмъ рѣже бываютъ сіи случаи, тѣмъ они достопамятнѣе въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымгородомъ выгоды Нѣмецкой торговли, Псковитяне славились въ сіе время и богатствомъ и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и построили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравѣ (286).

Великодушіе Псковитянъ.

Іоаннъ, боясь казаться Хану ослушникомъ или нерадивымъ исполнителемъ его воли, пріѣхалъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ и многими Князьями Россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Але-

г. 1329.

ксандровы, Константинъ и Василій, также Князь Суздальскій, Александръ Васильевичь. Ни угрозы, ни воинскія приготовленія Іоанновы не могли поколебать твердости Псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, Великій Князь шелъ медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки (287); но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ Митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ Церкви, устрашила народъ. Однакожь граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаилова. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. «Да не будетъ про-«клятія на моихъ друзьяхъ и братьяхъ ради «меня!» сказалъ онъ имъ со слезами: «иду изъ «вашего града, освобождая васъ отъ данной «мнѣ клятвы.» Александръ уѣхалъ въ Литву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Сологa, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удалился. Великій Князь былъ доволенъ, и Митрополитъ, разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ Ханскаго гнѣва, но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ (288), гналъ своего родствен-

ника и заставилъ Θеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ Христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи. — Новогородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ, и спѣшили домой, чтобы смирить Нѣмцевъ и Князей Устюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ Посла, а вторые купцевъ и промышленниковъ на пути въ землю Югорскую (289). Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ Новогородское Правительство отмстило за то и другое оскорбленіе.

г. 1330-1332. Страхъ, наведенный Іоанномъ на Псковъ, не имѣлъ желаемаго дѣйствія: ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ Литовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ Псковитянамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился (290). Они приняли его съ радостію и назвали своимъ Княземъ; то есть, отложились отъ Новагорода, и выбравъ даже особеннаго для себя Епископа, именемъ Арсенія, послали его ставиться къ Митрополиту, бывшему тогда въ Волыніи. Александръ Михайловичь и самъ Гедиминъ убѣждали Θеогноста исполнить волю Псковитянъ; однакожь Митрополитъ съ твердостію отказалъ имъ, и въ то же время — съ Епископами Полоцкимъ, Владимірскимъ, Галицкимъ, Перемышльскимъ, Хелмскимъ — посвятилъ Архіепископа Василія, из-

Особенный Епископъ во Псковѣ.

браннаго Новогородцами, коего Епархія, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, долженствовала заключать въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ стерпѣлъ сіе непослушаніе отъ Митрополита, уважая въ немъ Главу Духовенства, но хотѣлъ перехватить Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ на ихъ возвратномъ пути изъ Волыніи, такъ, что они едва могли спастися, избравъ иную дорогу, и принуждены были откупиться отъ Кіевскаго неизвѣстнаго намъ Князя Өеодора, который гнался за ними до Чернигова съ Татарскимъ Баскакомъ.

Между тѣмъ какъ Іоаннъ, частыми путешествіями въ Орду доказывая свою преданность Хану, утверждалъ спокойствіе въ областяхъ Великаго Княженія, Новгородъ былъ въ непрестанномъ движеніи отъ внутреннихъ раздоровъ, или отъ внѣшнихъ непріятелей, или ссорясь и мирясь съ Великимъ Княземъ (291). Зная что Новогородцы, торгуя на границахъ Сибири, доставали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ требовалъ онаго для себя, и получивъ отказъ, вооружился, собралъ всѣхъ Князей Низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ, Торжекъ, и разорялъ окрестности. Тщетно Новогородцы звали его къ себѣ, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствіе: онъ не хотѣлъ слушать Пословъ,

Происшествія Новогородскія.

Закамское серебро.

г. 1333.

и самъ Архіепископъ Василій, ѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умилостивить. Новогородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ села и деревни, беззаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ области; но Іоаннъ не согласился, и въ гнѣвѣ уѣхалъ тогда къ Хану.

Сія опасность заставила Новогородцевъ примириться съ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Святитель Василій, забывъ ихъ строптивость, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ Клиросомъ, благословилъ народъ, чиновниковъ, и крестилъ сына у Князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, Новогородцы подружились съ Гедиминомъ, не смотря на то, что онъ въ сіе время вступилъ въ родственный союзъ съ Іоанномъ Даніловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона (292), дочь или внуку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасіею). Еще въ 1331 году (какъ разсказываетъ одинъ Лѣтописецъ), Гедиминъ, остановивъ Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ, ѣхавшихъ въ Волынію, принудилъ ихъ дать ему слово, что они уступятъ Нариманту, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и потомственное владѣніе (293). Обстоятельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣтъ онаго; и могло ли обѣщаніе, вынужденное насиліемъ, быть дѣйствительнымъ обязательствомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что Гедиминъ единственно

изъявилъ Новогородцамъ желаніе видѣть Нариманта ихъ Удѣльныхъ Княземъ, обѣщая имъ защиту, или они сами вздумали такимъ образомъ пріобрѣсти оную, опасаясь Іоанна столько же, сколько и внѣшнихъ враговъ: Политика не весьма согласная съ общимъ благомъ Государства Россійскаго; но заботясь исключительно о собственныхъ выгодахъ — думая, можетъ быть, и то, что Россія, истерзанная Моголами, стѣсняемая Литвою, должна скоро погибнуть, Новогородцы искали способовъ устоять въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстилъ Новогородцевъ, что онъ уже Христіанинъ и желаетъ *поклониться Святой Софіи*. Народное Вѣче отправило за нимъ Пословъ, и взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Новугороду, отдало ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья *въ отчину* и *въ дѣдину*, съ правомъ наслѣдственнымъ для его сыновей и внуковъ (294). Сіе право состояло въ судебной и воинской власти, соединенной съ нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Политика Новогорода.

Однакожъ Новогородцы все еще старались утишить гнѣвъ Великаго Князя, и наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, Митрополита Ѳеогноста, съ коимъ

г. 1334.

дѣятельный Архіепископъ Василій имѣлъ свиданіе въ Владимірѣ ([295]). Іоаннъ, возвратясь изъ Орды въ Москву, выслушалъ милостиво ихъ Пословъ, и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ неудовольствія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія
г. 1335. за оказанную ему почесть и привѣтливость жителей, умѣвшихъ иногда ласкать Князя, Іоаннъ позвалъ въ Москву Архіепископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чтобы за роскошное угощеніе отплатить имъ такимъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъявленіяхъ доброжелательства онъ согласился съ Новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирить Псковитянъ, исполняя волю Татаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но отложили походъ до иного времени.

Спокойные съ одной стороны, Новогородцы искали враговъ въ стѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя Посадника, народъ ограбилъ домы и села нѣкоторыхъ Бояръ ([296]): въ семъ году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя непріятельскими станами. Несогласіе въ дѣлахъ внутренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ Вѣча или на общей волѣ гражданъ, естественнымъ образомъ раждало сіи частые мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свободы, всегда безпокойной

и всегда любезной народу. Половина жителей возстала на другую; мечи и копья сверкали на обоихъ берегахъ Волхова. Къ счастію, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Примиреные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялися на мосту, и скромный Лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія Небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и не на-долго. Чрезъ нѣсколько времени опять упоминается въ Новогородской лѣтописи о возмущеніи, въ коемъ пострадалъ одинъ Архимандритъ, запертый и стрегомый народомъ въ церкви какъ въ темницѣ. г. 1337.

Согласіе съ Великимъ Княземъ было вторично нарушено походомъ его войска въ Двинскую область [297]. Истощая казну свою частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, и видя, что Новогородцы не расположены добровольно подѣлиться съ нимъ сокровищами Сибирской торговли, онъ хотѣлъ вооруженною рукою перехватить оныя. Полки Іоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встрѣченные сильнымъ отпоромъ Двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли успѣха, и возвратились, потерявъ множество людей. Сіе

непріятельское дѣйствіе заставило Новогородцевъ опять искать дружбы Псковитянъ чрезъ ихъ общаго духовнаго Пастыря: Архіепископъ Василій отправился во Псковъ; но жители, считая Новогородцевъ своими врагами, уже не хотѣли союза съ ними: приняли Владыку холодно и не дали ему обыкновенной такъ называемой судной *пошлины* или десятой части изъ судебныхъ казенныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ Церкви, и слѣдуя примѣру Митрополита Ѳеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Псковитяне на сей разъ выслушали оное спокойно, и разгнѣванный Архіепископъ уѣхалъ, видя что они не вѣрятъ дѣйствію клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или Политикою, и несогласной съ духомъ Христіанства.

Впрочемъ Великій Князь, испытавъ неудачу, оставилъ Новогородцевъ въ покоѣ, встревоженный перемѣною въ судьбѣ Александра Михайловича. Живъ около десяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непрестанно помышлялъ о своей отчизнѣ и средствахъ возвратиться съ безопасностію въ ея нѣдра. «Если умру въ изгнаніи» — говорилъ онъ друзьямъ — «то и дѣти мои останутся «безъ наслѣдія (298).» Псковитяне любили его, но сила не соотвѣтствовала ихъ усердію: онъ предвидѣлъ, что Новогородцы не откажутся отъ древней власти надъ ними, воспользуются первымъ случаемъ смирить сихъ ослушниковъ, выгонятъ его или оставятъ тамъ изъ милости

своимъ Намѣстникомъ. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему Тверскаго престола: ибо сей Литовскій Князь избѣгалъ войны съ Ханомъ. Александръ могъ бы обратиться къ Великому Князю ([299]; но будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся скорѣе умилостивить грознаго Узбека, и послалъ къ нему юнаго сына своего, Ѳеодора, который (въ 1336 году) благополучно возвратился въ Россію съ Посломъ Могольскимъ. Привезенныя вѣсти были таковы что Александръ рѣшился самъ ѣхать въ Орду, и взявъ заочно благословеніе отъ Митрополита Ѳеогноста, отправился туда съ Боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный!» сказалъ онъ Хану съ видомъ покорности, но безъ робости и малодушія: «я заслу- «жилъ гнѣвъ твой, и вручаю тебѣ мою «судьбу. Дѣйствуй по внушенію Неба и «собственнаго сердца. Милуй или казни: въ «первомъ случаѣ прославлю Бога и твою «милость. Хочешь ли головы моей? она «предъ тобою ([300]).» Свирѣпый Ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и съ удовольствіемъ объявилъ Вельможамъ своимъ, что «Князь Александръ смиренною «мудростію избавляетъ себя отъ казни.» Узбекъ, осыпавъ его знаками благоволенія, возвратилъ ему достоинство Князя Тверскаго. .

Ханъ прощаетъ Александра.

г. 1338. Александръ съ восхищеніемъ прибылъ въ свою отечественную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ такою же искреннею радостію. Тверь, въ 1327 году опустошенная Моголами, уже возникла изъ своего пепла трудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собралися, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностію къ святынѣ, сіяли въ прежнемъ велелѣпіи. Добрый Константинъ, возстановитель сего Княженія (301), охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною столь великаго несчастія, и желалъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменитость и силу, пріобрѣтенныя во дни Михаиловы. Александръ призвалъ супругу и дѣтей изъ Пскова, велѣвъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь, и надѣялся жить единственно для счастія подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Іоаннъ — видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости Князей — съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ Князьями древнихъ Удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, ко-

торый, будучи внукомъ старшаго сына Ярославова, имѣлъ законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступилъ оное Іоанну, однакожь, господствуя въ своей частной области, управлялъ и Владиміромъ [302]: такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ, сказывая, что сей Князь перевезъ-было оттуда и древній Вѣчевый колоколъ Успенской Соборной церкви въ Суздаль, но возвратилъ оный, устрашенный его глухимъ звукомъ. Когдажь Александръ (въ 1333 году) преставился бездѣтнымъ, Іоаннъ не далъ Владиміра его меньшему брату, Константину Васильевичу, и пользуясь благосклонностію Хана, началъ смѣлѣе повелѣвать Князьями; выдалъ дочь свою за Василія Давидовича Ярославскаго, другую за Константина Васильевича Ростовскаго, и дѣйствуя какъ Глава Россіи, предписывалъ имъ законы въ собственныхъ ихъ областяхъ. Такъ Московскій Бояринъ или Воевода, именемъ Василій Кочева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ и казался истиннымъ Государемъ: свергнулъ тамошняго Градоначальника, старѣйшаго Боярина Аверкія; вмѣшивался въ суды, въ расправу; отнималъ и давалъ имѣніе [303]. Народъ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что Князья его лишились власти, и что Москва тиранствуетъ! Самые Владѣтели Рязанскіе долженствовали

Іоаннъ повелѣваетъ Князьями.

слѣдовать за Іоанномъ въ походахъ; а Тверь, сѣтуя въ развалинахъ и сиротствуя безъ Александра Михайловича, уже не смѣла помышлять о независимости. Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей Князь возвратился, бодрый, дѣятельный, честолюбивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолѣ Великокняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть на ономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости Ханской? Владѣтели Удѣльные хотя и повиновались Іоанну, но съ неудовольствіемъ, и рады были взять сторону Тверскаго Князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго: такъ и поступилъ Василій Ярославскій, начавъ изъявлять недоброжелательство тестю и заключивъ союзъ съ Александромъ. Боясь утратить первенство, и лестное для властолюбія, и нужное для спокойствія Государства, Іоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника.

Въ сіе время многіе Бояре Тверскіе, недовольные своимъ Государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами: что было тогда не безчестною измѣною, но дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу Князя Великаго или Удѣльнаго, Бояринъ всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя [303]. Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые Вельможи завидовали: на примѣръ, мы

знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый Нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ Двора его. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для Тверскихъ Бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они безъ сомнѣнія не старались успокоить Великаго Князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Іоаннъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйшее средство погубить Тверскаго Князя: отправивъ юнаго сына, Андрея, къ Новогородцамъ, чтобы прекратить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ Орду и взялъ съ собою двухъ старшихъ сыновей, Симеона и Іоанна; представилъ ихъ величавому Узбеку какъ будущихъ надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода; искуснымъ образомъ льстилъ ему, сыпалъ дары, и совершенно овладѣвъ довѣренностію Хана, могъ уже смѣло приступить къ главному дѣлу, то есть, къ очерненію Тверскаго Князя. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ описалъ его закоснѣлымъ врагомъ Моголовъ, готовымъ возмутить противъ нихъ всю Россію и новыми непріятельскими дѣйствіями изумить легковѣрное милосердіе Узбеково (305). Царь, устрашенный опасностію, послалъ звать въ Ор- г. 1339.

ду Александра, Василія Ярославскаго и другихъ Князей Удѣльныхъ, коварно обѣщая каждому изъ нихъ, и въ особенности первому, отмѣнные знаки милости. Іоаннъ же, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, немедленно возвратился въ Москву ожидать слѣдствій.

Хотя Посолъ Татарскій всячески увѣрялъ Александра въ благосклонномъ къ нему расположеніи Узбековомъ, однакожь сей Князь, опасаясь злыхъ внушеній Іоанновыхъ въ Ордѣ, послалъ туда напередъ сына своего, Ѳеодора, чтобы узнать мысли Хана; но получивъ вторичный зовъ, долженъ былъ немедленно повиноваться (306). Мать, братья, Вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитріеву. Казалось, что самая Природа остерегала несчастнаго Князя: въ то время, какъ онъ сѣлъ въ ладію, зашумѣлъ противный вѣтеръ, и гребцы едва могли одолѣть стремленіе волнъ, которыя несли оную назадъ къ берегу. Сей случай казался народу бѣдственнымъ предзнаменованіемъ. Василій Михаиловичь проводилъ брата за нѣсколько верстъ отъ города; а Константинъ лежалъ тогда въ тяжкой болѣзни: чувствительный Александръ всего болѣе жалѣлъ о томъ, что не могъ дождаться его выздоровленія. — Вмѣстѣ съ Тверскимъ Княземъ поѣхали въ Орду Романъ

Несчастіе Александра.

Михайловичь Бѣлозерскій ([307]) и двоюродный его братъ, Василій Давидовичь Ярославскій. Ненавидя послѣдняго, и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ Ханомъ, Великій Князь тайно отправилъ 500 воиновъ схватить его на пути; но Василій отразилъ ихъ, и ѣхалъ въ Орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Іоанна, своего тестя.

Юный Ѳеодоръ Александровичь, встрѣтивъ родителя въ Улусахъ, со слезами извѣстилъ его о гнѣвѣ Хана. «Да будетъ во-«ля Божія!» сказалъ Александръ, и понесъ богатые дары Узбеку и всему его Двору. Ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Прошелъ мѣсяцъ: Александръ молился Богу и ждалъ суда. Нѣкоторые Вельможи Татарскіе и Царица вступались за сего Князя; но прибытіе въ Орду сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло: Узбекъ, подвигнутый ими или друзьями хитраго ихъ отца безъ всякихъ изслѣдованій объявилъ, что мятежный, неблагодарный Князь Тверскій долженъ умереть. Еще Александръ надѣялся: ждалъ вѣстей отъ Царицы, и сѣвъ на коня, спѣшилъ видѣть своихъ доброжелателей; узнавъ же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вмѣстѣ съ сыномъ причастился Святыхъ Таинъ, обнялъ вѣрныхъ слугъ и бодро вышелъ на встрѣчу къ убійцамъ, которые, отрубивъ Октября 28.

голову ему и юному Өеодору, *розняли ихъ по составамъ* (308)! Сіи истерзанные остатки несчастныхъ Князей были привезены въ Россію, отпѣты въ Владимірѣ Митрополитомъ Өеогностомъ и преданы землѣ въ Тверской Соборной церкви, подлѣ Михаила и Димитрія: четыре жертвы Узбекова тиранства, оплаканныя современниками и отмщенныя потомствомъ! Никто изъ Хановъ не умертвилъ столько Россійскихъ Владѣтелей, какъ сей: въ 1330 году онъ казнилъ еще Князя Стародубскаго, Өеодора Михайловича, думая, что сіи страшныя дѣйствія гнѣва Царскаго утвердятъ господство Моголовъ надъ Россіею. Оказалось слѣдствіе противное, и не Ханъ, но Великій Князь воспользовался бѣдственною кончиною Александра, присвоивъ себѣ верховную власть надъ Тверскимъ Княженіемъ: ибо Константинъ и Василій Михайловичи уже не дерзали ни въ чемъ ослушаться Іоанна, и какъ бы въ знакъ своей зависимости должны были отослать въ Москву вещь по тогдашнему времени важную: Соборный колоколъ отмѣнной величины, коимъ славились Тверитяне (309). Узбекъ не зналъ, что слабость нашего отечества происходила отъ раздѣленія силъ онаго, и что способствуя Единовластію Князя Московскаго, онъ готовитъ свободу Россіи и паденіе Царства Капчакскаго.

Новогородцы, столь безжалостно отвергнувъ Александра въ несчастіи, и способствовавъ его изгнанію, тужили о погибели сего Князя: ибо

предвидѣли, что Іоаннъ, не имѣя опаснаго соперника, будетъ менѣе уважать ихъ вольность. Между тѣмъ они старались обезпечить себя со стороны внѣшнихъ непріятелей. Миръ, въ 1323 году заключенный со Шведами, продолжался около пятинадцати лѣтъ. Король Магнусъ, владѣя тогда Норвегіею, распространилъ его и на сію землю, не рѣдко тревожимую Новогородцами, которые издавна господствовали въ восточной Лапландіи. Такъ они, по лѣтописямъ Норвежскимъ, въ 1316 и 1323 году опустошили предѣлы Дронтгеймской области; и Папа, Іоаннъ XXII, уступилъ Магнусу часть церковныхъ доходовъ, чтобы онъ могъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры для защиты своихъ границъ сѣверныхъ отъ Россіянъ (310). Вельможа сего Короля, именемъ Гаквинъ, въ 1326 году, Іюня 3, подписалъ въ Новѣгородѣ особенный мирный договоръ, по коему Россіяне и Норвежцы на десять лѣтъ обѣщались не безпокоить другъ друга набѣгами, возстановить древній рубежъ между обоюдными владѣніями, забыть прежнія обиды и взаимно покровительствовать людей торговыхъ (311). Но въ 1337 году Шведы нарушили миръ: дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ Россійскимъ Кореламъ; помогли имъ умертвить купцевъ Ладожскихъ, Новогородскихъ и многихъ Христіанъ Гре-

Миръ съ Норвегіею.

Непріязнь Шведовъ.

ческой Вѣры, бывшихъ въ Кореліи; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности Новогородцы увидѣли худое къ нимъ усердіе Наримапта и безполезность оказанной ему чести: еще и прежде (въ 1335 году) — не смотря на его княженіе въ ихъ области и на родственный союзъ Іоанновъ съ Гедиминомъ — шайки Литовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали въ предѣлахъ Торжка: за что Великій Князь приказалъ своимъ Воеводамъ сжечь въ сосѣдственной Литвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣченъ и другіе, принадлежавшіе нѣкогда къ Полоцкому Княженію ([312]). Хотя сіи непріятельскія дѣйствія тѣмъ и кончились, однакожь доказывали, что дружба Гедимина съ Россіянами была только мнимая. Когда же Новогородцы, встревоженные нечаянною ратію Шведскою, потребовали Наримапта (бывшаго тогда въ Литвѣ) предводительствовать ихъ войскомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именемъ Александра, изъ Орѣхова, оставивъ тамъ одного Намѣстника. Но Шведы имѣли болѣе дерзости, нежели силы: гордо отвергнувъ благоразумныя предложенія Новогородскаго Посадника Ѳеодора, ушли отъ Копорья и не могли защитить самыхъ окрестностей Выборга, гдѣ Россіяне истребили все огнемъ

Разбои Литовскіе.

и мечемъ. Скоро начальникъ сей крѣпости далъ знать Новогородцамъ, что предмѣстникъ его самъ собою началъ войну, и что Король желаетъ мира. Написали договоръ, согласный съ Орѣховскимъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ клятвенно утвержденный въ Лундѣ, гдѣ Послы Россiйскiе нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы Шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ Кореловъ; но Магнусъ не согласился, отвѣтствуя, что сiи люди уже приняли Вѣру Латинскую, и что ихъ число весьма не велико (313). «Корелы» — сказалъ онъ — «бываютъ обыкновенно виною раздоровъ между нами; и «такъ возьмемъ строгiя мѣры для отвращенiя сего зла: впредь казните безъ милости «нашихъ бѣглецовъ; а мы будемъ казнить «вашихъ, чтобы они своими злобными навѣтами не мѣшали намъ жить въ согласiи.»

Окончавъ дѣло съ Шведами, Новогородцы отправили обыкновенную Ханскую дань къ Iоанну; но Великiй Князь, не довольный ею, требовалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будто бы для Узбека (314). Они ссылались на договорныя грамоты и на древнiя Ярославовы, по коимъ отечество ихъ было свободно отъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ Княжескихъ. «Чего не «бывало отъ начала мiра, того и не бу-«детъ,» отвѣтствовалъ народъ Посламъ Московскимъ: «Князь, цѣловавъ святый

Ссора Iоаннова съ Новымгородомъ.

«крестъ въ соблюденіи нашихъ уставовъ, дол-«женъ исполнить клятву.» Прошло нѣсколько времени: Великій Князь ждалъ вѣстей изъ Орды. Когда же Ханъ отпустилъ его сыновей съ честію, и всѣхъ другихъ Князей съ грознымъ повелѣніемъ слушаться Московскаго: тогда Іоаннъ объявилъ гнѣвъ Новугороду и вывелъ оттуда своихъ Намѣстниковъ, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизить гордость сего величаваго народа и рѣшить вѣчную прю его вольности со властію Княжескою. Къ счастію Новогородцевъ, онъ долженъ былъ обратить силы свои къ иной цѣли.

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ, чтобы Князья Смоленскіе когда нибудь ѣздили въ Орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣяній, живъ въ другихъ областяхъ, вообще рѣдко упоминаютъ о Смоленскѣ и его происшествіяхъ. Возможно ли, чтобы Княженіе, столь малосильное, одно въ Россіи спаслося отъ ига, когда и Новгородъ, еще отдаленнѣйшій, долженствовалъ повиноваться Царю Капчакскому? Въ Смоленскѣ господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичь, внукъ Глѣбовъ, съ коимъ Димитрій, Князь Брянскій, въ 1334 году имѣлъ войну (315). Татары помогали Димитрію; однакожь ни въ чемъ не успѣли, и Князья, проливъ много крови, заключили миръ. Вѣроятно, что Ханъ не участвовалъ въ предпріятіи Димитрія, и что сему послѣднему служила за деньги одна вольница Татарская; но

Іоаннъ Александровичъ ободрился счастливымъ опытомъ своего мужества, и вступивъ въ союзъ съ Гедиминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости (316). По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отрядилъ въ Россію Могольскаго Воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ Князьямъ итти на Смоленскъ. Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, выступилъ съ одной стороны, а съ другой сильная рать Великокняжеская. Подъ знаменами Московскими шли Константинъ Васильевичь Суздальскій, Константинъ Ростовскій, Іоаннъ Ярославичь Юрьевскій, Князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Витебской области, и Ѳеодоръ Ѳоминскій, Князь Смоленскаго Удѣла (317). Не имѣя особенной склонности къ воинскимъ дѣйствіямъ, Іоаннъ Даніиловичь остался въ столицѣ, и ввѣрилъ начальство двумъ своимъ Воеводамъ. Казалось, что соединенные полки Моголовъ и Князей Россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушить Державу Смоленскую; но подступивъ къ городу, они только взглянули на стѣны, и не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣроятно, что Россіяне не имѣли большаго усердія истреблять своихъ братьевъ, и что Воевода Узбековъ, смягченный дарами Смолянъ, взялся умилостивить Хана. г. 1340. Походъ въ Смоленску.

Симъ заключилось достопамятное прав-

леніе Іоанна Даніиловича: остановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ Княжескую одежду на мантію Схимника и кончилъ жизнь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, указавъ наслѣдникамъ путь къ Единовластію и къ величію (318). Но справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной Политики. Судъ Исторіи, единственный для Государей — кромѣ суда Небеснаго — не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога.

Марта 31. Кончина и достоинства Іоанновы.

Не смотря на коварство, употребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣстника, Москвитяне славили его благость, и прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и Государя-отца: ибо сей Князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ Великое Княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственную и личную, строго казнилъ татей и былъ вообще правосуденъ (319). Жители другихъ областей Рос-

сійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ потомковъ Михаила Черниговскаго, Князь Василій Пантелеймоновичь, умертвилъ дядю роднаго Андрея Мстиславича; такъ Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, возвращаясь изъ Орды передъ Смоленскимъ походомъ, схватилъ на дорогѣ родственника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ Хану съ данію, ограбилъ его и лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ Брянцы, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвили (въ 1340 году) Князя Глѣба Святославича, въ самый великій для Россіянъ праздникъ, въ день Св. Николая, не смотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ Митрополита Ѳеогноста (320).

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту*, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отъ чего и прозванъ *Калитою* (321). Кромѣ Собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ), церковь Іоанна Лѣст- Прозваніе Калиты

вичника (на площади Кремлевской) въ Св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ, и бывшая тогда Архимандритіею, которую основалъ еще отецъ Іоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви Св. Даніила: Іоаннъ же перевелъ сію Обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ, и въ ней постригся предъ кончиною. — Украшая столицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (въ 1339 году) дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій

Кремникъ.

въ его время *Кремникъ* или Кремль, бывшій внутреннею крѣпостію или, по старинному именованію, *Дѣтинцемъ* (322). Въ княженіе Іоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія: ужасное наводненіе отъ сильнаго дождя и голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью*. Но подданные, облаготворенные дѣятельнымъ, отеческимъ правленіемъ Калиты, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время.

Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и въ другія области работу Нѣмецкихъ фабрикъ. Востокъ, Греція, Италія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои товары. Уже купцы не боялись

въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками Татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбековы, данныя Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ *Холопій городокъ*, съѣзжались купцы Нѣмецкіе, Греческіе, Италіянскіе, Персидскіе, и Казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра, какъ увѣряетъ одинъ Писатель XVII вѣка ([323]): безчисленныя суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый лугъ Моложскій, и народъ веселился въ семидесяти питейныхъ домахъ. Сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI столѣтія. Торгъ на Мологѣ.

Добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ Орды выѣхалъ въ Москву Татарскій Мурза Четъ, названный въ крещеніи Захаріею, отъ коего произошелъ Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ; а изъ Кіева Вельможа Родіонъ Несторовичь, предокъ Квашниныхъ, который былъ вызванъ Іоанномъ еще во время Михаила Тверскаго и привелъ съ собою 1700 Отроковъ или Дѣтей Боярскихъ ([324]). Лѣтописецъ разсказываетъ, что сей Родіонъ, возведенный Московскимъ Княземъ на первую степень Боярства, возбудилъ завистъ Мурза Четъ.

во всѣхъ другихъ Вельможахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинѳъ Гавриловичь, не хотѣвъ уступить ему старшинства, бѣжалъ къ Михаилу Тверскому, съ сыновьями своими, оставивъ въ *челяднѣ*, или въ людской избѣ, новорожденнаго внука Михаила, прозваннаго *Челяднею;* что усердный Родіонъ спасъ Іоанна Даніиловича въ битвѣ съ Тверитянами подъ городомъ Переславлемъ, въ 1304 году, зашедши имъ въ тылъ, и собственною рукою отрубивъ голову Акинѳу, привезъ оную на копьѣ къ Князю; что Іоаннъ наградилъ его половиною Волока, а Родіонъ отнялъ другую у Новогородцевъ, выгнавъ ихъ Намѣстника, и получилъ за то отъ Великаго Князя еще иную волость въ окрестностяхъ рѣки Восходни. Сіи обстоятельства прописаны также въ челобитной Квашнина, поданной Царю Іоанну Василіевичу на Бутурлиныхъ, потомковъ Боярина Акинѳа, во время несчастныхъ споровъ о Боярскомъ старѣйшинствѣ.

Древняя Русская пословица: *близъ Царя, близъ смерти*, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество носило цѣпи Моголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ на Страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостію Царскою или по крайней мѣрѣ съ головою! Такъ Іоаннъ Даніиловичь, въ началѣ своего Великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ завѣщаніе и распоря-

дилъ наслѣдіе между тремя сыновьями и супругою, именемъ Еленою, которая преставилась Монахинею въ 1332 году (325). Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ Княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ, какіе города принадлежали тогда къ Московской области, и какъ велико было достояніе Князей. Послѣ обыкновенныхъ словъ: «Во имя Отца и «Сына и Святаго Духа,» Іоаннъ говоритъ: «Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ «Ордѣ, куда ѣду, оставляю сію *душевную* «грамоту, написанную мною добровольно, «въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи. «Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ «моимъ городъ Москву: отдаю Симеону Мо-«жайскъ, Коломну съ волостями, Ивану «Звенигородъ и Рузу; Андрею Лопастну, «Серпуховъ, Перемышль; Княгинѣ моей съ «меньшими дѣтьми села, бывшія въ ея вла-«дѣніи» (слѣдуютъ имена ихъ) . . . «также «оброкъ *городскихъ волостей*; а купеческія «пошлины, въ оныхъ собираемыя, остают-«ся доходомъ нашихъ сыновей. Ежели Та-«тары отнимутъ волость или село у кого «изъ васъ, любезныя дѣти, то вы обязаны «снова уравнять свои части или Удѣлы. «Люди *численые»*—то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную — «должны быть подъ общимъ вашимъ вѣдѣ-«ніемъ; а въ раздѣлъ идутъ единственно

Завѣщаніе Велик. Князя.

«купленные мною. Еще при жизни далъ я сыну «Симеону изъ золота четыре цѣпи, три пояса, «двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ, и два ковша, «а серебромъ три блюда; Ивану изъ золота че-«тыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ ка-«меньями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ «круглыя чаши, а серебромъ три блюда; Андрею «изъ золота четыре цѣпи, поясъ Фряжскій жем-«чужный, другой съ крюкомъ на червленомъ «шелку, третій Ханскій, два ковша, двѣ чарки, а «серебромъ три блюда. Золото Княгинино отдалъ «я дочери Фетиньѣ: четырнадцать колецъ, но-«вый сдѣланный мною складень, ожерелье матери «ея, *чело* и гривну; а мое собственное золото и «коробочку золотую отказываю Княгинѣ своей «съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ на-«значаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ «и шапку золотую, Ивану желтую обьяринную «шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами, Ан-«дрею шубу соболью съ наплечками низанными «жемчугомъ и портище алое съ нашитыми бар-«мами; а двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ, «меньшимъ дѣтямъ, *Марьѣ* и Θеодосьѣ. Серебря-«ные поясы и другія одежды мои раздать Свя-«щенникамъ, а 100 рублей, оставленныхъ мною «у Казначея, по церквамъ. Большое серебряное «блюдо о четырехъ кольцахъ отослать въ Храмъ «Владимірскія Богоматери. Прочее серебро и «Княжескія стада — кромѣ двухъ, отданныхъ «мною Симеону и Ивану — раздѣлить моей су-«пругѣ и дѣтямъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старше-

«му, приказываю меньшихъ братьевъ и Княгиню «съ дочерьми: будь имъ по Богѣ главнымъ за«щитникомъ. — Грамоту писалъ Дьякъ Велико«княжескій Кострома, при духовныхъ отцахъ «моихъ, Священникахъ Ефремѣ, Ѳеодосіи и Да«видѣ; кто нарушитъ оную, тому Богъ судія.» — Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и Св. Іоанна Предтечи, и съ надписью: *печать Великаго Князя Ивана;* а другая свинцовая (326). — Въ семъ завѣщаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ Великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая только своею отчиною, не могъ ихъ отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ Хана.

Исчисляя свои села, Великій Князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался пріобрѣтать наслѣдственную собственность и внѣ Московской области, къ неудовольствію другихъ Князей и вопреки условію, заключенному съ Новогородцами. Но еще несравненно важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ были города Угличь, Бѣлозерскъ и Галичь, купленные Іоанномъ Даніиловичемъ (327): первые два у потомковъ Константина I, а третій у наслѣдниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донскаго: чему надлежало случиться не за-

долго до преставленія Калиты. Однакожъ сіи Удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминается объ нихъ въ завѣщаніи сыновей Калитиныхъ.

Ярославская грамота.

Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Іоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ Архимандриту Спасской Обители (328). Сей Князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру дѣда, Θеодора Черпаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубля; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ *яма* или подводъ, отъ постоя и стражи; далѣе говоритъ: «Судіи «мои, Намѣстники и Тіуны, да не шлютъ «*Дворянъ* своихъ за людьми Св. Спаса безъ «вѣдома Игумена, который одинъ судитъ «ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ судіею, буде «истецъ или отвѣтчикъ не есть человѣкъ «монастырскій; въ послѣднемъ случаѣ «часть денежной пени, налагаемой на виновнаго, идетъ въ казну Св. Спаса, а другая въ Княжескую. Жители *иныхъ* областей, перезванные Игуменомъ въ его вѣдомство, считаются людьми монастырскими; но работники ихъ, приписанные къ «моимъ селеніямъ, остаются подъ судомъ «Княжескимъ. Черноризцы и Крылошане «Спасскіе, торгуя въ пользу святой Обители, увольняются отъ пошлинъ: что одна-

«кожъ не уничтожаетъ древняго устава о «перевозахъ и бобровыхъ рѣкахъ.» Сія харатейная грамота скрѣплена черною восковою печатію, и свидѣтельствуетъ, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому сану, и въ противность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя Христіанскія Обители, основанныя единственно для трудовъ душеспасительныхъ и чуждыя міру.

Наконецъ, описавъ Княженіе Іоанново, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи, какъ о *Россійской* области. Внукъ Юрія Львовича, Князь Георгій, скончался около 1336 года, не оставивъ дѣтей, и Ханъ прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію; но жители, по сказанію одного современнаго Историка (329), тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія Ханскаго поддалися Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зятю Гедиминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ уставовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или Боярскаго: безъ чего городъ Львовъ — гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ Моголовъ, Армянъ и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ

Судьба Галичи.

покориться сему Князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ Греческомъ Исповѣданіи, онъ въ угодность Папѣ и Королю Польскому, своему родственнику, сдѣлался Католикомъ: ибо Вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, растерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданныхъ въ Латинскую Вѣру; сверхъ того угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя Нѣмцами, Ляхами, Богемцами, и слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казимиръ, свойкъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ Вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичь, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ, присягнули ему какъ законному Государю, и сокровища древнихъ Князей Галицкихъ — богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ частію Животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанныя алмазами — были отвезены изо Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, Король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный договоръ съ Литвою, уступилъ Кестутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на Княжнѣ Владимірской, Холмъ,

Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое Княженіе или Королевство Даніилово, и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ Св. Владиміра, долго называемое *городами Червенскими*, а послѣ *Галичемъ*, было раздѣлено между иноплеменниками.

ГЛАВА X.

Великій Князь Симеонъ Іоанновичь, прозваніемъ Гордый.

г. 1340—1353.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона Гордаго. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки Раздѣлъ Западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый Клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь всея Руси. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи.

г. 1340. Смерть Іоаннова была важнымъ происшествіемъ для Князей Россійскихъ: они спѣшили къ Хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать Великаго Княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства Московскихъ Владѣтелей. Но Симеонъ Іоанновичь (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ) также поѣхалъ съ братьями

въ Орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщалъ заслужить милость Царскую, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ: прочіе долженствовали ему повиноваться какъ Главѣ или старѣйшему (330). Безъ сомнѣнія не краснорѣчіе юнаго Симеона и не дружба Ханова къ его родителю произвела сіе дѣйствіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: корысть и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ степяхъ Татаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ пріятности роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и тѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностію: обольщались золотомъ какъ главнымъ средствомъ наслажденія. Любимцы прежнихъ Хановъ искали завоеваній: любимцы Узбековы требовали взятокъ и продавали его милости; а Князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ся Вельможъ, и называясь смиреннымъ именемъ слугъ Ханскихъ, сдѣлались могущественными Государями.

Маія 29.

Корыстолюбіе Моголовъ.

самъ итти къ оному: ибо волхвы Венгерскіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Воевода Сендомирскій находился съ Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться; но Даніилъ, вѣрный тестю, убѣжденіями и хитростію удалилъ Поляковъ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ, и Король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, если бы Вельможа Галицкій, Судиславъ, вопреки Даніилову мнѣнію не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ, что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за Королевича, но и возвелъ зятя на тронъ Галицкій, оставивъ себѣ одно *Понизье*, или юго-восточную область сего Княженія. Случай безпримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ Бояръ, но въ противность желанію народа, не любившаго Венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе, что сей юный Князь изъявлялъ отмѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. «Льстецы обманули меня,» говорилъ Мстиславъ Боярамъ Даніиловымъ: «но «если угодно Богу, то мы поправимъ сію ошиб-

«ку. Я соберу Половцевъ, а сынъ мой, вашъ «Князь, свою дружину: изгоню Венгровъ, отдамъ «ему Галичь, а самъ останусь въ Понизьѣ.» Онъ не успѣлъ сдѣлать того, занемогъ и нетерпѣливо желалъ видѣть Даніила, чтобы поручить ему свое семейство; но козпями Вельможъ лишенный и сего утѣшенія, преставился въ Торческѣ Схимникомъ, подобно отцу заслуживъ имя *Храбраго* (326), даже Великаго, впрочемъ слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ Бояръ и виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ Моголовъ. Смертію его воспользовался Королевичь Венгерскій, Андрей, немедленно завладѣвъ Понизьемъ, какъ Удѣломъ Галицкимъ: Князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими посредника, возобновили междоусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даніила наслѣдникомъ городовъ своихъ: Пересопницы, Черторижска и Луцка (гдѣ прежде княжилъ Ингварь, братъ Нѣмаго); но Ярославъ, сынъ Ингваревъ, насильственно занялъ Луцкъ, а Князь Пинскій Черторижскъ. Сіе случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даніилъ съ согласія тестя доставилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ, почти одного и безоружнаго; далъ ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: «плѣнимъ его не здѣсь, а въ столицѣ.» Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даніилѣ и получилъ отъ него въ

вую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду; не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе тратили время въ суетныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ Вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою.

Въ тотъ же годъ умеръ и знаменитый Ханъ Капчакскій Узбекъ, памятный въ нашей Исторіи разореніемъ Твери и бѣдствіями Михаилова рода, союзникъ и пріятель Папы Венедикта XII, который надѣялся склонить его къ Христіанству, и коему онъ дозволялъ утверждать Вѣру Латинскую въ странахъ Черноморскихъ, особенно въ землѣ Ясовъ, обращенныхъ Монахомъ Римскимъ Іоною Валентомъ; жена Ханова и сынъ присылали дары Венедикту, и Генуэзцы, жители Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ Пословъ Татарскихъ (334). Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, терпя Христіанъ единственно какъ Политикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Вѣры, открылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ братьевъ, и Князья Россійскіе вмѣстѣ съ Митрополитомъ долженствовали немедленно ѣхать въ Орду, чтобы смиренно пасть предъ окровавленнымъ ея трономъ. Съ честію и милостію отпустивъ Симеона, Ханъ долго держалъ Митропо-

Сношенія Папы съ Ордою

г. 1342.

лита, требуя, чтобы онъ, богатый доходами, серебромъ и золотомъ, ежегодно платилъ церковную дань Татарамъ; но Ѳеогностъ ссылался на льготныя грамоты Хановъ, и Чанибекъ удовольствовался наконецъ шестью стами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо—что достойно замѣчанія — не дерзнулъ самовольно отмѣнить устава своихъ предковъ; а Ѳеогностъ, за его твердость, былъ прославленъ нашимъ Духовенствомъ. Все осталось, какъ было при Узбекѣ; одинъ Князь Пронскій, Ярославъ, сынъ убіеннаго Александра, милостію новаго Хана распространилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Іоаннъ Коротополъ, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, Вельможею Чанибека, Ярославъ осадилъ Іоанна въ столицѣ: сей злодѣй ночью бѣжалъ, однакожь не избавился отъ казни; его умертвили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (335). Къ сожалѣнію, Татары, будучи орудіями справедливой мести, не могли дѣйствовать безкорыстно: они хотѣли добычи, и плѣнили многихъ жителей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ того времени въ Ростиславлѣ (нынѣ селѣ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его — кажется, добровольно — уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Коротопола, Олегу.

Убіеніе Коротопола.

Дѣла Псковскія и Новогородскія

Въ отсутствіе Симеона Псковитяне воевали съ Ливонскими Нѣмцами, которые убили въ Летгалліи Пословъ ихъ. Во Псковѣ начальствовалъ Князь Александръ Всеволодовичь, коего родъ намъ неизвѣстенъ: отмстивъ Нѣмцамъ разореніемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковитяне тщетно убѣждали его возвратиться, представляя ему свою опасность; тщетно молили и Новогородское Правительство дать имъ Намѣстника и войско (336). Такъ говоритъ ихъ собственный Лѣтописецъ, прибавляя, что Нѣмцы заложили крѣпость Нейгаузенъ въ границахъ Россіи на берегу рѣки Пижвы; что Псковитяне, взявъ предмѣстіе Ругодива или Нарвы (города основаннаго Датчанами въ 1223 году), и слыша о сильныхъ вооруженіяхъ Ордена, отправили въ Витебскъ Пословъ, которые сказали Ольгерду: «Братья наши, Новогородцы, въ злобѣ «своей не помогаютъ намъ. Государь! «вступись за утѣсненныхъ.» Но Лѣтописецъ Новогородскій обвиняетъ Псковитянъ въ вѣроломствѣ: они сами, по его извѣстію, выслали Князя Александра Всеволодовича, и встрѣтивъ Новогородцевъ, шедшихъ защитить ихъ отъ Рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась, и что Нѣмцы строятъ крѣпость на своей землѣ. Сіе было въ на-

чалѣ весны: 20 Іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали итти въ Ливонію; но Рыцари, истребивъ ихъ передовый отрядъ, вдругъ осадили Изборскъ, и схвативъ племянника Гедиминова, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего Князя, Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жители, не имѣя ни капли воды, долженствовали бы сдаться, если бы Нѣмцы не отступили отъ города, испуганные, какъ вѣроятно, слухомъ о Литовской силѣ. Хотя Псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ, однакожъ молили Ольгерда снова принять Вѣру Христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ областяхъ, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но какъ сей юный Князь, оставивъ у нихъ Намѣстника, въ слѣдъ за отцемъ уѣхалъ въ Литву, то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: Конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ Архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ (337). Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ

города, на полѣ, даже въ лодкахъ, непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, такъ что Архіепископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другаго рода несчастіе состояло въ дерзости и междоусобіи гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія толпа ихъ удальцевъ опустошила Устюжну и волости Бѣлозерскія, которыя зависѣли отъ Великаго Князя. Еще въ 1294 году одинъ изъ знатныхъ Бояръ Новогородскихъ, построивъ крѣпость близъ границъ Эстонскихъ, хотѣлъ тамъ властвовать независимо: оскорбленное Правительство велѣло срыть оную и сжечь его село. Сей примѣръ должнаго наказанія не могъ обуздать своевольныхъ: сынъ умершаго Посадника Варѳоломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ, и разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умертвили жители какъ разбойника; но чернь Новогородская, преданная ему, думала, что онъ убитъ слугами Посадника Ѳеодора и требовала мести. Граждане раздѣлились на два Вѣча: одно было у Св. Софіи за Луку, другое на Дворѣ Ярослава за Посадника. Архіепископъ и Намѣстникъ Княжескій едва отвратили кровопролитіе.

Однакожь Новогородцы были готовы стоять всѣми силами за Псковитянъ, которые въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшились смѣлѣе воевать Ливонію, предводимые какимъ-то Княземъ Іоанномъ и Евстафіемъ Изборскимъ (338).

Они пять дней не сходили съ коней, опустошая села вокругъ Оденпе. Магистръ Бурхардъ гнался за ними до границы, и съ жаромъ началъ битву, въ коей Россіяне, утомленные и гораздо слабѣйшіе числомъ, купили побѣду кровію нѣкоторыхъ лучшихъ Бояръ своихъ, а Нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ витязей, Іоанна Левенвольда. Между тѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ Священникъ, прибѣжавъ съ мѣста битвы, объявилъ, что Нѣмцы умертвили всѣхъ Россіянъ; но отправленные гонцы Псковскіе нашли рать свою уже подъ стѣнами Изборска, гдѣ Князья и воины отдыхали, среди плѣнниковъ и трофеевъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріятелей внутри собственныхъ владѣній. Историкъ Ливоніи говоритъ, что сія земля могла тогда справедливо назваться «небомъ Дворянъ, раемъ «Духовенства, золотымъ рудникомъ иностранцевъ и адомъ утѣсненныхъ земледѣльцевъ (339)». Въ 1343 году открылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умертвилъ множество Датчанъ и Нѣмцевъ, осадилъ Ревель, взялъ крѣпость Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечь и голодъ истребили большую часть бѣдныхъ жителей, и Король Датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ г. 1343.

Нѣмецкому Ордену всѣ права свои на Эстонію.

Въ Литвѣ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ, Евнутій, княжилъ въ Вильнѣ, Наримантъ въ Пинскѣ, Кестутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ольгердомъ: будучи оба властолюбивы,
г. 1345. они условились соединить раздробленное отечество, и неожидаемо взяли Вильну съ другими городами. Евнутій ушелъ въ Смоленскъ, Наримантъ къ Хану Татарскому (340): Ольгердъ же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими братьями, сдѣлался Владыкою единодержавнымъ. Устроивъ порядокъ внутри Государства, сей Князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что Новогородцы явно поносятъ честь его; сверхъ того изгнанникъ Евнутій прибѣгнулъ къ Великому Князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный Христіанскимъ именемъ Іоанна, и хвалился дружбою Россіянъ. Ольгердъ вступилъ въ область Шелонскую: завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова, и велѣлъ сказать Новогородцамъ:
г. 1346. «вашъ Посадникъ Евстафій осмѣлился все-«народно назвать меня псомъ: обида столь «наглая требуетъ мести; иду на васъ.» Они вооружились, чтобы сразиться съ Литвою. Но Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно

лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву отечеству, и тѣмъ удовольствовать раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ Исторіи Новогородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ уничженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ Россійскихъ, и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ Орденомъ, коего Великій Магистръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Литвою блестящую побѣду, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо жители сихъ городовъ сражались подъ знаменами Ольгерда (341).

Постыдное дѣло Новогородцевъ.

г. 1347.

Гораздо лучше и великодушнѣе поступили Новогородцы въ дѣлахъ съ Швеціею. Король Магнусъ, легкомысленный, надменный, вздумалъ загладить грѣхи своего нескромнаго сластолюбія, услужить Папѣ и прославиться подвигомъ благочестивымъ; собралъ въ Стокгольмѣ Государственный Совѣтъ и предложилъ ему силою обратить Россіянъ въ Латинскую Вѣру, требуя людей и денегъ. Сіе намѣреніе казалось Совѣту достохвальнымъ; но Швеція, исто-

Война съ Магнусомъ.

щенная корыстолюбіемъ Духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или *доходамъ Св. Петра;* презрѣлъ неудовольствіе Епископовъ, и нанялъ многихъ Нѣмецкихъ воиновъ. Въ сіе время славилась тамъ пророчествами и святостію вдовствующая супруга Вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта (342): она, какъ вдохновенная Пиѳія, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но итти на Россію съ одними набожными Шведами и Готами, достойными воевать для успѣховъ истины: въ противномъ случаѣ грозила ему бѣдствіемъ. Король смѣялся надъ ея предсказа-
г. 1348. ніемъ, и съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову Березовому или Біорку, послалъ объявить Новогородцамъ, чтобы они избрали Русскихъ *Философовъ* для пренія со Шведскими о Вѣрѣ, и приняли Латинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевать съ нимъ. Архіепископъ Василій, Посадникъ, всѣ чиновники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: «Ежели Король хочетъ знать, какая «Вѣра лучше, Греческая или Римская, то «можетъ для состязанія отправить людей «ученыхъ къ Патріарху Цареградскому: «ибо мы приняли Законъ отъ Грековъ, и

«не намѣрены входить въ суетные споры. Когда «же Новгородъ чѣмъ нибудь оскорбилъ Шве«довъ, то Магнусъ да объявитъ свои неудоволь«ствія нашимъ Посламъ.» Бояринъ Козма Твердиславичь поѣхалъ для свиданія съ Королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію, желаетъ только обратить Россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началася. Шведы приступили къ Орѣхову, предлагая окрестнымъ жителямъ на выборъ смерть или Папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ Новогородцахъ. Воины стекались къ нимъ изъ областей въ Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще Намѣстникъ сына Гедиминова, Наримапта) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человѣкъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что Россіяне идутъ со всѣхъ сторонъ окружить его флотъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный Король увѣрился въ истинѣ Бригиттина предсказанія, оставилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпости, и возвратился въ отечество съ одинмъ стыдомъ и съ десятью плѣнниками, въ числѣ коихъ были Аврамъ Тысячскій и Козма Твердиславичь, взятые въ Орѣховѣ. Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ, и неволею крестивъ жителей по обрядамъ Римской Церкви; *великодушно* освободилъ ихъ; что они дали ему клятву склонить

всѣхъ своихъ единоземцевъ къ принятію Латинской Вѣры, но *коварно* обманули его, и дѣйствовали послѣ какъ самые злѣйшіе непріятели Шведовъ и Папы (313).

Великій Князь по видимому мало заботился о Новогородцахъ, и только однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ три недѣли, призванный ими чрезъ Архіепископа. Слыша о нападеніи Шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ выступилъ съ войскомъ, но возвратился въ Москву за какимъ-то Ханскимъ дѣломъ, и вмѣсто себя велѣлъ итти въ Новгородъ брату своему Іоанну съ Константиномъ Ростовскимъ (314); а сіи Князья — свѣдавъ, что Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ — немедленно ушли назадъ, *не принявъ*, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *Архіепископскаго благословенія, ни челобитья Новогородскаго.* Вѣроятно, что не робость, но хитрыя намѣренія политическія были тому причиною: Симеонъ хотѣлъ, кажется, довести сей величавый народъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ оныхъ. — «Князь оставляетъ насъ,» говорили Новогородцы: «возложимъ упованіе на Бога и на Святую «Софію.» Вспомогательная дружина Псковская была въ ихъ станѣ подъ Ладогою: они хотѣли доказать свою благодарность за сіе усердіе, и торжественно объявили что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредь

называться *младшимъ братомъ Новагорода.* Псковъ братъ Новагорода.
«Одна любовь и Вѣра да утвердятъ искренній, вѣчный союзъ между нами!» сказали Новогородцы Псковитянамъ: «не будемъ давать вамъ Посадниковъ; не будемъ требовать васъ на судъ къ Св. Софіи; правьте и рядите сами; а для суда Церковнаго Архіепископъ изберетъ Намѣстника изъ вашихъ согражданъ (348).» Такимъ образомъ отчизна Св. Ольги пріобрѣла гражданскую независимость — и, къ сожалѣнію, запятнала себя чернымъ дѣломъ неблагодарности. Когда Новогородцы въ Августѣ мѣсяцѣ приступили къ Орѣхову, и видя упорство Шведовъ, рѣшились зимовать въ станѣ: Псковитяне, не захотѣвъ терпѣть ненастья и холода, объявили, что идутъ обратно въ землю свою, разоряемую Нѣмцами. Ливонскіе Рыцари дѣйствительно, нарушивъ тогда миръ, выжгли села на границѣ въ области Изборской, Островской, и самое предмѣстіе Пскова: слѣдственно обстоятельства извиняли Псковитянъ, и Новогородцы, согласные на ихъ отступленіе, желали единственно, чтобы оно было ночью, и чтобы непріятель не видалъ его; но чиновники Псковскіе, въ досаду великодушнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ стана въ самый полдень, затрубили въ трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадовали Шведовъ, которые, стоя на валу,

громко смѣялись ([346]). Оставленные Великимъ Княземъ и союзниками, Новогородцы не уныли, сдѣлали приметъ къ стѣнамъ г. 1349-1350. крѣпости, взяли оную 24 Февраля, убивъ или плѣнивъ 800 непріятелей, и торжествовали сей успѣхъ какъ славное происшествіе для отечества и Вѣры. Они положили употребить отнятое ими у Шведовъ серебро на украшеніе церкви Бориса и Глѣба, отправили плѣнниковъ въ Москву къ Симеону, и не смотря на худую вѣрность Псковитянъ, сдержали данное имъ слово, считая ихъ съ того времени уже не подданными, а совершенно вольными въ избраніи гражданскихъ Правителей ([347]). — Чтобы озаботить Магнуса съ другой стороны его владѣній, Новогородцы изъ Двинской земли ходили воевать Норвегію; разбили также Шведовъ подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣнниками, съ условіемъ, чтобы область Яскиская, Эгранская и часть Саволакса принадлежали Россіи: Систербекъ остался границею. Договоръ былъ подписанъ Королемъ, Графомъ Генрикомъ Голштейнскимъ, Вельможами Турсономъ, Геннингомъ, Священникомъ Вамундомъ и двумя Готландскими купцами; также Новогородскимъ Посадникомъ Юріемъ, Тысячскимъ Авраамомъ и другими Боярами ([348]). Хотя Король въ 1351 году замышлялъ по-

вую войну противъ Россіянъ, и Папа въ угодность ему дозволилъ его витязямъ ознаменоваться святымъ крестомъ; но внутренніе раздоры и несчастія Швеціи не допустили сего вѣтренаго Монарха вторично безумствовать для мнимаго душевнаго спасенія.

Между тѣмъ Великій Князь былъ занятъ иными дѣлами. Узнавъ, что Ольгердъ, тѣснимый Нѣмцами, прислалъ къ Хану брата своего, Коріяда, требовать помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, что сей коварный язычникъ есть врагъ Россіи подвластной Татарамъ, слѣдственно и самихъ Татаръ; а Ханъ, убѣжденный представленіями Московскихъ Бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими Послами Литовскими (349). Столь беззаконное дѣйствіе могло справедливо раздражить Ольгерда; но, вмѣсто злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе быть его другомъ: ибо тогдашнія обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новыхъ непріятелей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Литвою, отдавшаго Любарту и Кестутію всю западную Волынію съ городомъ Брестомъ: перемѣнивъ мысли, Казимиръ въ 1349 году отнялъ у нихъ сіе владѣніе, изъ милости давъ Любарту одинъ Луцкъ, а нѣкоторыхъ частныхъ Князей Россійскихъ, потомковъ Св. Владиміра, оставивъ господствовать

Хитрость Ольгердова.

въ ихъ Удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ (350). Сіе происшествіе заставило Ольгерда и братьевъ его искать дружбы Симеоновой, тѣмъ естественнѣе, что Король Польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быть гонителемъ Церкви Греческой, тѣснилъ Духовенство въ Волыніи, и православныя церкви обращалъ въ Латинскія. Граждане стенали: утративъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за Вѣру отцевъ, и гнушаясь насиліемъ Папистовъ, славили терпимость Литовскаго Правленія; а гласъ народа единокровнаго громко отзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за Князей Литовскихъ—которые не мѣшали ему повелѣвать Духовенствомъ въ Волыніи — особенно же за Любарта, усерднаго сына нашей Церкви (351). И такъ Великій Князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріяда, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ тѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ: Любартъ
Браки. женился на Ростовской Княжнѣ, племянницѣ Симеона; язычникъ Ольгердъ на его своячинѣ Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе второе бракосочетаніе затрудняло совѣсть Великаго Князя; но Митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Оль-

гердъ рано или поздно будетъ Христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной Вѣрѣ. Изгнанникъ Евнутій, покровительствуемый Россіею, могъ безопасно возвратиться въ отечество: братья дали ему Удѣлъ въ Минской области.

Въ то время, когда Государь Польскій веселился и торжествовалъ свои успѣхи въ Краковѣ, Литовскіе Князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи, и желая еще болѣе усыпить Казимира, обѣщали ему принять Римскую Вѣру, такъ, что Папа, Климентъ VI, уже готовился послать имъ знаки Королевскаго сана ([352]). Но хитрость обнаружилась: увѣренные въ дружбѣ Московскаго Князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей въ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кестутій и Любартъ ударили на Поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи. — Съ сего времени *четыре* народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. *Моголы*, по сказанію Флорентійскаго современнаго Историка ([353]), изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю Браславскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россійскихъ Князей. Людовикъ, Король Венгерскій, его покро-

Раздѣлъ западной Россіи.

витель, старался вытѣснить ихъ оттуда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казимиромъ Великимъ, перешелъ за Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Татарскаго. Однакожь Моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра (354). *Венгрія* хотѣла присвоить себѣ Галицію, и наконецъ долженствовала уступить оную *Польшѣ;* а Князья *Литовскіе* удерживали въ своемъ подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша составили одно Государство.

Ссора Псковитянъ съ Литвою. Не смотря на союзъ Гедиминовыхъ сыновей съ Великимъ Княземъ, Псковитяне сдѣлались непріятелями Литвы. Намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ у нихъ Вельможа Княжескаго рода, именемъ Юрій Витовтовичь, въ 1349 году убитый Нѣмцами, въ нечаянномъ набѣгѣ, подъ стѣнами Изборска (355): мужъ храбрый и благочестивый Христіанинъ, оплаканный народомъ и погребенный въ Соборной церкви. Его кончина прервала связь гражданъ Псковскихъ съ Литвою. Взявъ крѣпость, заложенную Нѣмцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велѣли сказать Князю Андрею: «ты не хотѣлъ самъ управ-«лять нами: мы же не хотимъ теперь ни «твоихъ Намѣстниковъ, ни тебя.» Въ слѣдствіе чего Ольгердъ задержалъ купцевъ

Псковскихъ, отнявъ у нихъ товары; а сынъ его, Андрей, княжившій тогда въ Полоцкѣ, опустошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Но хитрый Ольгердъ пользовался дружбою Симеона. Свѣдавъ, что Великій Князь, недовольный Смоленскимъ Владѣтелемъ, союзникомъ Литвы, намѣренъ объявить ему войну, Ольгердъ желалъ быть ихъ миротворцемъ (356). Послы Литовскіе нашли Симеона, провождаемаго братьями и другими Князьями, въ Вышегородѣ на берегу Протвы, и вручили ему богатые дары вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ отъ своего Государя. Великій Князь уважилъ его ходатайство, но шелъ далѣе къ рѣкѣ Угрѣ: тамъ, встрѣтивъ Пословъ Смоленскихъ, онъ заключилъ миръ и возвратился въ Москву, быть свидѣтелемъ и, какъ вѣроятно, жертвою ужаснаго гнѣва Небеснаго. Ольгердъ миротворецъ. Г. 1352.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при устьѣ Дона, въ Бездежѣ, въ Астрахани и въ Сараѣ (357). Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Черной смерти*, началась въ Китаѣ, истребила тамъ около тринадцати милліоновъ людей, и достигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ, Черная смерть.

равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человѣкъ. Въ Парижѣ отчаянный народъ требовалъ казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; оттуда или изъ Нѣмецкой земли, перешла она во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась железами въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Не льзя, говорятъ Лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый Іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напротивъ того нѣкоторые изъявляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ носили въ церковь; служили Панихиды и съ

усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили оставить міръ и заключались въ монастыряхъ, или отказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ, и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всѣмъ умереть должно.—Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные Псковитяне звали къ себѣ Архіепископа Василія, благословить ихъ и вмѣстѣ съ ними принести жертву моленія Всевышнему: какъ достойный Пастырь Церкви онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность (368). Встрѣченный народомъ со изъявленіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы Святительскія; взялъ крестъ, и провождаемый Духовенствомъ, всѣми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли Божественныя пѣсни; Иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, которое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковитяне, вкусивъ сладость Христіанскаго умиленія, терпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія зараженный язвою, на возвратномъ пути скончался, къ великому сожалѣнію Новогородцевъ и примиренныхъ съ нимъ Псковитянъ. Сей Архіепископъ былъ отмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное уча-

стіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Софійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью Греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго (359), и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ Епископу Тверскому Ѳеодору, Земный рай. доказывая въономъ, что «рай и адъ дѣйствительно существуютъ на землѣ, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ *мысленными* или духовными.» Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія страждущихъ Псковитянъ, осудимъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ, и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники Новогородскіе видѣли оный издали? — Василій первый изъ Архіепископовъ получилъ отъ Митрополита *крещатыя ризы* въ знакъ отличія и *бѣлый клобукъ*, какъ пишутъ, отъ Белый Клобукъ. Патріарха Цареградскаго, донынѣ хранимый въ Новогородской Софійской ризницѣ и прежде носимый въ Греціи тѣми Святителями, которые бывали поставляемы изъ Бѣлаго Духовенства (360).

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 Августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ областяхъ Россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Такимъ образомъ отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и Государства опустѣли. Иностранные Историки сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножался (361): столь чудесна Природа, всегда готовая замѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что *вся Россія* испытала тогда гнѣвъ Небесный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ короткое время скончались тамъ Митрополитъ Θеогностъ, Великій Князь, два сына его и братъ Андрей Іоанновичь (362). Симеонъ имѣлъ не болѣе тридцати-шести лѣтъ отъ рожденія. Сей Государь, хитрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ Орду, чтобы соблюсти тишину въ Государствѣ; пользуясь отмѣнною благосклонностію Хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго Княженія сво-

г. 1353. Кончина Симеонова.

боду не платить дани Моголамъ, и первый, кажется, именовалъ себя Великимъ Княземъ *всея Руси*, какъ то вырѣзано на его печати (363). Видя внезапную смерть предъ собою, онъ постригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе. По кончинѣ первой супруги въ 1345 году, Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смоленскихъ Князей, Ѳеодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ Намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу, будто бы для того, что «она на свадьбѣ была испор«чена и всякую ночь казалась супругу «мертвецомъ (364).» Къ общему неудовольствію и соблазну правовѣрныхъ, Евпраксія вышла за Князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго; а Симеонъ женился въ третій разъ на Княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею четырехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ, и *пятьдесятъ верховыхъ* коней (365). «Кто изъ «Бояръ»— пишетъ Великій Князь— «захо«четъ служить моей Княгинѣ, тотъ, владѣя «нашими селами, обязанъ давать ей поло«вину дохода. Всѣмъ людямъ купленнымъ «или за вину взятымъ мною въ рабство:

Великій Князь всея Руси.

Приключеніе.

Завѣщаніе

«сельскимъ Тіунамъ (прикащикамъ), ста-
«ростамъ, ключникамъ, или женатымъ на
«ихъ дочеряхъ (366), объявляю вѣчную сво-
«боду. — Вамъ, любезные братья» (ибо
Андрей жилъ еще около шести недѣль)
«поручаю супругу и Бояръ моихъ, и при-
«казываю то же, что намъ отецъ приказы-
«валъ: живите согласно, не перемѣняйте
«уставленнаго мною въ дѣлахъ государ-
«ственныхъ или судныхъ; не внимайте
«клеветникамъ и ссорщикамъ; слушайтесь
«добрыхъ, старыхъ Бояръ и нашего Вла-
«дыки *Алексія*.» Сей знаменитый Святи- Св. Алексій.
тель былъ крестникъ Іоанна Даніиловича,
сынъ Черниговскаго Боярина, Өеодора
Бяконта, служившаго еще отцу его, и на-
зывался мірскимъ именемъ Елевөерія (367):
въ самой цвѣтущей юности возненавидѣвъ
свѣтъ, къ огорченію родителей онъ по-
стригся въ Московской Обители Св. Бого-
явленія, за добродѣтель свою получилъ
санъ Митрополитова Намѣстника, и жилъ
въ одномъ домѣ съ Өеогностомъ, 12 лѣтъ
управляя всѣми дѣлами церковными, ме-
жду тѣмъ, какъ Митрополитъ ѣздилъ въ
Царьградъ, въ Орду и въ отдаленныя
Епархіи Россійскія. Сіи путешествія ино-
гда не дѣлали чести Өеогносту: Епископы
обязывались щедро дарить его, сверхъ
угощенія, весьма для нихъ тягостнаго. Но
Алексій не думалъ о раздѣ и съ неутоми-

мою дѣятельностію занимался только общимъ церковнымъ благоустройствомъ. Поставленный Епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и Двора Княжескаго былъ назначенъ заступить мѣсто Ѳеогноста, который, готовясь къ смерти, писалъ о томъ къ Патріарху, а Симеонъ къ Императору, Іоанну Кантакузину. Митрополитъ отправилъ Послами въ Царьградъ Артемія Коробьина и Михаила Грека, Симеонъ Дементія Давидовича и Юрія Воробьина: они возвратились уже по кончинѣ Великаго Князя, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ столицу Имперіи для поставленія. Еще при жизни Ѳеогноста Терновскій Патріархъ самовольно объявилъ Митрополитомъ Россіи какого-то Инока Ѳеодорита, и прислалъ его въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее Духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ Патріархомъ, и единодушно отвергнуло Ѳеодорита, какъ самозванца (368).

Ссоры Удѣльныхъ Князей.

Хотя Симеонъ умѣлъ быть дѣйствительно Главою Князей Удѣльныхъ, однакожь власть его не могла отвратить нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Константинъ Тверскій ссорился съ невѣсткою Анастасіею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея, Всеволодомъ Холмскимъ, насильственно захватывая ихъ

Бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ поѣхалъ съ жалобами къ Великому Князю и въ Орду, въ слѣдъ за дядею, который тамъ и скончался. Ханъ — согласно, можетъ быть, съ волею Симеона — отдалъ Всеволоду Тверское Княженіе, а Василій Михайловичь Кашинскій, братъ Константиновъ, взявъ дань съ Холма, спѣшилъ къ Моголамъ съ богатыми дарами. Дядя и племянникъ встрѣтились въ городѣ Бездежѣ какъ непріятели: вторый ограбилъ перваго, и зная, что никто съ пустыми руками не бываетъ правъ въ Ордѣ, покойно сѣлъ на престолѣ Тверскаго Княженія; но тамошній Епископъ Ѳеодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ того и другаго Князя, будучи зятемъ Всеволода и тестемъ Михаила, сына Василіева; однакожь Василій не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и тѣснилъ его владѣніе (309).

Обновленіе Мурома.

Въ государствованіе Симеона Князь Юрій Ярославичь Муромскій обновилъ *древній* Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ Лѣтописцы: то есть, онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; Бояре, купцы начали се-

литься вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру ([370]). Сей Юрій, по Святомъ Глѣбѣ, есть достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ Князей, о коихъ наша Исторія говоритъ мало: ибо они жили тихо отъ недостатка въ силахъ, и со временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе отъ Великихъ Князей Владимірскихъ, нежели отъ Рязанскихъ, хотя ихъ Удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Начало Троицкой Лавры.

Къ церковнымъ достопамятностямъ сего времени принадлежитъ начало Троицкой Лавры, столь знаменитой и по важнымъ государственнымъ дѣяніямъ, коихъ она была ѳеатромъ. Одинъ изъ Бояръ Ростовскихъ, Кириллъ, съ неудовольствіемъ видя уничиженіе своего Князя и самовольство Московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калитѣ, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, Удѣлъ меньшаго брата Симеонова, Андрея. Тамъ охотно селились люди неизбыточные: ибо Намѣстникъ Княжескій давалъ имъ льготу и выгоды: Кириллъ же, нѣкогда богатый, отъ разныхъ несчастій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Стефанъ и Варѳоломей (названный въ Монашествѣ Сергіемъ) искали убѣжища отъ мірскихъ печалей въ трудахъ святости: первый сдѣлался Игуменомъ Богоявленской Обители въ Москвѣ, а вторый, живъ

долго пустынникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близъ деревянной церкви Св. Троицы, имъ созданной, основалъ нынѣшнюю Лавру: ибо слава о добродѣтели его привлекла къ нему многихъ Иноковъ (371). Строгая набожность и Христіанское смиреніе возвеличили Св. Сергія между современниками: Митрополитъ, Князья, Бояре изъявляли къ нему отмѣнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочестиваго мужа исполнителемъ трудныхъ государственныхъ порученій.

Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о состояніи художествъ въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для Историка. Въ княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ три церкви: Соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый Греческими живописцами Ѳеогноста Митрополита, вторый *Россійскими придворными*, *Захаріею*, *Іосифомъ* и *Николаемъ* съ товарищами, а третій иностранцемъ *Гойтаномъ* (372). Въ сіе же время отличался въ литейномъ искусствѣ Россіянинъ Борисъ: онъ лилъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ для церквей Соборныхъ. Греція все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею, присылая намъ не только Митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили Русскихъ. Образованная Гер-

Художество въ Россіи.

манія могла также способствовать успѣху гражданскихъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи *бумагу*, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе (373). Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ Нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

ГЛАВА XI.

Великій Князь Іоаннъ II Іоанновичь.

Г. 1353—1359.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Всѣ Князья Россійскіе поѣхали въ Орду, узнать, кто будетъ ихъ Главою; а Новогородцы особенно послали туда Боярина своего Судокова, просить Хана, чтобы онъ удостоилъ сей чести Константина Суздальскаго, благоразумнаго и твердаго (574). Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ Іоанна Іоанновича Московскаго, тихаго, миролюбиваго и слабаго. Г. 1353-1355. Характеръ Велик. Князя.

Еще новый Государь не возвратился изъ Орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ Княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Ло-

пасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калитины наслѣдники. Сей предлогъ войны могъ казаться отчасти справедливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ, и плѣнивъ Лопасниискаго Намѣстника Іоаннова, не устыдился мучить его тѣлесно (375); наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и заслуживъ ненависть Москвитянъ, хвалился любовію Рязанцевъ, которые, примѣтивъ въ немъ смѣлость и рѣшительность, въ самомъ дѣлѣ ожидали отъ него геройскихъ подвиговъ.

Жестокость Олегова.

Кроткій Іоаннъ уклонился отъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего Намѣстника, и терпѣливо сносилъ ослушаніе Новогородцевъ, не хотѣвшихъ быть ему подчиненными, до самаго того времени, какъ Суздальскій Князь, Константинъ Васильевичь, ими любимый, скончался (376): тогда, уже не видя достойнаго соперника для Великаго Князя, они приняли Намѣстниковъ Іоанновыхъ; а Чанибекъ утвердилъ Нижній, Городецъ и Суздаль за сыномъ Константиновымъ, Андреемъ: ибо самое ближайшее право наслѣдственное для Владѣтелей Россійскихъ не имѣло силы безъ Ханскаго согласія. Такъ Іоаннъ Ѳеодоровичь Стародубскій по кончинѣ старшаго

брата, Димитрія, ждалъ цѣлый годъ грамоты Чанибековой, безъ коей онъ не могъ назваться Княземъ сего Удѣла.

Время Государей тихихъ рѣдко бываетъ спокойно: ибо мягкосердечіе ихъ имѣетъ видъ слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и мятежниковъ внутреннихъ. Ольгердъ, выдавъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго, брата Андреева, и женивъ племянника, Димитрія Коріядовича, на дочери Великаго Князя, старался, не смотря на то, болѣе и болѣе стѣснять Россію. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ Литовскаго Княженія, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависитъ отъ сильнаго: еще не довольный симъ правомъ, Ольгердъ хотѣлъ совершенно овладѣть ими, и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Іоанна Васильевича, коего отецъ получилъ тогда отъ Хана грамоту на Удѣлъ Брянскій (377). Василій скоро умеръ, и сей несчастный городъ, бывъ долгое время жертвою мятежнаго безначалія, наконецъ (въ 1356 году) поддался Литвѣ. Чтобы открыть себѣ путь къ Тверскому и Московскому Княженію, Ольгердъ, занялъ-было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но Тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опаснымъ намѣреніемъ, спѣшили вооружиться и выгнали оттуда Литовцевъ. Съ другой стороны Ан-

Г. 1354 1359. Властолюбіе Ольгердово.

дрей Ольгердовичь, Князь Полоцкій, все еще злобствовалъ на Псковитянъ, называя ихъ вѣроломными измѣнниками: они также мстили ему за разбой разбоями въ его области, предводимые мужественнымъ Евстафіемъ Изборскимъ.

Междоусобія. Внутри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ страдали отъ междоусобія. Мы упоминали о Князѣ Юріи Ярославичѣ Муромскомъ (378); родственникъ его Θеодоръ Глѣбовичь, собравъ многочисленную толпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юрія, обольстилъ Бояръ и вмѣстѣ съ знатнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искать милости Ханской. Князь Юрій чрезъ недѣлю возвратился въ Муромъ, взялъ остальныхъ Бояръ и также отправился къ Чанибеку. Въ Ордѣ былъ торжественный судъ между ими. Θеодоръ превозмогъ: Ханъ отдалъ ему не только Княженіе, но и самаго Юрія, скоро умершаго въ несчастіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ Князей Муромскихъ заключилась ихъ краткая Исторія; родъ оныхъ исчезъ, и столица, какъ увидимъ, присоединилась къ Великому Княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его, Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, не могла быть прекращена ни Великимъ Княземъ, ни Митрополитомъ Алексіемъ, же-

лавинымъ усовѣстить ихъ въ Владимірѣ, гдѣ они для того съѣзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровительствуемый Іоанномъ, угнеталъ Всеволода, къ огорченію добраго Тверскаго Епископа Ѳеодора, хотѣвшаго даже оставить свою Епархію, чтобы не быть свидѣтелемъ сей несправедливости (379). Дядя требовалъ суда въ Ордѣ, узнавъ, что племянникъ, остановленный на пути Великокняжескими Намѣстниками, проѣхалъ туда черезъ Литву — и Ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода Посламъ Василія, который уже обходился съ нимъ какъ съ невольникомъ, отнималъ имѣніе у Бояръ Холмскихъ и налагалъ тяжкія дани на чернь.

Въ Новѣгородѣ былъ великій мятежъ по случаю смѣны Посадника. Мы видѣли, что и Симеонъ мало входилъ въ дѣла тамошняго внутренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ тѣмъ болѣе самовольствовалъ, не уважая Намѣстниковъ Княжескихъ. Граждане Конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяти знаменитѣйшаго, вопреки общей волѣ отставили Посадника Андреяна; пришли въ доспѣхахъ на Дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умертвили нѣкоторыхъ Бояръ, и выбрали Сильвестра на мѣсто Андреяново (380). Софійская Сторона хотѣ-

Дѣйствіе духовной власти въ Новѣгородѣ.

ла отмстить Славянской: обѣ готовились къ войнѣ. Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не теряла правъ своихъ и могла смягчать сердца ожесточенныя злобою. Владыка Моисей, Схимникъ, прозьбою народа изведенный изъ двадцатилѣтняго уединенія, чтобы вторично править Церковію, и за болѣзнію принужденный возвратиться въ оное; новый Архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ Ключниковъ Софійскихъ; Архимандритъ Юрьевскій, Игумены явились среди шумнаго стана воинскаго: ибо таковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію отечества какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣтьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови братьевъ. Мятежъ утихъ; самые неистовые съ умиленіемъ внимали гласу святаго отшельника, стоявшаго на прагѣ смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновниковъ дѣйствія насильственнаго и беззаконнаго: села честолюбиваго Сильвестра и другихъ Вельможъ Славянскаго Конца были *взяты на щитъ*, то есть, разорены по опредѣленію Вѣча. Пострадали и невинные: ибо осторожная разсмотрительность не свойственна мятежному суду народному. На мѣсто Сильвестра

избрали новаго Посадника, и городъ успокоился.

Въ самой тихой Москвѣ, не знакомой съ бурями гражданскаго своевольства, открылось дерзкое злодѣяніе, и дремлющее Правительство оставило виновниковъ подъ завѣсою тайны. Тысячскій столицы, именемъ Алексій Петровичь, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно Князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ Заутрени найденъ мертвый среди городской площади, со всѣми признаками убіеннаго — кѣмъ? неизвѣстно (381). Говорили явно, что онъ имѣлъ участь Андрея Боголюбскаго, и что ближніе Бояре, подобно Кучковичамъ, умертвили его въ слѣдствіе заговора. Народъ встревожился: угадывали злодѣевъ; именовали ихъ и требовали суда. Въ самое то время нѣкоторые изъ Московскихъ Вельможъ — опасаясь, какъ вѣроятно, торжественнаго обвиненія — уѣхали съ семействами въ Рязань къ Олегу, врагу ихъ Государя, и слабый Іоаннъ, давъ время умолкнуть общему негодованію, снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу. Смертоубійство въ Москвѣ.

Даже и Церковь Россійская въ Іоанново время представляла зрѣлище неустройства и соблазна для Христіанъ вѣрныхъ. Въ годъ Симеоновой кончины Архіепископъ Новогородскій, Моисей, отправилъ Посоль- Дѣла церковныя.

ство къ Греческому Царю и къ Патріарху жаловаться на беззаконное самовластіе Митрополита: вѣроятно, что дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими наши Митрополиты отягчали Духовенство, называя оные учтивымъ именемъ даровъ ([382]). Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились съ дружественными грамотами отъ Императора Іоанна Кантакузина, и Патріарха Филоѳея, украшенными *златою печатію*, какъ сказано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ намъ неизвѣстно; но кажется, что Филоѳей, какъ хитрый Грекъ, отдѣлался только ласковыми словами: ибо не хотѣлъ ссориться съ Россійскими Митрополитами, которые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ Святителю Моисею онъ прислалъ ему *крещатыя ризы* или *Полиставріонъ*.

Сія жалоба Новогородскаго Духовенства на Главу Церкви — вынужденная сребролюбіемъ предмѣстника Алексіева, Ѳеогноста — оскорбляла достоинство Митрополитовъ. Другое происшествіе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патріархъ Филоѳей, вмѣсто одного законнаго Митрополита для Россіи, поставилъ въ Константинополѣ двухъ: Св. Алексія, избраннаго Великимъ Княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, Грека). Сія новость изумила наше Духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою ([383]): Романъ же, обязанный Святительствомъ дѣйствію

корысти, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ, и требовалъ серебра отъ Епископовъ. Св. Алексій — *не искавъ чести*, по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* — вторично отправился въ Константинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ, и Филоѳей, желая примирить совмѣстниковъ, объявилъ его Митрополитомъ Кіевскимъ и Владимірскимъ, а Романа Литовскимъ и Волынскимъ. Не смотря на то, сей послѣдній безъ дозволенія Алексіева жилъ нѣсколько времени въ Твери, и вмѣшивался въ дѣла Епархіи, призванный, кажется, Всеволодомъ Холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360 году) Князя Василія Михайловича отдать племянникамъ третію часть Тверскаго Княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при Дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону Епископа Ѳеодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая въ тяжкой болѣзни, требовала его помощи. Ханъ писалъ къ Великому Князю: «мы слышали, что Небо ни «въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго «*Попа* вашего: да испроситъ же онъ здра- Добродѣтели Св. Алексія.

«віе моей супругѣ ([384])!» Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога, и не обманулся: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время Ханскій Посолъ Кошакъ обременялъ Россійскихъ Князей беззаконными налогами: милость Царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибекъ — какъ называютъ его наши Лѣтописцы — жилъ не долго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго Калифа, Гарунъ-Алрашида, Зебеидою) и навьючивъ 400 вельблюдовъ взятыми въ добычу драгоцѣнностями, сей Ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ Вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ столь ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ Вельможу Иткара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: Св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра; снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для Государства и Церкви. Великій Князь, его семейство, Бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго Митрополита какъ утѣшителя Небеснаго, и — что было всего трогательнѣе — осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ разцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви

къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ необыкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: «о Владыко! ты даровалъ «намъ *житіе мирное*: чѣмъ изъявимъ тебѣ «свою признательность?» Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодѣяніямъ государственнымъ! — Успокоивъ Россію, Митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія стараясь обновить церковное устройство и велелѣпіе храмовъ. Слова юнаго Димитрія.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро Царевичь Татарскій, Мамать-Хожа, пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему, что время утвердить законный рубежъ между Княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то есть, корыстолюбивый Царевичь, уже славный злодѣяніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій Князь, ссылаясь на грамоты Ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впуститъ Посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго Ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ симъ Вельможею, который скоро долженствовалъ

возвратиться въ Орду, и заплатилъ тамъ жизнію за убіеніе какого-то любимца Царева ([385]).

г. 1359, Ноября 13. Смерть и завѣщаніе Велик. Князя. Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался Монахомъ на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ имя *Кроткаго*, не всегда достохвальное для Государей, если оно не соединено съ иными правами на общее уваженіе. — Подобно отцу и брату, онъ написалъ духовную, въ коей приказываетъ Москву двумъ юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая треть ея доходовъ шестилѣтнему племяннику, Владиміру Андреевичу, и веля имъ вообще блюсти, судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ или *численыхъ* людей; отдаетъ супругѣ Александрѣ разныя волости и часть Московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и Коломну съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; утверждаетъ за Владиміромъ Андреевичемъ Удѣлъ отца его, за вдовствующею Княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волости, съ тѣмъ, чтобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья Великаго Князя и Владиміръ Андреевичь, а послѣ Маріи одинъ Димитрій ([386]). Изъ драгоцѣнностей оставляетъ Димитрію икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную сергу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые: Іоанну также

саблю и шишакъ, жемчужную сергу, стаканъ Цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу; отказываетъ, вмѣсто *руги*, нѣкоторую долю Княжескихъ прибытковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даетъ волю Казначеямъ своимъ, сельскимъ Тіунамъ, Дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ, и проч.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ временъ, связаннымъ съ нашею Исторіею, было происхожденіе нынѣшней Молдавской области, гдѣ въ теченіе семи вѣковъ, отъ третьяго до десятаго, толпились полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и стремясь грабить Имперію Греческую. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Несторъ говоритъ, что Славяне Россійскіе, Лутичи и Тиверцы, издавна жили по Днѣстру до самаго моря и Дуная, имѣя селенія и *города*. Князья Галицкіе во XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали тогда, подъ именемъ Волоховъ, остатки древнихъ Геговъ, смѣшенныхъ съ Римскими поселенцами перваго столѣтія, также нѣкоторые Печенѣги и Половцы. Замѣтимъ еще, что въ Россійской Географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серетъ, Хотинъ, въ числѣ *нашихъ старинныхъ* городовъ (387). Паденіе Галиц-

каго Княженія оставило Молдавію въ жертву Татарамъ, и сія земля, граждански образованная Россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же Моголы, устрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около половины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ (388), живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ Графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ *Россіянъ* и поселились между ими на рѣкѣ *Молдавѣ;* сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости столь размножились, что вытѣснили хозяевъ, и возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую Державу, названную *Молдавіею*, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ Воеводъ, и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣтельствуютъ подлинныя грамоты Молдавскихъ Господарей (389). Такимъ же образомъ произошло и Княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрить преданію, во XII или въ XIII столѣтіи вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоземцами, Волохами, основалъ Терговисто, Бухарестъ, и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе, избираемые народомъ Воеводы, которые зави-

сѣли иногда отъ сильныхъ Государей Венгерскихъ (390).

ГЛАВА XII.

Великій Князь Димитрій Константиновичь.

Г. 1359—1362.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій.

Въ одно время съ Великимъ Княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и Ханъ Бердибекъ, бывъ жертвою своего гнуснаго распутства, и Кульпа, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей Христіанской Вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, Римскими Миссіонаріями или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ (391). Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для Христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ, и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-Хана. Князья Россіи явились въ Ордѣ съ дарами, и новый

Г. 1359.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры.

г. 1360-1361. Царь далъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, не захотѣлъ сей чести (392). Современники удивлялись такой несправедливости, разсуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду Князей Московскихъ: мнѣніе основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола Россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

Наслѣдственное право.

22 Іюня. Избранный Ханомъ Великій Князь въѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію жителей обѣщая снова возвысить достоинство сей надшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и митрополита; но Алексій, благословивъ его на Княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ Святителя Петра, и жить близъ его чудотворнаго гроба (393). — Новгородъ, не любя и боясь самовластія Князей Московскихъ, охотно принялъ Намѣстниковъ Димитрія Константиновича; а Димитрій, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на всѣ предложенныя

ему тамъ условія (394). — Въ сіе время Новогородцы не имѣли войны, однакожь старались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну Софійскую, собранную Архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменныя городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и Святая Софія нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и Шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ. По кончинѣ Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына, Князя Святослава, и безпокоилъ Тверскую область (395). Россія, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобіе Моголовъ, въ то же время опасалась быть жертвою Литовскаго завоевателя.

Пріобрѣтенія Ольгердовы.

Царство Капчакское явно клонилось къ паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнуряли его внутреннія силы. Одинъ изъ Полководцевъ, именемъ Хидырь, кочевавъ за рѣкою Ураломъ, пришелъ на берега Волги, обольстилъ Вельможъ Ординскихъ, убилъ Навруса, Царицу Тайдулу, и сдѣлался Великимъ Ханомъ (396). Еще Князья наши

Мятежъ въ Ордѣ.

рабски повиновалась симъ хищникамъ: Константинъ Ростовскій выходилъ въ Ордѣ грамоту на всю наслѣдственную область свою, а Димитрій Іоанновичь, внукъ Давида Галицкаго, на *Галичь*, хотя сей Удѣлъ былъ купленъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою. Великій Князь, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій долженствовали предъ Ханскимъ Посломъ

Судъ Князей съ Болгарами. судиться въ Костромѣ съ Болгарами, ограбленными шайкою нашихъ разбойниковъ: Князья, отыскавъ виновныхъ, выдали ихъ

г. 1361. и сами поѣхали въ Орду съ даніею. Но Хидырь уже плавалъ въ крови своей, убіенный сыномъ Темирхожею. Сей злодѣй царствовалъ спокойно только шесть дней; въ седьмый открылся бунтъ: Темникъ Мамай, сильный и грозный, возмутилъ Орду, умертвилъ Темирхожу, перешелъ съ луговой на правую сторону Волги и назвалъ Ханомъ какого-то Авдула. Явились и другіе Цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ Чанибековъ, хотѣлъ заступить мѣсто отца, но скоро погибъ; многіе Вельможи заключились въ Сараѣ съ Ханомъ Мурутомъ, братомъ Хидыревымъ; Князь Булактемиръ овладѣлъ землею Болгарскою, а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ нынѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались между собою въ ужасномъ остервененіи; тысячи падали въ битвахъ или гибли въ степяхъ отъ голо-

да. — Князья наши не знали, кто останется повелителемъ или тираномъ Россіи, и спѣшили удалиться отъ ѳеатра убійствъ; нѣкоторые были ограблены въ столицѣ Ханской, другіе на возвратномъ пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрій Іоанновичь Московскій также находился въ Ордѣ, но успѣлъ выѣхать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая Княгиня Александра, Митрополитъ Алексій и вѣрные Бояре пеклися о благѣ отечества и Государя: дѣйствуя по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ объявилъ себя тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго въ достоинствѣ Великокняжескомъ, и звалъ его на Ханскій г. 1362. судъ, чтобы рѣшить дѣло безъ кровопролитія. Царство Капчакское уже раздѣлилось; но кто господствовалъ въ Сараѣ, тотъ казался еще законнымъ Ханомъ Орды, и Бояре Московскіе вмѣстѣ съ Суздальскими отправились къ Муруту. Вѣроятно, что сія честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, тѣснимый свирѣпымъ Мамаемъ, и будучи на тронѣ Батыевомъ только призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными Державами? Однакожь, представляя лице древнихъ Хановъ, Муруть судилъ Пословъ, и призналъ малолѣтнаго Димитрія Іоанновича Главою Князей Россійскихъ, для того,

Москва удерживаетъ право Великаго Княженія.

какъ вѣроятно, что соединяя знаменитую Московскую Державу съ областями Великаго Княженія, надѣялся воспользоваться его силами для утвержденія собственнаго престола.

Но какъ сей Ханъ могъ послать только грамоту, а не войско въ Россію, то Князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хотѣлъ выѣхать ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля Залѣсскаго. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Всѣ Бояре Московскіе, одушевленные ревностію, сѣли на коней, и выступили подъ начальствомъ трехъ юныхъ Князей, Димитрія Іоанновича, меньшаго брата его и Владиміра Андреевича (397). Бывшій Великій Князь не ожидалъ того: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажить меча, и бѣжалъ въ Суздаль; а Димитрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами сѣлъ на тронъ Андрея Боголюбскаго въ Владимірѣ, жилъ тамъ нѣсколько дней, и возвратясь въ Москву, распустилъ войско: ибо не думалъ гнать своего предмѣстника, оставивъ его спокойно княжить въ Удѣлѣ наслѣдственномъ.

Отрокъ Димитрій. Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцати-лѣтняго отрока взяла кормило Государства раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія: Іоаннъ Іоан-

новичь и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, съ тою смѣлою рѣшительностію, коими не многіе Государи славятся въ Исторіи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе не даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго Князя и величіе Россіи.

КОНЕЦЪ IV ТОМА.

[illegible] [illegible] на дѣло [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Вели- [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Исторія. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Государство [illegible] [illegible] [illegible] погибнуть, если бы Провидѣніе [illegible] Дмитрію [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] Кіева и [illegible] Россія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ IV.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Г. 1238—1247.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧЬ И АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

(Одинъ послѣ другаго.)

Г. 1247—1263.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1263—1272.

2007041103